

Р. С. Немов

**ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ.
Том II.
Книга 4. Речь. Психические
СОСТОЯНИЯ**

УЧЕБНИК И ПРАКТИКУМ ДЛЯ СПО

6-е издание, переработанное и дополненное

Рекомендовано Учебно-методическим отделом среднего профессионального образования в качестве учебника и практикума для студентов образовательных учреждений среднего профессионального образования

**Книга доступна в электронной библиотечной системе
biblio-online.ru**

Москва ■ Юрайт ■ 2019

УДК 159.9(075.32)

ББК 88я723

H50

Автор:

Немов Роберт Семенович — профессор, доктор психологических наук, профессор кафедры общей и практической психологии Института психологии, социологии и социальных отношений Московского городского педагогического университета, действительный член Академии педагогических и социальных наук.

Немов, Р. С.

H50

Общая психология в 3 т. Том II. В 4 кн. Книга 4. Речь. Психические состояния : учебник и практикум для СПО / Р. С. Немов. — 6-е изд., пер. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2019. — 243 с. — (Серия : Профессиональное образование).

ISBN 978-5-534-10270-3 (кн. 4)

ISBN 978-5-534-10266-6 (т. II)

ISBN 978-5-534-10263-5

Содержание данного тома учебника соответствует первой части фундаментального курса общей психологии, изучаемого студентами средних учебных заведений — будущими профессиональными психологами. Он содержит в большом и достаточном для получения высшего психологического образования объеме традиционные и современные сведения, касающиеся всех без исключения познавательных процессов. В нем нашли отражение знания, взятые из основных работ классиков отечественной и зарубежной, в том числе когнитивной, психологии. Кроме того, в этом томе впервые представлены и с разных сторон обсуждены сведения о многих психических состояниях, как нормальных, так и аномальных, включая установки. Как и предыдущий, данный том содержит детально описанный учебно-методический аппарат, обширные словари терминов и аннотированные списки современной дополнительной литературы по всем темам курса.

Соответствует актуальным требованиям Федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования и профессиональным требованиям.

Для студентов и преподавателей психологических факультетов.

УДК 159.9(075.32)

ББК 88я723

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав. Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая компания «Дельфи».

ISBN 978-5-534-10270-3 (кн. 4)

ISBN 978-5-534-10266-6 (т. II)

ISBN 978-5-534-10263-5

© Немов Р. С., 2011

© ООО «Издательство Юрайт», 2019

Оглавление

Вводные замечания ко второму тому.....	5
--	---

Раздел 3. Процессы вторичной обработки информации

Глава 7. Речь.....	11
Краткое содержание главы.....	11
7.1. Предмет психологии речи. Соотношение языка и речи.....	14
7.2. Виды и функции речи	29
7.3. Значение и смысл речевых высказываний.....	39
7.4. Теории происхождения речи.....	47
7.5. Структура, порождение и восприятие речевого высказывания.....	51
7.6. Формирование и развитие речи	73
7.7. Речь как средство общения и инструмент мышления.....	88
7.8. Связь речи с другими познавательными процессами	97
7.9. Речь и личность человека.....	114
<i>Контрольные вопросы</i>	121
<i>Темы контрольных работ и рефератов</i>	126
<i>Темы для курсовых и дипломных работ</i>	127
<i>Словарь терминов</i>	128
<i>Литература</i>	148

Раздел 4. Психические состояния

Глава 8. Обычные и необычные психические состояния.....	153
Краткое содержание главы.....	153
8.1. Общая характеристика и классификация психических состояний.....	154
8.2. Типичные (обычные) состояния психики	171
8.3. Необычные (измененные) состояния психики.....	186
<i>Контрольные вопросы</i>	196
<i>Темы контрольных работ и рефератов</i>	198
<i>Темы для курсовых и дипломных работ</i>	198
<i>Словарь терминов</i>	199
<i>Литература</i>	208
Глава 9. Установка	210
Краткое содержание главы.....	210
9.1. Понятие об установке.....	211
9.2. Виды и свойства установок.....	221
9.3. Установка и деятельность.....	227
9.4. Влияние установок на психику и поведение	234

<i>Контрольные вопросы</i>	237
<i>Темы контрольных работ и рефератов</i>	239
<i>Темы для курсовых и дипломных работ</i>	239
<i>Словарь терминов</i>	240
<i>Литература</i>	243

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ КО ВТОРОМУ ТОМУ

В этом введении, дополняющем предисловия первого и второго томов, а также введение первого тома учебника, автору хотелось еще раз обратить внимание преподавателей и студентов на некоторые моменты, учет которых позволит им с максимальной пользой работать над текстом учебника.

Несмотря на то что в нем основной материал отделен от второстепенного материала шрифтом и абзацным отступом (основной материал набран обычным шрифтом, а второстепенный — меньшим по размеру), студентам и преподавателям рекомендуется не пропускать второстепенный материал при первом чтении учебника, т.е. читать все подряд. Так называемый второстепенный материал на самом деле таковым не является, он расширяет и углубляет знания основного материала и второстепенным называется лишь потому (правильнее было бы называть его дополнительным), что студентам данный материал не обязательно запоминать и воспроизводить на экзаменах или зачетах.

Та же рекомендация относится к подстрочным ссылкам и к приложенному к каждой главе обширному словарю терминов. Эти словари заведомо и сознательно составлены «с избытком», т.е. включают определения не только основных терминов, встречающихся в тексте учебника (иногда в словарях они повторяются, если представляют собой наиболее важные понятия курса), но и многих других терминов и понятий, которые в основном тексте учебника не обсуждаются. Словари терминов содержат, как уже было сказано в предисловии к первому тому учебника, дополнительные знания. В связи с этим читателю рекомендуется после знакомства с содержанием каждой главы обязательно ознакомиться с содержанием приложенного к ней словаря терминов.

Автор отдает себе отчет в том, что в списки дополнительной литературы к каждой главе не вошла значительная часть опубликованной на русском языке классической и новейшей литературы, заслуживающей внимания в связи с изучением той или иной темы курса. Этот дефицит, как надеется автор учебника, будет далее восполнен квалифицированными преподавателями — лекторами курса общей психологии и организаторами семинаров, а также руководителями курсовых и дипломных работ студентов.

Стоит кратко остановиться на еще одном соображении автора учебника, касающемся методики преподавания курса общей психологии в вузах, где готовят специалистов-психологов. Есть, как известно, два пути изучения данной научной дисциплины в специализированных высших учебных заведениях: по учебникам и по монографиям. Автор учебника, обучаясь в свое время на факультете психологии Московского государственного университета, изучал курс общей психологии по монографиям, а не по учебникам (их студентам почему-то не рекомендовали, наверное, по причине того, что в то время хороших учебников по общей психологии не было, а известный и в целом неплохой для того времени учебник С. Л. Рубинштейна был почему-то не в почете). Практика изучения общей психологии по моногра-

фиям до сих пор существует и действует в крупных университетах страны. Она, безусловно, имеет преимущества, которые заключаются в получении научных знаний по первоисточникам, в выработке у студентов с первых курсов привычки и умения работать с научной литературой.

Несмотря на то что со времени моего обучения в МГУ прошло уже много десятков лет, я до сих пор не могу избавиться от неприятного чувства, что в результате изучения курса общей психологии в университете я и мои товарищи многого недополучили. Курс общей психологии, который нам преподавался, читал один преподаватель, но тем не менее курс был фрагментарным, не давал полного представления о современной общей психологии. В настоящее время принята «блочная» практика чтения данного курса, которая заключается в том, что его читают несколько преподавателей — «специалистов» по отдельным темам общей психологии. С точки зрения содержания и объема информации, получаемой студентами, это, конечно, намного лучше, чем чтение курса единственным преподавателем. Однако такое чтение курса не решает проблемы получения студентами **полных и систематизированных знаний** по общей психологии, так как каждый преподаватель составляет и читает свою часть курса, причем делает это по-своему, не особенно заботясь о том, чтобы его содержание и методика преподавания были согласованными с содержанием и методикой преподавания других разделов курса иными преподавателями.

Такой курс, обеспечиваемый многими преподавателями, напоминает, пользуясь словами моего учителя А. Н. Леонтьева, книгу, содержащую разные тексты, объединенные только переплетом, или фрагменты тканей, механически сшитых и включенных в единое лоскутное одеяло. Такая организация преподавания не намного улучшает качество освоения студентами общепсихологических знаний, особенно если курс читается без опоры на базовый учебник.

Автор данного учебника убежден в том, что и для университетов должны существовать **альтернативные учебники по основным курсам**, в том числе по общей психологии. Монополия на учебники, существовавшая у нас в стране при советской власти, в свое время резко понизила качество преподавания психологических дисциплин. Понемногу она, к сожалению, в последние годы начинает восстанавливаться за счет централизации учебно-методических объединений, которые выдают лицензии на учебники.

Однако только учебниками в изучении общей психологии ограничиваться нельзя. Учебник, кроме того, должен быть именно учебником, а не серией хрестоматий по основным разделам курса общей психологии (таких хрестоматий было издано за последние годы немало). К сожалению, и некоторые из новых учебников по общей психологии напоминают содержанием хрестоматии или научные монографии. Учебник — и это для него главное — должен включать в себя хорошо продуманный методический аппарат, обеспечивающий глубокое усвоение и проверку получаемых студентами знаний, а не только сообщение им определенной совокупности современных научных знаний.

Памятуя о своем личном опыте изучения общей психологии на факультете психологии Московского государственного университета, обобщая многолетний опыт написания учебников и преподавания общей психологии в разных вузах России, автор учебника рекомендует преподавателям и студентам следующую методику изучения курса общей психологии.

1. Вначале необходимо предоставить студентам систематические знания по общей психологии в форме лекций, работая преимущественно с текстами

учебников (можно использовать не только данный учебник, но и многие другие неплохие учебники по общей психологии, написанные в последние годы разными авторами, выбирая из них лучшие материалы).

2. При прохождении отдельных тем учебного курса можно рекомендовать студентам дополнительную литературу по обсуждаемым вопросам. Этой литературой можно воспользоваться при изучении общей психологии во время семинарских, практических занятий, а также при подготовке и написании контрольных работ, рефератов, курсовых и дипломных работ.

Не рекомендуется, однако, поручать студентам первых курсов самостоятельно искать и находить нужную литературу или предлагать им читать целые книги. Для этого у студентов начальных курсов нет ни нужных умений, ни достаточного времени. Преподаватель, рекомендуя студентам дополнительную литературу, должен указывать по мере возможности разделы (главы, параграфы и т.д.), с которыми студентам необходимо ознакомиться в первую очередь. Желательно предлагать студентам дополнительную литературу в частично аннотированном виде — так, как это сделано в данном учебнике в списках литературы, приложенных к каждой главе¹.

3. Когда преподаватель убедится в том, что студент научился правильно понимать, реферировать научную литературу и критически оценивать ее содержание, когда у студента появится свободное время на самостоятельный поиск научной литературы и нахождение в ней нужного материала, преподаватель может ограничиться только постановкой перед студентом соответствующей задачи.

Скажем несколько слов о том, как лучше воспользоваться методическим аппаратом, включенным в учебник.

В начале каждой главы дается краткое изложение ее содержания. Оно, во-первых, позволяет преподавателю и студенту заранее ознакомиться с содержанием главы и каждого ее параграфа. Во-вторых, преподаватели и студенты, ориентируясь на краткие содержания глав, руководствуясь ими как развернутым планом лекции, могут последовательно излагать (преподаватели) и осваивать (студенты) ее содержание.

В конце каждого параграфа имеются краткие резюме. Они как бы подводят итог тому, что обсуждалось в соответствующем параграфе, обращая внимание читателя на главное. Резюме преимущественно предназначены для студентов, а преподавателям во время лекций не стоит на них останавливаться.

В конце каждой главы учебника имеются, кроме того, детально сформулированные контрольные вопросы. Если студент, самостоятельно оценивая с их помощью усвоение материала, даст правильные ответы — значит, он хорошо освоил материал. Преподавателю не стоит на зачетах и экзаменах задавать студентам столь много вопросов и в такой детализированной форме. Составляя вопросы к зачету или билеты к экзаменам, преподаватель может воспользоваться этими вопросами, но представить их обобщенно, в меньшем количестве.

Список тем для рефератов, курсовых и дипломных работ, имеющийся в конце каждой главы, составлен по-иному. Он сам по себе является доста-

¹ Что касается самостоятельного поиска литературы и нахождения в ней нужного материала, то с этой задачей, по мнению автора, могут успешно справляться только студенты старших курсов, например, при написании ими курсовых или дипломных работ, а также магистранты и аспиранты. Не вполне правильно решение этой сложной задачи возлагать на плечи неопытных и чрезвычайно загруженных студентов первых трех курсов вуза (именно в это время они по учебному плану изучают общую психологию).

точно полным, и предлагаемые в нем названия рефератов, курсовых и дипломных работ не стоит изменять, делая их, например, более конкретными. Это, однако, только примерный список, и каждый преподаватель вправе по своему, как считает нужным, его содержательно изменять.

Автор учебника будет весьма благодарен преподавателям и студентам, если после публикации учебника и его использования они сочтут возможным поделиться своими соображениями о том, как его следует в будущем изменить или улучшить.

Раздел 3

Процессы вторичной обработки информации

Глава 7

РЕЧЬ

Краткое содержание главы

Предмет психологии речи. Соотношение языка и речи. Сложность решения вопроса о том, к какой науке относятся исследования речи. Лингвистика (языкознание) как главная наука, изучающая речь человека. Определение и виды языков. Естественные языки, их особенности и история возникновения. Искусственные языки. Связь и взаимопроникновение естественных и искусственных языков. Живые и мертвые языки. Трудности, связанные с точным определением речи как психологического явления. Недостаточность для психологии тех дефиниций речи, которые имеются в лингвистике и других науках. Необходимость психологического определения речи. Развернутое определение речи с позиций психологии.

Общее и различное в понимании языка и речи в лингвистике и психологии. Отличия речи от языка. Необходимость совместных исследований речи лингвистами и психологами. Сильное и слабое определения речевой способности в лингвистике, решение в связи с этим вопроса о соотношении лингвистических и психологических знаний о речи. Предмет исследования речи в лингвистике и психологии. Психолингвистика как наука, пограничная между психологией и лингвистикой. Основные вопросы, которые ставятся и решаются в психолингвистике. Зоопсихология и психолингвистика.

Научное решение вопроса о соотношении языка и речи человека и животных. Проблема происхождения и развития языков и видов речи. Трудность однозначного решения данной проблемы. Неудачи попыток обучения животных человеческой устной или письменной речи. Научное объяснение этих неудач.

Виды и функции речи. Множество видов речи и их классификации в лингвистике и психологии. Устная и письменная, внешняя и внутренняя, диалогическая и монологическая, вербальная и невербальная разновидности речи. Особенности каждого из этих видов речи. Эгоцентрическая речь как промежуточная форма между внешней и внутренней речью. Дискуссия между Л. С. Выготским и Ж. Пиаже относительно природы и судьбы эгоцентрической речи.

Язык жестов, его природа и практическое использование людьми. Классификация видов речи по Ф. Кайнцу. Типология видов речи по А. А. Леонтьеву. Лингвистические и паралингвистические особенности речи человека. Филогенетически ранние формы человеческой речи. Язык телодвижений как разновидность речи. Появление звуковой (вербальной) и письменной речи. Связь различных видов речи с решением человеком разнообразных задач. Основные функции речи и их реализация у современного человека. Спец-

ифика коммуникативной, интеллектуальной, мотивационно-регулирующей, психодиагностической и психотерапевтической функций речи. Познавательная и интеграционная функции речи.

Значение и смысл речевых высказываний. Многозначность понятий «значение слова» и «смысл слова» в логике и лингвистике. Необходимость ориентации на психологию в поиске точного научного определения этих терминов. Дефиниция значения слова. Невозможность для любого человека знать все значения всех без исключения слов того или иного языка. Понятие и значение слова: общее и различное между ними. Лексическое, грамматическое и референциальное значения слова. Смысл слова. Разница между значением и смыслом слова. Необходимость понимания значений и смыслов слов для полноценного общения людей. Устная речь как наиболее подходящая форма речи для передачи смыслов слов.

Восприятие и оценка человеком значений слов. Определительная теория значений и теория прототипов. Структурный подход к представлению значения слова. Определение значения слова как процесса. Классический подход к пониманию значения слова (соотношение знака и значения). Необходимость поиска психологического решения вопроса об определении значений слов. Теория определения значений Дж. Мортона. Понятие логогена и его связь со значением слова.

Теории происхождения речи. Значение вопроса о происхождении речи для решения других вопросов психологии речи. Два подхода к данному вопросу и их возможные последствия. Лингвистический и психологический аспекты в решении вопроса о происхождении речи. Естественная и искусственная теории происхождения речи. Проблема происхождения языка и речи в трудах В. фон Гумбольдта. Звукоподражательная теория происхождения языка и речи Х. Штейнтала. Дуалистическая теория возникновения языка и речи В. Вундта. Трудовая теория происхождения языка и речи Л. Нуаре. Постановка и решение проблемы о происхождении языка и речи в трудах ученых XX столетия.

Структура, порождение и восприятие речевого высказывания. Основные лингвистические понятия, посредством которых описывается структура слова и речевого высказывания. Определения таких терминов, как текст, дискурс, высказывание, фраза, предложение, слово (лексема), фонема, графема, морфема, корень, аффикс, грамматика, синтаксис, фонетика, семантика, семиотика, морфология, орфография, орфоэпия, пиктография, паралингвистика, субъект, предикат, контекст, парадигма, синтагма, активный словарь, пассивный словарь, артикуляция, агглютинация, номинация, коннотация, омонимия, полисемия, метафора, парафраза, речевые штампы, речевой этикет, языковая (речевая) компетентность. Достаточность словаря (тезауруса) среднего взрослого человека для составления огромного количества фраз и предложений, обеспечивающих разнообразные речевые и другие потребности. Общая структура предложения (речевого высказывания). Многоуровневая динамическая организация речевой деятельности человека. Психолингвистическая модель порождения речевого высказывания А. А. Леонтьева и Т. В. Рябовой. Модель — схема работы речевого механизма по Т. Н. Ушаковой. Программа речевого высказывания и его грамматическая модель. Моторное программирование и производство высказывания. Отличие процессов программирования и порождения речевых высказываний у детей и взрослых людей.

Восприятие человеком письменной речи. Необходимость знания людей, их психологических особенностей и условий жизни для правильного вос-

приятия и понимания касающихся их устных и письменных текстов. Модели восприятия и понимания текстов в когнитивной психологии. Модель понимания текста по У. Кинчу. Порождение и восприятие речевых высказываний по Н. Хомскому. Трансформационная и порождающая грамматики Н. Хомского. Комбинированная модель восприятия речевых высказываний, основанная на идеях Н. Хомского и достижениях современной когнитивной психологии. Недостатки модели Н. Хомского. Вклад Дж. Миллера в теорию порождающих грамматик Н. Хомского. Критика теории Н. Хомского — Дж. Миллера.

Формирование и развитие речи. Ключевое значение вопроса о наличии у человека задатков к освоению устной и письменной речи. Два ответа на данный вопрос, представленные в двух теориях происхождения речи: социальной (теория научения) и натуральной (врожденная теория). Основные положения теории научения применительно к освоению речи. Критика данной теории. Суть натуральной теории освоения языка и формирования речи. Процесс освоения языка и развития речи в соответствии с данной теорией. Замечания к натуральной теории происхождения речи. Контролирование взрослыми людьми речи детей в ранние годы речевого развития. Когнитивная теория происхождения и развития речи человека. Взаимная дополняемость (непротиворечивость) различных теорий формирования и развития речи.

Сложность решения вопроса о наличии или отсутствии у человека врожденных, генотипически определенных задатков к формированию и развитию речи. Факты за и против гипотезы о существовании врожденных задатков к освоению речи. Различия в скорости и качестве усвоения людьми родного и неродного языков. Научное объяснение соответствующих фактов. Разница в условиях овладения человеком родным и неродным языками. Влияние знания одних языков на овладение другими языками. Воздействие процесса формирования речи на другие стороны психического развития человека. Формирование речи как репродуктивный и продуктивный процессы. Аргументы за и против того, что ребенок осваивает язык и речь через подражание. Точка зрения, согласно которой ребенок создает, творит язык и речь для себя. Доказательство детского речетворчества в фактах, связанных с процессом развития речи у детей. Условия, обеспечивающие нормальное формирование и развитие речи человека.

Речь как средство общения и инструмент мышления. Первичность речи как средства общения и факты, свидетельствующие об этом. Наличие у животных высокоразвитых языков и соответствующих им видов речи. Попытки обучения животных человеческой устной и письменной речи, их неудачи. Причины, объясняющие эти неудачи. Опыты по обучению человекообразных обезьян жестовому языку. Критическая оценка результатов данных опытов. Речь как инструмент мышления. Примеры, свидетельствующие об участии речи в процессах мышления. Взаимное влияние друг на друга мышления и речи. Гипотеза Е. Сепира — Б. Уорфа, ее сильный и слабый варианты. Предположение Е. Уорфа о связи языка и речи. Объединение этих двух гипотез в одну. Аргументы за и против объединенной гипотезы Сепира — Уорфа. Действительный характер взаимосвязи между речью и мышлением человека. Относительная независимость мышления от речи.

Связь речи с другими познавательными процессами. Приобретенный характер соотношения речи с другими познавательными процессами человека. Историческое (филогенетическое) и индивидуально-психологическое (онтогенетическое) происхождение связи речи и познавательных процес-

сов. Включение речи в ощущения и восприятие человека. Речь и психологическая регуляция внимания. Соединение внимания с речью. Память и ее речевые аспекты. Влияние речи на память человека. Трансформационная грамматика Н. Хомского и объяснение, исходя из нее, закономерностей запоминания слов и предложений. Речь и воображение человека. Различное понимание взаимовлияния мышления и речи в логике, лингвистике и психологии. Вклад Л. С. Выготского в решение проблемы соотношения мышления и речи. Значение слова как единство мышления и речи, как их элементарная составляющая (единица).

Разновременное появление в фило- и онтогенезе мышления и речи, их раздельное развитие. Процесс становления мышления и речи у детей, сопровождающийся их постепенным соединением друг с другом. Роль внутренней речи в процессе соединения мышления и речи. Изменения, происходящие с речью по мере ее превращения из внешней во внутреннюю. Участие внутренней речи в процессе мышления. Значение эгоцентрической речи для регуляции мышления. Дискуссия между Ж. Пиаже и Л. С. Выготским относительно природы и судьбы эгоцентрической речи. Этапы соединения мышления и речи у детей. Особенности формирования речи и мышления детей. Продолжение раздельного развития мышления и речи после их частичного объединения друг с другом. Проблема связи мышления и речи по Д. Брунеру. Соединение мышления и речи и их связь с процессом общего психологического развития человека.

Речь и личность человека. Различные стороны (аспекты) проблемы соотношения личности и речи. Связь речи и способностей человека. Зависимость между уровнем развития речи и уровнем интеллектуального развития человека. Речь и темперамент. Проявление темперамента в эмоционально-динамических характеристиках речи. Речь и характер. Речь и воля человека. Структура волевого действия и его речевая регуляция. Речь и чувства (эмоции) человека. Мотивация и речь.

7.1. Предмет психологии речи. Соотношение языка и речи

Речь традиционно называют среди многих других психических функций или познавательных процессов, но обычно упоминают только последней по порядку. Такое положение дел объясняется не тем, что среди остальных психических функций речи отводится последнее по значимости место, а другими причинами. Одна из них состоит в том, что речь представляет собой одно из наиболее сложных психических явлений, и в перечне психических функций эти явления обычно перечисляются в порядке их усложнения (вспомним, что непосредственно перед данной главой была глава, посвященная не менее сложной психической функции — мышлению). Вторая причина состоит в том, что речь представляет собой познавательный процесс особого рода, который, как и мышление, имеет дело не с первичной информацией, получаемой человеком посредством органов чувств, а с информацией, уже имеющейся в памяти или сознании человека, ранее воспринятой органами чувств и, кроме того, обработанной. Третья причина состоит, по-видимому, в том, что относительно речи трудно однозначно решить вопрос о том, является ли она предметом психологического исследования, так как на ее изучение претендует еще одна достаточно развитая наука — лингвистика. Без нее речь не может быть понята и изучена с психологической стороны. Поэтому в со-

держании данной главы мы будем неоднократно обращаться к лингвистической информации о языке и речи человека, вынуждены это сделать сразу же, поскольку даже дать правильное определение речи, не обращаясь к языку, практически невозможно.

Речь человека тесным образом связана с языками, которыми пользуются люди, основана на них и без них не может существовать. Язык, однако, не выступает как предмет собственно психологического исследования, он является предметом изучения другой науки — лингвистики или языкознания. Многие вопросы, которые в связи с речью интересуют психологов, по своему содержанию и ответам на них совпадают с вопросами, изучаемыми лингвистами. Если специалиста по лингвистике спросить о том, в чем профессиональном ведении находится речь человека как предмет научного исследования, то ответ предугадать нетрудно: в ведении лингвистики или языкознания. Это, несомненно, правильно, так как психология выступает в качестве не главной, а дополнительной науки, изучающей речь человека.

В этой связи в начале главы, посвященной психологии речи, прежде всего, необходимо разобраться в вопросе о том, каковы лингвистические и собственно психологические аспекты в изучении речи. Начать разговор на эту тему следует с характеристики языка, а не речи, поскольку без элементарных связанных с ним лингвистических знаний психологам трудно будет разобратся в природе той психологической функции, которая называется речью.

Язык и речь в лингвистике, или языкознании, определяются как знаковые (семиотические) системы, подчиняющиеся определенным правилам и предназначенные для сохранения, переработки или передачи информации. Язык в отличие от речи — это знаковая система, а речь — психологическая функция, связанная со знанием и практическим использованием языков.

Языки и виды речи — а их существует огромное количество — делятся на множество различных групп и видов. Что касается разновидностей речи, то им дальше будет уделено специальное внимание. Сейчас же мы остановимся только на общей характеристике языков.

Существующие или известные людям человеческие языки¹ делятся на четыре основные группы: *естественные* и *искусственные*, *живые* и *мертвые*².

Естественные — это языки, которые давно возникли и постепенно развивались и совершенствовались у разных народов, живущих на земле с древнейших времен. Языки, на которых говорят современные люди и которыми пользовались их предки, формировались и развивались по собственным законам на протяжении истории существования человечества (если иметь в виду выделяемые в лингвистике группы языков) или того или иного конкретного народа, нации, этноса (если иметь в виду отдельные национальные языки).

До того момента, когда возникшие в разных местах земного шара народы вступили в общение друг с другом, у каждого из них складывался свой язык,

¹ Имеются также языки животных, которые в лингвистике и общей психологии обычно не обсуждаются. Они представлены в зоопсихологии — разделе психологической науки, посвященном психологии животных.

² В лингвистике существует намного более полная, широкая и детализированная классификация языков. Здесь мы ее затрагивать не будем, поскольку языки как таковые не являются предметом психологического исследования. Для человека, который не собирается стать лингвистом, специализироваться в области семиотики или языкознания, достаточно общего представления о системе языков, которое здесь дается.

мало похожий на языки других народов. Кроме того, известно, что непосредственное общение или активная коммуникация народов, обитающих в отдаленных друг от друга местах на Земле, началась лишь с XVIII—XIX вв. До этого времени разные народы (этноты) существовали многие тысячелетия, не имели почти никаких контактов друг с другом, но у них уже был и развивался по своим законам собственный язык. Этим объясняется факт существования у людей нескольких тысяч различных, мало похожих друг на друга языков¹. Особенно большая разница в языках наблюдается у тех народов, которые населяли далеко отстоящие друг от друга континенты или регионы, и на протяжении длительной истории существования не имели возможности взаимодействовать друг с другом. Это, например, языки народов, с древнейших времен населявших Европу, Азию, Африку и Америку.

Однако позднее, когда разные народы (нации, этноты) стали мигрировать, вступать в контакты друг с другом, их языки начали оказывать друг на друга влияние и смешиваться. В результате активизировался процесс взаимного проникновения языков. Появились языки, близкие друг к другу, например, языки европейских, азиатских, африканских и дальневосточных народов. Люди, говорящие на разных языках, заботились о том, как лучше понимать друг друга. В связи с этим появились не только системы переводов информации с одних языков на другие, но и практика изучения людьми нескольких языков.

Одновременно с этим началось создание международных языков, касающихся ряда специальных проблем, представляющих общий интерес для многих людей. Это, например, языки различных наук, видов искусств, литературы, техники, экономики, политики и т.д. С точки зрения принятой в них терминологии, понятной большинству специалистов, говорящих на разных языках, эти новые, современные, специальные языки стали универсальными языками международного общения. Связанные с ними термины вошли в содержание многих национальных, естественных языков.

Естественными языки называют еще и потому, что они возникли на основе природных органических задатков, которые у людей имелись с рождения, на базе структур, которые люди получили по наследству от животных. Название «естественные» также указывает на то, что в содержании соответствующих языков в первую очередь отразилось то, что принадлежало человеку как биологическому существу и отражало окружающую его природу. Позднее в содержание естественных языков вошло то, что характеризовало развивающуюся человеческую культуру. Новые термины, нормы и правила также включались в состав соответствующих языков естественным путем. Наконец, называя некоторые языки естественными, современные ученые отличают их от языков, которые специально были придуманы людьми для общения на узкие или специальные темы, для обозначения, в частности, того, что не вошло в содержание естественных языков. Подобные языки, в отличие от естественных языков, принято называть искусственными.

Искусственных языков также существует огромное количество, примерно столько же, сколько имеется различных видов деятельности людей. Почти в каждом из них используется свой, специфический язык, включающий совокупность специальных терминов, точное содержание которых понятно лишь сравнительно узкой группе людей, занимающихся данным видом деятельности и постоянно общающихся друг с другом.

¹ По данным лингвистики, общее число известных человеческих языков находится в пределах от 2500 до 5000, причем точную цифру установить невозможно.

Искусственные языки возникли потому, что для обозначения объектов и явлений, известных узким специалистам, было недостаточно слов, входящих в состав естественных языков, или же эти слова неточно отражали специальное содержание, интересующее данную группу людей. Искусственные языки начали, по-видимому, складываться в те отдаленные от нас времена, когда у людей возникли специализированные виды деятельности, когда началось разделение людей по роду их профессиональной работы. Углубляясь в содержание данной деятельности, общаясь в узком кругу, они создавали свою терминологию, которая затем превращалась в словесную, понятийную основу многих ныне существующих искусственных языков.

Число искусственных языков увеличивается быстрее, чем количество естественных языков, и терминологическое содержание таких языков постоянно и достаточно быстро обновляется. Это обогащение происходит, в частности, за счет открытий, делаемых людьми в различных областях деятельности. На глазах одного поколения, например, сложились и обогатились языки математического программирования, язык компьютерной техники, язык техники связи и ряд других искусственных языков.

На искусственных языках в настоящее время разговаривают друг с другом многие специалисты, включая инженеров, математиков, физиков, химиков, психологов, представителей многих других наук и различных видов деятельности. Практически каждый современный взрослый человек владеет как минимум двумя языками: естественным, который является для него родным и на котором он общается со всеми людьми, и искусственным, который он усвоил, овладев какой-нибудь профессией, и пользуется, общаясь с другими людьми в рамках своей профессиональной деятельности.

Между естественными и искусственными языками четкой, непроницаемой грани не существует, так как они взаимно проникают друг в друга. Так, например, специалисты, обсуждая свои узкие профессиональные проблемы, пользуются не только специальной терминологией, но и употребляют, причем в достаточно большом количестве, слова, заимствованные из естественного языка. Без его использования люди просто не могли бы общаться друг с другом даже на узкопрофессиональные темы. То же касается — правда, в меньшем объеме — использования специальной терминологии, заимствованной из искусственных языков и перенесенной в язык повседневного общения, в ту сферу, где в основном функционируют естественные языки.

Многие термины, первоначально появившиеся и используемые в искусственных языках, со временем стали достоянием естественных языков. Таковы, например, многие экономические, юридические, политические, психологические, технические и другие новые слова, которые за последние годы вошли в состав русского естественного языка. Особенно это касается языка средств массовой информации: газет, журналов, телевидения, Интернета.

К примеру, многие специальные психологические термины, такие как «ощущения», «восприятие», «внимание», «память», «воображение», «мышление», «речь», «личность», «мотив», «комплекс», «подсознательное», «защитные механизмы», давно уже вышли за пределы специальных областей научных психологических знаний и стали использоваться людьми в их повседневном общении друг с другом, причем примерно в таком же содержании, в каком они употребляются в науке. В связи с тем, что многие люди в нашей стране в последние годы активно интересуются экономикой, некоторые специальные термины, присущие поначалу соответствующему искусственному языку экономики, стали достоянием

естественного русского языка. Это, например, такие понятия, как «менеджмент», «инфляция», «девальвация», «экономический кризис» и др.

Живыми принято называть языки, которыми до сих пор пользуются люди. Живой язык характеризуется тем, что он постоянно изменяется, обогащается, развиваясь, продолжает жить. Мертвые — это, соответственно, языки, которыми ныне живущие на земле люди практически не пользуются. Это языки, давно или сравнительно недавно вышедшие из употребления, известные в основном только по дошедшим до нашего времени письменным источникам или специальным знаниям людей — лингвистов, которые эти языки изучают в научных целях. Данные языки, в отличие от живых языков, практически не развиваются и со временем не меняются.

При вымирании языка на последних этапах его существования он становится характерным только для определенной, весьма ограниченной по составу группы людей. Дольше всего свой умирающий язык сохраняет старшая возрастная группа людей, с физической смертью которой этот язык обычно также умирает (превращается в мертвый язык). Данному процессу косвенно способствует распространение основного живого языка средствами массовой информации, который постепенно вытесняет умирающий язык, а также процессы, происходящие в обществе, включая политику, экономику, образование, культуру и другие сферы деятельности, где активно используются постоянно обновляемые, живые языки. Например, глобализация социальных и экономических процессов, произошедшая во второй половине XX в., способствовала быстрому вымиранию многих языков, на которых говорили малочисленные народы и культуру которых новая цивилизация особенно не затронула. В прежние времена вымирание языков происходило в результате завоевания чужих территорий, создания больших империй, уничтожения завоевателями культуры завоеванных народов.

Мертвые языки отчасти могут сохраняться в качестве языка культа, например религиозного, причем это обычно происходит на протяжении тысячелетий после умирания соответствующего языка. К примеру, мертвый коптский язык используется как язык богослужения у христиан-египтян; латинский язык — в католической церкви; тибетский язык — в ламаистской церкви у монгольских народностей и т.д.

Живыми и мертвыми могут быть как естественные, так и искусственные языки. К примеру, такие естественные языки, как латинский или древнерусский, относятся к разряду мертвых языков, а устаревшие языки математического программирования, которыми современные математики-программисты уже практически не пользуются, например алгол, относятся к ставшими сравнительно недавно мертвыми искусственным языкам.

Среди специалистов-лингвистов отсутствует единое мнение о том, каким должно быть количество людей, которые пользуются данным языком, чтобы считать этот язык живым или мертвым. С одной стороны, до сих пор в некоторых областях человеческой деятельности, например в религии, истории, археологии, лингвистике, некоторые люди знают и используют такие считающиеся мертвыми языки, как латинский, старославянский и др. Это языки, которыми абсолютное большинство людей на земле давно уже не пользуется. С другой стороны, есть современные, живые языки математического программирования, которыми пользуется весьма ограниченный круг людей. В связи с этим возникает вопрос, какими считать со-

ответствующие языки? По предложенному выше определению мертвых языков языки, которыми продолжают пользоваться некоторые люди, нельзя рассматривать как мертвые. Точно так же, если абсолютное большинство людей не знает и не использует соответствующий язык, то вряд ли есть основание считать его живым, по определению.

Деление языков на живые и мертвые, как и их деление на естественные и искусственные, не является абсолютным. На самом деле ни один язык не рождается сразу и вдруг, не умирает моментально. Вначале в любом зарождающемся языке появляется минимум лексики. Далее к одним словам постепенно добавляются другие, расширяется лексический состав языка, вводятся правила пользования им, т.е. язык, однажды зародившись, далее живет и развивается по своим законам. Со временем одни слова и правила устаревают, и на смену им приходят другие правила и слова. Аналогичные процессы происходят при отмирании языков. Поначалу люди перестают использовать некоторые слова из языка, затем упрощаются (обедняются) его правила, и, наконец, все люди или абсолютное большинство людей вообще перестают им пользоваться.

Процессы жизни или умирания языков — это медленно и непрерывно текущие процессы. Трудно точно определить их временные границы, начало и конец. Поэтому отнесение того или иного языка к живому языку указывает лишь на то, что большая часть входящих в него слов и выражений до сих пор используется многими людьми, а отнесение языка к разряду мертвых означает, что большая часть содержащихся в нем слов и выражений давно уже не используется людьми, что они устарели и заменены на новые слова и выражения.

Если в отношении определения языков и их классификации особых трудностей и разночтений не возникает (этот вопрос с успехом решается и в основном считается решенным в лингвистике), то поиски точного определения и удовлетворительной классификации видов речи встречаются с определенными трудностями. Здесь проблемы возникают уже в самом начале — в определении того, что, в отличие от языка, называется речью. К примеру, в лингвистическом энциклопедическом словаре термин «речь» определяется как «конкретное говорение, протекающее во времени и облеченное в звуковую (включая внутреннее проговаривание) или письменную форму»¹. В толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой дается другое определение речи. Она в данном случае понимается как «способность говорить, говорение»². Такое определение уже не указывает на то, что к разновидностям речи могут быть отнесены ее письменные формы. Вместе с тем, ни в том, ни в другом из приведенных выше определений не указывается на возможность существования невербальных разновидностей речи, не связанных с говорением (произнесением звуков) или использованием письменных знаковых систем.

Очевидно, что приведенные выше определения речи — слишком узкие, неточные и не вполне устраивающие психологов, если сравнивать их с тем широким пониманием речи, которое сложилось в современной психологии. Такие определения не включают в себя, например, внутреннюю или эгоцен-

¹ Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 414.

² Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1998. С. 678.

трическую речь человека. Поэтому психологам требуется иное, более широкое понимание речи, включающее всевозможные ее виды и основанное на многочисленных психологических функциях, которые речь выполняет в жизни людей (об этих функциях будет сказано дальше). Только такое широкое и многостороннее определение речи можно будет сравнивать с языком, решая вопрос о том, как в действительности соотносятся между собой язык и речь.

Речь, как и мышление, несомненно, является чрезвычайно сложным, многогранным и полифункциональным психическим явлением, существенные моменты которого практически невозможно отразить в определении, состоящем из единственного предложения. Здесь, как и в случае определения мышления (см. первый параграф предыдущей главы), также необходимо развернутое описательное определение, состоящее как минимум из нескольких предложений.

Соответственно, речь как психическую функцию можно определить через ее описание следующим образом.

1. Речь — это функция (познавательный или когнитивный процесс), связанная со знанием и использованием людьми разнообразных знаковых систем, прежде всего, естественных и искусственных, живых и мертвых языков.

2. Речь — это то, что обеспечивает различные формы обмена информацией между людьми, а также между людьми и животными¹, кодирование (шифровку в соответствующих знаковых системах) и декодирование (расшифровку или перевод из одной знаковой системы в другую) информации.

3. Речь — это способ психологического самовыражения человека, представления себя другим людям, в частности — своего внутреннего, психологического мира. По словам известного лингвиста В. фон Гумбольдта, «каждый индивид употребляет язык... для выражения своей неповторимой самобытности».

4. Речь — это средство внутренней самоорганизации процесса мышления человека. Данное определение речи, прежде всего, касается тех ее видов, которые активно используются в мышлении человека. Такое определение не относится к речи животных или маленьких детей, у которых мышление и речь еще отделены друг от друга.

5. Речь — это способ оказания человеком психологического воздействия на себя (саморегуляция) или на других людей (регуляция с помощью речи их психики и поведения).

В данном развернутом определении речи учтены все возможные ее виды, представляющие интерес для психологов в плане понимания и объяснения психики и поведения человека и животных, а также разнообразные психологические функции речи.

Некоторые определения речи, встречающиеся в работах по психологии, включают в себя также представление о психологическом состоянии говорящего или пишущего человека, о его коммуникативной задаче, о его отношении к произнесенному или написанному слову (тексту, *дискурсу*) и ряд других признаков, представляющих специальный интерес для психологов в плане изучения речи.

Следует, однако, признать, что и узкое, лингвистическое понимание речи, ограничивающее ее практикой использования человеком в основном только устной или

¹ Предполагается, и в настоящее время это уже не вызывает сомнений, что языки и соответствующие им формы речи имеются не только у людей, но и у многих, особенно высших, животных.

письменной речи, имеет свои логические основания, так как позволяет наиболее широко представить особенности этих наиболее важных для человека и развитых у него разновидностей и функций речи. При таком определении речи ученые обращают внимание на следующие, имеющие также и психологическое значение, особенности речи человека: темп, продолжительность, тембр, громкость, артикуляционную четкость, акценты.

Несомненно и то, что в определениях речи, предлагаемых лингвистами и психологами, есть немало общего, которое обусловлено двумя обстоятельствами: во-первых, тем, что объект исследования в обеих науках является одним и тем же; во-вторых, тем, что у лингвистов и психологов при изучении речи человека нередко возникают одинаковые интересы. Важным аспектом речи, который интересует как психологов, так и лингвистов, является, например, ее субъективный характер. *Субъективность* речи проявляется в том, что она всегда имеет своего автора или авторов (субъекта или субъектов), чьи психологические особенности (мысли, чувства, представления, отношения и др.) непосредственным образом выражаются в произносимой или написанной речи.

Широкое понимание языков, представленное в лингвистике, и не менее широкое определение речи в психологии, со своей стороны, позволяют ставить и решать вопрос о соотношении языка и речи в психологии по-другому, чем это делается в языкознании. В связи со сказанным выше мы далее кратко обсудим вопрос о соотношении мышления и речи, причем сделаем это так, как он обычно ставится и решается в лингвистике (применительно к узкому пониманию языка и речи), а затем представим решение того же вопроса с психологической точки зрения (применительно к широкому пониманию речи и языка).

Как определения речи, так и отличия языка от речи в психологии и лингвистике выглядят по-разному. Лингвисты, обсуждая основные отличия речи от языка, указывают на следующие моменты:

а) язык — это формальный код, а речь — конкретная реализация или использование данного кода для записи, сохранения или передачи информации;

б) язык не выполняет коммуникативной функции, а для речи она является основной;

в) язык абстрактен, а речь конкретна;

г) язык един, а речь на данном языке многообразна по формам и содержанию;

д) язык потенциален, а речь актуальна;

е) язык формален, а речь неформальна;

ж) язык статичен, а речь динамична (речь человека меняется чаще и быстрее, чем язык, на котором он говорит);

з) язык объективен, т.е. существует сам по себе, независимо от говорящих на нем людей, в то время как речь человека субъективна, представлена в виде многочисленных вариантов, используемых отдельными людьми (речь разных людей, говорящих на одном и том же языке, является различной, соответствующей их индивидуальным особенностям);

и) язык отражает обобщенный опыт всех или многих людей, говорящих на данном языке, в то время как речь соответствует только опыту отдельно взятого человека или группы людей, пользующихся ею;

к) язык не является мотивированным и сам по себе не имеет никакой конкретной цели; речь всегда выступает как мотивированная и целенаправленная;

л) язык внеситуативен и не зависит от обстановки; речь всегда ситуативно своеобразна и зависит от конкретной обстановки, в которой люди ею пользуются;

м) язык подчиняется определенным правилам и не допускает отклонений от них; речь не всегда подчиняется правилам и вполне допускает многочисленные отступления от них.

Когда вопрос о соотношении мышления и речи ставится и обсуждается в психологии, то в его решение дополнительно вносятся следующие моменты.

1. Языки, если их рассматривать не только с формальной точки зрения — как системы кодирования информации, — но и с содержательной — как хранящуюся в них информацию — намного шире, чем речь отдельно взятого человека. Следовательно, с психологической точки зрения речь представляет собой то, что лишь частично реализует в себе возможности, заложенные в языке. В этом плане языки выступают в качестве источника для развития и совершенствования речи, а речь, в свою очередь, способствует передаче и распространению языкового содержания среди многих людей.

2. Сам по себе язык — это лишь средство хранения информации, а речь — способ распространения этой информации. С данной точки зрения язык и речь взаимно дополняют друг друга и не в состоянии выполнять свои жизненно важные функции друг без друга. Язык без речи — это мертвое и бесполезное хранилище информации, а речь без языка — пустой, бессодержательный набор знаков (символов, сигналов).

3. Если бы не было языка и речи, то люди были бы не в состоянии общаться друг с другом, так как для этого необходимы внешние формы выражения внутреннего психологического содержания. Применительно к экспрессивно-выразительной функции речи соотношение языка и речи можно определить следующим образом: в данном случае язык и речь выступают в их неразрывном единстве. Когда человек говорит, он пользуется устным разговорным языком и одновременно с этим — устной речью.

4. Когда речь определяется как способ самовыражения человека, а язык рассматривается как нечто такое, что не выполняет данной функции, подобное различие между языком и речью следует рассматривать как относительное. Дело в том, что язык выполняет функцию самовыражения, но не по отношению к отдельно взятому человеку, а по отношению ко всем носителям языка: целому народу, который его создал, и людям, которые им пользуются. На эту важнейшую функцию языка еще в начале XIX в. обратили внимание многие известные лингвисты и философы, рассматривая язык, на котором говорит тот или иной народ, как способ выражения его культуры и психологии. Освоение языка, в свою очередь, стало обсуждаться как способ присвоения индивидуумом культуры и психологии соответствующего народа. Когда говорят о выражении психологии человека через его язык, то такую функцию по отношению к индивиду выполняет уже не язык в целом, а его частная, собственная речь.

5. Речь с психологической точки зрения также выступает как средство организации процесса мышления человека и одновременно с этим — как способ представления его результатов вовне, для других людей. Эту функцию речь выполняет, однако, только на высших уровнях развития мышления и речи, например, на уровне словесно-логического мышления. В данном случае речь становится для человека выразителем содержательной, процессуальной и результативной стороны его мышления.

6. Рассматривая речь как способ оказания человеком психологического воздействия на себя или других людей, мы имеем в виду следующее. Все виды обычной, нормальной речи (существуют также и аномальные разновидности речи, характерные для людей с различными нервными и душевными заболеваниями) являются в той или иной степени разумными, сознательными и целенаправленными, и одной из главных целей любой разновидности речи, направленной на другого человека, является оказание на него определенного воздействия. Это воздействие, как показывает практика использования речи в процессе общения людей, оказывается всегда, независимо от того, является ли цель такого воздействия осознанной или неосознанной, а само воздействие преднамеренным или непреднамеренным. Само по себе влияние человека на человека через речь может, кроме того, приобретать различные формы: информирование, привлечение к сотрудничеству, психологический настрой, побуждение к определенным действиям и др.

Подводя итог сказанному, можно утверждать, что основные различия в понимании речи, в подходах к ее изучению между лингвистами и психологами заключаются в следующем:

а) лингвисты интересуются речью как таковой, не связывая ее с психологией конкретных людей. Психологи, напротив, изучают речь не саму по себе, а исследуют ее индивидуальные особенности и связи с психологическими свойствами людей;

б) лингвистов интересуют правила и нормы, характерные для различных видов речи, в то время как для психологов они профессионального интереса не представляют. Скорее, наоборот, особый интерес для психологов представляют случаи отклонений от нормы или нарушений речи — такие, в которых отчетливо проявляются психологические особенности и состояния людей;

в) лингвисты преимущественно выделяют и изучают высшие формы речи — устной и письменной, характерные для человека. Психологов эти формы речи также интересуют, но для них не меньший интерес представляют и те виды речи, которые в лингвистике изучаются сравнительно мало. Это внутренняя, эгоцентрическая и невербальная речь.

В заключение отметим, что отдельно ни в психологии, ни в языкознании (лингвистике), ни в какой-либо другой частной науке, касающейся языка и речи, вопрос о природе и функциях речи не может быть поставлен и полностью решен. Каждая из наук, так или иначе связанных с языком и речью, демонстрирует свое, как правило, узко профессиональное понимание и решение данного вопроса, которое не может быть признано универсальным или всеобщим. В действительности, этот вопрос представляет собой сложную, междисциплинарную научную проблему, требующую взаимодействия многих наук, и она может быть правильно поставлена и решена только в условиях взаимодействия научных знаний. Взаимодействие разных наук в данном случае будет способствовать не только продвижению вперед в решении поставленной проблемы, но и помогать ученым, представляющим разные науки, в решении их собственных проблем и вопросов. Так, например, лингвистические теории могут подсказать психологам направления научных поисков и вопросы для конкретного научно-психологического исследования.

Известный американский лингвист Н. Хомский в свое время показал, что так называемая «языковая активность» (на самом деле имелась в виду, конечно, не языковая, а речевая активность, если строго следовать приведенным выше определениям языка и речи) может получить полное объяснение только при помощи двухуровневой теории, включающей в себя уровень

«**ядерных предложений**» и уровень «**трансформаций**». «Ядерные предложения» — это формы и нормы, задаваемые языком, а «трансформации» — это то, что представлено в речи конкретных людей. Без того или другого невозможно понять ни сущность языка, ни природу речи человека. Вообще, лингвистические исследования Хомского и многих других ученых-лингвистов, как будет показано далее, сыграли важную роль в становлении и развитии психологии речи, а также в возникновении и разработке междисциплинарной области научных исследований под названием **психолингвистика**.

Со своей стороны и психологи оказывают помощь лингвистам, обращая их внимание на новые, малоизученные разновидности речи (некоторые из них были названы выше), обеспечивают лингвистов знаниями о том, каким образом разные виды речи связаны с психологией людей и выражаются в их поведении. Это, в свою очередь, дает возможность методистам, занимающимся разработкой методики обучения языкам и видам речи, правильно ставить и решать вопросы, касающиеся практики освоения людьми различных языков и видов речи.

Есть и общие проблемы, которые в изучении речи интересуют лингвистов и психологов. Как лингвистов, так и психологов, например, волнует вопрос о том, каким образом человек осваивает язык и совершенствует речь. Для этого в лингвистике и психологии (точнее — в психолингвистике) создаются разнообразные модели порождения и функционирования речи. При попытке разработки такой модели, которой интересуются не только лингвисты, но и психологи, возникает, кроме того, вопрос о правильном соотношении ее лингвистических и психологических составляющих.

Согласно так называемому «слабому» определению языковой (речевой) способности, эти две дисциплины — лингвистика и психология — не должны пересекаться между собой, поскольку в лингвистических описаниях представлено только то, что относится к языку, а в психологических — то, что касается речи, причем не вообще, а отдельно взятых людей. Однако если принять за основу «сильное» определение такой способности, включающее в себя представление о том, что грамматические правила одновременно являются и внутренними правилами, регулирующими психологию и поведение говорящего или слушающего человека, то тогда тот, кто пользуется языком или речью, может порождать высказывания, которые воспринимаются как значимые другими носителями языка (субъектами речи). Здесь уже будет трудно различить и четко развести между собой лингвистические и психологические аспекты исследования языка и речи.

Из всего сказанного выше следует, что при едином объекте изучения и общности многих проблем, касающихся речи, предметы исследования речи в лингвистике и психологии различаются. В связи с этим в заключение параграфа имеет смысл более четко определить предмет собственно психологического изучения речи в отличие от ее лингвистического исследования. Назовем вначале собственно лингвистические аспекты изучения речи (проблемы лингвистики речи), а затем перечислим ее психологические моменты (вопросы психологии речи).

Лингвистов в процессе изучения речи человека интересуют, прежде всего, следующие ее особенности.

1. Виды речи и их классификация.
2. Лингвистические характеристики различных видов речи.
3. Правила построения правильных устных и письменных речевых высказываний.

4. Анализ типичных речевых нарушений.
5. Постановка и решение проблемы соотношения языка и речи.
6. Профессиональные и другие особенности речи людей.
7. Специфика речи на разных языках (сравнение между собой видов и особенностей речи, представленных в различных языковых культурах).

Собственно психологическими аспектами изучения речи можно считать следующие.

1. Рассмотрение речи как одного из познавательных процессов человека с определением ее роли в осознании человеком себя и окружающего мира.
2. Изучение речи как того, что содержит информацию о психологии пользующихся ею людей.
3. Разработка методов психологического анализа речи с целью проведения психодиагностики людей по особенностям их речи.
4. Исследование речи человека в процессе ее развития с целью определения уровня психологического развития.
5. Изучение нарушений речи для диагностики по ним различного рода заболеваний.
6. Психологическое обоснование методов обучения устной и письменной речи с целью их совершенствования.
7. Анализ речи как эффективного средства оказания психологического, в частности психотерапевтического, воздействия на человека.
8. Изучение связей речи с другими психологическими особенностями человека.

Вместе с тем, как в лингвистике, так и в психологии речи есть ряд общих проблем, которые полнее всего отражены в современной психолингвистической проблематике¹. К ним, например, можно отнести следующие проблемы:

- а) рассмотрение языка и речи как того, что выражает (представляет) психологию человека;
- б) изучение языка и речи как того, что может оказывать влияние на психологию и поведение человека;
- в) проведение комплексного, психолингвистического, т.е. лингвистического и психологического анализа речи;
- г) применение общепсихологических теорий для понимания феномена речи, например теории деятельности;
- д) рассмотрение речи как психологической функции с одновременным анализом ее лингвистических особенностей;
- е) изучение развития и нарушений речи человека с их параллельным психологическим и лингвистическим анализом;
- ж) исследование так называемой **языковой личности**, т.е. типичных особенностей речи, представляющих человека как личность.

Косвенно с вопросом, который обсуждался в данном параграфе главы применительно к языку и речи человека, связан вопрос о соотношении языка и речи у животных. В связи с ним в психолингвистике могут быть поставлены и обсуждены следующие частные вопросы².

1. Имеется ли что-либо общее в знаковых системах (языках), которыми для общения друг с другом пользуются высшие животные, и языками, которыми пользуются люди?

¹ Психолингвистика — это наука, пограничная между психологией и лингвистикой. Она возникла и стала разрабатываться в начале XX столетия и вобрала в себя проблематику, представляющую общий интерес для лингвистов и психологов.

² До сих пор, правда, в психолингвистических научных текстах им уделялось сравнительно мало внимания.

2. Можно ли утверждать, что языки людей произошли от языков животных?

3. Можно ли высших животных научить пользоваться человеческими языками? Если это сделать невозможно, то почему?

Все эти вопросы давно, по крайней мере, со времени появления и признания теории эволюции Ч. Дарвина о естественном происхождении человека, интересуют ученых, и в поиске ответов на них ученые пришли к следующим фундаментальным выводам.

В речи человека и животных действительно можно обнаружить немало общего. Человекообразные обезьяны могут, например, воспроизводить звуки, подобные звукам человеческой речи. Их голосовой аппарат устроен примерно так же, как устроен голосовой аппарат человека. Иногда высшие обезьяны могут обмениваться между собой звуками, чем-то напоминающими человеческую речь. Высшие животные, кроме того, могут обмениваться друг с другом информацией с помощью простейшего языка телодвижений, мимики и жестов, причем многие из этих движений, осуществляемые животными, весьма похожи на соответствующие движения человека. Это в свое время обнаружил и убедительно доказал еще Ч. Дарвин, используя собранные им факты для научного обоснования не только естественного происхождения человека, но также существования у животных эмоций и человекоподобных способов их внешнего выражения на уровне мимики и жестов. Из повседневного общения человека с некоторыми домашними животными, например собаками, мы также знаем, что и они в какой-то степени способны понимать жесты и мимику людей.

Однако нет все же убедительных оснований для того, чтобы определенно утверждать, что язык и речь человека непосредственно произошли от языка и речи животных. До сих пор, несмотря на многолетние и многочисленные попытки это доказать, ученым так и не удалось обнаружить у животных какие-либо знаковые системы или их аналоги, подобные человеческому устному или письменному языку, а те средства, с помощью которых животные общаются друг с другом, мало чем напоминают устную или письменную человеческую речь.

Вместе с тем, нельзя отрицать наличие определенной эволюционной преемственности языка животных и речи человека, признавая его естественное происхождение. Время, отделяющее нас от того периода в истории развития живого мира, когда человек стал выделяться среди животных (около 4,5 млн лет назад), настолько продолжительное и богатое разнообразными событиями, что древнейшие корни современных языков, не только человеческих, но и животных, практически невозможно отследить. За это время языки, постоянно и активно употребляемые как людьми, так и животными, настолько продвинулись вперед и изменились по сравнению с их древнейшими прообразами, что между современными языками животных и людей образовалась огромная пропасть. Эта пропасть, по-видимому, не меньшая по своей величине, чем разница между физическим и социально-культурным обликом современного человека, внешним видом и образом жизни любого из ныне живущих животных. Даже для окончательного решения другой проблемы — точного доказательства естественного происхождения человека ученым, убежденным в правильности теории эволюции Ч. Дарвина, до сих пор не удастся найти все промежуточные формы между древнейшими и современными живыми существами. Ученым, интересующимся естественным происхождением человеческих языков и языков животных, тем более не удастся

отыскать все их промежуточные разновидности, которые, наверное, когда-то существовали до появления современных человеческих языков и языков животных, поскольку они не оставили почти никаких материальных следов о себе.

Языковеды, ставя и обсуждая вопрос о происхождении человеческих языков, решают его согласно концепции известного немецкого лингвиста В. фон Гумбольдта, по мнению которого, мышление и язык людей развивались в антропогенезе совместно. Народ создает свой язык, писал В. фон Гумбольдт, «как орудие человеческой деятельности», используя его естественным образом в процессах общения и мышления при совместном решении разнообразных задач. Другому немецкому ученому Х. Штейнталу принадлежит мысль о господстве в доисторический период так называемой внутренней языковой формы, т.е. представленности значений произносимых людьми слов в виде мыслей, образов и переживаний людей, а не в форме письменных знаковых систем. Это, по мнению ученого, связано с особенностями восприятия и осознания мира первобытными людьми. Разные точки зрения по вопросу о происхождении речи человека мы будем подробнее обсуждать далее, в четвертом параграфе главы.

Независимо от того, какая из теорий происхождения языка и речи верна, очевидно, что языки возникли и стали развиваться у людей очень давно, приблизительно около 600 тыс. лет назад (таково предположительное время возникновения древнейших из известных ученым устных языков). Что касается письменности, то ее существование насчитывает на два порядка меньше времени — около 6 тыс. лет (древнейшая из известных форм письменности — древнеегипетская — относится к IV тысячелетию до н.э.).

До нашего времени дошли лишь отдельные фрагменты некоторых из древнейших языков в форме письменности. Поэтому современная наука не в состоянии воссоздать весь процесс происхождения и преобразования человеческих языков, особенно устных, которые, как известно, намного опередили в своем возникновении и развитии письменные языки и далеко не всегда сопровождалась возникновением на их основе письменных форм (науке известно немало устных языков, существовавших без письменности).

Изучение древнейших человеческих культур показывает, что, по-видимому, все люди, жившие когда-то на земле, имели свои языки и в какой-то мере владели устной речью, напоминающей в плане звукового оформления речь современного человека. В то же время, изучение истории животных, включая и данные о человекоподобных существах, занимающих промежуточное положение между современным человеком и животными — питекантропах, не дают точных сведений о том, что обезьяночеловек (именно так на русский язык переводится слово «питекантроп») имел язык, похожий на язык и речь современного человека, и, тем более, соответствующую им письменную форму речи.

Вопрос о происхождении языка и речи человека современные ученые пытаются решать не только на базе антропологических данных, но и на экспериментальной основе. Если допустить, что язык и речь человека произошли от языка и речи животных, то следует ожидать, что люди за время их исторического существования (примерно 50–60 тыс. лет) не так далеко ушли от животных, чтобы животные не смогли освоить то, что в настоящее время присуще людям. Отсюда следует, что для доказательства естественного происхождения языка и речи людей достаточно будет научить живот-

ных пользоваться человеческой речью. Поэтому на протяжении уже более сотни лет ученые предпринимают попытки научить человекообразных обезьян человеческой устной или письменной речи. Однако все эти попытки успеха не имели и, казалось бы, не подтвердили дарвиновскую теорию естественного происхождения языка и речи.

Сторонники данной теории, тем не менее, не сдавались, но им было необходимо найти объяснения неудач в обучении животных человеческому языку и речи, не связанные с теорией естественного происхождения языка и речи. Они, в частности, предложили следующие интерпретации таких неудач.

1. За время существования у людей языков и устной речи (более чем полмиллиона лет) человек изменился не только культурно и психологически, но также анатомически и физиологически, и в его организме, благодаря долгой практике пользования языком и речью, произошли необратимые изменения, благоприятствующие освоению современных языков и формированию на их основе устной и письменной речи. У человека в отличие от животных за это время появились и развились специализированные мозговые центры речи, и эти центры устроены таким образом, что позволяют человеку осваивать знаковые системы — языки и приобретать соответствующие им формы речи.

Действительно, представительство речевых центров у человека принципиально отличается от представительства мозговых центров, с наличием которых связана речь у животных. Речевые центры у человека занимают гораздо больше места в коре головного мозга, чем соответствующие структуры в коре головного мозга животных. При этом сами речевые центры человека аналитически устроены намного сложнее, чем аналогичные центры животных, включая высших.

2. Животные не в состоянии пользоваться человеческой устной и письменной речью потому, что произносимые ими сочетания звуков не имеют объективных значений, т.е. не выступают как понятия. Это характерно лишь для человеческой речи, соединившейся со временем с мышлением и развивающейся под его влиянием. Звуки, произносимые животными, или их телодвижения, выступающие как аналог человеческой невербальной речи, не имеют подобных значений. В них выражается лишь сиюминутное, актуальное психофизиологическое состояние животного.

3. Для животных речь выступает лишь в двух ее функциях: коммуникативной и экспрессивно-выразительной. У человека, кроме того, есть интеллектуальная и многие другие функции речи (их подробное описание дается в следующих параграфах главы). Ни язык, ни речь человека невозможно полноценно освоить без овладения всеми ее человеческими функциями.

Подводя итог тому, о чем говорилось в данном параграфе, можно констатировать следующее.

1. Вопрос о том, к какой науке относится изучение речи — лингвистике или психологии, — решается неоднозначно. Лингвистика давно и традиционно претендует на статус главной науки, исследующей речь человека, поскольку речь без языка не существует, язык является предметом лингвистики и в разновидностях речи существует много лингвистических особенностей. Однако для понимания речи как одной из психологических функций невозможно обойтись без ее глубоких психологических исследований. Поэтому и психология претендует на то, чтобы быть одной из главных наук, изучающих речь человека.

2. Предмет научного исследования в психологии речи и предмет лингвистического изучения речи существенно отличаются друг от друга, хотя в проблематике речи можно найти общие темы, которые интересуют как лингвистов, так и психологов. Ими занимаются представители науки, занимающей промежуточное положение между психологией и лингвистикой, — психолингвистики.
3. В мире существует огромное количество языков, которые, в частности, делятся на естественные и искусственные, живые и мертвые.
4. В психологии речь понимается как психическая функция, связанная со знанием и использованием человеком разнообразных языков в различных видах его деятельности.
5. Имеются определенные трудности, связанные с нахождением точного научного определения речи. Определения речи, которые предложены в других науках, в частности в лингвистике, для психологической науки не вполне подходят, так как они предлагаются, исходя из непсихологического понимания природы и функций речи.
6. Развернутое психологическое определение речи должно включать в себя перечисление всех ее функций (эти функции подробно описываются в следующем параграфе главы).
7. Необходимо, однако, не только разделение предметов исследования, но и объединение усилий представителей разных наук, в том числе лингвистов и психологов, в исследованиях речи, так как без этого многие проблемы, связанные с речью, не могут быть успешно решены.
8. Принципиальное значение для психологии речи имеет решение вопроса о происхождении и соотношении речи человека и животных. Этот вопрос давно ставится и обсуждается в науке, но пока что не имеет окончательного или полностью удовлетворительного решения.

7.2. Виды и функции речи

У человека имеются следующие основные виды речи: *устная* и *письменная*, *внешняя* и *внутренняя*, *диалогическая* и *монологическая*, *вербальная* и *невербальная*. Эти виды речи представляют наибольший интерес для психологов, хотя в лингвистике выделяются и называются многие виды речи, например разговорная, литературная, научная, региональная (диалектная), сленговая и др.¹

С помощью устной речи человек, облекая свои мысли в звуковую форму слова, передает их содержание другим людям. Данной разновидностью речи люди пользуются чаще всего. Основной обмен информацией между ними происходит именно с помощью устной речи. Однако она имеет определенные ограничения. Пользоваться устной речью как средством общения человек может в ограниченном пространстве и времени — в настоящий момент и в данной, конкретной ситуации. Человек не может что-либо в устной форме передать другим людям, с которыми он в данный момент непосредственно не общается. Конечно, это можно сделать через посредников, которые также пользуются устной речью, но такое общение уже не будет непосредственным.

¹ Более подробно лингвистические и психолингвистические классификации видов речи будут представлены далее в этом параграфе главы.

С помощью письменной речи человек может общаться со многими другими людьми без ограничений в пространстве и времени, сохраняя в письменной форме информацию на практически неограниченное время и передавая ее в любую точку пространства, где находятся люди. Отсюда следует, что письменная речь в отличие от устной речи обладает большими коммуникативными возможностями. В этом она, несомненно, превосходит устную речь, но в некоторых других отношениях уступает ей. Например, с помощью письменной речи практически невозможно сообщить людям то, что обычно передается с помощью **невербальных коммуникаций** и **паралингвистических компонентов** речи¹.

Как показывают современные исследования лингвистов и психологов, посредством невербальных коммуникаций и паралингвистических компонентов, которые обычно сопровождают устную речь, от человека к человеку передается огромное количество разнообразной информации, существенно большее, чем с помощью вербальных коммуникаций. Письменная речь в этом плане значительно уступает устной речи. Не случайно, поэтому, что люди, придающие большое значение разговору с каким-либо человеком, предпочитают общаться с ним непосредственно и в устной форме, не письменно или через посредников.

Внешней называется такая разновидность речи, которая имеет отчетливо выраженные признаки, наблюдаемые со стороны, — звуковые, знаково-письменные, физические или физиологические (к последним, например, относятся частота и ритмика сердечных сокращений, дыхания, напряжение и расслабление мышц, покраснение или побледнение кожи и некоторые другие). По соответствующим внешним признакам данную разновидность речи можно воспринимать, изучать, адресовывать другим людям.

Внутренняя речь — это разновидность речи, не имеющая объективных внешних признаков того типа, которые перечислены выше. Такая речь обычно не осознается человеком, который ею пользуется, не воспринимается окружающими людьми. Она также никогда не используется как средство общения или обмена информацией между людьми и употребляется лишь для внутренней, психологической саморегуляции.

Полное описание внутренней речи и ее особенностей имеется в работах Л. С. Выготского, в частности — в его труде «Мышление и речь». Кроме указанных выше признаков Л. С. Выготский приписывал внутренней речи следующие лингвистические особенности: **предикативность** и **агглютинированность**². Предикативность внутренней речи заключается в том, что в ней присутствует только предикат и отсутствует субъект.

Понятия «субъект» и «предикат» широко используются в современной логике и лингвистике, где анализируются речевые суждения или высказывания. Субъектом называют то, о чем говорится в данном высказывании (суждении), а предикатом — то, что в нем говорится о субъекте. В обычном предложении субъект — это подлежащее со всеми относящимися к нему словами,

¹ Невербальные коммуникации — это обмен информацией между людьми посредством жестов, мимики и пантомимики. Таково узкое представление о невербальных коммуникациях. В более широком значении невербальные коммуникации включают в себя различные другие средства сохранения и передачи информации, например паралингвистические компоненты, рисуночные изображения, физиологические реакции организма, неречевые сигналы, передаваемые с помощью разнообразных технических средств, и т.д. Паралингвистические компоненты речи — это ее громкость, темп, интонация, паузы, ударение и тембр.

² Такое название принято в психологической литературе. В лингвистических работах предпочитают пользоваться термином «агглютинативность».

а предикат — сказуемое с раскрывающими его содержание словами. Пользуясь сравнением с приведенной выше грамматической структурой предложения, можно утверждать, что для внутренней речи характерно наличие сказуемого вместе с определяющими его словами (предиката) и отсутствие подлежащего с относящимися к нему слова (субъекта).

Агглютинированность внутренней речи означает, что все входящие в ее состав слова являются агглютинированными, т.е. образованными методом агглютинации (соединения отдельных слов в одно слово с сокращением некоторых, несущественных их элементов). Способом агглютинации в различных языках образуются, например, сложносокращенные слова.

Эти два основных свойства речи — предикативность и агглютинированность — Л. С. Выготский установил на основе анализа не самой по себе внутренней речи (она не осознается и, следовательно, прямому изучению не подлежит), а близкой к ней по структуре и функциям разновидности речи, получившей название *эгоцентрическая* речь. Это речь, направленная человеком на себя, но, в отличие от внутренней речи, имеющая некоторые внешние элементы, через которые данную разновидность речи можно воспринимать и оценивать, а также изучать. Она характерна, например, для ребенка 3—5 лет, который часто, играя, разговаривает вслух с самим собой. Эгоцентрическая речь также иногда используется взрослыми людьми, которые, решая в уме какую-либо задачу, рассуждают вслух, произносят какие-либо слова, звуки и т.д.

Первым феномен эгоцентрической речи у детей описал Ж. Пиаже. Он интерпретировал ее как разновидность обычной, нелогичной или не социализированной речи, отражающей соответствующие особенности мышления ребенка на данном этапе его развития (напомним, что 3—5 лет — это, по Ж. Пиаже, дооперациональная стадия развития мышления). Ж. Пиаже заметил, что к 6—7 годам эгоцентрическая речь у детей исчезает, и объяснил этот факт следующим образом. К данному времени мышление ребенка становится логичным и социализированным, поэтому эгоцентрическая речь со всеми ее особенностями отмирает, заменяясь обычной, внутренней или внешней речью.

Л. С. Выготский, ведя заочный спор с Ж. Пиаже по поводу происхождения и судьбы эгоцентрической речи, понимал и объяснял ее динамику по-другому. Он доказал, что эгоцентрическая речь является промежуточной формой речи между внешней и внутренней речью. Эгоцентрическая речь, по Л. С. Выготскому, уже обладает многими признаками внутренней речи, которые, однако, проявляются еще вовне. Это позволяет на примере анализа эгоцентрической речи устанавливать и определять особенности самой внутренней речи. К 6—7 годам эгоцентрическая речь, по Л. С. Выготскому, не исчезает, как полагал Ж. Пиаже, а превращается во внутреннюю речь.

Диалогическая речь — это разновидность речи, в рождении и восприятии которой принимают участие два человека, причем высказывания одного из них являются стимулами и реакциями (репликами) на высказывания другого. Такая речь может быть непонятной воспринимающему ее человеку, если он не слышит следующие друг за другом высказывания и реплики двух говорящих между собой людей. Ученые полагают, что диалогическая форма речи является генетически первичной по сравнению с монологической и другими разновидностями речи. Это означает, что как в филогенезе, так и в онтогенезе устный диалог как форма речи появляется раньше других ее разновидностей, в частности монологических.

Монологической называют речь, которая полностью порождается и реализуется только одним человеком. Монолог, соответственно, может быть внешним или внутренним, устным или письменным. Во внешнем монологе мы имеем дело с речью одного человека, адресованной другим людям. Во внутреннем монологе представлен своеобразный диалог человека с самим собой или с воображаемым собеседником. Это имеет место, например, когда человек размышляет над каким-либо вопросом про себя, представляя, соответственно, аргументы и контраргументы по данному вопросу для себя и обсуждая их с собой. Устный монолог — это речь, произносимая одним человеком, а письменный монолог — написанный им текст.

Вербальной в узком, традиционном смысле этого слова называют речь, имеющую соответствующее звуковое или письменное словесное оформление. Чаще всего это обычная устная речь. С помощью вербальной речи люди общаются друг с другом, превращая свои мысли в соответствующие звучащие слова. Существует, однако, и более широкое понимание вербальной речи, когда к ней относят любую словесно оформленную речь, в том числе письменную. Так, например, в лингвистике вербальным текстом называют любой словесный устный или письменный текст, а вербальной нотой — письменное сообщение (нота), делаемое дипломатическим представительство и приравниваемое к устному заявлению. Правда, в таком, расширенном значении термин «вербальный» в современной психологии и лингвистике используется редко.

Невербальной речью называют все разновидности речи, не имеющие словесного, устного или письменного оформления. Это самое общее, широкое определение невербальной речи. В более узком, специальном и чаще всего употребляемом значении словосочетание «невербальная речь» означает язык телодвижений — жестов, мимики и пантомимики. Иногда к более простым формам невербальной речи относят также передачу информации с помощью разнообразных физиологических реакций.

Вербальная речь обладает большими возможностями в плане кодирования и передачи информации, чем невербальная речь, поэтому люди при возможности предпочитают пользоваться ею. Однако, когда практически невозможно воспользоваться вербальными средствами общения или их недостаточно для передачи того содержания, которое человек хотел бы сообщить другому человеку, люди обращаются к невербальным средствам общения, в частности к языку жестов, мимики и пантомимики.

Язык жестов, как его иногда для краткости называют, хотя в нем участвуют мимика и пантомимика, рассчитан на зрительное, а не слуховое восприятие. Человеку, который им пользуется для восприятия и оценки речи другого человека, достаточно видеть жесты, мимику и пантомимику этого человека, чтобы иметь возможность воспринимать и понимать его. Однако невербальный язык имеет свою семантику, свое смысловое содержание различных жестов и телодвижений, поэтому человеку, который пользуется таким языком, надо знать его правила и семантику. Некоторые из телодвижений являются врожденными и по своему содержанию без специального обучения понятны практически всем людям, живущим на земле. Некоторые из телодвижений, включая жесты и мимику, выступают как приобретенные и характерные для определенной культуры, причем одни и те же телодвижения в разных культурах могут наполняться различным смысловым содержанием. Такие жесты, мимику и пантомимику надо специально осваивать, чтобы правильно понимать людей, принадлежащих к соответствующей куль-

туре. Есть национально специфические жесты и телодвижения, которые могут оказаться непонятными для представителей других культур. К примеру, покачивание головой из стороны в сторону в России и других странах означает отрицание или несогласие, в то время как в Болгарии такое движение головой, напротив, означает согласие или подтверждение. Хлопанье в ладоши в русскоязычной культуре означает только одобрение и недопустимо на похоронах, в то время как в других культурах оно может иметь совсем другой смысл и является допустимым при проводах человека «в мир иной».

Наблюдения, проведенные психологами, показывают, что даже в отсутствии моделей — тех людей, кому следует подражать, осваивая язык жестов, люди в общении друг с другом, если они вынуждены таким образом обмениваться информацией, пользуются многими, по-видимому, не усвоенными в результате обучения жестами. Они в состоянии, кроме того, если в этом имеется особая нужда, даже придумать собственный язык жестов. В одном из экспериментов, который будет описан в параграфе, посвященном формированию и развитию речи, глухие дети, предоставленные самим себе на долгое время, придумали для себя новый язык жестового общения. Для начала они пользовались в основном естественными, природными жестами, дополняя их некоторыми движениями рук, понятными другим детям. Например, они производили порхающие движения пальцами для того, чтобы изобразить падающий снег; скручивали свои пальцы, чтобы продемонстрировать бутылку с завинчивающейся крышкой. Затем, однако, дети самостоятельно изобрели другие, явно не являющиеся врожденными, жесты, и, убедившись в том, что сверстники их хорошо понимают, стали пользоваться этими жестами в общении с ними.

Точно так же, как различны вербальные формы речи и лежащие в их основе языки, у разных народов и в разных странах мира различаются невербальные средства общения. Они, в частности, касаются особого, жестового языка, которому специально обучают глухонемых людей. Так, например, язык жестов в России, которому обучаются глухонемые люди, во многом отличается от того языка жестов, которому обучают глухонемых людей в Соединенных Штатах Америки. Практика показывает, что во многих странах мира наряду с естественными, вербальными языками исторически выработались национально специфические искусственные, невербальные языки, которым нужно специально учиться.

Обучаясь национально специфическому жестовому языку, дети осваивают его по тем же законам, по которым осваивается вербальный язык людьми с сохраненным слуховым и речевым аппаратом. Показано, что на пути освоения жестового языка люди проходят через те же стадии развития, через которые проходят дети, осваивающие обычную, вербальную речь. Более того, существуют данные о том, что взрослые люди, которые по тем или иным причинам оказались неспособными общаться с помощью обычной звуковой или вербальной речи, в состоянии придумать для себя такой язык, которым они могли бы воспользоваться в общении друг с другом. Самое, однако, замечательное заключается в том, что и придуманные людьми необычные или искусственные языки подчиняются в своем освоении и функционировании тем же законам, что и обычные, естественные языки.

Представленные выше разновидности речи можно рассматривать как их своеобразную психологическую классификацию. В нее, как уже было ска-

зано, вошло сравнительно небольшое количество видов речи, которые в первую очередь интересуют ученых-психологов. Разумеется, этими видами речи их перечень отнюдь не исчерпывается, поэтому полезно также ознакомиться с принятыми в лингвистике, более развернутыми и полными классификациями видов речи человека.

Австрийский лингвист Ф. Кайнц, например, предлагает делить все виды речи на следующие: **инициативная (спонтанная), реактивная, имитационная, автоматическая и стохастическая (вероятностная)**.

Инициативная — это такая речь, которая произносится человеком произвольно (спонтанно) и рождается по его инициативе. При этом нет ограничений на содержание или форму произносимого или записываемого (письменного) речевого высказывания. Именно такой является в большинстве случаев монологическая устная или письменная речь.

Реактивной называют речь, которая возникает в ответ на практические или речевые действия другого человека. В данном случае как содержание, так и форма речи зависят от того, что говорят другие люди и на что реагирует данный человек. Например, в диалоге реплика (реакция) одного человека всегда определяется тем, что и как ему говорит другой человек, от содержания и формы воспринимаемой в диалоге речи собеседника.

Имитационная речь представляет собой высказывание, которое выступает как подражание речи другого человека, как ее своеобразное копирование. Такая форма речи характерна, например, для маленьких детей, которые только еще учатся правильно говорить и с этой целью копируют, повторяют речевые высказывания окружающих людей.

Автоматической называют речь, которая представляет собой поток или не имеющих смысла, или не связанных друг с другом в целостные, осмысленные речевые высказывания слов. Такая речь, как правило, не осознается человеком, которому она принадлежит, не воспринимается как осмысленная окружающими людьми. Подобная разновидность речи нередко возникает при заболеваниях центральной нервной системы и является признаком серьезных нарушений психики человека.

Стохастическая или вероятностная речь характеризуется как такая, которая представляет собой автоматизированное письмо. В нем слова объединяются во фразы и следуют друг за другом автоматически, например, так, как в выученном наизусть отрывке текста или стихотворении. Однако в отличие от определенной выше автоматической речи стохастическая речь является осмысленной и не воспринимается как бессмысленный поток механически соединенных друг с другом слов.

Достаточно сложную, многопараметрическую классификацию видов речи предложил известный российский психолингвист А. А. Леонтьев¹. Данная классификация интересна тем, что включает в себя разновидности речи, выделяемые как по психологическим, так и по лингвистическим признакам одновременно. Эта классификация выглядит следующим образом.

1. Виды речи, выделяемые по участию сознания в регуляции речевой деятельности:

а) **неосознаваемая (бессознательная)** речь. Данная разновидность речи близка к автоматической речи, по Ф. Кайнцу, и появляется у человека тогда,

¹ Эту классификацию, представляя ее в учебнике, мы несколько видоизменили, сократили и дополнили, чтобы она стала более понятной тому, кто недостаточно знаком со специальными лингвистическими терминами (их А. А. Леонтьев довольно часто использует в своих научных работах).

когда он не находится в состоянии полного сознания, например, во сне или в бреду;

б) **осознаваемая речь**. Это частично контролируемая, но полностью не управляемая сознанием речевая активность;

в) **сознательная речь**. Это речь, полностью осознаваемая и контролируемая сознанием человека. Она представляет собой обычную, повседневную речь человека, появляющаяся у него тогда, когда он находится в состоянии сознания.

2. Виды речи, характеризующиеся по месту, занимаемому речевым актом в структуре деятельности:

а) **планирующая речь**. Это речь, с помощью которой человек планирует предстоящую деятельность и, когда его деятельность уже началась, контролирует ее процесс;

б) **речь — действие**. В данном случае речевая реакция или высказывание человека по ходу деятельности занимает в ней функциональное место действия в структуре деятельности, по А. Н. Леонтьеву;

в) **сопоставляющая речь**. С помощью такой речи человек сравнивает, оценивает, сопоставляет то, что он уже сделал в ходе выполнения деятельности, с тем, что было намечено, запланировано и предстоит еще сделать.

3. Виды речи, определяемые по мотивационной основе речевого акта (высказывания):

а) **спонтанная речь**. Это та же разновидность речи, которая подобным образом обозначается в классификации Ф. Кайнца;

б) **ситуационно обусловленная речь**. Она возникает в какой-либо конкретной ситуации, связана с ней и может быть полностью понята только в данной ситуации, в результате соотнесения содержания речи с соответствующей ситуацией;

в) **контекстно обусловленная речь**. Она представляет собой разновидность речи, зависящую от темы разговора и контролируемую тем, что обсуждается в данном речевом контексте;

4. Виды речи, характеризующиеся по их функциональной направленности:

а) **приказ или просьба**;

б) **вопрос**;

в) **приветствие**;

г) **восклицание**;

д) **речь как автоматическая реакция** на что-либо;

е) **констатирующее высказывание** (высказывание, в котором нечто просто утверждается как факт).

Многие разновидности речи, в частности вербальная речь, имеют два ряда признаков: **лингвистические** и **паралингвистические** (иногда их также называют экстралингвистическими). Лингвистические признаки речи — это те, которые изучаются в языкознании и представлены в понятиях (терминах), которые для характеристики речи обычно используются в лингвистике. Многие из них названы в приведенной выше классификации видов речи по А. А. Леонтьеву и отражены в таких разделах лингвистики, как грамматика, стилистика и др. Паралингвистические признаки речи — это те, которые сопутствуют ей и не описываются с помощью лингвистических терминов. К ним, как уже было сказано в одном из предыдущих замечаний, относятся громкость и темп речи, интонация, паузы, ударение и тембр. Они также, как и лингвистические признаки, несут определенное содержание (как правило, смысловое) и также необходимы для полноценного речевого

общения, обмена информацией и взаимопонимания людей, как и лингвистические особенности речи.

Один из вопросов, связанных с речью и представляющих собой интерес как для филологов (лингвистов), так и для психологов, — это вопрос о формировании и развитии речи человека. Он будет специально обсуждаться в четвертом параграфе данной главы, а здесь мы намерены сформулировать только некоторые предположения, касающиеся генетически первичных форм речи, в первую очередь тех, которые появились первыми в истории человечества.

Можно предположить, что филогенетически самой ранней формой речи людей стал язык телодвижений. Такое предположение подтверждается следующими фактами. Во-первых, данная разновидность речи во многом является врожденной и существует как средство обмена информацией у современных высших животных. Во-вторых, она сопровождается разнообразными естественными звуками, которые также несут определенную информацию о состоянии живого организма в данный момент и могут оказаться значимыми для других живых организмов, взаимодействующих с ним. В истории человечества, вероятно, имел место достаточно длительный период использования и постепенного совершенствования этой комплексной, звуко-двигательной разновидности примитивной человеческой речи. По данным археологов и антропологов, этот период мог занять в антропогенезе около полумиллиона лет.

После этого, как показывают археологические данные, люди научились изображать то, что они намеревались сказать, с помощью соответствующих письменных знаков, и, начиная с этого времени (около ста тысяч лет назад), шло параллельное и одновременное совершенствование трех разновидностей речи: языка телодвижений, вербальной (звуковой) речи и письма (письменной речи). Всеми этими разновидностями речи человек пользуется до сих пор, но в речевом общении ныне живущих на земле людей они решают различные задачи, взаимно дополняя друг друга. Эти задачи, в свою очередь, непосредственно связаны с основными функциями речи. Так, например, с помощью внешней речи люди главным образом общаются друг с другом, т.е. данная разновидность речи реализует в основном **коммуникативную** функцию. Она касается обмена информацией между людьми. Посредством внутренней речи осуществляется психологическая саморегуляция. Следовательно, внутренняя речь по преимуществу выполняет **саморегуляционную** функцию. Письменной речью человек чаще всего пользуется для записей и хранения информации, практическое обращение к которой отсрочено во времени по сравнению с моментом производства (порождения) соответствующего речевого высказывания. С помощью письменной речи люди, например, передают информацию из поколения в поколение, но также сохраняют ее для себя до востребования. Следовательно, основная функция письменной речи — **мнемическая**, т.е. запоминание и хранение информации. Можно было бы и дальше продолжать приводить примеры тех конкретных функций, которые могут выполняться отдельными видами речи, но полезнее будет выделить и представить сами эти функции в систематизированном виде.

Почти все описанные выше разновидности речи человека являются многофункциональными, т.е. выполняют в жизни сразу несколько различных функций. Например, большинство видов речи выступает не только как средство общения, но и как носители информации (памяти), как выразители содержа-

ния сознания и бессознательного в психике людей, как средство управления психикой и поведением человека, причем не только автора соответствующего речевого высказывания, но и окружающих его людей, включая тех, кто в его непосредственном окружении в данный момент отсутствует (кому, в принципе, могло бы быть адресовано данное речевое высказывание).

Среди многочисленных функций речи человека можно выделить основные и второстепенные. Главными функциями речи являются следующие: **коммуникативная, интеллектуальная, мотивационно-регулирующая, психодиагностическая и психотерапевтическая**. Рассмотрим каждую из них в отдельности.

Коммуникативная функция речи проявляется в том, что она выступает как средство общения и обмена информацией между людьми. Данная функция речи используется в различных видах общения и взаимодействия людей друг с другом, является исторически (генетически) первичной. Это касается как антропогенеза в целом, так и прижизненного развития каждого отдельно взятого человека.

Интеллектуальная функция речи заключается в ее активном участии в регуляции процессов мышления. Наиболее очевидным образом данная функция речи проявляется в словесно-логическом мышлении, которое основано на знании и использовании языка, прежде всего, на уровне понятий. Эта функция наилучшим образом реализуется во внутренней речи, а также в некоторых внешних формах речи, таких, например, как диалог или монолог.

Диалог представляет собой процесс мышления (решения задач), разделенный и распределенный между двумя людьми, причем оба человека, включенные в диалогическое общение, принимают в нем активное участие. Монолог — это процесс речевого мышления одного человека. Данную функцию — мышление в форме монолога — речь человека приобрела, по-видимому, одной из последних. Это, по крайней мере, характерно для процесса онтогенетического развития речи. Хорошо известно, что умение рассуждать вслух и, тем более, про себя, решая какую-либо задачу, появляется у большинства детей достаточно поздно, не раньше 6–7 лет.

Мотивационно-регулирующая функция речи заключается в управлении с ее помощью теми процессами, которые происходят внутри человека, а также поведением окружающих людей. Например, с помощью внутренней речи человек управляет своими психическими процессами, состояниями и деятельностью, а посредством внешней речи — психикой и поведением других людей. На этой же функции основана и произвольная психологическая саморегуляция человека.

Психодиагностическая функция речи выражается в ее использовании в целях психодиагностики, т.е. в возможности на основе анализа речи человека судить о его психологии. Этой функцией речи все люди постоянно пользуются в повседневном общении друг с другом, оценивая психологические особенности друг друга по характеристикам речи. Эта же функция применяется в научной и практической психологии в различных психодиагностических методиках, например в вопросниках, проективных и других тестах, связанных с психологическим анализом текстов с целью получения знаний о психологии их авторов.

Психотерапевтическая функция речи проявляется в оказании положительного, в том числе терапевтического, влияния на людей посредством речи, включая и самого человека (например, через самовнушение). Эта функция часто применяется в повседневной жизни многими людьми, когда они ставят

перед собой задачу оказать через речь определенное влияние на другого человека, например, помочь ему справиться с возникшими в его жизни проблемами. Она же широко применяется в современных методах психотерапии, например, в аутогенной тренировке, в гештальттерапии, в нейролингвистическом программировании и некоторых других¹.

Знаково-символические формы речи широко применяются во многих современных средствах связи и обмена информацией между людьми. Это позволяет дополнительно к тем функциям, которые были названы выше, выделить ряд других функций речи, например *познавательную* и *интеграционную*. Познавательная функция речи состоит в том, что через нее и с ее помощью человек получает разнообразные знания. Эта функция с успехом реализуется в наши дни через средства массовой информации, в частности Интернет. Интеграционная функция речи заключается в том, что обращение к ней объединяет людей, превращает их в единую социальную общность. Наиболее отчетливо данная функция речи также может быть представлена через средства массовой информации. Известно, что с появлением и распространением в мире новейших средств связи и общения людей возникла и новая, глобальная социальная общность пользователей Интернетом.

Подведем краткие итоги обсуждения видов и функций речи.

1. Существует множество разновидностей речи, которые представляют разный интерес для лингвистов и психологов. Соответственно, лингвистическая и психологическая классификации видов речи между собой не совпадают.
2. Лингвистическая классификация видов речи является наиболее полной, а также более обоснованной, чем те классификации, которые нередко выделяются и упоминаются в психологической литературе.
3. Психологи выделяют и в основном изучают устную и письменную, внешнюю и внутреннюю, диалогическую и монологическую, вербальную и невербальную формы речи. Каждый из этих видов речи имеет психологические особенности и специфическое, характерное для них функциональное психологическое назначение.
4. Особый интерес для психологов представляет внутренняя речь, поскольку она участвует в психологической саморегуляции всех познавательных процессов, состояний и поведения человека.
5. Эгоцентрическая речь представляет собой промежуточную форму речи между внешней и внутренней речью. Дискуссия между Л. С. Выготским и Ж. Пиаже относительно природы и судьбы эгоцентрической речи показала, что прав в ней оказался Л. С. Выготский.
6. Язык жестов (жестовая речь) — это генетически первичная разновидность языка (речи). То же самое можно утверждать относительно диалогической речи, сравнивая ее с монологической речью.
7. Одна из наиболее известных лингвистических классификаций видов речи была предложена австрийским лингвистом Ф. Кайнцем.
8. Более развернутую типологию видов речи, базирующуюся на нескольких основаниях (критериях), предложил российский филолог и психолингвист А. А. Леонтьев.
9. Речь человека имеет как лингвистические, так и паралингвистические (экстралингвистические) особенности.

¹ Эти методы изучаются на занятиях по практической психологии.

10. В филогенезе вслед друг за другом возникли и стали развиваться следующие виды речи: язык (речь) телодвижений, звуковая (вербальная) речь и знаково-изобразительная (письменная) речь.
11. Различные виды речи связаны с решением человеком разнообразных задач. Ими определяются основные функции речи современного человека: коммуникативная, интеллектуальная, мотивационно-регулирующая, психодиагностическая и психотерапевтическая.
12. Кроме названных выше функций речи можно также выделить познавательную и интеграционную функции. Они реализуются посредством современных средств массовой информации, включая сотовую телефонную связь и Интернет.

7.3. Значение и смысл речевых высказываний

Любое слово, используемое человеком в речи, имеет две стороны: **значение** и **смысл**. Значением слова называют его содержание, которое вкладывается в данное слово носителями языка. Так обычно называют людей, которые понимают его, говорят на нем или пользуются им в каких-либо иных целях.

Значения слов формально являются одинаковыми для всех людей, если предположить, что в поисках их определений они обращаются к одному и тому же языку (или толковому словарю)¹. Соответственно, с большей или меньшей полнотой значения слов могут быть отражены в различных толковых словарях соответствующих языков. Однако и эти словари, и люди, говорящие на том или ином языке, с разной степенью полноты представляют себе и владеют значениями тех слов, которые они используют в речи или которые встречаются в речи других людей. Ни один толковый словарь, ни один человек на земле не в состоянии правильно и точно понимать значения всех без исключения слов любого из языков.

Это объясняется несколькими причинами: во-первых, тем, что для разных людей, в том числе для специалистов-лингвистов (филологов), язык раскрывается по-разному; во-вторых, тем, что язык является «живым» и постоянно меняется за счет изменения значений отдельных слов; в-третьих, значения слов, фиксируемые в толковых словарях соответствующих языков, устанавливаются путем опроса определенного количества людей, а изучить и обобщенно представить в одном определении значения, вкладываемые в одни и те же слова всеми без исключения людьми, практически невозможно. К примеру, ученые подсчитали, что даже А. С. Пушкин, который по праву считается человеком, владевшим огромным запасом слов русского языка, большим, чем многие его соотечественники, в своих литературных произведениях использовал всего лишь 12% слов русского литературного языка, не говоря уже о многих других языках, например научных или специальных.

В данном случае, как и во многих других, мы вновь сталкиваемся с ситуацией, когда одно и то же понятие по-разному трактуется в различных науках. Так, например, логики говорят не столько о значении слова, сколько о значении объекта, называемого соответствующим словом. В известном логическом словаре

¹ Правда, в различных толковых словарях значения одних и тех же слов могут раскрываться по-разному. Поэтому абсолютно одинаковых представлений даже о значениях слов в языке и у его носителей практически не существует.

Н. И. Кондакова значение определяется как то, чем данный объект является для людей. В свою очередь, значение языкового выражения понимается как «тот предмет, который словесно зафиксирован в сознании человека»¹. Очевидно, что в данном определении значение и смысл слова (или выражения) объединены друг с другом или должным образом не разведены. Это вытекает из следующего высказывания автора цитируемого словаря, которое находится на той же странице: «Когда значение данного языкового выражения соотносится со значением других языковых выражений или с предметной областью, тогда выясняется смысл языкового выражения...». В лингвистике, в свою очередь, говорят уже не об одном, а о множестве значений слова, и здесь также четко не различаются значение и смысл слова². Следовательно, для выяснения того, что представляют собой эти содержательно различные стороны слова, необходимо обратиться к психологии или психолингвистике.

Со значением слова связано представление о нем как о понятии. В окружающем нас мире разнообразных объектов, предметов, явлений и т.п. существует гораздо больше, чем слов в любом языке. По мере познания людьми себя и окружающего мира лексический состав языков постоянно обогащается. Современные языки располагают намного большим количеством слов, чем древние языки, и этот процесс, ускоряясь, идет по возрастающей — с такой скоростью, с какой расширяются и углубляются знания людей о мире. Однако вряд ли когда-либо настанет такой момент, когда объем и содержание языков сравняются с объемом и содержанием того, что существует в мире, с объемом и содержанием человеческих знаний о нем. Эти знания представлены не только в словесной, но и в сенсорной (на уровне ощущений), в перцептивной (на уровне образов), в интеллектуальной (на уровне интуитивных идей, не облеченных в слова) формах. Получая новые знания о мире, новую информацию о нем, люди ищут способ как-то отобразить ее в словах. Однако практика показывает, что отдельных слов для обозначения всего того, что люди знают, обычно не хватает, и люди предпочитают многие знания объединять в группы, обобщенно представляя их на уровне слов-понятий.

Поскольку люди не имеют четкого представления о том, чего они не знают, то трудно даже приблизительно определить и сравнить между собой объемы лексического (словесного) содержания языков и количество объектов и явлений, реально существующих в мире (последних, наверное, бесконечное или несчетное количество, в то время как любой язык конечен и ограничен по лексическому составу). Если бы каждый объект или каждое отдельно взятое явление люди обозначали отдельным словом, то общий словарный запас языка также стал бы практически бесконечным — таким, который ни один человек не смог бы полностью освоить. Выше уже говорилось о том, что любой человек не в состоянии владеть значениями всех слов даже своего родного языка. Кроме того, таким языком, в котором каждое отдельно взятое слово обозначало бы отдельно существующий предмет или какое-либо частное явление, нельзя было бы пользоваться, поскольку человеку в речи слова приходилось бы постоянно менять вслед за мельчайшими изменениями, происходящими в обозначаемых ими объектах, явлениях или ситуациях, связанных с использованием речи. Такой язык не годился бы и для мыш-

¹ Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М., 1975. С. 185.

² В этом мы убедимся дальше, когда будет раскрыто содержание различных значений слова, выделяемых и определяемых в лингвистике.

ления, поскольку в самом мышлении слова выступают в их обобщенной форме, на уровне понятий. Поэтому в любом языке отдельных слов намного меньше, чем отражаемых с их помощью предметов и явлений. Почти каждому слову в языке соответствует как минимум несколько разных предметов и явлений, за исключением тех слов, которые понятиями не являются. Это, например, собственные названия каких-либо предметов или явлений.

В логике понятие определяется как обобщенная мысль об определенном классе предметов или явлений, представляющая общие и специфические для них признаки. Понятие также можно определить через общее содержание, которое люди вкладывают в соответствующее ему слово. В данном случае понятие и значение слова выступают как совпадающие друг с другом.

Между понятием и значением слова есть и определенные отличия. Одно из них заключается в том, что понятие представляет некоторый объект только обобщенно, а значение слова — одновременно и обобщенно, и конкретно, в том виде, в каком данный объект существует в действительности. Имеется также следующее различие между понятием и значением слова. Слово как понятие, когда им пользуются в науке, имеет точное, закрепленное за ним значение (иногда допускается наличие у одного и того же слова разных значений, если данное понятие используется в различных науках или в тех из них, которые не относятся к категории точных, например, в гуманитарных или социальных науках)¹. Если данное понятие житейское, то оно отличается от научного понятия меньшей строгостью определения и меньшей определенностью своего конкретного содержания. В отличие от научного понятия значение слова — это то конкретное содержание, которое отдельные люди или группы людей в данной конкретной ситуации вкладывают в соответствующее слово. Значения слов более вариативны, чем понятия. Значения одного и того же слова могут оказаться разными у пользующихся им людей, в то время как слово, рассматриваемое на уровне научного понятия, должно иметь одно и то же содержание.

В научном понятии отражается так называемое абстрактное содержание слова или такое его содержание, которое в обобщенной форме представлено в мыслях людей, пользующихся данным понятием, причем независимо от той или иной конкретной ситуации или обстановки. Значение слова, напротив, всегда конкретизировано и соотносится с обстановкой или ситуацией, в которой люди в данный момент находятся, пользуются словом или обмениваются информацией друг с другом. В мышлении люди, кроме того, пользуются понятиями, а в общении друг с другом — значениями слов.

Этимологически и функционально термин «значение» связан, по-видимому, со словами «знание» и «знак». Если это действительно так, то значение должно включать в себя всевозможные знания, связанные с данным знаком (словом), его разнообразное содержание, представленное не только в виде идей, но также в форме ощущений и образов. Термин «понятие», в свою очередь, генетически и функционально соотносится, как можно предполагать, со словом «понимать», и, следовательно, под ним понимаются обобщенные мысли или идеи, возникающие

¹ Психология относится к группе гуманитарных наук, поэтому и в ней допускается многозначность научных понятий. В одном и том же психологическом словаре можно обнаружить до девяти и более различных определений одного и того же понятия. См., например, *Немов Р. С. Психологический словарь*. М., 2007.

у людей в связи с использованием соответствующего слова как понятия в процессе мышления.

Имея в виду значения слов, специалисты-лингвисты выделяют несколько их разновидностей. Основные из них являются следующими: *лексическое*, *грамматическое* и *референциальное*.

Лексическое значение — это содержание слова, отображающее в сознании человека закрепленное в нем представление о некотором предмете, свойстве, процессе или явлении. Грамматическое значение — это языковое назначение слова, выражаемое в выполняемых им грамматических функциях. К примеру, разные грамматические значения имеют слова, представляющие различные части речи. Референциальное значение — это конкретный, специфический объект или событие, обозначаемое словом, его референт. Референциальное значение обычно зависит от контекста, в котором употребляется слово, и является контекстно-специфическим. Одно и то же слово в различных контекстах может иметь разные референциальные значения.

Смысл слова — это нечто иное, чем его значение. Строго говоря, смысл слова — это даже не лингвистическая или логическая, а сугубо психологическая категория¹. Смысл слова включает в себя то, что выражает отношение обозначаемого данным словом и в данном контексте к актуальным интересам и потребностям конкретных людей. Индивиды, имеющие разные потребности, будут, соответственно, вкладывать различный смысл в одни и те же слова. Он может меняться для одних и тех же людей и объектов в различных социальных контекстах, т.е. является динамичным в отличие от значения слова, которое всегда остается постоянным. Изменения в смыслах слов могут происходить вслед за изменениями в мотивации человека. Когда, например, говорят, что нечто раньше представляло для человека интерес, а затем утратило его, то под этим понимают изменение смысла соответствующего объекта для человека.

Определение смысла слова не требует обращения к толковым словарям, поскольку там представлены только значения слов. Для точного определения смысла слова для того или иного конкретного человека необходимо знать, по крайней мере, следующее:

- а) каковы наиболее важные, актуальные потребности данного человека;
- б) каким образом и в какой степени эти потребности могут быть удовлетворены при помощи объекта, смысл которого мы стремимся выяснить;
- в) что связано с данным объектом в прошлой жизни соответствующего человека (для этого, в частности, желательно иметь представление о содержании автобиографической памяти этого человека).

Если проводить психодиагностику смысла слова, то его можно установить, например, через дополнительные ассоциации — мысли, образы и чувства, которые возникают в голове человека при восприятии или использовании данного слова (имеются в виду ассоциации, не входящие в содержание общепринятого значения соответствующего слова). Например, слово «война» будет иметь одинаковые значения для всех людей, говорящих на данном языке, но различные смыслы для тех, кто участвовал в войне или знает о ней понаслышке. Существуют также слова, которые понятиями не являются и, соот-

¹ Следует, правда, признать, что понятие «смысл» широко употребляется в разных науках и имеет немало количество различных значений. Говоря о том, что оно представляет собой психологическую категорию, мы имеем в виду понимание смысла, принятое в психологических науках, в том числе в трудах А. Н. Леонтьева и его последователей.

ответственно, не имеют общепринятых значений (понятийная часть слова входит в содержание его значения). Это, например, имена людей. Вместе с тем, если это имя хорошо знакомого человека или имя, ассоциируемое в сознании человека с определенными людьми, то оно, несомненно, будет иметь разные смыслы для разных людей. То же касается значений и смыслов различных предметов. Например, одна и та же книга может напомнить литературоведу об авторе данной книги, об эпизодах из ее содержания, о стиле и форме изложения текста; студенту — о фактах, связанных с его обучением в вузе, если ему приходилось пользоваться данной книгой как учебной; члену семьи — о комнате или столе, на котором лежала эта книга; близкому человеку — о людях, которым она принадлежала, и т.д.

Значения слова в общении людей друг с другом с наибольшей полнотой передаются посредством лингвистических характеристик речи, а смысл слова — с помощью ее паралингвистических особенностей. Разговаривая с людьми, мы пользуемся и теми, и другими признаками для передачи, соответственно, значений и смыслов слов. Например, воспринимая и оценивая речь других людей, мы стараемся точно определить как значение того или иного слова, произносимого человеком, так и смысл, который в него вкладывает говорящий. Поэтому для полноценного и психологически глубокого общения людей друг с другом, рассчитанного на взаимопонимание, необходимо сочетание в общении людей друг с другом и значений, и смыслов используемых ими слов. То и другое — знание значений и понимание смыслов слов — входит в состав того, что психологи называют **коммуникативной компетентностью**. Другими словами, коммуникативно компетентным можно назвать только такого человека, который в состоянии сознательно и умело пользоваться как средствами передачи и восприятия значений, так и средствами передачи и интерпретации смыслов слов.

Устная речь позволяет намного лучше, чем другие виды речи, выражать смыслы слов, так как паралингвистические особенности речи, в основном выражающие смысл речевых высказываний, характеризуют именно данную разновидность речи. Можно, конечно, смыслы слов передавать и с помощью письменной речи, но там это делать намного труднее, поскольку паралингвистические возможности письменной речи ограничены. То, что в устной речи можно передать кратко и точно, воспользовавшись сочетанием сопровождающих ее вербальных и невербальных, лингвистических и паралингвистических компонентов, в письменной речи передается с помощью множества слов и выражений, в которые, чтобы понять ее смысл, необходимо еще внимательно вчитываться.

Проблемой значений слов, их формированием, изменением, восприятием и пониманием людьми занимается специальная наука под названием **семантика**. Она является частью современного языкознания, и в ней, в частности, ставится и обсуждается вопрос о том, каким образом слова приобретают характерные для них значения. Существуют две основные теории, объясняющие этот процесс: **определятельная теория значений** и **теория прототипов**.

В определятельной теории значений утверждается, что значение любого слова можно разложить на набор компонентов, которые в сознании человека организованы наподобие того, как они организованы в стандартных словарях. Согласно данной теории, значения слов — это совокупности семантических свойств, передаваемых другими словами и связываемых именно с данным словом. К примеру, полное значение слова «холостяк» можно составить

из набора следующих семантических характеристик: «человек», «мужчина», «взрослый», «не женат». Значение слова «мебель» складывается из частных значений следующих слов: «сравнительно объемный предмет домашней обстановки»; «как правило, изготовленный из дерева»; «то, что используется в качестве подставки или для хранения в нем чего-либо, а также расположения на нем каких-либо предметов или размещения людей».

В теории прототипов, в свою очередь, утверждается, что значения слов описываются как набор характеристик, ни одна из которых, взятая в отдельности, не является ни необходимой, ни достаточной для определения точного значения соответствующего слова. Оно зависит от структуры или сочетания друг с другом различных характеристик. Такое сочетание называют иногда «структурой семейного сходства», поскольку словом «род» или «семья» обычно обозначают множество людей, имеющих родственные отношения, в чем-то похожих и в чем-то не похожих друг на друга. «Семейное сходство» в данном случае основано на наборе признаков, ни один из которых не встречается у всех без исключения членов соответствующей «семьи слов». Прототипом в данной теории называют некоторое сочетание свойств, которое позволяет тот или иной конкретный объект отнести именно к данному типу.

В связи с обсуждаемой теорией образования значений слов возникают следующие, непросто и неоднозначно решаемые вопросы: каким образом прототип представлен в памяти человека? Как происходит идентификация конкретного воспринимаемого объекта с его прототипом и отнесение данного предмета к соответствующему типу?

В психолингвистическом подходе к решению проблемы сущности языкового значения слова также можно выделить две основные тенденции: **структурный подход**, определяющий параметры значения, и **трактовка значения как процесса**, когда в центре внимания ученого находятся проблемы освоения и понимания людьми значений слов. При обсуждении структурного подхода, в свою очередь, можно выделить два аспекта: проблему значения отдельного слова и компонентов этого значения, и проблему значения сочетания слов в целом предложении.

Компонентный анализ является весьма полезным методом выявления глубинных, дифференциальных семантических признаков значений той или иной системы терминов. Однако в связи с таким анализом возникают два важных вопроса. Во-первых, является ли подобный анализ некоторой семантической области психологической реальностью, т.е. отражает ли он в какой-то степени наше действительное отношение к представлениям о родстве? Во-вторых, — это еще более сложный вопрос — может ли такая форма компонентного анализа быть применена к исследованию семантических систем другого типа?

Классический подход к проблеме референции (соотнесения знака и значения) предполагает использование так называемого «треугольника значения», который выглядит, как это показано на рис. 7.1.

В каждом процессе соотнесения знака с его значением есть три составляющих: знак, передаваемая с его помощью мысль и референт¹. Существуют связи между знаком и мыслью, а также между мыслью и референтом. Связь

¹ Референт — это объект внеязыковой действительности, который имеет в виду автор устного или письменного высказывания, предметная отнесенность соответствующего знака, т.е. объект, к которому этот знак относится.

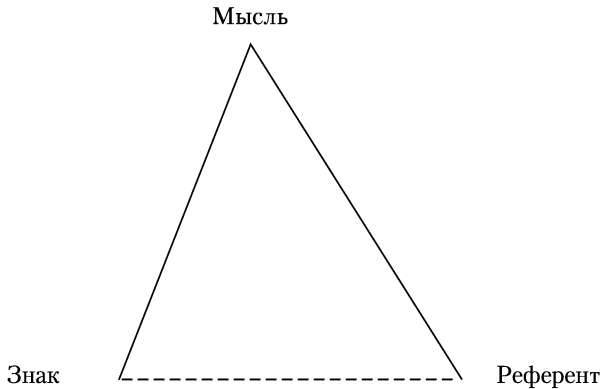

Рис. 7.1. Треугольник значения

между знаком и референтом никогда не бывает непосредственной, естественной или данной от природы. Эта связь задается (искусственно создается), складывается в результате приобретаемого опыта и существует только в сознании людей.

Мысль, согласно схеме, представленной на рис. 7.1, — это некий психологический процесс, происходящий при соотнесении человеком знака и референта (его также можно назвать интерпретацией знака). Историю психологического изучения явлений, лежащих в основе формирования значения, можно рассматривать как поиски, направленные на уточнение вершины данного треугольника, т.е. процесса мышления человека, связывающего между собой знак и его референт.

Не только лингвисты, но и современные психологи, ориентируясь, в свою очередь, на теорию и данные лингвистики, пытаются уяснить, каким образом человек, воспринимая слова или словосочетания, идентифицирует их, устанавливает и выясняет их значения. Исчерпывающего или хотя бы удовлетворительного ответа на данный вопрос со стороны лингвистов получено не было, поскольку опознание слова или понимание значения словесного высказывания — это не чисто лингвистический, а психолингвистический акт, опирающийся на выяснение формальных грамматических или иных лингвистических структур, также зависящий от психологии людей. Это, вместе с тем, самый сложный психологический акт, не уступающий по своей сложности аналогичным актам из области восприятия (опознание образа), памяти (идентификация нужной информации при ее запоминании или припоминания) и мышления (поиск и нахождение адекватного решения задачи). Поэтому психологи и среди них те, кто представляет новейшее направление в современной науке — когнитивную психологию, — предлагали свои интересные гипотезы на этот счет.

К примеру, американский психолог Дж. Мортон в основу модели опознания слов положил так называемый *логоген* — гипотетическую конструкцию, которая, по предположению, действует как «машина сложения»: она суммирует поступающую в мозг человека информацию и делает это до тех пор, пока не будет накоплено некоторое ее критическое количество (рис. 7.2). После этого должен появиться ответ, соответствующий определенному классу стимулов, т.е. ответ на уровне понимания значения того или иного слова или объекта. Логоген, в свою очередь, складывается путем интеграции разно-

образной сенсорной информации — слуховой, зрительной и др. Содержание логогена, связываемого с тем или иным словом, соответствует его значению.

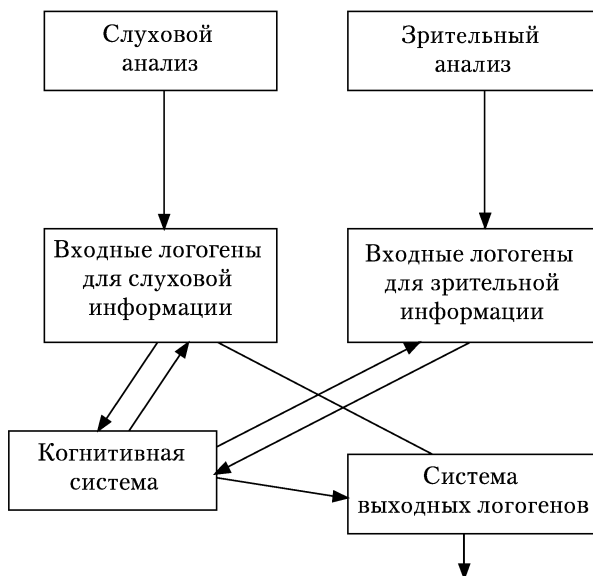

Рис. 7.2. Схема потоков информации в системе логогена

Подведем итоги тому, что обсуждалось в данном параграфе главы.

1. Понятия «значение слова» и «смысл слова» в логике и лингвистике являются многозначными и недостаточно точно определенными.
2. В поиске адекватного определения значений и смыслов слов необходимо ориентироваться не только на логику и лингвистику, но также на психологию.
3. Между понятием и значением слова существует как общее, так и различное.
4. В лингвистике выделяют разные виды значений слов: лексическое, грамматическое и референциальное.
5. Смысл слова отличается от его значения и представляет собой, скорее, психологическую, а не лингвистическую или логическую категорию.
6. Между значениями и смыслами слов имеются существенные различия.
7. Для полноценного общения и взаимопонимания людей необходимо, чтобы они обменивались как значениями, так и смыслами слов.
8. Устная речь является наиболее подходящей формой речи для передачи как значений, так и смыслов слов.
9. В лингвистике существуют теории, объясняющие с лингвистической точки зрения процесс передачи, восприятия и оценки человеком значений слов. Эти теории носят названия «Определительная теория значений» и «Теория прототипов».
10. Существует также классический подход к определению значения слова (соотнесения знака и значения), выделяющий в данном процессе три составляющих: знак, его значение и референт.

11. Лингвистический подход к пониманию значения слова не дает полного и исчерпывающего ответа на вопрос о том, как формируются, передаются и воспринимаются людьми значения слов. Существует необходимость поиска психологического решения данного вопроса.
12. Одним из таких решений является теория определения значений слов по Дж. Мортону, вводящая в научный оборот понятие логогена.

7.4. Теории происхождения речи

Один из вопросов, представляющий особый интерес в плане психологического изучения речи, — это вопрос о ее происхождении. Данный вопрос формулируется следующим образом: существуют ли у человека врожденные предпосылки к освоению речи или таких предпосылок нет, и все, что касается возникновения и освоения речи, связано исключительно с обучением и воспитанием человека?

Различные решения данного, ключевого для психологии речи вопроса могут иметь разные последствия для постановки и решения других вопросов. Если, к примеру, признается, что у человека существуют генотипические или врожденные предпосылки (задатки) к освоению речи, а у животных их нет, то простое и понятное объяснение получают многочисленные неудачи обучения животных человеческой устной и письменной речи. Сравнительно просто и легко в этом случае также объясняются недостатки в развитии речи у людей: они списываются на счет отсутствия врожденных задатков к освоению речи. Если же на этот вопрос отвечают отрицательно, т.е. не признают существование у человека врожденных предпосылок к освоению речи, то как неудачи в обучении человеческой речи животных, так и недостатки ее развития у человека объясняются неправильно организованным обучением и воспитанием.

Общая постановка и решение вопроса о происхождении речи человека имеет два аспекта: лингвистический и психологический. В лингвистическом плане данный вопрос ставится и решается как вопрос о происхождении языка, поскольку возникновение речи у человека тесным образом связывается с генезисом языка. Предполагается, что эти два процесса — становление языка и возникновение речи — у человека идут параллельно друг другу: как только появляется или изменяется язык, сразу же возникает или изменяется основанная на нем речь человека. Более того, допускается, что формирование и развитие речи практически невозможно отделить от появления и изменения языков, т.е. сама по себе отдельная постановка и частное решение вопроса о происхождении речи человека с лингвистической точки зрения смысла не имеют. Правильнее говорить о возникновении и развитии языка, причем ставить и решать данный вопрос необходимо, прежде всего, в филогенетическом, а не онтогенетическом аспекте.

По-другому тот же вопрос ставится и обсуждается в психологии. Рассматривая речь человека как одну из важнейших психических функций, ученые-психологи исходят из того, что язык, по крайней мере, для современного человека, существует как нечто объективное данное, и его человеку с детства (или тогда, когда он ставит перед собой задачу овладеть другим языком) приходится осваивать. Поэтому для психологов, в отличие от лингвистов, обсуждаемый вопрос звучит по-другому: каким образом человек осваивает уже готовый язык, и как на его основе далее появляется и развивается речь?

Вопрос о происхождении речи конкретного человека в психологии выступает, кроме того, как вопрос об освоении языка или речи, которыми уже владеют другие люди. Тем не менее, психологи, как и лингвисты, признают, что проблема происхождения речи человека тесным образом связана с происхождением языка, так как речь всегда возникает на базе освоения и использования человеком того или иного языка. Психологи признают, что генетическая связь между языком и речью является двухсторонней. Это признание объединяет их подход к решению поставленного вопроса с подходом, характерным для лингвистов.

Изучение вопроса о происхождении языка и речи, поставленного как вопрос о естественном (природном) или искусственном (социально-культурном) их происхождении, имеет давнюю историю, и впервые произошло еще в античном языкознании. Уже в то время сложились две обозначенные выше разные точки зрения на происхождение языка (речи): **естественная (природная)** и **искусственная (социально-культурная)**. В естественной теории происхождения языка и речи утверждалось, что они у человека имеют природный характер и появились, во-первых, естественным путем в силу необходимости удовлетворения органических (естественных) потребностей человека, во-вторых, с самого начала язык и речь развивались у человека на основе тех задатков, которые даны ему от природы. В искусственной или социально-культурной теории происхождения языка и речи доказывалась мысль о том, что они когда-то были придуманы людьми и не имеют ничего общего с природными задатками человека. Другими словами, у него нет особых, естественных задатков к изобретению языков или к формированию речи: все это носит искусственный, социально-обусловленный характер. Последнее, к примеру, обосновывалось ссылками на существование огромного количества разнообразных языков, многие из которых по своим лингвистическим особенностям не имеют между собой почти ничего общего. Сторонники данной теории придерживались мнения, что если бы у людей существовали естественные предпосылки к возникновению языка и речи, то они должны были бы создать одни и те же или близкие друг к другу языки, а также виды и формы речи.

История лингвистики показывает, что только в XVIII в. данная проблема впервые была поставлена как отдельная научная (в то время — философская) проблема, и в ее обсуждении приняли участие многие известные философы. Среди них в первую очередь следует назвать немецкого философа Г. Гегеля, который рассматривал эту проблему в связи с так называемым народным духом. Душа (дух) народа, по Г. Гегелю, представлена (отражена) в том языке, на котором он говорит, является природно обусловленной и, следовательно, сам язык имеет естественное происхождение.

Иной точки зрения придерживались последователи известных английских философов-материалистов Д. Локка и Дж. Беркли. Как и все другие психологические особенности, язык и речь они считали социальным приобретением человека, т.е. отстаивали культурный взгляд на их происхождение и развитие. Все это были, однако, размышления философов, а не лингвистов или специалистов-психологов в области языка и речи.

Первое всесторонне обоснованное лингвистическое решение данной проблемы, обобщив размышления философов, писавших на эту тему, и добавив к ним свои соображения, предложил немецкий ученый-лингвист В. фон Гумбольдт. Он связал возникновение языка и речи человека с потребностями людей, не разделяя их, соответственно, на биологические и социальные по-

требности. Он же одним из первых стал рассматривать становление и развитие языка и речи в тесной взаимосвязи с возникновением и развитием мышления человека. В. фон Гумбольдт, однако, отрицал сознательный характер языкотворчества или овладения человеком речью, т.е., по сути дела, придерживался больше естественной, а не социальной теории происхождения языка и речи.

Позднее другой немецкий ученый — лингвист Х. Штейнталь, опираясь, в свою очередь, на идеи В. фон Гумбольдта, приписал происхождение языка и речи так называемой «творческой деятельности народного духа». (Сходные мысли в своих трудах высказывал и русский лингвист А. А. Потебня.) Х. Штейнталь стал автором **звукоподражательной теории происхождения языка и речи**, т.е. отстаивал точку зрения, согласно которой ребенок осваивает язык и речь, подражая действиям и звуковым реакциям людей, которые владеют языком и речью. В частности, устная речь ребенка в раннем детстве возникает, по мнению Х. Штейнталья, на основе подражания звукам речи окружающих взрослых людей.

Оппонентом Х. Штейнталья в теории происхождения и развития языка и речи выступил известный немецкий психолог В. Вундт, который явился создателем **дуалистической теории происхождения языка и речи**. Согласно данной теории, язык и речь человека имеют два источника: биологический и социальный. Язык и речь зарождаются, с одной стороны, на естественной, инстинктивной основе, а с другой стороны, создаются и совершенствуются людьми, представляющими ту или иную культуру.

Эта теория, однако, имела те же недостатки, как и любая другая теория двух факторов в психологии. Идея о том, что возникновение, формирование и развитие языка и речи зависит от двух групп факторов: биологических и социальных — является настолько очевидной, что сомнений не вызывает и серьезному обсуждению не подлежит. Однако главный вопрос заключается в том, чтобы выяснить, как сочетаются или взаимодействуют друг с другом эти две группы факторов в процессе возникновения и развития языков и речи. Этот ключевой вопрос в теории В. Вундта так и остался без ответа.

Существенным шагом вперед в решении обсуждаемой проблемы стала выдвинутая Л. Нуаре **трудовая теория происхождения языка и речи**. Согласно данной теории, язык и речь у людей возникли в процессе их совместной трудовой деятельности как одно из средств согласования (координации) их действий в совместной деятельности. Эту теорию поддерживали и развивали многие философы материалистического направления, в частности К. Маркс и Ф. Энгельс. Однако и она имела весьма серьезные недостатки. Главный из них заключался в необоснованном приписывании человеку занятий только одним видом деятельности — трудовой. Вряд ли даже древние люди занимались только трудом. Они, конечно, были постоянно озабочены тем, чтобы удовлетворять свои органические потребности, причем делали это точно так же, как поступают современные животные, удовлетворяя характерные для них органические потребности. Активность в природе, которая характерна для животных, а они также имеют свой язык и своеобразную, основанную на нем речь, вряд ли можно назвать одним словом «труд».

Кроме того, когда животное (и человек) сыто и находится в безопасности, их внимание переключается на другие виды деятельности, например, на игру или творчество (применительно к человеку). Так, наверное, поступали первобытные люди. Они занимались не только трудовой, но также игровой, ритуальной, художественно-изобразительной и многими другими

видами деятельности, известными из археологических и антропологических данных. Следовательно, возникновение и развитие языка и речи у людей явилось следствием не только трудовой, но и многих других видов деятельности людей. Признание этого факта порождает сомнения в правильности исключительно трудовой теории происхождения языка и речи.

Проблема, различные решения которой представлены в указанных выше теориях, продолжала обсуждаться учеными и далее. В науке XX столетия по-прежнему еще господствовали зародившиеся в древности общие, натуралистическая и социальная теории происхождения языка и речи. Первая связывала их появление с естественными формами поведения животных и человека, прежде всего, рефлексам и инстинктами, вторая усматривала в языке и речи в основном только то, что соотносилось с социально-культурным образом жизни людей. В свою очередь, проблема происхождения языка и речи, которую до начала XX столетия ставили и решали комплексно, рассматривая ее как единую и целостную, в XX в. представлялась дифференцированно. В ней выделялись и отдельно обсуждались следующие частные вопросы.

1. Каково происхождение языка (языков)?
2. Каким образом возникли и развивались различные виды речи?
3. Как человек осваивает разные языки?
4. Как формируются и развиваются у человека различные виды речи?

Первые два вопроса касаются языка и речи вообще, безотносительно к их освоению конкретными людьми, и представляют собой то, что преимущественно обсуждается в лингвистике. Вторые два вопроса, напротив, касаются освоения человеком существующих языков и видов речи и входят в предмет исследования как в психологии, так и в психолингвистике.

У лингвистов повышенный интерес давно вызывает вопрос о происхождении письменности (письма или письменной речи). Хотя решение этого вопроса не входит в компетенцию психологов, оно представляет интерес и для них, в частности в тех случаях, когда психологи изучают процессы освоения письма или его нарушения. Долгое время у людей письменности не было, и они пользовались для общения друг с другом лишь устной речью. Письменные знаки в то время существовали, но поначалу использовались для других целей. Они служили сигналами того, что могло иметь для людей жизненно важное значение. Письменная символика, способная выражать мысли людей, появилась, как полагают ученые, не раньше шести тысяч лет тому назад.

В наши дни письменная коммуникация и формы записи информации доминируют над устными разновидностями коммуникаций. Самыми древними считаются записи, выполненные в форме иконописи, т.е. письмо, где знаками служили картинки. Такую форму письменности, датируемую примерно 27 тыс. лет назад, ученые обнаружили на стенах одной древней пещеры. Примечательно, что это был не аналог современного письма, т.е. не система знаков, используемых людьми для записей информации или общения друг с другом, а, скорее, способ «ритуальной магии», т.е. попыток воздействия с помощью знаков на божество.

Далее появилось пиктографическое письмо, где в качестве знаков стали применять простые рисунки или последовательности таких рисунков. Первой формой собственно графемной коммуникации (письма, основанного на составлении слов из отдельных письменных знаков — графем или букв) стали пиктограммы, изображавшие обычные окружающие людей объекты: человека, животное, Солнце, Луну и т.п.

Впервые такие письма появились около 6 тыс. лет назад в древнем Шумере — в географическом регионе, занимаемом сегодня государствами Ираком и Ираном.

В древнейших странах Междуречья возник в свое время примитивный тип письменности, при котором на квадратной глиняной дощечке острым предметом наносились рисунки. В идеографическом письме, появившемся уже после пиктографического, стали использоваться более абстрактные, но еще напоминающие реальные предметы, знаки, обозначающие целое слово или его корень. Это, по-видимому, произошло во времена, отстоящие от нас примерно на 4600 лет. Вслед за этим возникло словесно-слоговое письмо с конкретной привязкой знака к определенному слову. Такой знак получил название «логограмма». Логограммы в письме использовались не только для обозначения слов, но также и слогов — определенных сочетаний звуков. С помощью такого письма можно было передавать самое различное содержание. Наконец, еще позднее возникло современное письмо, основанное на алфавитной системе, где каждый письменный знак передавал, как правило, только один или два звука. Историческим родоначальником, предшественником всех современных видов алфавитного письма стало, по-видимому, древнесемитское (финикийское) письмо, относящееся ко второй половине II тысячелетия до н.э.

Подводя краткий итог сказанному выше, можно констатировать следующее.

1. Вопрос о происхождении речи имеет принципиальное значение для решения многих других научных и практических вопросов, связанных с психологией речи.
2. Существуют два теоретических решения данного вопроса: биологическое (естественное) и социальное. В первом случае признается и доказывается естественное (природное) происхождения языка и речи, а во втором случае допускается социальное происхождение языка и речи.
3. Больше всего разнообразных решений данного вопроса было предложено в трудах лингвистов, в частности В. фон Гумбольдта (натуральная — потребностная, бессознательная — теория происхождения языка и речи), Х. Штейнтала (звукоподражательная теория происхождения языка и речи), Л. Нуаре (трудовая теория происхождения языка и речи).
4. Известный немецкий психолог В. Вундт предложил свою теорию происхождения языка и речи, получившую название «дуалистическая». В ней признаются два источника происхождения языка и речи: биологический и социальный.
5. Постановка и решение проблемы происхождения языка и речи в трудах ученых XX столетия характеризуется разделением и отдельным рассмотрением многих связанных с ней частных вопросов.

7.5. Структура, порождение и восприятие речевого высказывания

В современной психологии речи используются многие термины, заимствованные из лингвистики, и знакомство с ними необходимо для психолога, который занимается изучением речи. Эти термины касаются, прежде всего, единиц языка и речи, структуры речевого высказывания. В связи с этим необходимо ввести определения соответствующих лингвистических научных терминов¹. Начнем с определения общего понятия *единиц языка и речи*.

¹ Не все вводимые здесь термины далее используются в этой главе. Однако их знание является необходимым для психолога, который специально интересуется проблемами речи, поскольку ему время от времени приходится обращаться к работам лингвистов и психолингвистов, где соответствующие термины часто используются.

Под единицами языка и речи понимаются элементы системы языка и речи, отличающиеся друг от друга и выполняющие различные функции. Они обозначаются с помощью таких понятий, как **текст, дискурс, высказывание, фраза, предложение, слово (лексема), фонема, графема, морфема, корень, аффикс** и др. Кроме того, в лингвистике выделяются разделы, примерное содержание которых должен представлять себе и психолог, изучающий речь человека. Это **грамматика, синтаксис, фонетика, семантика, семиотика, морфология, орфография, орфоэпия, пиктография** и **паралингвистика**.

При логико-лингвистическом и психологическом анализе единиц высказывания, начиная с целого предложения или высказывания, выделяют такие его стороны (составляющие), как **субъект, предикат, контекст, парадигма** и **синтагма**. Наконец, есть ряд специальных лингвистических терминов, которые нередко встречаются в литературе, посвященной психологии речи. Это такие термины, как **активный словарь, пассивный словарь, артикуляция, агглотинация, номинация, коннотация, коннотативное значение, омонимия, полисемия, метафора, парафраза, речевые штампы, речевой этикет, языковая компетентность, речевая компетентность** и другие. Дадим всем этим терминам краткие определения¹.

Текст — это последовательность речевых единиц, объединенных одной идеей (мыслью) или выражающих (представляющих) одну идею (мысль). Объемные (знаковые) границы текста как речевой единицы являются достаточно широкими. Текстом, в принципе, может быть названо любое осмысленное слово или сочетание слов, предложение (фраза) или набор предложений (фраз). Данный термин относится, как правило, к высказываниям, имеющим письменную или печатную форму, в отличие от дискурса, который чаще всего характеризует устные высказывания, соответствующие по объему письменному тексту.

Дискурс как лингвистическое понятие имеет следующие частные определения: 1. Любое устное высказывание, которое длиннее отдельно взятого предложения. 2. Устная речь человека, рассматриваемая в аспекте его общения с другими людьми и в том социальном контексте, в котором эта речь возникает и практически используется. 3. Связный текст в совокупности с экстралингвистическими: прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами. 4. Речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент взаимодействия людей, т.е. как речь, образно говоря, «погруженная в реальную жизнь».

Высказывание — это единица речевого общения (сообщения), содержащая некоторую словесно выраженную и завершенную мысль, представляющую собой законченный в смысловом отношении текст.

Фраза — основная единица речи, также выражающая законченную мысль. Фраза обычно состоит из одной или нескольких синтагм.

Синтагма — это интонационно-смысловое единство (смысловое целое), которое в данном контексте или в данной ситуации выражает собой одно понятие и может состоять из единственного слова, группы слов или целого предложения.

Понятие «фраза» чаще всего используется применительно к устной речи, а как его аналог для письменной речи употребляется термин «предложение», хотя в лингвистике столь точного и однозначного разделения фраз и предложений как единиц речи не существует.

¹ Большинство из них не включено в прилагаемый к данной главе словарь, поскольку их определения имеются в самом тексте главы.

Предложение — это любое завершённое высказывание, выражающее какую-либо отдельную, законченную мысль, включающее в себя субъект и объект, — то, о чем говорится в данном высказывании, и то, что говорится о субъекте — и отделенное от другого, аналогичного высказывания или точкой, если это письменное предложение, или паузой, если это устное предложение. Из так понимаемых предложений состоят фразы, тексты, дискурсы и другие составляющие целого речевого высказывания, включающие в себя несколько предложений.

Слово — это единица словарного состава языка, представленная в совокупности его конкретных грамматических форм и выражающих их *флексий*, а также возможных конкретных смысловых вариантов (значений). Лексема представляет собой совокупность форм и значений, свойственных одному и тому же слову в разных случаях его употребления в речи.

Флексия — многозначный термин, чаще всего используемый в лингвистике для обозначения изменяемых частей слов, в противоположность их неизменяемой части, представленной как основа данного слова.

Фонема — минимальная звуковая различительная единица речи или, другими словами, смыслоразличительная единица звукового строя языка. Фонемы в языке самостоятельных значений не имеют (не являются словами как таковыми), но из них образуются другие значимые единицы языка и речи: слова и словосочетания. Все фонемы одного языка (их в каждом языке сравнительно небольшое, ограниченное количество) отличаются друг от друга. При изменении фонем, входящих в звуковой состав слов, меняются и значения соответствующих слов. В отдельные фонемы, в свою очередь, входит определенный набор звуков.

С психолингвистической точки зрения фонемы являются своего рода когнитивно-перцептивными абстракциями и далеко не всегда соответствуют наборам звуков, относящихся к отдельным буквам слов соответствующего языка. Часто фонемы отличаются и от письменно изображаемых знаков — букв, и многие слова пишутся не так, как они произносятся. Из европейских языков это характерно, например, для английского языка.

Графема — минимальная единица графической системы языка или письменной речи. Ее референтами могут быть слово, морфема, слог или фонема. Термин «графема» нередко употребляется в качестве синонима буквы, иероглифа или их части. Графема — это минимальная единица системы письма, обладающая тем или иным языковым (лингвистическим) содержанием.

Морфема — речевой знак, минимальная единица языка, имеющая определенное значение и не разделяемая на более мелкие значимые языковые единицы. Понятие морфемы было предложено Бодуэном де Куртене в 1881 г. как обобщение понятий «корень» и «аффикс» и получило распространение в работах представителей Пражской лингвистической школы. С этим понятием в лингвистике связана морфология как раздел грамматики, изучающий закономерности функционирования и развития механизмов языка, обеспечивающих построение и понимание его словоформ.

Корень — это центральная часть слова, являющаяся основным носителем его лексического значения и не изменяемая при возникновении новых однокоренных слов. Корень соотносится с понятием лексема и противопоставляется служебным морфемам, представляющим собой изменяемые части слова при словообразовании и сочетаниях слов в предложениях (высказываниях).

Аффикс — служебная морфема, минимальный «строительный элемент» языка, присоединяемый к корню слова с целью его преобразования или получения нового слова. Аффикс — это важнейшее средство выражения грамматических и словообразовательных значений. Аффиксы выделяются и рассматриваются как вполне самостоятельные единицы языка.

Грамматика — понятие, имеющее в языкознании следующие два основных значения: 1. Строй языка, система морфологических категорий и форм, синтаксических понятий и конструкций, способов словопроизводства. 2. Раздел языкознания (лингвистики), изучающий строй языка и речи, его организацию, категории (понятия) и их отношение друг к другу.

Синтаксис — раздел грамматики, в котором изучаются процессы порождения речи, включая сочетаемость и порядок слов в предложении, а также общие свойства предложения как единицы речи (языка). Правила синтаксиса (от *греч.* «построение», «порядок») устанавливают, какие элементы должны быть включены в предложение, в каком порядке эти элементы могут в нем появляться. Эти правила также определяют возможность группировки слов.

У психоаналитика Г. Салливана слово «синтаксис» обозначает форму мышления и общения, в которой используемые человеком понятия являются «объективными» или «открыто наблюдаемыми». Так понимаемое «синтаксическое мышление» является консенсусным, т.е. основанным на согласии сторон относительно значений используемых в нем слов и предложений и открытым для его оценивания со стороны, в противоположность парасинтаксическому мышлению, которое, по определению автора, является закрытым, сугубо внутренним, приватным.

Фонетика — раздел языкознания, изучающий звуковую сторону языка и речи. В фонетике выделяются и обсуждаются речевые звуки, предлагается их классификация, исследуются производство, передача и восприятие соответствующих звуков. Фонетика содержит два раздела: артикуляционную фонетику и акустическую фонетику. Первый раздел касается произнесения слов, а второй — их восприятия.

Семантика — раздел семиотики, в котором изучаются знаковые системы с точки зрения их способности выражать значения (смыслы), содержащиеся в соответствующих знаках. Семантика — это также один из основных разделов лингвистики (языкознания), в котором изучаются содержание, смыслы и значения того, что представлено в различных языках (знаковых системах), которыми пользуются люди. В предмет исследования семантики входят правила интерпретации знаков и составленных из них выражений для введения в них или извлечения из них определенных значений (смыслов).

Семиотика — наука, изучающая общее строение и функционирование различных знаковых (семиотических) систем, включая языки. По определению одного из ведущих представителей данной науки Т. Сибока (Сибеока), семиотика изучает «организованные коммуникации во всевозможных их модальностях». Предмет семиотики включает в себя как эволюционно ранние, наиболее простые системы коммуникации животных, так и наиболее сложные, появившиеся в последние годы системы коммуникации людей. Среди этих систем выделяются две основные разновидности: антропосемиотические системы, созданные людьми, и зоосемиотические системы, существующие среди животных. Первые являются, по преимуществу, лингвистическими (языковыми) и вербальными, вторые —

невербальными и паралингвистическими. Примерами антропосемиотических знаковых систем могут служить следующие: естественные языки (разговорные, письменные), искусственные языки, используемые в специальных сферах деятельности людей. Примерами зоосемиотических систем являются разнообразные языки животных.

Морфология — это, во-первых, система механизмов языка, обеспечивающая построение и понимание его словоформ; во-вторых, раздел грамматики, изучающий законы развития и функционирования механизмов языка.

Орфография — термин, который употребляется в следующих двух значениях: 1. Исторически сложившаяся система написания знаков (букв, слов, предложений), используемая в письменной речи. 2. Раздел языкознания, изучающий письменный язык и характерные для него нормы и правила, включая правила написания.

Орфоэпия — это раздел языкознания, исследующий произносительные нормы языка и речи.

Пиктография — разновидность рисуночного письма, явившегося одной из начальных стадий развития современного письма. В пиктографии люди, события и их действия изображались с помощью условных знаков — пиктограмм. Исторически пиктография предшествовала возникновению фонетического письма и была распространена у некоторых народов, ранее живших на территориях нынешней Америки, Африки, Австралии и Древней Сибири.

Паралингвистика — область исследований не языковых (паралингвистических или экстралингвистических) аспектов общения людей, т.е. таких форм общения, в которых для обмена информацией друг с другом люди пользуются не языком (основанной на нем речью), а другими средствами обмена информацией.

Субъект — это то, о чем (или о ком) говорится в речевом высказывании, или его предмет. В структуре предложения субъект обычно представлен подлежащим с относящимися к нему словами. Предикат — это то, что в данном высказывании утверждается или отрицается о его субъекте. В структуре предложения предикат, соответственно, представляет собой сказуемое со всеми относящимися к нему служебными словами.

В одном и том же высказывании (предложении) бывает несколько различных субъектов: грамматический (подлежащее), семантический (то, в чем объективно выражается главная идея соответствующего высказывания), коммуникативный (содержащаяся в предложении информация), психологический (то, в чем видят главное люди, высказывающие или воспринимающие данное суждение) и логический (часть предложения, формально представляющая в его структуре предмет мысли). Разницу между всеми этими субъектами можно продемонстрировать на примере следующего предложения: «Октябрь уж наступил — уж роща отряхает последние листья с нагих своих ветвей...» (А. С. Пушкин). В этом предложении два грамматических субъекта — «октябрь» и «роща»; семантическим субъектом является наступление осени; коммуникативный субъект — признаки наступления осени; психологический субъект может быть представлен в данном предложении по-разному и зависит от того, какой смысл в него вложил сам поэт и как его будут воспринимать другие люди. Логический субъект — это осень как время года.

Предикат — это разнообразная информация о субъекте, содержащаяся в данном предложении, — то, что утверждается или отрицается о его субъекте.

екте. В структуре предложения предикат представляет собой сказуемое с относящимися к нему служебными словами.

Понятно, что в зависимости от того, как будет определяться субъект, по-разному будет выделяться и пониматься предикат. Поэтому предикаты в одном и том же предложении также могут оказаться различными. Главное со структурной точки зрения заключается в том, что то, что в предложении не относится к субъекту, обычно характеризуется как предикат, и наоборот. Как субъект, так и предикат некоторого высказывания не обязательно в точности соответствуют или могут быть выражены теми словами, которые имеются в данном предложении. В этом мы убедились из приведенного выше примера — отрывка из стихотворения А. С. Пушкина.

Контекст — это то, во что включена избранная для лингвистического анализа единица, например, слово в предложении или в целом тексте. В зависимости от контекста соответствующая речевая единица может приобретать различные значения (смыслы). Соответственно, по-разному будут (в зависимости от контекста) представляться субъекты и предикаты анализируемого высказывания.

Парадигма — термин, который обозначает следующее: 1. Любой класс лингвистических единиц, противопоставленных друг другу и в то же время объединенных друг с другом по какому-либо общему основанию или признаку. 2. Модель или схема организации соответствующего класса или совокупности лингвистических единиц.

Активный словарь (словарный запас) — совокупность слов, которыми человек владеет и которые он активно использует в устной или письменной речи. Пассивный словарь (пассивный словарный запас) — это совокупность слов, которые знакомы данному человеку, значения которых ему известны и которые он понимает, но в устной и письменной речи не использует или же пользуется ими крайне редко.

Активный словарь совместно с пассивным словарем образуют индивидуальный тезаурус данного человека, т.е. набор известных ему по значению или употребляемых им в речи слов.

Артикуляция — это произнесение звуков речи или работа речевого (головного) аппарата, связанная с производством речевых звуков, а также объединение вместе отдельных звуковых элементов в сложную, координированную звукоречевую структуру.

Агглютинация — соединение в языке или речи человека отдельных слов в одно, с изменением или сокращением буквенного состава входящих в него отдельных слов и с объединением значений или смыслов соответствующих слов во вновь образованном слове. Методом агглютинации образуются в языке, например, сложносокращенные слова. Этим же способом формируются слова, используемые человеком в его внутренней или эгоцентрической речи.

Номинация — образование языковых единиц, служащих для обозначения и вычленения фрагментов действительности, формирования соответствующих понятий о них в виде слов и словосочетаний, фразеологизмов и предложений.

Омонимия — звуковое совпадение языковых единиц, которые на самом деле имеют различные значения.

Метафора — это употребление слова, обозначающего некоторый класс предметов или явлений, для характеристики или наименования объекта, вхо-

дыщего в другой класс предметов или явлений, аналогичный в каком-либо отношении данному классу предметов.

Парафраза (перифраза) — термин, обозначающий отношение, которое существует между двумя предложениями, когда оба они имеют одно и то же значение, но различную лингвистическую форму.

Речевой штамп — устойчивое, «готовое к употреблению» слово или выражение, в неизменном виде используемое к месту или не к месту в разнообразных жизненных ситуациях. Приверженность штампам свидетельствует о недостаточно высоком уровне как речевого, так и интеллектуального развития человека.

Речевой этикет — формы культурного речевого поведения, соответствующие принятым в обществе социально-культурным нормам. Это обычно разнообразные высказывания людей в различных социальных ситуациях, в частности, краткие формы речевого реагирования одних людей на действия других людей или обращения одних людей к другим в тех или иных типичных эпизодах жизни. Краткие формы речевого этикета служат средством быстрого (оперативного) реагирования людей на ситуации и установления нужных контактов между людьми, а также для поддержания между ними тех или иных взаимоотношений.

Коннотация — термин, имеющий следующие основные значения: 1. Дополнительное содержание слова или высказывания, отличающееся от основного значения (или тех основных значений), которое ему обычно или чаще всего приписывается в толковых словарях. Это также дополнительная эмоциональная, оценочная или стилистическая окраска некоторой языковой единицы, раскрывающая ее содержание, значение или смысл. 2. Коннотативное значение — то, что подразумевает некоторое слово, что с ним непосредственно связано. Коннотативное значение могут иметь не только слова, но также символы, жесты, события и т.п. Коннотативное значение обычно включает в себя абстрактные качества соответствующего объекта, его эмоциональные (эмоциогенные) аспекты и отличается от денотативного значения того же слова.

Полисемия — многозначность некоторой единицы языка, например слова, наличие у данной языковой единицы нескольких различных значений.

Языковая компетентность — знание языков как систем символов, имеющих определенные значения, а также правил образования и использования языков в различных видах речи, истории возникновения и закономерностей изменения языков.

Речевая компетентность — знание и умелое использование различных видов устной или письменной речи; способность производить и понимать правильные, достаточно сложные и разнообразные речевые высказывания, пользуясь как лингвистическими, так и паралингвистическими выразительными средствами.

Языковая и речевая компетентность в отдельности друг от друга не существуют, они являются взаимосвязанными и взаимозависимыми. Обладание языковой компетентностью является обязательной предпосылкой к формированию речевой компетентности, и наоборот, высокоразвитая речевая компетентность предполагает хорошее знание языков, т.е. языковую компетентность. Это обстоятельство объясняет тот факт, что в работах многих лингвистов языковая и речевая компетентность рассматриваются как одно и то же, и вместо двух терминов нередко используется только один — языковая компетентность.

Обсудим с использованием некоторых определенных выше лингвистических понятий вопрос о структуре и порождении речевого высказывания. Словарь (тезаурус) взрослых людей содержит десятки тысяч разнообразных слов, предоставляя им возможность с помощью этих слов выражать огромное количество различных значений и смыслов. Однако подлинная сила языка (речи) состоит в том, что люди способны объединять эти слова в словосочетания и предложения, чтобы с их помощью выражать еще большее количество разнообразных мыслей. Количество предложений, которые можно составить, по-разному объединяя слова друг с другом, практически бесконечно и ограничено лишь действующими правилами синтаксиса. Примерное их число даже сосчитать невозможно. Формальная комбинаторика здесь вряд ли поможет, поскольку слова во фразы и предложения объединяются не случайно, а по определенным правилам.

Тем не менее, даже точное знание соответствующих правил не позволяет установить возможный предел количества осмысленных фраз, которые можно образовать из числа имеющихся в языке слов. Кроме того, сам язык постоянно обогащается, периодически включая в себя новые слова, и появление каждого такого слова в языке открывает широчайшие возможности для составления с его помощью тысяч новых предложений и фраз в сочетании с уже известными словами.

Тем не менее, существуют и выделены в лингвистике общие формы, представляющие структуры различных предложений, в соответствии с которыми слова объединяются друг с другом, образуя высказывания. Эти структуры являются своеобразными нормами, согласно которым из отдельных слов образуются более или менее развернутые, правильные предложения. Общая структурная схема любого предложения (высказывания) выглядит следующим образом (рис. 7.3):

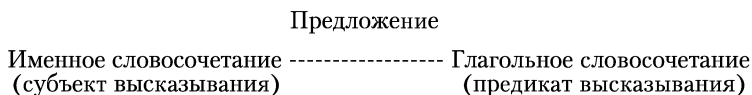

Рис. 7.3. Общая структура предложения (высказывания)

В соответствии с этой схемой предполагается, что в каждом предложении (высказывании) обязательно должен быть субъект и предикат. В грамматической структуре предложения субъект представлен именным словосочетанием (подлежащим с относящимися к нему словами), а предикат — глагольным словосочетанием (сказуемым с относящимися к нему словами).

Иногда субъект может быть выражен в предложении неявно (например, в «предложениях» внутренней речи), но он, тем не менее, подразумевается пользователем речи и должен быть ему известен, так как в противном случае будет неясно, о чем идет речь в соответствующем предложении (высказывании). Что же касается предиката, то при его отсутствии человеку будет неясна мысль, содержащаяся в данном предложении (высказывании).

Общую структуру предложения, представленную на рис. 7.3, можно развернуть и представить множеством конкретных предложений с различным содержательным наполнением (разными словами) и степенью детализации. Примерные, более развернутые и детализированные схемы предложения, в котором слово «психолог» является субъектом, а словосочетание «оказывает помощь» выступает как предикат, представлены на рис. 7.4.

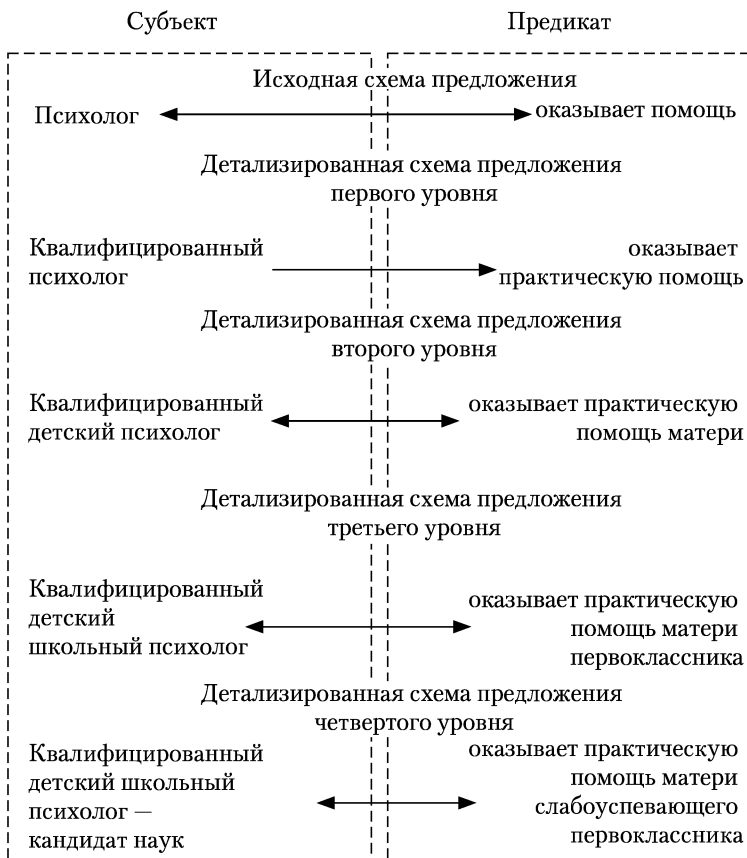

Рис. 7.4. Некоторые детализированные схемы предложений с субъектом «психолог» и предикатом «оказывает помощь»

В каждом предложении (фразе, высказывании) есть две основные структуры: **поверхностная (формальная)** и **скрытая (смысловая)**. Поверхностная (формальная) структура представляет собой ряд фактически произнесенных или написанных человеком слов, организованных в различные части речи. Скрытая (смысловая, семантическая) структура является той, которая непосредственно отражает смысл соответствующего высказывания¹. К примеру, два высказывания, выступающие как парафразы (перифразы), имеют один и тот же смысл (одинаковую, скрытую семантическую структуру), но различную поверхностную (формальную) структуру, если они состоят из разных слов.

Переноса в область психолингвистического анализа речи общепсихологическую теорию деятельности, разработанную А. Н. Леонтьевым, можно предположить, что с помощью теории многоуровневой динамической организации движений Н. А. Бернштейна, которая раньше с успехом применялась для представления динамической структуры управления любой деятельностью, можно соответствующим образом представить и многоуровневую, динамическую ор-

¹ В данном случае понятие «смысл» используется как синоним «значения» — так, как это принято в лингвистике. Там в отличие от психологии смысл и значение слова, а также смысл и значение предложения (фразы), как правило, не различаются.

ганизацию речевой деятельности. Это представление с развернутой характеристикой последовательных уровней организации речевой деятельности снизу — вверх, от низших до высших ее уровней, выглядит следующим образом.

1. **Низший уровень.** Это уровень произнесения звуков, похожих на речевые, — таких, которые человек, способен воспроизводить уже с рождения, благодаря возможностям, заложенным в его физиологическом голосовом аппарате. Соответствующие звуки еще не представляют собой речи как таковой; они, скорее, являются чисто физическими звуками, выступающими как естественные физиологические реакции организма человека на те или иные внешние или внутренние воздействия.

2. **Низкий уровень.** Это уровень фонем (если имеется в виду устная речь) или графем (если рассматривается письменная речь), т.е. минимальных различительных единиц речи, которые выступают как части слова или слоги. Данный уровень в структуре речи так же, как и предыдущий, выступает в основном как бессознательный. Однако на начальном этапе освоения речи он может стать частично осознаваемым и превратиться в осознаваемый, если при производстве или восприятии человеком минимальных различительных единиц речи у него возникнут какие-либо трудности.

3. **Средний уровень.** Это уровень лексем, т.е. отдельных, осмысленных, имеющих определенные значения слов. Данный уровень владения речью условно можно рассматривать как полусознательный в том понимании этого слова, что произнесение или написание слов человеком, хорошо владеющим речью, происходит, как правило, автоматически, неосознанно, но одновременно и на уровне их частично сознательного контроля. Если человек замечает, что он произнес или написал не то слово, какое нужно, то он тут же его исправляет или заменяет другим, более подходящим словом.

4. **Высокий уровень.** Это уровень порождения или восприятия в устной или письменной форме целых высказываний, фраз или предложений. На данном уровне речевая деятельность в основном становится осознанной, так как, прежде чем создать или воспринять некоторое целостное речевое высказывание, фразу или предложение, необходимо точно определить мысль, которая должна быть выражена с помощью соответствующей речевой единицы. Затем, когда мысль идентифицирована, необходимо определить, насколько правильно или точно она выражена в данном речевом высказывании или соответствует воспринимаемому речевому высказыванию.

5. **Высший уровень.** Это уровень порождения или восприятия человеком целостных текстов (дискурсов). Он представляет собой сознательную, постоянно контролируруемую мышлением и волей человека организацию его речевой деятельности. Этот уровень представляет собой случаи жизни, когда человек порождает (генерирует) или воспринимает достаточно сложные устные и письменные тексты (дискурсы), контролируя, соответственно, не только сам текст, но также и контекст высказывания.

Психолингвистическую модель порождения речевого высказывания, также частично основанную на теории многоуровневой, динамической регуляции деятельности по Н. А. Бернштейну, предложили А. А. Леонтьев и Т. В. Рябова. Согласно данной модели предполагается, что типичная (стандартная) последовательность этапов порождения речевого высказывания представляется следующей:

а) программирование грамматико-семантической стороны высказывания, т.е. определение смысла речевого высказывания и его грамматической формы;

б) грамматическая реализация высказывания и выбор подходящих для него слов;

в) моторное программирование компонентов высказывания (синтагм), т.е. подготовка к производству данного высказывания в устной или письменной форме;

г) производство высказывания в целом, его «выход» с последующим контролем (через механизм обратной связи) правильности высказывания, его соответствия замыслу (предполагаемому значению, смыслу).

Программа высказывания, как считают А. А. Леонтьев и Т. В. Рябова, имеет, по видимому, линейный характер, т.е. разворачивается последовательно этап за этапом, а не осуществляется симультанно — параллельно и сразу, одновременно на разных уровнях или в нескольких различных направлениях. Эта гипотеза, однако, не вполне соответствует современным, в частности когнитивно-психологическим представлениям о динамике и развертке познавательных процессов человека. Эти представления, напротив, чаще всего предполагают не последовательную, а параллельную обработку информации или, по крайней мере, сочетание параллельной и последовательной обработки информации (см. когнитивно-психологические модели внимания, памяти и мышления, представленные в предыдущих главах этого тома учебника).

Программа высказывания — это нечто обобщенное и абстрактное. Она изначально не включает в себя корреляты всех без исключения компонентов высказывания, а, скорее, содержит его общие составляющие, которые образуют смысловой костяк соответствующего высказывания: **субъект**, **объект** и **предикат**. В закодированном виде данная программа, вероятно, представлена в форме соответствующих образов и схем (имеются в виду интеллектуальные «схемы», которые далее воплощаются в конкретные речевые высказывания). Эта программа входит в систему речевой деятельности человека как ее внутренний, интеллектуально-речевой компонент или как мысленно-речевое сопровождение теоретической или практической деятельности (согласно А. Н. Леонтьеву, действие, входящее в структуру деятельности, может быть полностью внутренним, т.е. собственно интеллектуально-речевым). Психологическую основу такой программы представляет, пользуясь терминологией А. Н. Леонтьева, смысл, вкладываемый человеком в соответствующее высказывание.

Грамматико-семантическая реализация высказывания и выбор подходящих слов осуществляются, по предположению авторов обсуждаемой модели порождения речевого высказывания (А. А. Леонтьева и Т. В. Рябовой), на основе конструирования **грамматической модели высказывания** и подбора слов для ее реализации, опираясь на их ассоциативные (семантические) признаки, звуковой состав и наличие в памяти говорящего. Этот поиск, как можно предполагать, осуществляется на основе последовательного (вероятно, и параллельного. — Р. Н.) перебора доступных говорящему слов его собственного лексикона с оценкой соответствующих слов по требованиям к ним, заложенным в сконструированной автором высказывания речевой модели.

Моторное программирование и **производство высказывания**, складывающегося в голове человека, может происходить следующим образом. Во-первых, человек может подбирать слова к сложившейся в его голове готовой модели речевого высказывания (так обычно поступают дети и люди, чья речевая компетентность сравнительно слабо развита). Во-вторых, человек может порождать высказывание сразу по мере его складывания в голове по частям, и параллельно с производством сложившихся частей высказывания заниматься мысленным (смысловым) конструированием следующих его элемен-

тов. Так, вероятно, поступают люди с высокоразвитой речевой компетентностью, и это позволяет им, размышляя, говорить или, разговаривая, мыслить.

У детей процессы мышления, связанные с образованием замысла высказывания, и процессы его порождения между собой, по-видимому, еще разделены, поэтому в речи детей и взрослых людей со слаборазвитой речевой компетентностью имеется много пауз. Во время этих пауз дети (или взрослые люди), высказав одну мысль, вероятно, далее формулируют следующую мысль и затем последовательно переводят эти мысли в слова. Так обычно поступают взрослые люди, плохо знающие какой-либо иностранный язык и пытающиеся выразить на нем какую-то мысль.

А. А. Леонтьев высказал некоторые предположения относительно того, как идет процесс восприятия речи человеком. Само такое восприятие он определил как сложную систему физиологических и психолингвистических процессов, благодаря которым человек может воспринимать и понимать различные виды речи: устную, письменную, диалогическую, монологическую, вербальную, невербальную и др.

Минимальной единицей осмысленного восприятия речи является, по А. А. Леонтьеву, слово, содержащееся в нем значение и вкладываемый в него смысл. Более крупными единицами речевого восприятия являются словосочетания (синтагмы) — законченные, представленные в виде предложений высказывания, соединения предложений в абзацы, тексты и дискурсы.

По мнению А. А. Леонтьева, между процессами порождения и восприятия речи имеется определенное соответствие, которое проявляется в том, что восприятие речи выступает как зеркальное отражение процесса порождения речи. Поэтому трудности, возникающие при восприятии речи, понимаются как прямое отражение операций, имеющих место при порождении речи.

Еще одну интересную психолингвистическую модель — схему восприятия, порождения и функционирования речи человека предложила Т. Н. Ушакова (рис. 7.5).

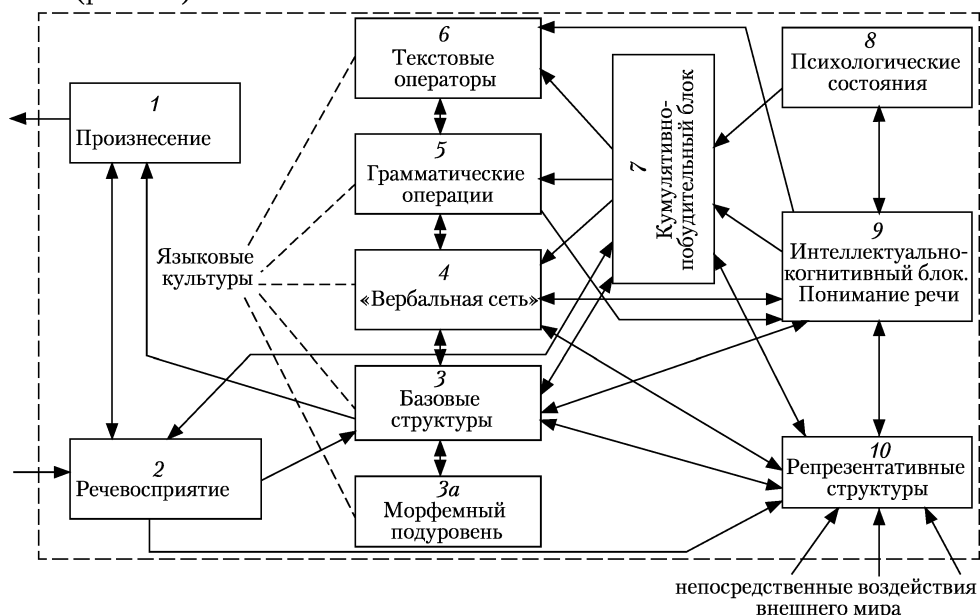

Рис. 7.5. Психолингвистическая модель восприятия и порождения речи человека по Т. Н. Ушаковой

В эту модель, прежде всего, входят периферическое и внутреннее звенья. Периферическое звено представляют структуры, ответственные за порождение речи (блок 1 слева на схеме, обозначенный «произнесение») и восприятие речи (блок 2, там же, названный «речевосприятие»). Другие блоки, отмеченные на схеме цифрами от 3 до 10, образуют внутреннее или центральное звено функционирования речи.

В центральном звене, в свою очередь, различаются блоки 3, 3а, 4, 5 и 6, обеспечивающие основные внутренние лингвистические и психологические операции, связанные с речью. Блок 3 включает механизмы запоминания и сохранения признаков слова, в частности его фонетического образа, значения, связей с внешним миром и т.д. Блок 4 содержит межсловесные связи и представляет так называемую «вербальную сеть». Этой сетью охватывается весь набор слов, известных человеку. От ее строения зависят отношения между словами, складывающиеся в его сознании, и действия с ними. Данная сеть, кроме того, обеспечивают понимание значений слов, замену одних слов другими и иные операции, связанные с подбором подходящих слов и выражений. Она играет важную роль в формировании внешней речи, в построении предложений, высказываний и т.п.

Блок 5 включает грамматические операции и обеспечивает грамматическое оформление речи. На уровне блока 6 осуществляется управление процессом порождения текстов (дискурсов) и их обмен между людьми.

Функционирование описанной выше центральной подсистемы происходит в тесной связи с другими познавательными процессами человека, которые вместе с речью обеспечивают восприятие и переработку информации, познание и мышление человека. Соответствующие структуры представлены справа на схеме блоками под номерами 8, 9, 10.

Блок 7 связывает рассмотренную выше внутреннюю структуру, относящуюся к речи как таковой, с другими психологическими процессами человека и отвечает за мотивацию речи. В психологическом плане, пишет Т. Н. Ушакова, он реализует интенцию человека к говорению.

Блок 8 представляет психические состояния, которые влияют на речевые высказывания и отражаются в них, обеспечивая понимание (интерпретацию) и порождение высказываний, имеющих определенный смысл. Они, таким образом, выражают смысловой аспект речевого высказывания или понимания речи.

Блок 9 представляет процессы, которые называют словесно-логическим мышлением. Блок 10 связывает речь человека как внутренний процесс с внешним миром и обеспечивает влияние событий, происходящих во внешнем мире, на речь человека.

Определенный интерес представляет описание процесса восприятия письменной речи с тех же позиций, с которых представляется процесс восприятия других объектов с помощью зрения. Напомним, что в этом случае значительное внимание уделяется тому, как устроена и работает зрительная система и как она обеспечивает формирование образа на психофизиологическом уровне.

Восприятие письменной речи с этих же позиций представляется следующим образом. Здесь обращается внимание на роль движений (скачков) глаз в момент восприятия человеком письменного текста. Эти движения включают в себя фиксации (паузы) и скачки, причем то и другое играет определенную роль в процессе восприятия текста. Предполагается, что попадающая в фовеа (центральную, наиболее чувствительную часть сетчатки глаза)

текстовая информация отчетливо обнаруживается, моментально читается человеком и без дальнейшей обработки проходит в мозг. Во время скачка (саккады) текстовая информация обнаруживается и обрабатывается слабо или же вообще не воспринимается.

Процесс чтения, начиная с того момента, когда взор человека концентрируется на текстовом материале, и кончая моментом, когда возникает его понимание (извлечение из текста содержащейся в нем информации) и глаз совершает следующий скачок, занимает очень короткий промежуток времени. Процесс чтения, по-видимому, связан со способностью человека быстро формулировать гипотезы о смысловом содержании воспринимаемого текста и столь же оперативно их проверять. Как только очередная гипотеза о содержании воспринимаемого фрагмента текста подтвердилась, возникает следующий скачок, и глаз человека перемещается и концентрируется на другом фрагменте воспринимаемого текста, который следует за предыдущим фрагментом.

При анализе процесса чтения, на первый взгляд, может показаться, что глаза человека, читающего текст, плавно скользят по нему. В действительности дело обстоит иначе. Во-первых, глаза человека в процессе чтения движутся не плавно, не равномерно, а быстрыми скачками (саккадами), длительностью около 15 мс. После каждого скачка наступает фиксация взора, которая, в свою очередь, длится примерно 50–200 миллисекунд. Во-вторых, около 10% скачков являются ориентированными в обратном чтению текста направлении, т.е. взгляд человека, воспринимающего текст, не всегда движется только вперед, а время от времени возвращается к уже просмотренной части текста. Это, вероятно, происходит, когда в результате восприятия следующего фрагмента текста предыдущая гипотеза не подтверждается, и ее приходится менять и проверять заново. За один скачок человек может охватить взором различное количество знаков, но в среднем это количество составляет примерно восемь букв (вспомним в этой связи, что средний объем кратковременной памяти человека также равен приблизительно пяти-девяти единицам).

При зрительном восприятии письменной речи человек использует центральное и периферическое зрение. Центральное зрение (зрение с помощью фovea) позволяет ему четко различать написанные или напечатанные буквы и слова, а с помощью периферического зрения (остальная часть сетчатки) он, по-видимому, может в целом «схватывать» предложения и абзацы, а также следующие, не читаемые в данный момент слова, и на этой основе прогнозировать и планировать дальнейшее чтение.

Согласно теории управления познавательными процессами, разработанной когнитивными психологами, фиксации глаз на читаемом тексте связаны с их остановками именно в тех местах, которые несут наиболее важную для понимания данного текста информацию (имеется в виду ее важность не вообще, а для того человека, который читает или воспринимает соответствующий текст). Установлено, что для распознавания, например, слова или текста вовсе не обязательно полное узнавание всех без исключения букв, из которых состоит слово, или всех слов, из которых состоит текст. Достаточно воспринять и понять только некоторые буквы, ключевые для данного слова, или слова, наиболее информативные для текста. Как только вероятность точной идентификации слова или текста становится достаточно высокой, процесс чтения прекращается. Если возникает ошибка, человек вновь возвращается к чтению соответствующего слова или текста, и описанный выше процесс пе-

риодически повторяется. Так мы нередко, прочтя какой-либо текст и неожиданно обнаружив, что не понимаем его или же понимаем неправильно, вновь возвращаемся к его началу и перечитываем заново. Данный процесс может повторяться несколько раз, если мы имеем дело со сложным для восприятия текстом, например, научным.

При чтении и понимании предложений письменного (печатного) текста имеет место последовательная и параллельная координация ряда перцептивно-когнитивных этапов (вспомним альтернативную гипотезу А. А. Леонтьева — Т. В. Рябовой). Эти этапы включают в себя опознание деталей букв, слов, целых слов, выделение значения, в котором они в данном тексте используются, производство умозаключений о намерениях автора текста (определение смысла соответствующего письменного высказывания). Все это читатель выводит из текста, из контекста, из своих знаний об авторе воспринимаемого текста и об окружающем мире. Таким образом, понимание письменных предложений (высказываний) — это очень сложный, многогранный и распределенный во времени процесс, который включает в себя знание не только языка как такового, но также жизни и психологических особенностей людей, которые имеют прямое или косвенное отношение к воспринимаемому тексту.

Во второй половине XX в. в русле когнитивной психологии было предложено несколько различных моделей понимания (восприятия) человеком письменного текста. Одна из них принадлежит У. Кинчу (США). В данной модели понимание текста определяется двумя механизмами, близкими к процессам обработки информации по принципам «сверху — вниз» и «снизу — вверх» (см. главу «Восприятие») (рис. 7.6).

На самом верхнем уровне данной модели находится так называемая «целевая схема», которая при восприятии текста «решает», какой содержащийся

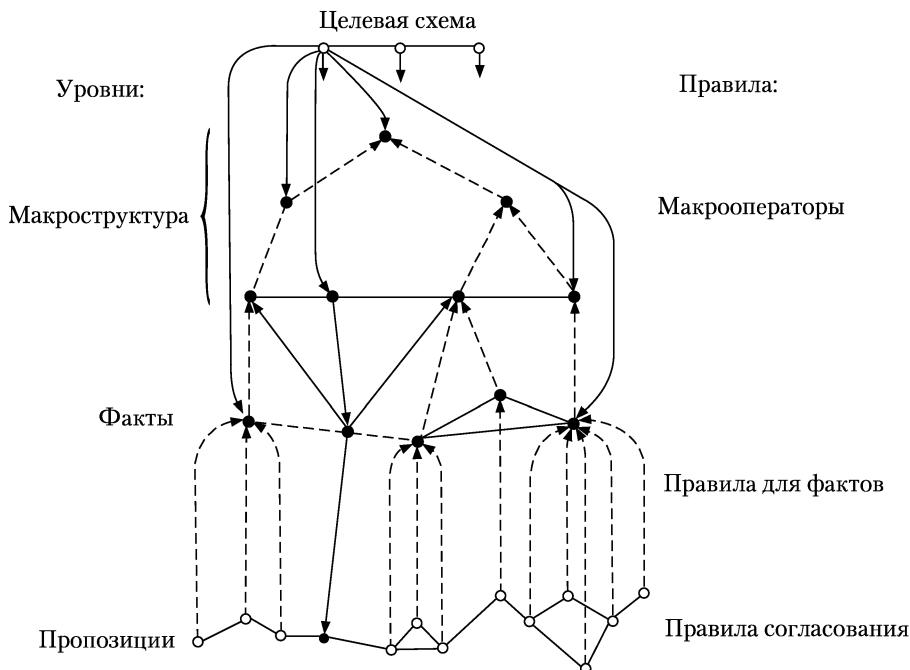

Рис. 7.6. Модель понимания письменного текста (по У. Кинчу)

в нем материал существен (значим для воспринимающего текст человека) и какой несуществен (незначим или не представляет интереса).

Обсуждаемая модель основана на *пропозициях*, под которыми понимаются некоторого рода абстракции, с трудом определяемые словами и обладающие следующими свойствами. Пропозиция состоит из предиката и одного или более *аргументов*. Аргумент включает субъекта и любую другую часть предложения, не являющуюся предикатом. Предикату соответствуют глаголы, прилагательные, наречия и соединительные частицы, являющиеся элементами устной или письменной речи. Входящие в пропозицию предикаты перечисляются первыми, поскольку глагольному компоненту предложения принадлежит ведущая роль в передаче смысла предложения. Побочные и дополнительные слова опускаются. Модель понимания текста, по Кинчу, основывается, таким образом, на идее, что пропозиция и является основной единицей памяти на текстовый материал.

На приведенном выше рисунке (рис. 7.6) представлена модель, описывающая, каким образом материал организуется воспринимающим его человеком в его сознании или подсознании. Слева на рисунке изображены уровни, через которые проходит информация в процессе ее обработки, а справа — правила, по которым осуществляется соответствующая обработка. На верхнем уровне находится целевая схема, которая направляет читателя, отделяя важные (главные) компоненты воспринимаемого материала от неважных (второстепенных), устанавливая ожидания и формируя умозаключения о некоторых фактах и выводах, которые неявно выражены в воспринимаемом тексте.

В нижней части модели находится сам текст, представленный в виде пропозиций. Они разделяют этот текст на значимые единицы, а правила согласования служат для организации пропозиций в *семантическую сеть*. Из целевой схемы, которая показывает, какие факты наиболее существенны для читателя, выводится воспринимаемая макроструктура текста.

Значительный вклад в понимание того, каким образом человек порождает и воспринимает речевые высказывания, внес известный американский лингвист Н. Хомский. С его именем связано то, что лингвисты называют *трансформационной* и *порождающей грамматиками*.

Трансформационная грамматика касается способности человека определять глубинную структуру предложения, представления о том, как, например, утвердительное предложение превращается (трансформируется) в вопросительное, как строится отрицательное предложение, как объединяются предложения в единое высказывание сложносочиненного или сложноподчиненного плана.

Хотя то, что предложил Н. Хомский, лингвисты рассматривают исключительно как лингвистические теории, на самом деле по содержанию они представляются психолингвистическими, поскольку речь в них идет о внутренних, речевых, психологических по природе преобразованиях, которые в ходе соответствующих грамматических трансформаций предложения совершает человек. Различение скрытой и явной, *«глубинной»* и *«поверхностной»* структур предложения (высказывания) является важнейшим вкладом трансформационной грамматики как в языкознание, так и в психологию речи.

Центральная идея трансформационной грамматики состоит в следующем: человек обладает способностью сознанием проникать глубже так называемых поверхностных структур предложения, непосредственно воспринимаемых и описываемых в лингвистических терминах. В воспринимаемых им тек-

стах (дискурсах) за поверхностными структурами человек видит их скрытые, не передаваемые собственно лингвистическими средствами значения и смыслы, т.е. способен не только фиксировать внешнюю, лингвистическую форму высказывания, но и устанавливать внутреннюю, глубинную грамматическую структуру, представленную выражаемыми в данном высказывании значениями и смыслами.

В трансформационной грамматике языка (речи) предполагается, что человек, соответственно, владеет и умеет пользоваться двумя типами правил или двумя уровнями описаний словесных высказываний: грамматикой, порождающей глубинные структуры, и правилами преобразования, превращающими глубинные структуры в адекватные им поверхностные структуры.

Преобразование в трансформационной грамматике — это операция, которая превращает одну поверхностную структуру предложения в другую, с расчетом на то, чтобы лучше выразить с помощью соответствующего высказывания то или иное значение (смысл). Это преобразование осуществляется при помощи таких простых операций, как замещение, перемещение, перестановка, а также некоторых более сложных лингвистических операций. Эти операции, в свою очередь, выступают в качестве так называемых *лингвистических универсалий*, свойственных всем известным человеческим языкам. Другими словами, предполагается, что все языки имеют много общего с точки зрения правил преобразования одних лингвистических структур в другие.

Краеугольным камнем трансформационной грамматики Хомского является выделение двух уровней интерпретации (понимания) человеком воспринимаемого им предложения: поверхностного уровня, непосредственно связанного с внешне воспринимаемой формой предложения, и глубинного уровня, связанного со смыслом или значением соответствующего предложения (высказывания). Значение предложения субъективно выводится человеком из первоначально воспринимаемой им цепочки слов (поверхностной структуры) при помощи активного процесса интерпретации соответствующего высказывания. Исходное предложение, которое воспринимается, обычно быстро забывается человеком, но в его памяти надолго сохраняется та информация, которая заключена в данном предложении, т.е. его значение или смысл (глубинная структура). С подобным явлением мы имеем дело, когда воспринимаем, запоминаем, а затем воспроизводим какой-либо текст по смыслу.

Трансформационная теория порождения и восприятия речевого высказывания, кратко изложенная выше, несмотря на то, что она была разработана сравнительно давно, до сих пор выступает в роли заслуживающей внимание концепции или гипотезы, требующей, однако, экспериментальной проверки и разностороннего доказательства. Она, в частности, предполагает точное и однозначное соответствие между числом трансформационных шагов, необходимых для формулирования предложения (высказывания), и временем, требуемым для порождения или декодирования (расшифровки, понимания) соответствующего предложения. Результаты экспериментов, направленных на проверку правильности данной концепции и оценку предложений, свидетельствуют лишь о ее частичном подтверждении и указывают на существование других факторов, которые, кроме трансформаций предложения, принимают участие в порождении и понимании речевых высказываний.

Под влиянием современной критики теории Н. Хомского появились некоторые другие модели организации речевой деятельности, которые вклю-

чают в себя отличные от трансформаций, понимаемых по Хомскому, операции мышления и речи, которые лучше, чем теория Хомского, соответствуют экспериментально установленным фактам. В этих моделях вводятся другие операции обработки человеком информации, а ученые, сторонники этих моделей, полагают, что комбинация трансформационной теории с информационной — той, которая разрабатывается в современной когнитивной психологии, — позволит оптимальным образом объяснить результаты экспериментов, связанных с восприятием и оцениванием речевых высказываний. **Комбинированная модель восприятия речевых высказываний** основывается на предположении, что декодирование предложений в процессе их восприятия должно быть полностью закончено еще до того, как начнется процесс принятия решения относительно их истинного значения, т.е. операции трансформации должны предшествовать соответствующим мыслительным операциям и отличаться от них. Это означает, что формальные трансформации предложений сами по себе недостаточны для определения или выявления их значения (смысла).

Вместе с тем, имеющиеся экспериментальные данные говорят в пользу того, что психический процесс, ответственный за декодирование (восприятие и понимание) предложения и его перевод из «поверхностных» в «ядерные» или «глубинные» структуры, действительно существует и является необходимой основой оценки значения воспринимаемого речевого предложения. Однако не вызывает сомнения и то, что эти данные еще не доказывают, что операции, производимые человеком при декодировании предложения, полностью соответствуют правилам трансформационной модели. В некоторых случаях человек использует для декодирования предложений «семантические ключи» не трансформационного характера. Вместе с тем, до сих пор остается неясным, каким образом эти «семантические ключи» побуждают человека обращать внимание на семантические следствия различных синтаксических трансформаций. Все это, в конечном счете, приводит к выводу о том, что синтаксический анализ речевых предложений нельзя рассматривать независимо от той роли, которую он играет в анализе значений соответствующих предложений.

Следствием такого вывода стало изменение, внесенное в свое время самим Н. Хомским в модель, предложенную им в первоначальном варианте еще в 1957 г. В ее новый вариант, появившийся в печати в 1965 г., было внесено представление о системе семантических правил, и это сделало семантический компонент предложения непосредственным объектом анализа в лингвистической теории. В новой модели синтаксический анализ уже не рассматривался как самоцель, а выполнял функцию информирования человека о структуре воспринимаемого им предложения, необходимого для его последующей семантической интерпретации. Новая, **трехуровневая организация грамматики**, включающая в себя кроме синтаксического и семантического также и фонологический компонент, отразила традиционный взгляд на язык как на код, связывающий наборы звуков или письменных символов в слова, имеющие определенные значения.

Подобная формализация взаимосвязей синтаксиса, семантики и фонетики позволяет точнее формулировать проблему, стоящую перед любой психолингвистической моделью, цель которой — объяснить способность говорящего наделять значениями звуки слышимой им или зрительно воспринимаемой письменной речи, выражать нужное значение (смысл) в форме устных или письменных предложений. Эта способность говорящего опреде-

ляется, в сущности, процессами соотнесения поверхностных структур с глубинными структурами высказывания, и наоборот.

Напомним еще раз, что Н. Хомский в обновленной теории утверждал, что отношения в глубинных структурах являются универсальными для всех языков. Если это так, то требуется лишь свести предложение, сформулированное на одном языке, к его глубинной структуре, а затем автоматически, при помощи соответствующих языковых универсалий перевести его в эквивалентную структуру на другом языке и, наконец, реализовать эту структуру в поверхностной структуре предложения на этом языке. Такой Н. Хомскому и его последователям представлялась, например, принципиальная процедура машинного перевода предложений с одного языка на другой. До сих пор, однако, никому не удалось разработать вполне удовлетворительную машинную программу перевода с одного языка на другой, которая бы безошибочно решала данную задачу. Если значения слов еще как-то удастся передавать с помощью машинного перевода, то передача смыслов высказываний подобным образом пока что не реализуется. Отсюда следует, что модели порождения и восприятия высказываний, предложенной Хомским и его последователями, включая когнитивных психологов, недостает чего-то существенного, чем обычно свободно пользуется живой человек в речи.

По поводу того, чего на самом деле не хватает в модели Хомского для полного и точного понимания процессов порождения и восприятия речевых высказываний, высказывались различные предположения. Одно из них состояло в том, что адекватной может быть не одноуровневая, а, по меньшей мере, двух- или даже трехуровневая теория глубинной и поверхностной структур языка, включающая в себя семантическую репрезентацию «замысла», синтаксические отношения в глубинной структуре и, наконец, окончательное расположение слов в поверхностной структуре. Из-за недостаточного количества тщательно продуманных и безупречно проведенных экспериментальных исследований, посвященных пониманию семантического содержания речевых высказываний, проблема выявления действительных отношений между семантической репрезентацией и глубинной структурой пока далека от своего решения. Нам, например, почти ничего не известно о многих стадиях процесса порождения речевого высказывания. Вопрос о том, каким образом говорящий отбирает правильную комбинацию синтаксической структуры и конкретных слов, учитывая и отношения в глубинной структуре, связанные с «замыслом», и поверхностную форму, соответствующую данному контексту, также пока остается открытым.

Генеративная (порождающая) грамматика, возникшая под влиянием идей Н. Хомского, стала в 50–60-е годы XX в. одним из главных направлений исследований в лингвистике и психолингвистике. Она была предназначена для теоретического анализа того, каким образом человек порождает (генерирует) речевые высказывания, и основывалась на описании языка в виде формальных моделей определенного типа. Базовым понятием генеративной лингвистики — такое название иногда давали данному направлению исследований — явились **трансформационные порождающие грамматики**. В трансформационных порождающих грамматиках четко различаются знание языка (**языковая компетентность**) и его использование человеком (**речевая компетентность**, проявляемая в особенностях его речевой деятельности).

Трансформационные порождающие грамматики, прежде всего, описывают языковую компетентность говорящего. Структура такой грамматики имеет

три основных компонента: **синтаксический**, **семантический** и **фонетический (фонологический)**, из которых главным является синтаксис. В трансформационных порождающих грамматиках выделяются, соответственно, два уровня синтаксического представления высказывания: поверхностный и глубинный. Синтаксис, в свою очередь, содержит базовый и трансформационный субкомпоненты. Базовый субкомпонент включает в себя систему элементарных правил, предположительно одинаковых или близких для разных языков. Они включают в себя ограниченное множество глубинных структур, прототипов будущих предложений.

Трансформационный субкомпонент порождает поверхностные структуры предложений из структур, полученных в результате действия базовых компонентов. Н. Хомский и его последователи выделили около 20 трансформаций (процессов), в результате которых получают основные типы синтаксических конструкций различных языков. После завершения действия трансформационного субкомпонента начинает действовать фонологический компонент, обеспечивающий фонетическую интерпретацию предложения.

Теория трансформационных порождающих грамматик позволила формализовать описания языков и применить к этой области знаний метод, аналогичный математической логике по отношению к формальной логике. Это, в свою очередь, позволило создать программы для ЭВМ, основанные на использовании языков.

На рисунке 7.7 представлена схема устройства трансформационной порождающей грамматики.

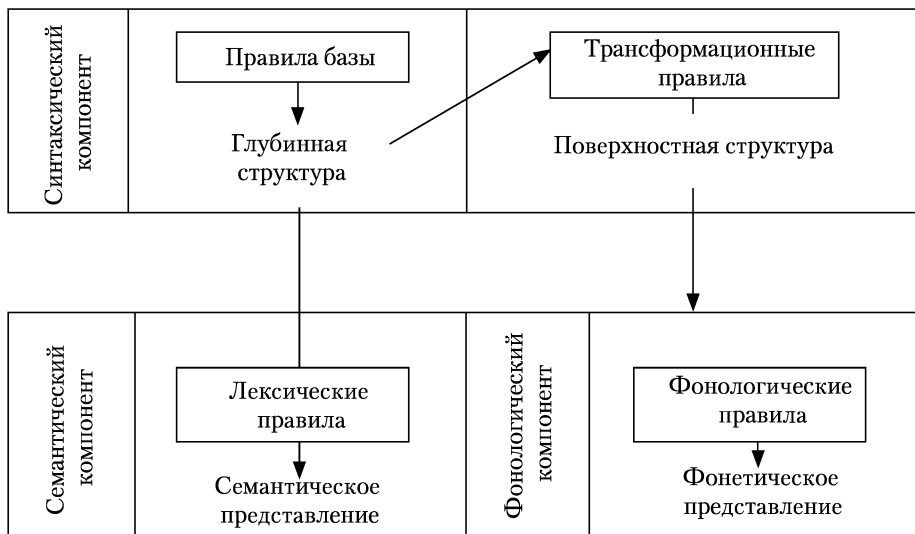

Рис. 7.7. Схема общего устройства трансформационной порождающей грамматики

Н. Хомский утверждал, что грамматические правила должны быть способными порождать все предложения на данном языке, и это утверждение находится в прямой связи со способностью говорящего производить бесконечное число предложений, которых он никогда раньше не слышал.

Определенный вклад в теорию порождающих грамматик внес Дж. Миллер. Он высказал предположение о том, что человек, усваивающий язык,

стоит, помимо прочего, перед задачей выучить правила формирования предложений в соответствующем языке вместе с очень большим, но, тем не менее, конечным лексиконом. Поскольку система грамматических правил достаточно большая и логически сложная, постольку человек изначально должен располагать мощным внутренним аппаратом, позволяющим ему за сравнительно небольшое количество лет и на основе фрагментарных и неорганизованных реакций сконструировать удовлетворительно работающую внутреннюю репрезентацию системы языка.

Теория Хомского — Миллера — так ее стали называть после существенных добавлений, сделанных в нее Миллером, — не исключает роли, которую может играть в обучении речи подражание и внешнее по форме подкрепление. Однако в данной теории предполагается, что участие заложенной в организме генетической программы речевого развития гораздо существеннее, чем воздействие указанных выше внешних факторов. Дж. Миллер писал в этой связи, что у человека имеется способность предвосхищать то, что он собирается сказать, и выбор им нужных слов зависит от чего-то гораздо большего, чем предшествующие элементы высказывания. У человека, согласно Миллеру, есть заранее составленный план предложения, которое он собирается генерировать, и он изначально, еще до формулировки соответствующего предложения, представляет себе то, что собирается сказать.

Теория Хомского — Миллера вызвала не только интерес и большое число сторонников, которые взяли ее на вооружение и руководствовались ею в своих психолингвистических исследованиях, но и основательную критику. В числе критических замечаний к ней назывались, например, следующие.

1. Представляется маловероятным, чтобы в обычной, повседневной речи говорящий, прежде чем произнести предложение, проделывал ту сложнейшую последовательность грамматических трансформаций, которую в своей концепции описал Н. Хомский и после него, еще более усложнив концепцию, допускал Дж. Миллер.

2. Попытки установить однозначное соответствие между числом трансформаций и так называемым «перцептивным поведением» испытуемых оказались неудовлетворительными. В ответ на это критическое замечание сторонники теории трансформационной грамматики Хомского отвечали, что неудачи соответствующих попыток вовсе не означают, что говорящий действительно вначале не проделывает все необходимые трансформационные операции.

Если в целом проанализировать различные попытки создания моделей порождения речи, то становится ясно, что вопрос о выборе, осуществляемом говорящим, чрезвычайно труден для решения в рамках теории порождающих грамматик. Это объясняется тем, что в фундаменте грамматики должна лежать система формальных правил, которые можно заложить в компьютер, работающий на вероятностной основе, и в таком случае он будет в состоянии породить все возможные предложения на данном языке.

Однако и трансформационные грамматики Хомского, и другие подобные теоретические модели сталкиваются с проблемой удовлетворительного объяснения не случайного, а целенаправленного выбора говорящим человеком конкретной структуры предложения. Другими словами, исходя из данной теории, невозможно объяснить, каким образом говорящий выбирает одно конкретное предложение из множества возможных или допустимых предложений, даже если выбор им данного предложения можно объяснить не лингвистическими, а психологическими, например мотивационными соображениями. Если ограничиться только тем, как говорящий осуществляет свой выбор, то такая модель должна будет дать ответ на два существенных вопроса.

1. Каким образом говорящий выбирает содержание того, что он собирается сказать?

2. Как он выбирает форму соответствующего речевого высказывания?

Теория Хомского была предназначена исключительно для определения и описания формальных правил, которые могут порождать правильные речевые предложения. В связи с этим и были разработаны трансформационные правила. По данному аспекту, т.е. по способности порождать множество правильных с грамматической точки зрения предложений, и только такие предложения, трансформационная грамматика Хомского представляет собой достаточно точное приближение к речевой продукции носителя языка. Однако полностью удовлетворительная модель порождения речи должна была также объяснять способность говорящего порождать не множество случайных, формально правильных предложений, а ограниченное количество именно тех предложений, которые наилучшим образом выражают содержание (значение) и смысл соответствующего высказывания, т.е. речевую мотивацию или намерение говорящего.

Такого объяснения в теории Хомского, к сожалению, не было предложено, хотя в ней сождалось вполне разумное предположение о том, что вначале говорящий порождает глубинную структуру, выражающую соответствующее значение (смысл), а затем реализует ее во внешней или поверхностной структуре предложения. Однако и эта идея, как выясняется, не является новой для психологии речи, поскольку в рассуждениях многих ученых до Хомского содержалась догадка о том, что любое высказывание сначала рождается в виде мысли, а затем превращается в выражающую эту мысль языковую структуру. Вспомним, например, приведенные ранее рассуждения на этот счет А. А. Леонтьева и других психологов, занимавшихся изучением речи.

Главное с психологической точки зрения заключается не в том, чтобы формально с лингвистической точки зрения представить процесс порождения речевого высказывания, а в том, чтобы с психолингвистических позиций удовлетворительно объяснить переход от глубинных структур (от мысли) к поверхностным грамматическим структурам (к слову и соответствующей его форме). Вопрос о том, каким образом говорящий выбирает нужную для выражения смысла или значения высказывания цепочку слов и их последовательность, а далее развертывает ее слева — направо в соответствии с принятыми, например, в европейских языках правилами грамматики, оказался весьма трудным, можно сказать — неразрешимым для автора трансформационной грамматики и его последователей.

Сторонники данной теории пытались описать то, чем в речевом плане владеет ребенок, основываясь на вполне разумном предположении о том, что он лишь постепенно осваивает грамматику языка взрослых людей. В целом эти описания оказались соответствующими идеям трансформационной грамматики, однако они опирались на спорное допущение Н. Хомского о том, что ребенок обладает врожденной языковой (речевой) способностью, позволяющей ему не только самостоятельно открывать, но даже при необходимости самостоятельно изобретать нужные правила трансформационной грамматики и даже целые языки.

Если согласиться с тем, что человек имеет врожденную предрасположенность к овладению языком, устной и письменной речью, отсутствующую у животных, то необходимо определить механизмы такого овладения, которые позволяют ребенку освоить правила родного языка, на котором ему суждено всю жизнь говорить и писать. Этот и многие другие вопросы, связанные с психологией и психолингвистикой речи, до сих пор остаются открытыми.

Подводя итоги тому, что обсуждалось в данном параграфе, можно констатировать следующее.

1. Существуют многочисленные лингвистические понятия (термины), значения которых необходимо знать психологу, занимающемуся научным изучением речи.
2. Средний человек обладает достаточным словарем (тезаурусом) для составления огромного количества фраз и предложений, полностью обеспечивающих разнообразные потребности в речевых высказываниях.
3. Любое речевое высказывание имеет типичную для всех таких высказываний структуру.
4. Речевая деятельность представляется сложно, динамично организованной и включает в себя несколько уровней ее реализации.
5. Психолингвистическая модель порождения речевого высказывания А. А. Леонтьева и Т. В. Рябовой в целом удовлетворительно представляет соответствующий процесс.
6. Всякое речевое высказывание имеет свою программу и грамматическую модель.
7. Процессы программирования и порождения речевых высказываний у детей и взрослых людей отличаются.
8. Для правильного восприятия письменной речи необходимо знать не только правила построения речевых высказываний (правила грамматики), но также людей — авторов данных высказываний, их психологические особенности и контекст высказывания.
9. Существует психолингвистическая модель понимания текста по У. Кинчу, которая более или менее удовлетворительно описывает и объясняет этот процесс.
10. Американский лингвист Н. Хомский внес много новаторских идей, касающихся порождения и восприятия речевых высказываний. С его именем связано представление о трансформационной и порождающей грамматиках.
11. Определенный интерес представляет созданная на основе идей Хомского и достижений когнитивной психологии комбинированная модель восприятия речевых высказываний.
12. Трансформационные порождающие грамматики Н. Хомского позволяют понять психолингвистические механизмы порождения и преобразования речевых высказываний.
13. Все до сих пор предложенные теории (модели) порождения и восприятия речевых высказываний с психологической точки зрения имеют существенные недостатки, что не позволяет формализовать соответствующие процессы и смоделировать их на компьютере (создать удовлетворительную компьютерную программу порождения и восприятия человеческой речи).

7.6. Формирование и развитие речи

Внимание лингвистов и психологов в связи с изучением речи человека традиционно привлекает вопрос о происхождении способности человека к освоению речи и пользованию ею. Этот вопрос, сформулированный в двух общих, примерно одинаковых по своему смысловому содержанию вариантах, звучит следующим образом.

1. Является речевая человека способность врожденной или приобретенной?

2. Формируется ли речь ребенка, по крайней мере, на начальных этапах ее становления, под влиянием имеющейся у него врожденной программы или же освоение языка и речи изначально выступает исключительно как результат научения?

На этот вопрос (вернее, два сформулированных выше вопроса) имеется, соответственно, и два противоположных ответа. Они представлены в разных теориях происхождения речи. Одна из этих теорий получила название **социальной теории**, или **теории научения**. В данной теории утверждается, что язык и речь осваиваются человеком исключительно в результате научения, что подражание и подкрепление являются основными социально-психологическими механизмами освоения языка и формирования речи у ребенка.

Эта теория допускает, соответственно, что у ребенка имеются только общие врожденные способности к подражанию и научению, которые в данном случае проявляются в освоении языка и речи. Ребенок, воспринимая речь взрослого человека, подражает ей, и, если такое подражание оказывается удачным, соответствующим правильно построенной речи взрослых людей, то они своими действиями подкрепляют речевое поведение ребенка. Ребенок сначала осваивает отдельные звуки человеческой речи, затем фонемы, слова, предложения (высказывания) и правила их построения. Позднее все это повторяется и закрепляется в практике освоения письменной речи с соответствующими ей речевыми единицами и правилами.

Теория научения, однако, оказалась не в состоянии удовлетворительно объяснить многое в процессе естественного освоения ребенком языка и речи, в частности, правильность речи ребенка раннего возраста, которая возникает и оказывается более или менее верной задолго до познания им правил построения речи, а также скорость, с которой в раннем возрасте у детей формируется и развивается речь. За два года, от одного года до трех лет ребенок осваивает родной язык и устную речь примерно в таком же объеме, в каком речью на иностранном языке, да и то не всегда и не так хорошо, овладевают школьники, обучаясь ей семь и более лет.

Данные факты только научением объяснить невозможно, поскольку дети раннего возраста еще не настолько способны к обучению, чтобы в короткие сроки освоить столь сложные явления, как язык и речь. Кроме того, их способность к научению в данном возрасте намного менее развита, чем та же способность у школьников или взрослых людей. Однако они почему-то не достигают в освоении второго (неродного) языка таких же успехов и в те же сроки, как это делают маленькие дети в отношении родного языка. Отсюда следует вывод о существовании у человека врожденной программы и способности к освоению языков (формированию речи), о которых писал и говорил Н. Хомский.

С позиций теории научения также трудно понять и объяснить случаи детского словотворчества и такие моменты в развитии речи детей, которые не имеют аналогов у взрослых людей. Имеется в виду особое удовольствие, которое в возрасте от трех до пяти лет демонстрируют многие дети, придумывая какие-либо необычные слова и выражения, а также случаи изобретения детьми собственного языка, не имеющего аналогов в языках и речи взрослых людей. Один из таких случаев будет рассмотрен ниже.

Жизненный опыт, кроме того, показывает, что, обучая ребенка, взрослые люди подкрепляют не столько грамматически правильные, сколько правди-

вые, оригинальные и семантически (по смыслу) точные и остроумные высказывания. Имея в виду данный факт, трудно с позиций только теории научения найти удовлетворительное объяснение сравнительно легкому и достаточно быстрому освоению детьми раннего и дошкольного возраста правил грамматики, успешно реализуемых в их устной речи. Известно также, что все дети в своем речевом развитии проходят одни и те же стадии и этапы независимо от того, где они рождаются и на каком родном языке говорят, сознательно обучают или не обучают их владению речью.

Имеются экспериментальные доказательства того, что дети с рождения способны отличать речь человека от других звуков и избирательно, по-особому реагировать на нее. Если иметь в виду то, что основное отличие врожденных и приобретенных форм поведения состоит в том, что наследственно обусловленные, основанные на природных задатках его виды (при наличии соответствующих внешних условий) развиваются быстрее, чем приобретенные формы поведения, то можно допустить, что какие-то генотипически обусловленные факторы, способствующие быстрому освоению ребенком языка и речи, действительно существуют.

Вместе с тем, поведение, полностью приобретенное в результате научения и не имеющее врожденных задатков к его развитию, формируется и развивается обычно не так, как это имеет место в случае освоения языка и речи. Сначала при его формировании появляются простейшие элементы, и лишь затем на их основе образуются более сложные формы поведения. Этот процесс медленный и, как правило, достаточно длительный. Он должен охватывать значительный период жизни человека, как правило, многие годы. Примером тому является процесс освоения детьми понятий, который начинается в раннем возрасте и завершается лишь к подростковому возрасту, хотя устная речь ребенка оказывается сформированной уже в возрасте около трех лет.

Дополнительным косвенным доказательством наличия у человека врожденной программы освоения языков и формирования речи является следующий факт. Устная речь у ребенка, как известно, не может появиться и проявиться в его собственных, спонтанных высказываниях раньше годовалого возраста. Отсюда следует, что именно к этому возрасту у ребенка складываются анатомо-физиологические предпосылки для формирования такой речи, т.е. врожденная программа речевого развития достигает такого уровня зрелости, который достаточен для формирования и активного освоения устной речи.

Альтернативная социальной теории концепция освоения языка и речи получила название *натуральной теории*. Ее главным сторонником считается Н. Хомский. Он допускал наличие в мозге человека специфических структур и процессов, представляющих собой врожденные задатки к освоению языка и речи. Более того, в ходе размышлений над фактами реального освоения речи детьми в раннем возрасте Н. Хомский пришел к выводу о наличии специальной программы освоения речи, которая включает в себя, например, способность к овладению грамматически правильной речью на любом языке. К годовалому возрасту генетическая развертка такой программы, подкрепленная полученным жизненным опытом восприятия человеческой речи и реагирования на нее, достигает такого уровня, который достаточен для активного производства сначала слогов (фонем), а затем и слов на родном языке (в принципе, на любом, в окружении которого рождается и живет ребенок). В эту программу, по мнению ученого, включена и так называемая «врожденная грамматика». Правила, имеющиеся во «врожденной грамматике», позволяют ребенку быстро научиться правильно говорить и даже за-

ниматься словотворчеством в соответствии с этими правилами, не имея осознанного представления о самих правилах как таковых.

В возрасте от года до трех лет программа формирования речи, включающая правила «врожденной грамматики», работает, по-видимому, наиболее активно, поэтому данный возраст считается *сенситивным периодом* развития речи ребенка на любом языке. В более широких возрастных границах, соотносимых со временем всей жизни человека, сенситивный период формирования речи охватывает время от одного года до примерно подросткового возраста. В последнем случае имеется в виду не только освоение языка и речи как средства общения, но также активное включение речи во внутреннюю регуляцию познавательных процессов человека, в частности его мышления, и поведение в целом.

В течение узко понимаемого сенситивного периода — от года до трех лет — формирование и развитие речи происходит без особых затруднений, но вне этого периода, до или после него, новый язык и речь человеку осваивать намного труднее, иногда практически невозможно (до начала сенситивного периода, т.е. до года). По причине, указанной выше, взрослые люди, например эмигранты, гораздо хуже осваивают речь на иностранном языке, чем малолетние дети, родившиеся и выросшие в соответствующей языковой среде.

Возможным объяснением этому факту может служить следующее. Врожденная программа освоения языка и речи является не только универсальной относительно разных языков и различных видов речи, но и программой «разового использования»: она может актуализироваться и реализоваться лишь в отношении одного языка — того, который ребенок осваивает в детстве в качестве родного. В процессе освоения других языков за пределами сенситивного периода развития речи она уже не работает, и речь на чужом (неродном) языке осваивается человеком по другим законам и правилам.

То, чему обучается ребенок в процессе речевого развития, не представляет собой набор связей типа «стимул — реакция», а является сложной системой, отражающей строение языков и правила построения речи. Н. Хомский утверждал, что у ребенка имеются врожденные средства для обработки речевой (языковой) информации и образования внутренних лингвистических структур. Когда эти средства применяются к слышимой речи, ребенку удается «конструировать» грамматику своего родного языка. Есть, вероятно, особые структуры в человеческом мозге, которые отсутствуют в мозге животных и выполняют своеобразные «натуральные» лингвистические функции. Овладение языком основано на открытии ребенком того, что с формальной точки зрения является глубокой и абстрактной теорией — так называемой порождающей грамматикой родного языка.

Если говорить о типе грамматики, которой овладевает ребенок, то, прежде всего, бросается в глаза ненормативность и крайняя ограниченность исходных данных, на которых строится эта грамматика, а также поразительное сходство грамматик, построенных на основании этих данных разными людьми, независимость этих грамматик от уровня интеллекта, мотивации, эмоциональных состояний и множества других факторов. Исходя из этого, можно заключить, что вряд ли человек, в мозге которого не заложено абсолютно никакой начальной информации об общем строении языка и его возможных грамматических структурах, в состоянии столь быстро и в такой степени, как это показывает практика, овладеть языком и речью.

Исходя из имеющейся в распоряжении ученых информации, разумно предположить, что ребенок не может не строить нечто наподобие собствен-

ной трансформационной грамматики, чтобы контролировать восприятие встречающихся языковых данных точно так же, как контролируется его восприятие физических признаков предметов. Поэтому возможно, что особенности, обнаруживаемые в структурах разных языков, отражают не столько индивидуальный жизненный опыт человека, сколько общие закономерности, определяющие способность человека овладеть знаниями, или, если употребить традиционные для философии психологии термины, врожденные идеи и принципы.

С позиций теории научения многие авторы исследовали процесс развития речи детей, и на основе этой теории предлагали частные представления о процессе и механизмах развитии речи детей. В одном из таких представлений утверждается, что овладение ребенком языком основано на коррекции и подкреплении его речевых высказываний со стороны родителей и окружающих ребенка взрослых людей, владеющих речью. Согласно данной концепции, взрослые люди, наблюдающие за ребенком с раннего детства и заинтересованные в том, чтобы он как можно быстрее и лучше овладел родным языком и речью, внимательно следят за правильностью речи ребенка и немедленно поправляют его, если он говорит неправильно, или подкрепляют его, если ребенок говорит правильно.

Тот факт, что окружающие ребенка взрослые люди, прежде всего, родители, действительно часто указывают ребенку на его речевые ошибки и исправляют их, сомнений не вызывает. Однако внимательное наблюдение за действиями взрослых людей относительно детей и их речевых высказываний показывает, что в действительности взрослые люди исправляют не грамматические, а фактические речевые ошибки ребенка, т.е. указывают ему на правильность или неправильность названия того или иного предмета, явления и т.п., а не на то, правильно или неправильно ребенок произносит слова и связывает их друг с другом. Последнее ребенок в основном делает сам, причем достаточно умело, без специального обучения. Во всяком случае, на начальном этапе освоения речи детьми взрослые люди поступают именно так, и подобным образом ведут себя сами дети, осваивая речь.

По мнению многих исследователей, языковые модели и правила построения языка и речи слишком сложны для того, чтобы дети в возрасте от года до трех лет были в состоянии их усвоить в результате научения. Кроме того, большое количество взрослых людей, специалистов-лингвистов много столетий занимается изучением структуры, законов и правил функционирования языков, но до сих пор далеко не во всем разобрались. Что же тогда говорить о ребенке раннего возраста? Он вряд ли способен в результате научения освоить и десятую долю тех формальных правил, в соответствии с которыми на самом деле строится правильная речь взрослых людей.

С учетом сказанного современные ученые приходят к выводу о том, что обучение языку и речи должно иметь не только социальную, но и генетическую основу, что мозг человеческого ребенка с рождения запрограммирован на успешное освоение языка и речи. Соответствующая программа начинает активно действовать, когда ребенок слышит вокруг себя человеческую речь, и успешно «срабатывает», т.е. дает необходимые результаты, только когда взрослые люди начинают обучать ребенка языку и речи.

Есть также доказательства того, что понимание ребенком речи напрямую не связано с активным владением ею. В научной литературе описаны случаи, когда по чисто неврологическим причинам ребенок долгое время был не в состоянии говорить, но, тем не менее, хорошо понимал обращенные к нему слова.

Кроме того, не владея правилами грамматики — эти правила, как известно, усваиваются в процессе активного пользования речью, — ребенок был в состоянии сказать, правильно или неправильно построено воспринимаемое им речевое высказывание. Таким образом, очевидно, что ни подражание, ни коррекция, ни подкрепление сами по себе не в состоянии полностью обеспечить и объяснить практику освоения языка и формирование речи у детей.

Сами лингвисты, рассуждая о правилах языка и речи, не считают, что взрослые люди, пользующиеся языком и речью, могут эксплицитно, т.е. явно и осознанно, формулировать правила грамматики, в соответствии с которыми они говорят, а дети, обучаясь говорить, обязательно вначале должны осознать эти правила и, освоив их, только затем начинать правильно говорить. Не зря утверждают, что говорящий человек вовсе не подозревает, что он говорит прозой, что он произносит сначала субъект, а затем предикат, что, изменяя слова, он использует для этого аффиксы и т.д. Правильное говорение предполагает наличие и верное употребление, но вовсе не осознание речевых правил. Поскольку в данном случае речь идет о чем-то функционирующем на уровне бессознательного, то вряд ли этому — бессознательному — можно сознательно и целенаправленно обучать человека.

Еще одна популярная в последние годы теория происхождения речи человека (она возникла и стала разрабатываться сравнительно недавно в русле когнитивной психологии) получила название *когнитивной*. Согласно этой теории, развитие речи зависит от присущей ребенку с рождения способности воспринимать и перерабатывать информацию. Этим, в частности, можно объяснить детское словотворчество. Предполагается, что речевое развитие зависит от уровня развития мышления, а не наоборот. Установлено — и это одно из основных положений данной теории, — что первые высказывания малышей обычно относятся к тому, что они уже понимают. Дети, кроме того, часто говорят о том, что для них в данный момент интересно. Следовательно, потребности и интересы ребенка также влияют на его речевое развитие.

Согласно когнитивной теории язык и речь человека зависят от общества, в котором он живет, но когнитивная теория несколько иначе представляет эту зависимость, чем уже рассмотренная социальная теория происхождения и развития речи. Главная идея когнитивной теории формирования и развития речи состоит в том, что раннее социальное взаимодействие ребенка с взрослыми людьми, включающее в себя совместные предметные действия, является универсальной основой для развития как мышления, так и речи. **Интериоризация** формирующихся в течение первого года жизни схем совместных предметных действий образует основу универсальной протограмматики речи с такими ее компонентами, как субъект, предикат и объект. «Конкретная последовательность этих компонентов и правила их согласования... приобретают затем специфические формы в зависимости от доминирующего языкового окружения»¹.

Эту гипотезу первым в когнитивной психологии сформулировал Дж. Брунер еще в 70-е гг. XX в. и развил дальше М. Томаселло. По его мнению, формирование и развитие речи у ребенка проходит через три этапа. На первом этапе, где о речи как таковой можно говорить только условно (ее на данном этапе не существует), ребенок осваивает практические коммуникативные умения и навыки, которые позволяют ему общаться и взаимодействовать

¹ Величковский Б. М. Когнитивная наука. Основы психологии познания. Том 2. М., 2006. С. 103.

с окружающими, прежде всего, взрослыми людьми, используя разнообразные объекты в качестве посредников. Этот этап приходится на время с рождения до примерно 8—9 месяцев жизни.

На втором этапе, который ориентировочно начинается с 9 месяцев, ребенок начинает понимать обращенную к нему речь другого человека, включая как вербальные (в простейшей форме), так и невербальные (уже в достаточно развитом виде) средства общения. Они вводятся в процесс организации совместной деятельности ребенка и взрослого человека. На этом этапе начинается овладение ребенком средствами активного речевого общения. Кроме того, речь на данном этапе уже влияет на другие познавательные процессы детей: восприятие, внимание, воображение, память и мышление, т.е. начинается активный процесс соединения речи с другими познавательными процессами.

Переход на третий этап речевого развития хронологически соотносится с возрастом 3—4 года. Здесь речь становится достаточно сложной, приобретает основные признаки речи взрослого человека и по-разному используется детьми в различных социальных ситуациях, в том числе для психологической саморегуляции и управления поведением других людей. Иными словами, на этом этапе возникает явно выраженная социо-культурная регуляция и дифференциация речи.

Все рассмотренные выше теории формирования и развития речи являются не альтернативными или взаимоисключающими, а дополняющими друг друга. Каждая из них опирается на некоторые, вполне реальные факты, более или менее удовлетворительно их объясняет, но, вместе с тем, сталкивается с очевидными трудностями в интерпретации других фактов. Поэтому правильнее было бы соединить эти теории непротиворечивым образом в одну и создать на их основе единую теорию формирования и развития речи, обладающую максимальным объяснительным потенциалом и минимальным числом недостатков. Такой теории, к сожалению, пока что не создано.

Сравнивая друг с другом представленные выше теории формирования и развития речи, мы убеждаемся, что единственный вопрос, по которому они действительно могут рассматриваться как альтернативные, это вопрос о наличии или отсутствии у человека генотипически обусловленных задатков к развитию речи. Если натуральная теория происхождения речи признает существование таких задатков, то социальная и когнитивно-психологическая теории их фактически отрицают. Во всяком случае, факты, касающиеся возникновения и развития речи, эти две теории стараются объяснить исключительно за счет научения (правда, в разной мере акцентируя внимание на социальных факторах).

Основная трудность, которую необходимо преодолеть, чтобы найти однозначный и убедительный ответ на вопрос о наличии или отсутствии у человека врожденных (генотипически обусловленных) задатков, определяющих усвоение языка и речи, состоит в том, что многие факты, которые обычно используются для доказательства или опровержения разных точек зрения, допускают различные толкования. Порой сами эти факты являются противоречивыми. Приведем в качестве иллюстрации сказанного некоторые примеры.

Пример 1. В США в Калифорнии был в свое время обнаружен подросток в возрасте около 14 лет, с которым, по-видимому, никто не общался с помощью устной звуковой, вербальной речи, начиная примерно с двухмесячного возраста. Естественно, что сам ребенок речью не владел, и, более того, не проявлял никаких признаков знания родного языка. Несмотря на значительные

усилия, затраченные на его обучение, научить подростка грамотно и полноценно пользоваться речью — так, как ею пользуются люди его возраста — не удалось. Этот факт можно рассматривать как доказательство отсутствия генотипических предпосылок к освоению речи и того, что речь человеком приобретается в результате научения. Такой вывод подтверждается следующим обстоятельством: то, чему подростка все же удалось научить после 14 лет, явно не соответствовало тому, чему научаются, свободно развиваясь в естественных условиях, большинство других детей. Правда, тот же самый факт можно объяснить по-другому. Возможно, что врожденные предпосылки к освоению речи все же имеются, но их реализация связана, как уже было сказано выше, с сенситивным периодом развития ребенка. Упущенный в данном случае сенситивный период развития речи (напомним, что он приходится на возраст от года до трех лет), лишил ребенка возможности добиться значительных успехов в освоении речи. Возможно также, что у ребенка были и некоторые врожденные недостатки, которые помешали ему нормально осваивать речь. Так или иначе, но данный факт допускает двоякую интерпретацию: как с позиций когнитивной и социальной теории (теории научения), так и с позиций природной теории формирования речи.

Пример 2. Существуют люди, которые успешно осваивают иностранные языки, и есть люди, которым это дается с трудом. Данный факт также допускает двоякую интерпретацию. С одной стороны, его можно объяснить различным уровнем развития у этих людей врожденных задатков к освоению речи: те, у кого они имеются, будут быстрее и лучше осваивать не только родной, но и иностранные языки; те, у кого они отсутствуют (слабо развиты), будут, соответственно, хуже осваивать все языки, как родной, так и не родные. С другой стороны, тот же факт удовлетворительно объясним следующим образом: одного человека, который быстрее и лучше освоил языки, по-видимому, лучше обучали, чем того, кто испытывал трудности в этом плане.

Пример 3. В одном из исследований, проведенном психологами, изучался вопрос о речевом развитии шести глухих с рождения детей. Родители этих детей имели нормальный слух и не желали, чтобы их дети выросли глухонемыми. Они долгое время не позволяли своим детям пользоваться в общении с другими людьми языком жестов, мимики и пантомимики. Родители надеялись, в конечном счете, сформировать у своих детей способность нормально говорить, так как у них был нарушен только слух, а речевой аппарат был сохранен. Однако случилось так, что еще до того, как дети получили возможность воспринимать и понимать нормальную вербальную речь окружающих людей по движениях их губ, мимике и пантомимике, самостоятельно произносить звуки человеческой речи, т.е., прежде чем они приобрели какие бы то ни было знания в области устного и письменного родного языка, они сами спонтанно начали пользоваться в общении друг с другом жестами. Неплохо овладев, в конечном итоге, обычной звуковой речью, дети в ее развитии прошли те же самые стадии, через которые обычно проходят все нормально развивающиеся дети. Сначала, правда, они научились правильно пользоваться жестами, обозначающими отдельные слова, затем перешли к двух-, трехсловным жестам-предложениям и, наконец, к целым многофразовым высказываниям, в которых они одновременно и произносили слова, и изображали их с помощью жестов.

Объяснение данного опыта, как и двух предыдущих случаев, также может быть двояким: с точки зрения врожденности и с позиций приобретенности способности к овладению речью. То обстоятельство, что, несмотря на пре-

пятства со стороны родителей, дети все же пользовались языком жестов и в общем речевом развитии прошли нормальный путь формирования речи, может быть понято и объяснено с позиций наличия у детей врожденной программы речевого развития, причем затормозить ее естественную развертку родители не смогли. В данном случае дети росли и развивались в нормальной языковой среде, которая также могла оказать существенное влияние на их речевое развитие.

Родной язык всеми физически и психологически здоровыми детьми усваивается быстро и легко. Но усвоение второго, неродного языка практически всем людям, как детям, так и взрослым, дается с большим трудом. Это, скорее всего, связано с тем, что разные языки — родной и неродной — обычно осваиваются в разном возрасте и в различных условиях, причем сначала человек познает и в благоприятных условиях хорошо осваивает родной язык, а спустя много лет — неродной или иностранный язык, причем в гораздо менее благоприятных условиях.

Действительно, внешние и внутренние условия для освоения неродного (или иностранного, второго) языка почти во всех случаях являются намного менее благоприятными, чем родного (первого) языка. Это, во-первых, проявляется в том, что неродной язык начинает осваиваться человеком в возрасте, выходящем за пределы сенситивного периода развития речи. Во-вторых, он осваивается, как правило, в условиях отсутствия естественной языковой среды, т.е. в ситуации, когда сам человек и окружающие его люди в основном говорят на другом языке, отличающемся от вновь осваиваемого языка. В-третьих, хорошему освоению второго (нового, неродного) языка в какой-то степени препятствует уже освоенный язык, в данном случае родной. Он мешает освоению нового языка, интерферирует с ним, вытесняет его, так как человеку легче пользоваться уже известным, хорошо освоенным языком, чем новым и не известным. В общем случае здесь действует следующая закономерность: чем больше возраст, в котором человек приступает к изучению второго (неродного) языка, тем значительнее эти трудности и тем меньших успехов добивается человек в его освоении.

Правда, если человек знает несколько языков, то освоение следующих языков ему, как правило, дается легче, чем освоение первого из неродных языков. Это обстоятельство объясняется как минимум двумя причинами: во-первых, приобретенный опыт освоения одного языка переносится на другие языки и облегчает овладение ими. Во-вторых, все языки имеют между собой нечто общее, и владение одним языком, а тем более двумя и больше языками, способствует овладению всеми последующими языками.

В одном из научных исследований, проведенных в США, бывшие уроженцы Китая и Кореи, приехав на постоянное жительство в эту страну, приступили к изучению английского языка, находясь в разных возрастах. Участников этого естественного эксперимента протестировали на знание английского языка после того, как они прожили в США пять лет (этого времени было достаточно для того, чтобы, находясь в языковой среде и обучаясь соответствующему языку, хорошо его освоить). Данные, полученные в этом эксперименте (рис. 7.8), убедительно свидетельствуют о том, что успешность освоения иностранного или второго языка непосредственно зависит от возраста человека, причем эта зависимость является обратной: чем старше становится человек, тем труднее ему освоить второй или неродной для него язык. Это касается как обычного, разговорного языка, так и языка жестов.

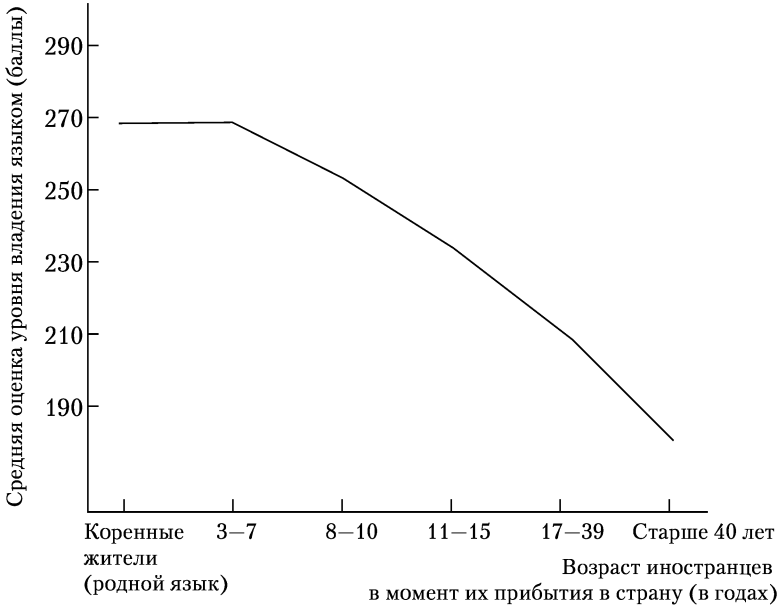

Рис. 7.8. Зависимость освоения иностранного языка от возраста людей (по Дж. Джонсону и Е. Ньюпорту, 1989)

Описанное выше исследование оставило, вместе с тем, открытым вопрос о том, что будет происходить, если изучаемый язык является для человека первым или вторым, будет ли и в этом случае отчетливо проявляться зависимость его освоения от возраста человека? Данные на этот счет можно получить на примере освоения людьми языка глухонемых. Он обычно изучается детьми не с самого начала детства, а позднее, причем разные люди начинают его осваивать в разном возрасте.

На рисунке 7.9 представлены экспериментальные данные, полученные Е. Ньюпортом (1990) по трем группам испытуемых, которые с соответствующим языком столкнулись впервые в разные годы: сразу после рождения, между 4 и 6 годами и после того, как им исполнилось 12 лет.

Эти данные указывают на ту же зависимость, которая была представлена на предыдущем рисунке, а именно — чем раньше ребенок начинает изучать язык жестов в качестве первого и основного языка, тем больших успехов в его освоении он может добиться.

Из этих данных вытекают, по крайней мере, два следствия. Во-первых, для освоения людьми человеческих языков должна существовать какая-то биологическая основа, которая в ранние годы обеспечивает человека решающим преимуществом в освоения языка и речи перед животными. Во-вторых, чем раньше начнется этот процесс, тем больших успехов человек может добиться в освоении и совершенствовании языка и речи. Эти два следствия подтверждают мнение Н. Хомского о том, что человеческий мозг является генетически запрограммированным не только на возможность освоения разных языков, но и на определенный период жизни (сенситивный период), обеспечивающий максимальные успехи или наиболее благоприятные условия для протекания этого процесса.

Приведем еще несколько известных примеров, подтверждающих сделанные выше выводы. В 1920 г. жители одной индийской деревни обнаружили в логове мать-

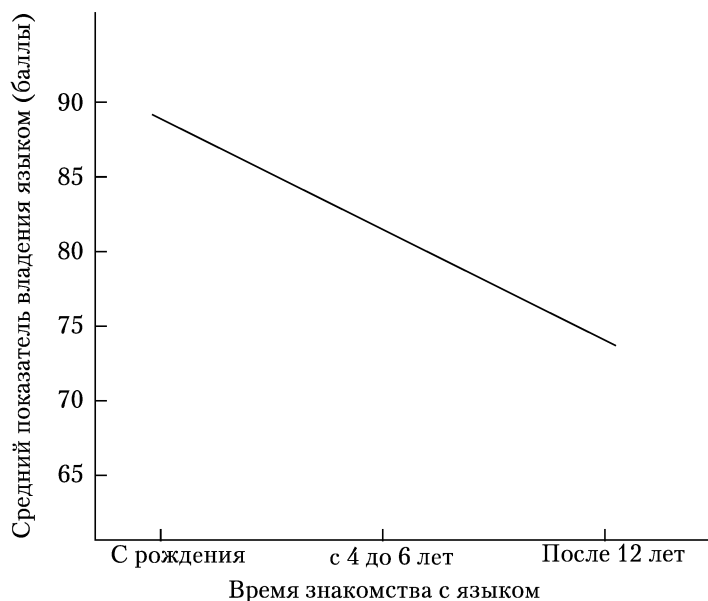

Рис. 7.9. Зависимость освоения американского языка глухонемых от возраста людей (по Е. Ньюпорту, 1990)

волчицу с четырьмя детенышами. Двое из них оказались человеческими детьми и впоследствии получили имена Камала и Амала. Камале в тот момент, когда ее нашли люди, было около 8 лет, а Амале примерно полтора года. Их поведение было не столько человеческим, сколько животным: они ели и пили на четвереньках, опустив головы к тарелке, причем питались сырым мясом; их зубы были заостренными; они поводили ноздрями, чую пищу, — так, как это обычно делают животные; ночью они бродили, иногда по-волчьи выли; найденные дети спали на полу, свернувшись калачиком, избегали контактов с людьми, но шли на контакты с животными, следовали, например, за собаками и кошками; на их коленях от постоянного бегания на четвереньках были твердые мозоли, как на подошвах лап животных. История дальнейшей жизни этих детей среди людей оказалась весьма печальной. Амала заболела и умерла в течение одного года, а Камала дожила до 18 лет. Она, в конечном счете, научилась ходить, как все люди, на двух ногах, носить одежду и даже говорить, пользуясь несколькими десятками слов. Однако общий уровень ее развития в 18 лет значительно уступал уровню развития нормального трехлетнего ребенка.

Имеется еще один пример подобного рода, описанный в литературе. Девочка по имени Изабель была обнаружена людьми и оказалась в нормальной человеческой среде, только когда ей исполнилось 6 лет. Когда люди ее нашли (до этого времени она росла в не человеческих условиях), она не владела языком, а ее общее психологическое развитие было ниже уровня обычного двухлетнего ребенка. Однако в течение года, живя среди людей в нормальной человеческой среде, она научилась говорить, и при очередном тестировании ее интеллект оказался вполне удовлетворительным. Более того, она даже смогла учиться в обычной школе. В семь лет Изабель говорила примерно так же хорошо, как и ее сверстники во втором классе, у которых до этого было семь лет языковой практики. Этот пример показывает, что при отсутствии обучения речи до шестилетнего возраста еще можно наверстать упущенное.

К сожалению, однако, психологическая реабилитация запущенных детей далеко не всегда проходит гладко. Девочка Джинни, обнаруженная в свое время в Калифорнии (США), имела физический возраст, равный 14 годам. До этого времени родители с ней по-человечески практически не общались, и, несмотря на активное последующее обучение, девочку так и не удалось научить правильно говорить и писать. Объяснение этому, по-видимому, состоит в том, что ее слишком поздно начали обучать языку и речи.

Приобретая человеческую речь, ребенок овладевает гораздо большим, чем каким-то конкретным набором слов или фраз. Он овладевает знаниями, которые позволяют ему выйти за пределы известных слов и предложений, порождать и понимать гораздо большее число предложений и фраз. В процессе овладения речью ребенок приобретает нечто такое, что ни лингвистически, ни психологически не эквивалентно системе правил или набору слова. Благодаря тому, что приобретает ребенок, он может самостоятельно расширить собственный речевой опыт до способности порождать и понимать практически бесконечное число новых предложений.

Имеющиеся экспериментальные данные и наблюдения за детьми наводят на мысль о том, что ребенок не просто осваивает речь по задаваемому взрослыми людьми образцу, но творчески воссоздает язык и речь, своеобразно как бы заново их создает в соответствии со своими внутренними, врожденными способностями. Он самостоятельно порождает структуры языка, модифицируя и отбрасывая старые представления о нем по мере продвижения в общем, включая и речевое, психологическом развитии. Эта картина, которую Н. Хомский кратко обозначил как следствие влияния порождающей грамматики, существенно отличается от традиционных представлений о том, что овладение языком и речью является пассивным, подражательным процессом и якобы управляется исключительно такими факторами, как частотность, новизна, смежность и подкрепление реакций.

Ребенок, как показывает практика, действительно способен создавать (придумывать) новые слова, основанные на понимании им функций и связей слов в той или иной языковой (речевой) системе. Поэтому детские слова надо рассматривать в рамках собственной языковой системы ребенка, а не системы взрослого человека, которой ребенок еще не владеет. Яркое подтверждение этому дают исследования ранних стадий речевого развития детей.

Очевидно, что языковая (речевая) система ребенка в раннем и дошкольном возрасте не является точной копией языковой (речевой) системы взрослых людей. Многие высказывания ребенка, хотя и согласуются с его собственной «лингвистической системой», не совсем совпадают по форме с высказываниями взрослого человека, не являются репродукциями или отсроченными имитациями (воспроизведениями через подражание) речи последнего. Маловероятно, чтобы родители употребляли многие неправильные выражения, подобные детским, разговаривая с ребенком. Они, напротив, всегда стараются говорить правильно, полагая, что ребенок будет им подражать и копировать их речь.

В таком случае возникает вопрос: как объяснить неправильную или отклоняющуюся от «взрослых норм» речь детей? Через простое подражание взрослым людям ее, очевидно, объяснить невозможно. Гораздо разумнее допустить, что маленький ребенок использует имеющиеся в его распоряжении скудные языковые средства для создания новых предложений в рамках своей, несложной, но неплохо структурированной языковой (речевой) системы.

Из практики известно, что нецелесообразно изучать активную грамматику речи ребенка до того, как он начинает объединять слова в простейшие двухсловные предложения. Это происходит обычно в возрасте примерно полутора лет. Ребенок начинает использовать язык в его универсальном и истинно человеческом смысле на стадии двухсловных предложений. Он тратит много времени на то, чтобы называть предметы и описывать выполняемые или наблюдаемые действия. Конструкции «подлежащее — сказуемое», которые универсальны для человеческого языка, отмечаются в речи детей с начала развития. Как количественные, так и качественные модификации речи начинаются и наблюдаются у детей довольно рано. Уже на первых этапах развития речи у детей становится ясно, что языковая и речевая системы ребенка имеют два знакомых нам по теории Н. Хомского, уровня: глубинный и поверхностный.

Развитие двухсловных предложений сначала идет медленно, а затем стремительно ускоряется. Об этом красноречиво свидетельствуют данные, полученные в одном из исследований. В нем общее количество различных двухсловных предложений через каждый месяц жизни ребенка в течение сравнительно короткого времени изменялось следующим образом: 14, 24, 54, 89, 350, 1400, 2500.

Проведенный анализ показывает наличие в детских речевых высказываниях двух групп слов. Среди них имеется сравнительно небольшой класс слов — так называемые «опорные слова» или «операторы», многие из которых ранее были однословными предложениями. Хотя этот класс слов невелик, но они очень часто встречаются в речи ребенка. Принадлежность слов к данному классу стабильна и четко фиксирована.

Соответствующие слова называются опорными потому, что к ним при образовании двухсловных предложений присоединяются другие слова. Опорное слово может оказаться первым в предложении или же стоять на втором месте, но его позиция в структуре предложения всегда фиксированная.

Класс опорных слов с возрастом расширяется медленно: каждый месяц от полутора до двух лет в речи ребенка появляется лишь несколько опорных слов. Второй класс слов большой и открытый, он содержит все слова ребенка, за исключением опорных. Любое слово в «опорном словаре» ребенка может быть соединено с любым словом из второго класса. С точки зрения анализа языковой (речевой) системы ребенка раннего возраста в ней находятся только два класса слов, принадлежащих к разным частям речи, например, существительные и прилагательные, существительные и глаголы. Как только дети начинают порождать высказывания длиной более чем в два слова, становится ясно, что их предложения приобретают иерархическую структуру, и эти предложения уже можно анализировать по составляющим или структурным единицам.

Активность речевого развития детей проявляется также в следующих фактах. Как только дети начинают замечать какую-нибудь модель модификации речи, они стараются применять эту модель как можно чаще, производя с ее помощью регулярные по форме слова, несмотря на то, что никогда раньше не слышали их и не могли слышать от взрослых людей. Остается поражаться столь сильному и ярко выраженному у большинства нормально развивающихся детей стремлению к обобщению, поиску аналогий и закономерностей, обнаружению и созданию упорядоченности в своей речи, причем скрытые речевые намерения ребенка или смысл его высказывания могут оказаться гораздо сложнее поверхностной формы высказывания, которое производит ребенок. Практика показывает, что ему самому часто приходится изобретать нечто наподобие трансформационной грамматики по Н. Хомскому, чтобы точнее формулировать то, что он намерен передать словами.

По мере развития ребенок обнаруживает так называемое нормативное чувство правила, а именно — он научается определять, является ли данное высказывание формально правильным относительно некоторого языкового стандарта. Это то, что лингвисты называют «чувством грамматичности». Очевидно, что такое чувство в какой-то степени является врожденным у детей и используется ими как в процессе словотворчества, так и при оценках правильности того или иного речевого высказывания. Это чувство, по-видимому, входит в общую структуру данного ребенку от природы интеллекта.

Факты, доказывающие, что ребенок действительно в состоянии самостоятельно создавать и развивать грамматику речи, а не просто усваивать ее, механически копируя речь взрослых людей, рефлекторно реагируя на их подкрепления или наказания (как утверждается, например, в бихевиористской концепции формирования и развития речи), представляются следующими.

1. Родители обычно мало внимания обращают на грамматическую правильность речи детей, когда они только начинают говорить. Родителей больше интересует сам факт говорения — то, что хочет сказать ребенок, а не то, насколько правильно построена его речь. В ранние годы ребенка, на начальных этапах его речевого развития большинство родителей на это не обращают особого внимания.

2. Немой с рождения ребенок с серьезными нарушениями речевого аппарата не в состоянии имитировать вербальную (звуковую) речь взрослого человека и поэтому не получает никаких подкреплений своей речевой деятельности. Однако это не препятствует восприятию им звуковой (вербальной) речи других людей, а также овладению языком мимики и жестов.

3. Когда ребенок во время говорения прерывает речь и самостоятельно исправляет ошибки, можно заметить, что он управляет своей речью в соответствии с каким-то представлением о ее правильности. К трем годам случаи самостоятельного исправления ребенком собственных речевых ошибок становятся особенно частыми.

4. Еще более убедительным доказательством наличия у ребенка врожденного «чувства грамматичности» является то, что, начиная с определенного, довольно раннего возраста, дети замечают отклонения от нормы в речи окружающих их взрослых людей. Известно, например, что многие трехлетние дети активно поправляют речь других детей и взрослых людей, если они говорят неправильно.

Все эти факты, несомненно, свидетельствуют о том, что ребенок уже на начальном этапе речевого развития интуитивно владеет какой-то системой правил, управляющих процессом освоения речи. Его речь, кроме того, подчиняется определенным закономерностям, и ребенок самостоятельно переносит эти, известные ему закономерности на новые случаи, может установить отклонения от них как в своей речи, так и в речи окружающих.

Исследования процесса овладения ребенком языком и речью побудили ученых пересмотреть многие традиционные взгляды на природу речевого развития. В результате такого пересмотра возникла гораздо более сложная картина психологических условий и предпосылок, касающихся формирования и развития речи, включающая врожденные умственные структуры, отчасти генетически заданные, отчасти обусловленные разнообразием и богатством окружающей среды, которую порождает человеческая культура.

Опыт показывает, что, для того чтобы освоить некоторый язык и научиться говорить на нем, вовсе не обязательно иметь постоянные слухо-речевые контакты с людьми, говорящими на данном языке. Достаточно видеть жесты, мимику и пантомимику другого человека, чтобы иметь возможность опреде-

лить модели соответствующих речевых высказываний, освоить по ним правила пользования языком и научиться практически употреблять эти правила, уяснив для себя, в том числе, семантическое содержание изучаемой языковой (речевой) системы.

Есть факты, указывающие на то, что за длительный срок, исчисляемый десятилетиями, люди, не знающие никакого языка, но вынужденные обмениваться друг с другом информацией или взаимодействовать друг с другом, способны изобрести достаточно развитый язык межличностного общения. Известен опыт такого рода, который в свое время имел место в Никарагуа. Там глухие дети из сельской местности не обучались пользоваться жестовым языком. Однако, столкнувшись с необходимостью общаться друг с другом, они вышли из положения за счет того, что придумали собственный язык жестов для общения друг с другом. За 20 лет они создали свою уникальную систему жестового общения, которая не только существовала и обогащалась, но, как показала практика, передавалась из поколения в поколение другим глухим с рождения детям естественным путем. В конечном счете изобретенная этими людьми языковая система достигла достаточно высокого уровня сложности и семантической насыщенности.

Эти и другие факты доказывают, что если людям, вынужденным постоянно взаимодействовать друг с другом, не предлагать никакого готового разговорного языка, то они, в конечном счете, изобретут его сами. Тем не менее, для нормального и успешного овладения любым языком, основанном на использовании тех или иных сенсорных систем, необходимо, чтобы эти системы существовали и хорошо функционировали у людей. Доказано, в частности, что повреждения левого полушария мозга оказывают существенное и разрушительное воздействие на употребление языка и развитие речи. Если, например, повреждение локализовано в *зоне Брока*, то утрачиваются функциональные слова; если повреждение находится в *зоне Вернике*, то имеет место потеря содержательных слов.

Подведем итог того, что известно о процессе формирования и развития речи и обсуждалось в данном параграфе главы.

1. Вопрос о наличии или отсутствии у человека задатков к освоению устной и письменной речи имеет ключевой характер для решения других вопросов психологии речи.
2. Существуют два ответа на сформулированный выше вопрос. Они представлены в двух теориях происхождения речи: социальной (теория научения) и натуральной (врожденная теория).
3. Основные положения социальной теории (теории научения) применительно к освоению речи следующие:
 - а) никаких особых врожденных предпосылок к освоению речи у человека нет;
 - б) речь формируется и развивается в результате научения, под влиянием приобретаемого опыта;
 - в) если человека специально не обучать, то никакая разновидность человеческой речи у него не появится.
4. Суть натуральной (врожденной) теории освоения языка и формирования речи выражается в следующих положениях:
 - а) у человека существуют врожденные предпосылки (задатки) к освоению языка и речи;
 - б) помимо этих задатков имеется и генетически predetermined программа речевого развития;

- в) как задатки, так и программа речевого развития раскрываются и начинают активно действовать в особый период жизни человека, называемый сенситивным периодом формирования и развития речи. Считается, что он в основном приходится на возраст от одного года до трех лет.
5. Третьей теорией формирования и развития речи человека является когнитивная теория. По своим основным положениям она находится ближе к теории научения, чем к натуральной теории, но в ней акцентируется внимание на связи речевого развития с формированием и развитием познавательных процессов человека, в частности мышления.
 6. Существуют убедительные факты за и против предположения о существовании у человека врожденных предпосылок к формированию и развитию речи.
 7. Имеется разница в освоении человеком родного и неродного языков, которая может быть объяснена с помощью любой из представленных выше теорий формирования и развития речи.
 8. Знание одних языков (владение одними видами речи) влияет на знание или овладение другими языками и видами речи.
 9. Процесс формирования речи оказывает существенное влияние на другие аспекты психического развития человека.
 10. Формирование и развитие речи можно понимать как репродуктивный (подражательный, копирующий) и как продуктивный (творческий) процесс.
 11. Значительная часть аргументов и фактов, касающихся процесса речевого развития детей, говорит в пользу того, что данный процесс представляет собой не простое подражание, а творческое воспроизведение, «творение» ребенком языка и речи на основе того, что он видит и слышит от окружающих людей.
 12. Существуют условия, обеспечивающие нормальное формирование и развитие речи. Основные из них следующие:
 - а) отсутствие каких-либо нарушений в физическом и психическом развитии ребенка, которые могут препятствовать его речевому развитию;
 - б) наличие богатой и разнообразной языковой среды, т.е. людей, говорящих и постоянно пользующихся соответствующим языком;
 - в) систематическое и разнообразное общение ребенка с окружающими людьми на соответствующем языке;
 - г) заинтересованность как ребенка, так и окружающих его людей в формировании и развитии у него речи.

7.7. Речь как средство общения и инструмент мышления

Первичная антропогенетическая (филогенетическая) и онтогенетическая функция речи — коммуникативная. Она касается использования речи в качестве средства общения и обмена информацией между людьми. В пользу такого утверждения говорит многое, в том числе следующее:

а) предшествование общения на том или ином языке между взрослым человеком и ребенком до того, как ребенок овладеет речью и начнет ею пользоваться для психологической саморегуляции¹;

б) постоянное и гораздо более частое использование людьми речи как средства общения, чем ее употребление в других функциях;

¹ Имеется в виду случай, когда говорит взрослый, а ребенок только слушает его и реагирует перечевым способом на его высказывания.

в) факты, свидетельствующие о том, что люди, осваивающие язык и речь, сначала научаются разговаривать друг с другом (осваивают речь в форме диалога), и лишь затем обучаются произносить длинные речевые высказывания (монологи), писать на соответствующем языке;

г) наличие языков и основанных на них видов коммуникативной речи у многих животных.

У шимпанзе, например, обнаруживаются высокоразвитые язык и речь, которые в некоторых отношениях (звуковой состав, жесты, мимика) чем-то напоминают жестовый язык и звучащую речь человека. Выразительные движения можно обнаружить не только у антропоидов, но и у других животных. Это, например, разнообразные движения частей тела, связанные с так называемыми «социальными эмоциями» (виляние хвостом у собак, поднятие хвоста и трение головой и телом у кошек, и т.д.). Даже насекомые, например пчелы, имеют свой язык. К примеру, пчела, обнаружившая находящиеся на большом расстоянии от улья цветы с нектаром, «сообщает» об этом своим собратьям специальными телодвижениями, которые, как полагают ученые, содержат определенную информацию о месте расположения цветов и о расстоянии до этого места.

Некоторые высшие животные, как показывают наблюдения за ними, хорошо разбираются в жестах и мимике не только друг друга (под «жестами», характерными для животных, здесь понимаются выразительные движения, совершаемые разными частями тела, например, головой, хвостом, ушами), но и человека. При помощи соответствующих телодвижений животные выражают не только свои эмоциональные состояния, но и потребности (побуждения).

Самый распространенный способ общения между собой шимпанзе, например, состоит в том, что они начинают то движение или действие, которое хотят воспроизвести, или к которому стремятся побудить другое животное. Этой же цели служат их хватательные движения, выражающие стремление получить от другого животного что-либо. Для многих животных характерна связь выразительных эмоционально окрашенных движений со специфическими голосовыми реакциями. Таким образом, язык и речь животных являются не только совокупностью эмоционально-выразительных реакций, но также средством обеспечения психологического контакта и обмена информацией друг с другом.

Ту же роль язык и речь первоначально выполняли у человека. Звуки, которые произносили древнейшие люди, жесты, мимика и телодвижения, которые их сопровождали, в древние времена, по-видимому, мало, чем отличались от языков животных, в частности человекоподобных обезьян. Вначале они, вероятно, обозначали потребности и внутренние состояния людей, информацией о которых они делились со своими сородичами. Однако как средство организации управления процессами мышления речь стала использоваться людьми намного позднее, чем она выступила в качестве средства общения.

Аналогичную картину мы наблюдаем и в процессе индивидуального развития ребенка. Первые жесты, мимика, звуки и слова, демонстрируемые ребенком — это исключительно средства общения с окружающими людьми. Даже тогда, когда ребенок начинает говорить сам и у него формируется вербальная речь (от года до трех лет), она по-прежнему в основном используется детьми как средство обмена информацией. Употреблять свою речь для регуляции познавательных процессов, в том числе мышления, дети начинают лишь с появления предметных игр, а эгоцентрическая речь ребенка, возникающая вместе с ними, становится, соответственно, и первым очевидным признаком

участия речи (в данном случае внешней) во внутренних психологических процессах. Следовательно, и в онтогенезе коммуникативная функция речи выступает как ее главная и первичная функция и предшествует использованию речи как инструмента мышления.

Наличие у людей и животных общей коммуникативной функции речи, а также обнаружение сходных моментов в ее развитии и использовании человеком и животными побудило ученых попытаться научить животных пользоваться человеческой речью. Эти попытки начались давно, еще на рубеже XIX и XX вв. и были стимулированы успехами в изучении интеллекта животных. В это время было доказано, что у человекообразных обезьян имеется человекоподобный интеллект (В. Келер), а также своеобразная речь, чем-то, по крайней мере, своим звуковым составом и сопровождающими ее жестами и мимикой, напоминающая человеческую речь.

На обучение животных пользоваться человеческой устной и письменной речью было затрачено много усилий и времени. Однако практически все попытки подобного рода, предпринимаемые в течение многих десятков лет еще в первой половине XX в., завершились неудачно. Ученым, которые при обучении животных пользовались методикой обучения речи человека, так и не удалось добиться сколько-нибудь значительных успехов. Пытаясь понять неудачи и дать им научное объяснение, психологи пришли к следующим выводам.

1. У животных в отличие от человека в коре головного мозга отсутствуют достаточно развитые, специализированные центры речи наподобие тех, которые имеются у человека, например, центр Брока и центр Вернике. Заметим также, что в порождении и восприятии речи у человека участвуют многие зоны коры головного мозга, указанные на рис. 7.10. Это значит, что у человека в отличие от животных имеется целая мозговая система, отвечающая за восприятие и порождение различных видов речи.

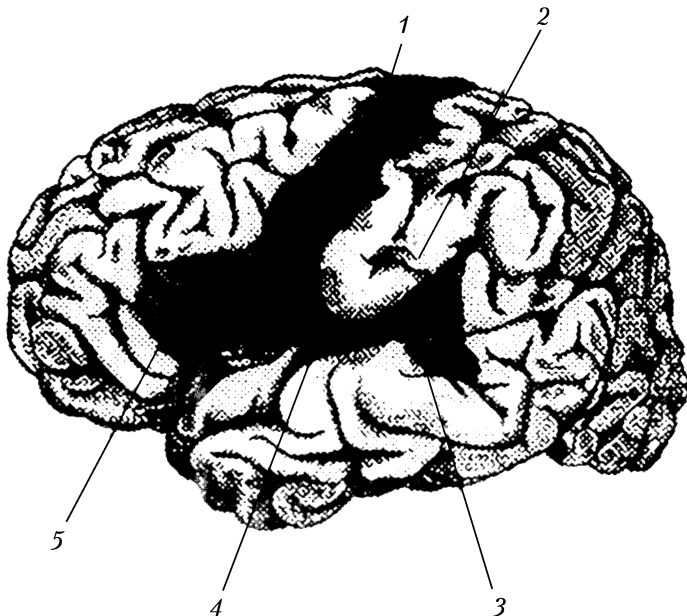

Рис. 7.10. Речевые зоны коры головного мозга человека
 1 — моторная кора; 2 — дугообразный пучок; 3 — зона Вернике;
 4 — первичная слуховая кора; 5 — зона Брока

2. Голосовой аппарат животных, включая человекообразных обезьян, отличается от голосового аппарата человека, и это, как полагают некоторые ученые, не позволяет животным произносить сложные сочетания звуков человеческой речи типа фонем, слов или предложений. Животные в состоянии порождать лишь отдельные звуки, напоминающие речь человека, а эти звуки не являются значимыми единицами языка и речи.

3. Устная и письменная речь человека, основанная на знании языка, предполагает восприятие его как некоторой абстрактной и обобщенной знаковой системы, а также различие в знаке его формы и значения. Животные, по-видимому, не в состоянии подобным образом воспринимать какие-либо языковые системы. Человеческие знаковые системы как таковые в их обобщенности и абстрактности для животных, по-видимому, не доступны.

4. В продуктах деятельности животных, включая и высших, не встречается аналогов человеческого письма. То, что животные, например, человекообразные обезьяны или дельфины, «рисуют», есть не что иное, как чисто рефлекторное, механически повторяемое движение или действие, случайным результатом которого становится «рисунок» животного. Другими словами, то, что иногда случайно или преднамеренно изображают животные, это вовсе не знаки, поскольку соответствующие изображения никаких значений для них не имеют.

5. Слово в речи человека — это не пустой набор звуков, а понятие, несущее в себе определенную мысль. Слово для человека, кроме того, тесным образом связано с его мышлением. Их слияние друг с другом в феномене словесно-логического мышления возможно на высшем уровне развития как мышления, так и речи. Ничего подобного у животных мы не наблюдаем. У них, во-первых, мышление и речь сами находятся на весьма низком по сравнению с человеком уровне развития; во-вторых, мышление и речь животного всегда существуют раздельно и никак не связаны друг с другом.

6. У человека имеется, как было показано в предыдущих параграфах главы, некоторого рода генетическая программа, обеспечивающая не только освоение готового языка и развитие речи, но и их творение или изобретение. У животных такой программы, разумеется, нет. Во всяком случае, при изучении животных никому до сих пор не удалось обнаружить у них признаков освоения ими собственного языка в результате научения: он для них выступает как врожденный. Тем более, нет никаких убедительных доказательств наличия у животных способности к изобретению языков.

7. У человека имеет четко выраженный сенситивный период развития речи. Ничего подобного сенситивному периоду освоения собственного языка и развития речи у животных не наблюдается.

Однако, несмотря на многочисленные и удовлетворительно объясненные с научной точки зрения неудачи, попытки обучать животных пользоваться человеческой речью продолжались и продолжают до сих пор. Таких попыток, правда, в наши дни сравнительно немного, поскольку эксперименты подобного рода с животными требуют больших усилий. Как мы увидим далее, чтобы добиться сколько-нибудь заметных успехов в обучении животных даже самым простым элементам человеческой речи, ученым приходилось тратить на это многие годы. К тому же, экспериментирование с человекообразными обезьянами, приобретение и содержание которых стоит больших денег, — весьма дорогостоящее занятие.

После того как ученые полностью отказались от попыток обучить животных пользоваться сложными формами устной или письменной речи человека и сосредоточили свое внимание на освоении животными самых простых, не-

вербальных средств человеческого общения (языка мимики и жестов), соответствующие эксперименты принесли определенные, положительные результаты. В 1972 г. американскими зоопсихологами, супругами Гарднерами (Б. Т. Гарднер и Р. А. Гарднер) были опубликованы результаты исследования, в ходе которого им удалось научить человекообразную обезьяну шимпанзе по имени Уоши пользоваться некоторыми специальными жестами в общении с людьми. Обучение длилось около четырех лет. Оно началось, когда обезьяне было около года, и завершилось, когда ей исполнилось пять лет. За это время обезьяна выучила примерно 130 разных жестов и время от времени употребляла их в общении с людьми.

Другой американский ученый-зоопсихолог Ф. Г. Паттерсон обучала обезьяну гориллу пользоваться жестовым языком в течение примерно шести лет и также добилась положительных результатов. В возрасте около семи лет эта обезьяна по имени Коко самостоятельно пользовалась в общении с людьми примерно 375 жестами.

В третьем эксперименте, проведенном Ф. Футсом, обезьяну шимпанзе по имени Бася обучали жестовому языку, начиная примерно с одного года, причем те, кто ее обучал, старались обращаться с обезьяной как с человеческим ребенком (ученые в работе с животным стремились максимально полно воспроизвести условия, в которых обычно растет, развивается и осваивает речь человеческий ребенок). С Басей постоянно «разговаривали», пользуясь языком жестов, мимики и пантомимики, ее специально учили знакам, придавая пальцам ее рук нужное положение, активно подкрепляли успешные попытки животного самостоятельно воспользоваться соответствующими знаками в общении с людьми. После четырех лет обучения Бася, как и Уоши в эксперименте Гарднеров, освоила около 130 жестов.

Все эти три эксперимента, хотя и дали положительные результаты, однако вовсе не доказывают, что животные в состоянии осваивать речь человека. Хотя их результаты оказались в целом успешными, но они, скорее, подтвердили неспособность освоения животными человеческого языка, чем доказали обратное. Во-первых, на обучение примитивному жестовому языку в этих экспериментах ученым пришлось затратить от 4 до 6 лет, а средний нормальный человеческий ребенок осваивает гораздо более сложный язык в большем объеме без специального обучения всего лишь за два года. Во-вторых, освоение от 130 до 375 жестов за такой долгий срок — это, по человеческим меркам, слишком мало. Для сравнения можно привести следующие цифры: за два года (от года до трех лет) ребенок осваивает примерно 1500—2000 слов, т.е. на порядок больше. Если же его обучать столько же лет, сколько обучали человекообразных обезьян — четыре года и больше, то за этот период он в состоянии будет освоить примерно 10 тыс. слов.

Одна из главных функций речи современного, высокоразвитого, цивилизованного и образованного человека состоит в том, чтобы служить средством или инструментом мышления. В каждом слове как понятии заключено гораздо больше информации, чем может нести в себе простое сочетание речевых звуков, относящееся к какому-либо конкретному объекту, т.е. слово как номинация (название). Тот факт, что речь современного человека неразрывно связана с его мышлением, доказывается многочисленными примерами, свидетельствующими об активном участии органа речи — голосового аппарата в процессах мышления. Рассмотрим некоторые из них.

1. Электромиографическое изучение работы голосового аппарата¹ в связи с мыслительной деятельностью человека показало, что в самые сложные

¹ Имеется в виду регистрация электрической активности, связанной с работой мышц, управляющих голосовым аппаратом во время говорения.

и напряженные моменты мышления у человека наблюдается повышенная активность его голосовых связок, т.е. речи или речевого аппарата (имеется в виду активность, преимущественно связанная с внутренней речью).

2. Эта активность выступает в двух формах: фазической и тонической. Первая в электромиограмме отмечается в виде высокоамплитудных и нерегулярных всплеск речедвигательных потенциалов, а вторая — форме постепенного нарастания амплитуды электромиографических волн. Экспериментально доказано, что фазическая форма речедвигательных потенциалов связана со скрытым проговариванием человеком слов про себя, в то время как тоническая — с общим повышением речедвигательной активности.

3. Все виды мышления человека, связанные с необходимостью использования более или менее развернутых рассуждений, сопровождаются усилением речедвигательной импульсации, а привычные и повторные мыслительные действия — ее снижением. Существует, по-видимому, некоторый оптимальный уровень интенсивности речедвигательных реакций человека, при котором мыслительные операции выполняются наиболее успешно, быстро и точно.

4. Речь как инструмент мышления используется в форме диалога между людьми, когда какую-либо задачу они решают совместно, обмениваясь мыслями друг с другом, и дополняя (продолжая, уточняя) высказываемые друг другу идеи. При этом единый процесс мышления оказывается как бы распределенным между двумя людьми¹. Более того, именно мышление в его диалогической форме является первичным по отношению к мышлению в форме внутреннего диалога или монолога. Дети, например, сначала научаются решать задачи в общении с взрослыми людьми, и только затем переходят к их самостоятельному решению.

5. Интеллектуальная функция речи проявляется также в том, что в ней сосредоточены все знания людей о мире и себе, представленные в виде разнообразных понятий и текстов (дискурсов). Устная и письменная речь человека выступает, таким образом, как хранитель его интеллектуальных достижений.

Проблема взаимосвязи речи и мышления, несмотря на существование очевидных соотношений между этими двумя психическими функциями, указанных выше, в научном плане просто не решается и содержит немало достаточно сложных вопросов. Один из них формулируется, например, следующим образом: что оказывает большее влияние друг на друга — мышление на речь или речь на мышление?

Многочисленные данные, описанные в научной литературе, свидетельствуют о том, что речь положительно влияет на мышление. В качестве доказательства такого влияния приводятся факты, свидетельствующие о том, что люди с высоким уровнем развития мышления обладают обычно и высококоразвитой речью. В свое время американский лингвист Б. Уорф предложил соответствующую гипотезу, в которой утверждалось, что между владением языком (речью) и развитостью мышления человека существует прямая причинно-следственная зависимость: язык (речь) влияет на мышление, и чем лучше человек владеет языком (речью), тем более развитым у него должно быть мышление.

Это утверждение вошло в историю научных знаний под названием *гипотеза Уорфа*. Данная гипотеза упоминается в научных трудах, посвя-

¹ Если в решении задачи участвуют группы, включающие более двух человек, то процесс мышления оказывается распределенным более чем между двумя людьми.

ценных связи речи и мышления, в двух вариантах: «сильном» и «слабом». В «сильном» варианте гипотезы утверждается, что влияние языка на мышление является прямым (язык — причина, а мышление — следствие), и распространяется не только на мышление, но и на все остальные психические процессы. В «слабом» варианте гипотезы Б. Уорфа содержится мысль о том, что язык оказывает косвенное воздействие, причем не на мышление как таковое, а лишь на восприятие человеком окружающей действительности, и через него — на мышление. Так, например исходя из того, что в языке эскимосов имеется немало различных слов для обозначения оттенков белого цвета, можно предположить, что они действительно визуально различают все отраженные в языке оттенки белого цвета и учитывают это в своем практическом мышлении (в решении практических задач).

Несмотря на то, что многочисленные факты действительно указывают на взаимосвязи, существующие между речью и мышлением, убедительных доказательств справедливости гипотезы Б. Уорфа в ее сильном варианте до сих пор не получено. С одной стороны, нельзя отрицать того, что люди с высокоразвитым мышлением часто обладают и хорошо развитой речью. Но это может касаться только одного вида мышления — словесно-логического. Имеются данные о том, что высокий уровень развития других видов мышления не обязательно коррелирует с высоким уровнем речевого развития, и наоборот. Прямой и однозначной зависимости, например, между образным или практическим мышлением и владением речью не существует. Есть люди, которые хорошо владеют речью, но не в состоянии успешно решать многие сравнительно простые практические задачи, напрямую с речью как таковой не связанные. К примеру, большинство филологов — это, несомненно, люди, имеющие правильную и высокоразвитую речь. Однако у многих из них это не связано с развитостью, например, математического или физико-технического мышления. Со своей стороны, люди с высоко развитым математическим и физико-техническим мышлением далеко не всегда хорошо владеют речью.

В экспериментальных исследованиях «сильный» вариант гипотезы Б. Уорфа не нашел убедительного подтверждения. Что касается ее «слабого» варианта, то он получил частичное подтверждение, но с определенными оговорками. Было высказано предположение о том, что грамматические категории языка (речи), вероятно, побуждают человека обращать внимание на различные признаки ситуации, и тем самым способствуют активизации его мышления.

Н. Хомский, оценивая «сильный» вариант гипотезы Б. Уорфа, в свое время писал о том, что автор данной гипотезы чересчур большое значение придает поверхностным структурам языка (речи), в то время как на глубинном уровне все языки и основанные на них виды речи обладают универсальными свойствами.

Интересную гипотезу о влиянии языка (речи) на мышление, близкую к рассмотренной выше, предложил другой американский лингвист Е. Сепир. Он ввел представление о так называемом *лингвистическом детерминизме*, согласно которому язык (речь) может стать причиной изменения мышления, способствовать его развитию. Другой его идеей стала мысль о *лингвистической относительности*, согласно которой разные языки обладают различными возможностями в плане развития мышления людей. Впоследствии эти гипотезы (Е. Сепира и Б. Уорфа) по причине близости их содержания были объединены в одну, и объединенная гипотеза получила название *гипотеза Сепира — Уорфа*.

Из достаточно противоречивых фактов, связанных с опытной проверкой гипотезы Сепира — Уорфа, следует, что речь сама по себе вряд ли напрямую и однозначно может влиять на мышление, определяя его уровень его развития. Скорее всего, как речь, так и мышление получают развитие и достигают высоких уровней в результате их взаимодействия не только друг с другом, но и с другими психическими процессами и способностями человека. Кроме того, речь как таковая это все же не само мышление, а его инструмент (средство). Она может, по-видимому, лишь косвенно влиять на процесс мышления, привлекая внимание человека в ходе мышления к некоторым моментам и отвлекая внимание от других моментов, выдвигая на первый план определенные темы, формулируя проблемы, вопросы и задачи для мышления и т.д.

Вместе с тем, многие аспекты мышления являются практически не зависимыми от языка (речи), и нет оснований утверждать, что овладение языком или развитие речи всегда будет положительно влиять на мышление. К примеру, не обнаружено существенной разницы в уровне развития интеллекта у людей, которые знают много языков, и теми, кто кроме родного не знает никакого другого языка. Кроме того, не существует прямой корреляции между уровнем владения языком (речью) и развитием мышления. Данные, которыми располагает современная наука, позволяют сделать следующие выводы относительно возможной взаимосвязи, взаимодействия и взаимовлияния языка (речи) и мышления человека.

1. Язык (речь), по-видимому, не оказывает прямого, однозначного и, главное, решающего влияния на интеллектуальное развитие человека.

2. Воздействие языка (речи) на мышление человека является, скорее всего, косвенным и специфическим. Владение языком (речью) может, например, ускорять умственное развитие, открывая возможности для приобретения человеком нового опыта путем получения информации и обмена идеями, а также предлагая символы (слова) и языковые (речевые) навыки для их умелого использования в специфических ситуациях, связанных с интеллектуальной деятельностью.

Из этого следует, что люди, испытывающие недостаток языкового (речевого) опыта, не могут считаться интеллектуально недостаточно развитыми и могут испытывать трудности только в решении таких задач, которые напрямую связаны с использованием речи как средства организации процесса мышления.

В дополнение к сказанному приведем результаты исследования, которое доказывает возможность существования мышления без речи. В 1947 г. были опубликованы итоги эксперимента Е. Смита и его сотрудников, в котором изучались депрессивные и анестезирующие свойства яда кураре. В данном эксперименте испытуемым был сам ученый. Он, рискуя здоровьем, проводил эксперимент на себе. Один из видов кураре был введен ему внутривенно. Вскоре наступил полный паралич скелетных мышц, и потребовались кислород и искусственное дыхание для поддержания жизни его организма. В течение некоторого времени Смит был не в состоянии производить какие-либо движения или произносить звуки (речевой аппарат также был парализован). В своем отчете, сделанном после прекращения действия яда кураре, Смит утверждал, что его сознание во время действия яда было совершенно ясным, и он полностью осознавал то, что происходило с ним и вокруг него. Он точно изложил все, что ему говорили и делали с ним во время действия яда, мог решать простейшие задачи, несмотря на полный паралич. Единственная проблема, с которой он столкнулся во время эксперимента, заключалась в том, что он не мог общаться с окружающими людьми, пользуясь речью.

Результаты этого эксперимента наводят на мысль о том, что сознание и мышление могут существовать и функционировать без речи, по крайней мере, без тех движений голосового аппарата, которые обычно сопровождают речь. Это очевидным образом противоречит чисто бихевиористскому представлению о речи как исключительно двигательной активности голосовых связок, а также о речевом мышлении, которое сторонниками бихевиоризма непропорционально сводится к соответствующей физической активности голосовых связок.

Однако мысль (мышление) также может существовать без речи. Ученые полагают, что значительная часть психической активности человека состоит из практически мгновенно возникающих мыслительных «схем», которые появляются еще до того, как имеющиеся у человека мысли проявляются в реальных, открыто наблюдаемых или фиксируемых с помощью приборов движениях. Это, кроме того, мысли, которые не имеют языковой формы (речевого выражения). Данная проблема нашла отражение в трудах Л. С. Выготского, который в свое время писал: «...Течение и движение мысли не совпадают прямо и непосредственно с развертыванием речи... На деле мысль имеет свое особое строение и течение, переход от которого к строению и течению речи представляет большие трудности»¹. Эту идею Л. С. Выготский далее иллюстрирует на примере мышления оратора: «...Оратор часто в течение нескольких минут развивает одну и ту же мысль. Эта мысль содержится в его уме как целое, а отнюдь не возникает постепенно, отдельными единицами, по мере того как развивается его речь. То, что в мысли содержится симультанно, то в речи развертывается сукцессивно. Мысль можно было бы сравнить с нависшим облаком, которое проливается дождем слов»².

Из этих высказываний известного психолога, чьи труды в области соотношения мышления и речи давно признаны классическими, следует, что, хотя между речью и мышлением имеется функциональная взаимосвязь и, по-видимому, даже определенная генетическая зависимость (зависимость мышления от речи), мышление все же выступает как функция, относительно независимая от речи, а речь, в свою очередь, — как функция, относительно независимая от мышления, в частности, когда она выполняет коммуникативную роль. В связи с этим требует уточнения форма участия речи в процессах мышления. Это участие может проявляться в следующих моментах.

1. Мысль, для того чтобы стать предметом рефлексивного анализа, должна быть осознанной, а осознается она, т.е. четко и понятно формулируется, именно с помощью речи. Следовательно, речь выступает как способ выражения и прояснения мысли.

2. Без участия речи невозможно сообщить какую-либо мысль (идею) другому человеку. Отсюда следует, что речь используется для обмена мыслями (идеями) между людьми, особенно при совместном (групповом) решении задач.

3. Когда человек рассуждает про себя, решая какую-либо задачу в уме, он пользуется словами как понятиями, в которых уже выражены некоторые обобщенные идеи, касающиеся общих и специфических особенностей определенного класса объектов — тех, которые участвуют в процессе мышления. Здесь в мышление включается внутренняя речь. Об этом убедительно свидетельствуют данные, касающиеся регистрации активности голосовых связок во время мышления.

¹ *Выготский Л. С.* Избранные психологические исследования. М., 1956. С. 376–377.

² Там же. С. 378.

4. Если человеку нужно изложить свою мысль на бумаге или каком-либо ином знаковом носителе (например, мониторе ЭВМ), он также пользуется речью, в данном случае — письменной (печатной).

Таким образом, подводя итог обсуждению вопроса о речи как средстве общения и инструменте мышления, можно констатировать следующее.

1. Речь как средство общения первична по отношению к речи, как инструменту мышления. Об этом свидетельствуют многочисленные факты, касающиеся генезиса мышления и речи.
2. У животных имеются достаточно развитые языки и соответствующие им виды речи. Однако речь и мышление у них разделены, а речь, выполняя только коммуникативную функцию, не участвует в процессах мышления.
3. Попытки обучить животных человеческой устной и письменной речи потерпели неудачи. Их объяснением являются раздельное существование мышления и речи у животных, а также сравнительно низкий уровень развития как мышления, так и речи у животных в сравнении с человеком.
4. Речь выступает как инструмент мышления только у человека. Существуют многочисленные примеры, свидетельствующие об активном участии речи в мышлении человека.
5. Мышление и речь взаимно влияют друг на друга. Возможное воздействие речи на мышление выражено в гипотезе Б. Уорфа, ее «сильном» и «слабом» вариантах.
6. Действительный характер взаимосвязи между речью и мышлением человека представляется намного более сложным, чем это утверждается в гипотезе Сепира — Уорфа.
7. Мышление и речь человека являются не только взаимосвязанными, но и относительно независимыми друг от друга психическими функциями.

7.8. Связь речи с другими познавательными процессами

Речь соотносится не только с мышлением, но и с другими познавательными процессами человека: ощущениями, восприятием, вниманием, памятью и воображением. Когда познавательные процессы человека достигают высокого уровня развития и превращаются в высшие психические функции, по Л. С. Выготскому, связь между ними и речью становится настолько очевидной и привычной, что начинает казаться естественной, существующей изначально. Однако в действительности связь речи с различными познавательными процессами не является генетически исходной или изначально заданной, она формируется по мере развития речи и совершенствования других познавательных процессов человека. Постепенное превращение этих процессов в высшие психические функции как раз и означает их соединение с речью. Одновременно она начинает выступать как внутренний регулятор познавательных процессов, придавая им произвольный характер, и как их основной посредник (внутреннее «орудие» или средство их регуляции, говоря словами Л. С. Выготского).

Связь речи с познавательными процессами человека имеет не только онтогенетический характер, т.е. складывается в процессе индивидуального раз-

вития человека, но и исторический характер. Это следует понимать так, что соответствующая связь не является изначально существующей ни в филогенезе, ни в онтогенезе, что она возникает на определенном этапе исторического развития людей и появляется на некотором этапе индивидуального развития каждого, отдельно взятого человека. Попробуем далее кратко проследить постепенное включение речи в другие познавательные процессы.

Очевидно, что простейшие формы ощущений и восприятия, имеющиеся у ребенка с рождения и развивающиеся в ранние годы, с речью еще никак не связаны по той причине, что они появляются и начинают действовать задолго до того, как ребенок овладевает речью. Ощущения и восприятие имеются у детей практически с рождения, но при этом никаких признаков речи в момент появления ребенка на свет у него еще нет. Они — в виде простейших невербальных коммуникаций — возникают лишь на втором полугодии жизни, а вербальные коммуникации — еще позднее, в начале второго года жизни.

Связь между ощущениями, восприятием и речью начинает, по-видимому, складываться вместе со становлением вербальной речи. Вначале ребенок обозначает словами то, что он непосредственно воспринимает. Затем, постепенно овладевая словами как понятиями, он начинает видеть в обозначаемых словами предметах и явлениях то, что отражено в содержании соответствующих понятий. Речь, соединяющаяся в это время с мышлением, т.е. интеллектуализированная речь, начинает оказывать влияние на восприятие, в значительной степени определяя образы, складывающиеся у человека в результате восприятия. Наконец, достигнув высшего уровня развития, восприятие человека приобретает такие, напрямую связанные с речью свойства, как предметность и категориальность (см. в этом томе учебника главу, посвященную восприятию).

Внимание детей на ранних стадиях его развития также еще не связано с речью. Оно в эти годы является непосредственным и произвольным. Непосредственность означает, что в его регуляции не используются никакие специальные средства, в том числе речь. Произвольность указывает на то, что воля человека также не принимает участие в его регуляции, а волевой контроль поведения, как известно, связан с речью. Тот факт, что подобное внимание имеется и у животных, только подтверждает отсутствие его связи с речью. Известно, что внимание у ребенка начинает работать практически сразу после рождения, до полугодовалого возраста, т.е. фактически до начала развития речи.

Однако дальнейший процесс развития внимания оказывается уже связанным с формированием и развитием речи. Это также убедительно показал в своей теории развития детского внимания как высшей психической функции Л. С. Выготский. Напомним (см. главу «Внимание»), что он выделил несколько стадий в развитии внимания у детей дошкольного возраста. Последовательность этих стадий указывает на то, каким образом происходит постепенное включение речи в регуляцию внимания, его соединение с речью и далее — качественная перестройка на этой основе самого внимания. Сначала вниманием ребенка с помощью речи управляет взрослый человек. Затем, подражая ему, ребенок сам начинает использовать внешнюю форму речи для контролирования внимания других людей. После этого — на следующей стадии развития, приходящейся примерно на 3—4 года — ребенок научается пользоваться внешней речью для регулирования собственного внимания и, наконец, приступает к использованию с этой целью внутренней речи (6—8 лет).

Аналогичный постепенный и поэтапный процесс происходит в развитии памяти человека. Она, как и внимание, начинает действовать в онтогенезе намного раньше того времени, когда дети овладевают речью. Вначале память ребенка выступает исключительно как непосредственная и произвольная. Затем, используя слова, обращаемые к ребенку, взрослые люди начинают напоминать ему о тех или иных вещах, т.е. управлять с помощью речи его памятью. Вскоре после этого наступает момент, когда ребенок, сам овладевая речью, начинает использовать ее для регулирования как памяти окружающих людей, так и своей памяти. Наконец, с появлением внутренней речи она становится основным средством управления произвольной и опосредствованной памятью человека, т.е. памятью как высшей психической функцией.

Речь в ее развитых формах, безусловно, тесным образом связана с высшей памятью человека. Основную запомненную им информацию человек хранит и воспроизводит в устной или письменной речевой форме. Даже если она записана на материальных носителях с помощью магнитных, лазерных или других технических средств записи, эта информация первоначально (до ее записи на соответствующие носители) представлена в речевой форме и, извлекаясь из них, в большинстве случаев также переводится в речевую форму. Следовательно, речевая репрезентация информации является главным средством ее представления в памяти человека. Собственная, «внутренняя» память человека основана на речи и без нее не обладает теми возможностями, которые необходимы современному человеку. Информацию, представленную в речевой форме, он легче запоминает, сохраняет, узнает и воспроизводит (припоминает). Человеку, например, легче запомнить слово как понятие, чем соответствующую ему группу предметов в тех объективных качествах, которые им присущи и отражены в содержании соответствующего понятия. Человек легче запоминает целое предложение, чем беспорядочную, лишённую структуры и объединяющего ее смысла цепочку слов, хотя в целом предложении может оказаться больше слов, чем в некотором их наборе. Кроме того, сами слова, включенные в предложение, могут состоять из большего числа фрагментов, чем отдельно взятые слова. Отсюда можно сделать вывод о том, что использование речи на ее высших уровнях развития информационно обогащает и расширяет память человека, делая ее более емкой и экономной.

Многочисленные работы лингвистов, которые, как и психологи, также интересуются памятью человека, связаны с решением вопроса о том, каким образом предложения представлены в структуре вербальной памяти человека. В практическом плане их интересует вопрос о существовании каких-либо ограничений в человеческой памяти, касающихся обработки вербальной информации, в частности — слов, предложений и текстов (дискурсов). Не вызывает сомнения, что предложения как таковые имеют в памяти особый статус. Человек запоминает предложение не просто как цепочку слов, а в целом — как некоторое структурное и смысловое единство. То же самое касается запоминания и воспроизводства текстов. Так, например, опытному ученому достаточно один раз прочесть и понять объемный научный текст, чтобы запомнить и достаточно точно далее воспроизвести его по смыслу. Этот смысл запоминаемому речевому материалу придает его понимание, т.е. опять же представление в виде набора ключевых слов-понятий. Именно поэтому взрослым людям, занимающимся интеллектуальной, особенно творческой, деятельностью, легче запоминать целые тексты и предложения, чем случайные наборы тех же самых слов.

Кроме того, практика показывает, что предложения с отклонениями от нормы и непонятные по смыслу человеку гораздо труднее бывает запомнить и воспроизвести, чем правильно построенные, осмысленные предложения. Отсюда ясно, что синтаксическая структура предложения и его смысл играют большую роль в запоминании целостных высказываний, чем наборов отдельных слов, из которых данное предложение состоит, или такого же количества единиц, какое содержится в целом предложении.

Интересен в связи с этим следующий любопытный факт. Через некоторое время после прослушивания предложения человек, как правило, в состоянии повторить его общую идею, хотя может не помнить и забыть некоторые детали его структуры. Человек может перефразировать или суммировать то, что он незадолго до этого слышал, часто не осознавая того, что он не воспроизводит дословно запомненное предложение. Вполне возможно, что значение и форма некоторого высказывания хранятся в памяти относительно независимо друг от друга, что глубинное значение предложения (его глубинная структура, по Н. Хомскому) более устойчиво в памяти, чем форма (поверхностная структура), в которой это предложение выражается. На это указывают, в частности, и некоторые модели памяти, созданные современными когнитивными психологами, например, разделение семантической и эпизодической памяти (см. главу о памяти в данном томе учебнике).

Установлено, что запоминание предложений зависит от их типа или внутреннего строения, и этот факт находит объяснение в рамках трансформационной грамматики Н. Хомского. Легче всего запоминаются простые утвердительные предложения. Трудности запоминания более сложно устроенных предложений объясняются тем, что, прежде чем их запоминать, человек должен превратить эти предложения в простые утвердительные предложения. Они наилучшим образом выражают запоминаемую мысль и, согласно трансформационной грамматике, должны запоминаться лучше всего.

Чем больше трансформаций (преобразований) необходимо произвести с запоминаемым предложением, чтобы превратить его в простое утвердительное предложение, тем труднее такое предложение запомнить. Для оценки и запоминания предложений в пассивной форме требуется больше времени, чем для восприятия и запоминания предложений, представленных в активной форме. Отрицательные предложения, по Н. Хомскому, также требуют больше времени для запоминания, чем утвердительные (активные или пассивные), так как пассивное отрицательное предложение представляет собой сочетание пассивной и отрицательной информации. Для его представления в легко запоминаемой форме требуется больше трансформаций, чем для представления в аналогичной форме утвердительного предложения.

Можно также допустить, что предварительная грамматическая трансформация сложного предложения в простое требует не только большего времени, но и значительного объема кратковременной и оперативной памяти. Кроме того, целостные предложения запоминаются, вероятно, благодаря своим глубинным, а не поверхностным структурам, т.е. структурам, выражающим смысл данных предложений с помощью «глубинных» лингвистических структур.

Мы обычно хорошо запоминаем по смыслу то, что только недавно услышали, но часто не в состоянии повторить только что услышанное буквально или дословно. Очевидно, что мы каким-то образом быстрее «схватываем» значение запоминаемого речевого материала, чем его форму, в частности,

синтаксис соответствующих высказываний или предложений. Формы предложений, которые не являются существенными для правильного восприятия их значений, обычно не сохраняются в памяти.

Кроме того, вероятно, что формальная структура предложения хранится в нашей памяти в течение весьма короткого времени, а затем в ней остается только смысл (значение) соответствующего предложения. Однако небольшое изменение в форме предложения, связанное с его значением, также легко замечается и запоминается человеком. Кратковременная и оперативная память позволяют нам воспринимать и количественно обрабатывать лишь поверхностную структуру предложения, информация о которой затем переводится в более емкое долговременное хранилище памяти. Там выделяются глубинная структура и соответствующая ей семантическая интерпретация предложения.

Роль речи в регуляции воображения также представляется вполне очевидной, особенно, если имеется в виду активное, произвольное и творческое воображение. Например, прежде чем представить себе что-либо, человек ставит перед собой задачу на воображение (придумывание) чего-либо определенного и контролирует данный процесс. Эта задача, естественно, формулируется на уровне внутренней речи или с ее помощью. Другими словами, для того чтобы решать соответствующую задачу, человек как-то должен ее определить, сформулировать для себя. Если же имеется в виду участие речи в регуляции воображения других людей, то здесь ее роль особого доказательства не требует: чтобы стимулировать воображение другого человека и направить его в нужное русло, достаточно четко сформулировать данному человеку задачу, т.е. предложить ему придумать нечто определенное.

Участие речи в воображении особенно наглядно проявляется в тех случаях, когда сама речь становится инструментом творческой деятельности, например при сочинении человеком разного рода текстов. В данном случае и постановка задачи на творческое воображение, и ее реализация осуществляются с участием речи.

В заключение обсудим традиционный для психологии речи и мышления вопрос о том, как соотносятся друг с другом речь и мышление. Этой теме в психологии было посвящено больше всего исследований, и данная тема уже затрагивалась нами в предыдущем параграфе главы. Там, правда, говорилось не о соотношении мышления и речи, а только об участии речи в мышлении.

Мысль и слово, мышление и речь в психологии традиционно выделяются и рассматриваются, с одной стороны, как отдельные психические функции, с другой стороны, как соединенные друг с другом в неразрывное единство, по крайней мере, в словесно-логическом мышлении или в осмысленной речи. В некоторых науках, таких, например, как логика или лингвистика, мышление и речь даже разделены между разными науками и представлены, соответственно, как различные явления. Мышление отдано в ведение логике, а речь — лингвистике. Даже в том случае, когда в науке, в данном примере — психологии, изучается словесно-логическое мышление, в котором мышление и речь неразрывно соединены друг с другом, их исследования по сложившейся традиции все же ведутся раздельно. Не случайно в учебнике мы имеем отдельную главу, посвященную мышлению, и другую главу, где независимо от мышления рассматривается речь. Кроме того, в логике применительно к словесно-логическому мышлению изучается только мышление, или его логика, а словесная форма игнорируется; в лингвистике, наоборот, исследуются словесные формы выражения различных мыслей (идей), но само по себе мышление (идеи), особенно его логика, предметом изучения не является.

Логики и лингвисты рассматривают речь и мышление как предмет их научных исследований, исходя из того, что они существуют отдельно, а на связь мышления и речи они не обращают особого внимания. Представители этих наук рассматривают связь между мышлением и речью как изначально данное, вполне естественное явление и, следовательно, как простое и реально существующее дополнение: в одном случае — речью мышления, а в другом случае — мышлением речи. Они не задумываются над вопросом о том, как это взаимодополнение или, правильнее сказать, единство мышления и речи, возникло, как оно развивалось и изменялось с момента его возникновения.

Психологи, которые также традиционно рассматривают мышление и речь отдельно друг от друга (как отдельные главы они представлены не только в данном, но практически во всех учебниках по общей психологии), признают, что мышление и речь на определенном этапе антропогенеза и онтогенеза человека соединяются друг с другом, образуя то, что называется словесно-логическим мышлением. Это единство, однако, не представляет собой синтез в его «химическом» понимании: объединение мышления и речи у человека не отменяет ни мышления, ни речи, не поглощает их полностью. Соединившись в словесно-логическом мышлении, речь и мышление, тем не менее, продолжают существовать и функционировать относительно самостоятельно. Происходит не их абсолютное слияние друг с другом, а возникает нечто новое, дополняющее естественное существование отдельных линий функционирования и развития мышления и речи. То, что в этом случае возникает, становится третьим направлением их **совместного развития** — словесно-логическим мышлением. В нем продолжает развиваться мышление, будучи уже тесно связанным с речью, и совершенствуется речь, опираясь, в свою очередь, на мышление.

В связи с этим понятно, что именно психологи первыми поставили и решили вопрос о соотношении мышления и речи. Среди них в первую очередь следует назвать выдающихся психологов Ж. Пиаже и Л. С. Выготского. Оба ученых занимались изучением генезиса словесно-логического мышления и в связи с этим пытались найти ответы на следующие вопросы.

1. Что объединяет друг с другом мышление и речь как психические функции?
2. Могут ли речь и мышление существовать и развиваться независимо друг от друга?
3. Каким образом они соединяются друг с другом, какие последствия это имеет для дальнейшего развития как мышления, так и речи?
4. Каковы основные этапы развития мышления и речи в отдельности друг от друга?
5. Какова история их постепенного соединения друг с другом и дальнейшего совместного развития?

Хотя ответы на все эти вопросы имплицитно (в виде предположений, гипотез) содержались уже в трудах Ж. Пиаже, но в развернутой и четкой форме они были даны в работах Л. С. Выготского. Именно ему принадлежит классический научный труд на данную тему под названием «Мышление и речь»¹. В нем ученый по-другому, чем это делалось до него, поставил и решил проблему соотношения мышления и речи, их развития в истории человечества (филогенезе), а также в процессе жизни отдельно взятого человека (в онтогенезе).

¹ Ценность данной работы, ее классический характер признаны во всем мире, и она давно переведена на множество языков, издана в разных странах мира.

Приступая к изучению проблемы соотношения мышления и речи, Л. С. Выготский отмечал, что на протяжении истории психологической науки данная проблема неизменно привлекала к себе повышенное внимание, но ставилась и решалась не всегда правильно. Предлагаемые ее решения были различными: от полного разделения речи и мышления и их рассмотрения как независимых друг от друга психических функций, до столь же полного их объединения, практического отождествления друг с другом. В последнем случае ученые исходили из следующих соображений:

а) человеческой речи, независимой от мышления, существовать не может, равно как и наоборот: мышления, независимого от речи, у человека нет.

б) мышление и речь человека отдельно друг от друга существовать, в принципе, не могут;

в) единство мышления и речи изначально задано, никогда не возникало и, соответственно, не сможет исчезнуть.

Многие современные ученые, находясь под влиянием идей Ж. Пиаже и Л. С. Выготского, придерживаются в обсуждаемом вопросе компромиссной точки зрения, полагая, что, хотя мышление и речь друг с другом в словесно-логическом мышлении действительно тесным образом связаны, они представляют собой как в генезисе, так и по характеру функционированию относительно независимые психические процессы. Однако в правильном решении проблемы соотношения мышления и речи не это является главным, а то, каким образом шел в антропогенезе и продолжает идти в наши дни процесс соединения и совместного развития мышления и речи. На вопрос о характере связей, существующих между мышлением и речью человека, а также об их генетических корнях и преобразованиях дал развернутый ответ Л. С. Выготский. Этот ответ в его кратком изложении представляется следующим.

Слово через его значение, писал Л. С. Выготский, так же относится к речи, как и к мышлению (по выражению Л. С. Выготского, «принадлежит и царству мышления, и царству речи»). Оно представляет собой «живую клеточку», содержащую в простом виде основные свойства, присущие речевому мышлению, с одной стороны, и осмысленной речи, с другой стороны, т.е. тому мышлению и речи, которые входят в состав словесно-логического мышления.

Слово как понятие это не ярлык, присоединяемый в качестве индивидуального названия к каждому отдельному предмету. Оно всегда относится к некоторой группе предметов или явлений, характеризует их суть, представляет их обобщенно и, следовательно, выступает как акт мышления или понятие (обобщенное представление) о данном предмете или классе явлений. Но одновременно с этим слово — это также и средство общения, и поэтому оно входит в состав речи. Будучи лишенным своего значения, слово уже не относится ни к мысли, ни к речи; обретая значение, оно, напротив, сразу же становится частью и того, и другого. Именно в значении слова, говорил Л. С. Выготский, завязан узел того единства, которое называется речевым или словесно-логическим мышлением.

Однако единство мышления и речи, представленное в слове как понятии, возникло далеко не сразу. Оно является лишь вершиной эволюции человека, которую он достиг в последние несколько десятков, а, возможно, и нескольких тысяч лет своего существования (вспомним еще раз, что человек как биологический вид существует на земле около четырех миллионов лет, а по новейшим антропологическим данным — и более того).

Мышление и речь, по Л. С. Выготскому, имеют, таким образом, разные корни. Возникнув в разное время, по разным причинам и развиваясь перво-

начально отдельно друг от друга, они выполняли в жизни людей различные функции. Основной функцией мышления было решение жизненно важных задач, с которыми человек сталкивался. Мышление было более значимо для существования человека, чем речь, поэтому оно возникло у людей (а до них — у животных) раньше речи.

Исходной функцией речи является коммуникативная функция. Речь как средство общения возникла и развивалась в силу необходимости взаимодействия людей друг с другом, в частности — разделения и координации их действий в процессе совместной деятельности. По отношению к мышлению речь вторична, она возникла позднее, чем мышление, обеспечивая уже не индивидуальное, а совместное выживание людей в условиях первобытной общины. То же самое можно сказать и о животных: у них мышление также появляется и начинает развиваться до возникновения простейшего вида речи. На первых этапах своего существования мышление и речь выполняют, кроме того, отдельные функции: с помощью мышления решаются задачи, а с помощью речи осуществляется обмен информацией.

У маленьких детей и высших животных, мышление и речь которых находятся на сравнительно низких уровнях развития, обнаруживаются своеобразные средства коммуникации, не связанные с мышлением, и способы решения задач (мышление), не связанные с речью. Это жесты, мимика, пантомимика, отражающие внутреннее состояние живого существа, вообще все, что является знаком, но не несет определенного значения, не выступает как понятие или обобщение чего-либо. Это также звуки, которые не являются словами, а используются только как сигналы, указывающие на внутреннее состояние живого существа или на то, что происходит вокруг. В филогенезе мышления и речи, таким образом, отчетливо вырисовывается доинтеллектуальная фаза в развитии речи.

В свою очередь, есть виды мышления, которые генетически и функционально с речью не связаны, например, наглядно-действенное мышление животных и человека, а также определенный этап в развитии мышления у человека, когда у него появляется наглядно-образное мышление. Например, когда мы наблюдаем за тем, как ребенок в возрасте от 8—10 месяцев до одного года решает простые задачи путем действий (манипуляций) с материальными предметами, то становится очевидным, что его действия представляют собой акты так называемого «ручного» мышления, с речью не связанного. Когда далее, в возрасте от двух до четырех лет ребенок демонстрирует элементарную способность решать задачи, действуя с образами предметов, то также не вызывает сомнения факт независимости данного вида мышления ребенка от его речи, хотя в это время он уже обладает достаточно развитой речью. Она, однако, используется им почти исключительно для общения или обмена информацией с людьми.

Обсудим подробнее генезис и развитие мышления и речи у детей младенческого, раннего и дошкольного возраста¹. Уже в возрасте двух-трех месяцев ребенок начинает избирательно реагировать на лицо и голос матери, выделяя их из всех других воздействующих на него зрительных и слуховых стимулов². Об этом свидетельствует появляющийся в это время **комплекс**

¹ По принятой в отечественной психологии периодизации возрастного развития детей Л. С. Выготского — Д. Б. Элькониной младенческий возраст — это возраст от рождения до года, ранний возраст — от года до трех лет, и дошкольный возраст — от трех до шести-семи лет.

² Имеются данные о том, что специфическая реакция на человеческую речь, отличающаяся от реакций на другие звуки, наблюдается у детей практически с рождения.

оживления: видя лицо матери или слыша ее голос, младенец повышает свою двигательную активность, указывающую на возникновение у него положительных эмоциональных переживаний в данный момент.

Со второй половины первого года жизни ребенок уже не только понимает и правильно воспринимает выражение лица и некоторые жесты своей матери, но также и паралингвистические компоненты ее речи: интонацию, громкость голоса, возможно, и тембр. Более того, в это время ребенок сам начинает пользоваться некоторыми из невербальных и паралингвистических средств общения для передачи матери и другим взрослым людям информации о своем внутреннем состоянии, например о самочувствии. Все это, вместе взятое, означает появление у ребенка простейшей формы речи, которая в данном возрасте, очевидно, еще никак не связана с мышлением по той причине, что никаких признаков мыслительной деятельности у детей первого полугодия жизни еще нет.

В возрасте от одного года до двух лет появляется устная вербальная речь, основанная на элементарном знании языка и умении пользоваться им в общении с людьми. Данная разновидность речи, по крайней мере, в начальный период ее развития, не связана с мышлением ребенка, поскольку само мышление детей этого возраста еще наглядно-действенное, а не речевое или словесно-логическое. Для такого мышления речь не требуется и в нем, соответственно, не используется, за исключением только называния начального и конечного результата мышления. Так или иначе, но процесс наглядно-образного мышления речь не регулирует. Таким образом, описанные выше две разновидности речи — простейшие невербальные коммуникации и вербальная речь как средство общения — появляются и развиваются у детей относительно независимо от формирования и развития их мышления.

Что касается самого мышления, то в его собственном, не зависимом от речи развитии также можно выделить две стадии. Первая охватывает период с конца первого года жизни до трехлетнего возраста. В это время у детей появляется и развивается наглядно-действенное мышление (по Л. С. Выготскому) или сенсомоторный интеллект (по Ж. Пиаже). В период от трех до пяти лет появляется и развивается второй вид мышления — наглядно-образное (Л. С. Выготский) или наступает дооперациональная стадия в развитии интеллекта (Ж. Пиаже). Очевидно, что и в этом возрасте развивающееся мышление ребенка еще никак не связано с его речью.

Процесс соединения мышления и речи начинается не раньше третьего года жизни ребенка — тогда, когда у ребенка появляется и начинает функционировать эгоцентрическая речь. Сам этот процесс является длительным, завершается в основном только к началу подросткового возраста, но продолжается, по-видимому, дальше в течение жизни человека¹. Следовательно, можно констатировать, что связь мышления и речи, характерная для словесно-логического мышления взрослых людей, оформляется только в подростковом возрасте. К такому выводу пришли и Ж. Пиаже, констатировавший переход детей на уровень формальных операций только в подростковом возрасте, и Л. С. Выготский, установивший появление в этом возрасте настоящих понятий.

¹ Поскольку словесно-логическое мышление людей, занимающихся умственной деятельностью, совершенствуется, по крайней мере, до 40–50 лет (об этом свидетельствуют данные о высших профессиональных достижениях и открытиях, сделанных людьми, которые в основном приходится на указанный возрастной диапазон), то из этого следует, что к подростковому возрасту процесс развития словесно-логического мышления полностью не завершается.

Ученые, изучавшие процесс речевого развития детей, обратили внимание на следующие факты. Первые признаки наличия у ребенка той разновидности речи, которая внешне присоединяется к мышлению, но непосредственно не участвует в нем как процессе, появляются не раньше годовалого возраста, а развернутые речевые высказывания, которые используются для формулировки и выражения уже возникшей мысли, появляются еще позднее — не раньше второй половины второго года жизни. Годовалые дети уже имеют довольно богатый опыт взаимодействия с окружающими людьми. У них есть четкие представления о своих родителях, об окружающей обстановке, о пище, игрушках и многом другом. Задолго до того, как дети практически начинают пользоваться речью, их образный мир включает в себя представления, соответствующие используемым ими словам. В таких условиях, подготовленных предыдущим опытом социализации¹, для овладения речью ребенку остается сделать не так уж много: мысленно связать имеющиеся у него представления и образы с определенными сочетаниями звуков, соответствующими отдельным словам. Сами звуковые сочетания к годовалому возрасту уже известны ребенку, так как он их неоднократно слышал от взрослых людей. Поэтому вплоть до года или полутора лет ребенок не включает речь в мышление или мышление в речь, а как бы внешне присоединяет их друг к другу. Так, например, решая какую-либо простую задачу, и найдя ее решение без участия речи, ребенок может изложить решение в устной форме. Проговорив какое-либо действие, включенное в процесс решения задачи, ребенок далее практически может выполнить соответствующее действие, но уже без речевой регуляции или речевого сопровождения.

Следующий этап речевого развития приходится на возраст в 1,5—2 года. На данном этапе дети обучаются объединять слова в двух-трехсловные фразы, причем от использования таких фраз до составления целых предложений дети прогрессируют достаточно быстро. После двух-трехсловных фраз ребенок переходит к употреблению других частей речи помимо уже освоенных им существительных и глаголов, к построению более сложных предложений в соответствии с правилами грамматики.

Л. С. Выготский отмечает, что первое слово ребенка по своему значению выступает как целая фраза. То, что взрослый человек выразил бы в развернутом сложном предложении, ребенок умудряется передать одним единственным словом. В развитии семантической (смысловой) стороны речи ребенок начинает с целого предложения и затем переходит к использованию частных смысловых единиц, таких, как слова. В начальный и конечный моменты развитие семантической и физической (звуковой) сторон речи идет разными, как бы противоположными путями. Смысловая сторона речи начинает развиваться от целого к части, в то время как физическая ее сторона совершенствуется от части к целому, т.е. от слова к предложению.

Грамматика в становлении речи ребенка несколько опережает логику. Ребенок в своей речи раньше овладевает союзами типа «потому что», «несмотря на», «так как», «хотя», чем соответствующими им смысловыми высказываниями. Это означает, пишет Л. С. Выготский, что движение семантики (смысла, значения) и звучания слова в овладении сложными синтаксическими структурами не совпадает в направлении своего развития. Еще более отчетливо это несовпадение выступает в функционировании развитой мысли, так как далеко не всегда грамматическое

¹ Социализацией называют процесс вхождения ребенка как изначально биологического существа в жизнь общества, его постепенное превращение в культурного, цивилизованного человека, способного жить в обществе и адаптироваться к нему.

и логическое содержание речевого высказывания являются идентичными. Даже на высшем уровне развития мышления и речи, когда ребенок уже овладел понятиями, происходит лишь частичное их слияние.

Л. С. Выготский полагал, что в возрасте примерно около двух лет, т.е. возрасте, который Ж. Пиаже обозначил как начало следующей за сенсомоторным интеллектом стадии дооперационального мышления, в соотношениях между мышлением и речью наступает переломный момент: речь начинает становиться интеллектуализированной, а мышление — речевым.

Признаками наступления этого решающего перелома в развитии обеих психических функций становится быстрое и активное расширение ребенком своего словарного запаса и одновременно ускоренное развитие мышления (способности решать разнообразные практические задачи). Ребенок, кроме того, начинает часто задавать взрослым людям вопросы типа: «Что это такое?», «Как это называется?» Наблюдается быстрое, скачкообразное расширение коммуникативного словаря, т.е. слов, используемых в общении с людьми. В ходе наблюдений за ребенком со стороны создается впечатление, что он как бы впервые открывает для себя символическую функцию речи и обнаруживает понимание того, что за словом лежит мысль.

Начиная с этого времени, он уже пользуется словами для выражения мыслей в самом процессе решения задач, а не до или после него. Одним и тем же словом ребенок начинает называть различные предметы. Его речь сопровождает процесс мышления, и это является прямым доказательством того, что ребенок осваивает слово как понятие, и его речь принимает участие в мышлении. Решая особо сложные интеллектуальные задачи, многие дети начинают рассуждать вслух, а это, в свою очередь, выступает как дополнительное свидетельство того, что дети используют речь как средство управления мышлением, а не только для общения с людьми.

Все эти факты являются признаками начала процесса активного соединения мышления и речи, усвоения слов как понятий и их использования как в процессах мышления, так и в ходе общения. Далее, углубляясь, описанный выше процесс соединения мышления и речи еще долго продолжается как минимум до подросткового возраста. Общение на уровне понятий и мышление с использованием понятий возникают к тому времени, к которому Ж. Пиаже отнес стадию формальных операций в развитии мышления, а Л. С. Выготский — стадию формирования полноценных понятий у детей. В том и другом случаях имеется в виду, соответственно, возраст от 11–12 до 14–15 лет. Следовательно, весь период развития понятийного мышления или формирования словесно-логического мышления в онтогенезе занимает около 10 лет. Все эти годы интенсивного обучения и умственной работы уходят на формирование понятий у детей как важнейшего образования, связанного с развитием мышления и речи.

Большое значение для понимания отношения мысли к слову (мышления к речи) имеет внутренняя речь. Она в отличие от других видов речи обладает особым синтаксисом, характеризуется отрывочностью, фрагментарностью и сокращенностью. Во всем этом проявляется ее неполнота по сравнению, например, с письменной речью, причем она может касаться практически всех элементов речи, начиная с дискурсов и предложений, и кончая отдельными словами. В ней, по-видимому, сохраняются только минимум элементов, который необходим для опознания речи, определения значения или смысла тех или иных ее фрагментов для говорящего человека.

Превращение внешней речи во внутреннюю происходит не сразу и по следующему закону: в речи в первую очередь сокращается подлежащее и остается только сказуемое с относящимися к нему словами (предикативность внутренней речи). Затем происходит сокращение служебных слов в высказывании, которые не связаны или мало связаны с пониманием значения предиката. В заключение сокращаются до минимума малоинформативные элементы отдельных слов. Примеры предикативности высказываний и реплик во многих их элементах обнаруживаются в диалогах хорошо знакомых друг с другом людей, которые часто «без слов» понимают друг друга. Таким людям нет необходимости всякий раз называть вслух предмет своего разговора, обязательно в каждом предложении указывать его подлежащее, полностью произносить некоторые слова, целые предложения и т.д., так как предмет разговора им в большинстве случаев хорошо известен. Отдельно взятый человек, размышляя во внутреннем диалоге, который реализуется посредством внутренней речи, по той же причине не обозначает для себя полными элементами, например, словами, предмет своих размышлений. Эти процессы происходят по мере соединения речи с мышлением с расчетом на то, чтобы речь «приспособилась» к динамике и особенностям обслуживаемого ею мышления.

Одновременно со своеобразным «обеднением» внешней формы речи при ее соединении с мышлением происходит обратный процесс — обогащения ее внутреннего содержания. Слово, функционируя и развиваясь в мышлении, постепенно «впитывает» в себя новые значения и смыслы. В результате значения употребляемых слов обогащаются разнообразными когнитивными и другими ассоциациями. Во внутренней речи — и в этом состоит еще одна ее особенность — преобладание смысла над значением доводится до высшего уровня. Есть все основания утверждать, что внутренняя речь в отличие от внешней речи имеет свернутую, предикативную форму и, вместе с тем, развернутое смысловое содержание.

Третьей особенностью семантики внутренней речи является уже упоминавшаяся агглютинация. Возникающее в результате агглютинации новое слово как бы обогащается значениями и смыслами тех слов, которые в нем оказались соединенными. В пределе, писал Л. С. Выготский, можно за счет агглютинации дойти до слова, которое вберет в себя смысл целого предложения, станет «концентрированным сгустком смысла». Для того чтобы полностью перевести этот смысл из свернутого плана внутренней речи в план развернутой внешней речи, пришлось бы, наверное, использовать не одно предложение. Внутренняя речь состоит из подобных, агглютированных слов, предложений и даже, возможно, целых дискурсов, изначально несущих в себе мысль в ее «чистом» виде, т.е. мысль, не воплощенную в слово. На уровне такой речи осуществляется, по-видимому, словесно-логическое мышление.

Существуют прямые доказательства активного участия внутренней речи в процессах мышления. Например, А. Н. Соколов показал, что в мышлении внутренняя речь представляет активный артикуляционный, неосознаваемый процесс. Беспрепятственное течение внутренней речи необходимо для полноценного мышления. В результате опытов, проведенных А. Н. Соколовым с взрослыми людьми, где в процессе восприятия осмысленного текста им предлагалось вслух произносить хорошо выученные стихи или простые слоги (например, «ба-ба» или «ля-ля»), было установлено, что как восприятие смысла текстов, так и решение умственных задач затрудняются при «отключении» внутренней речи от процесса мышления

или ее искусственного торможения. При восприятии текста в этом случае запоминались лишь отдельные слова, а его общий смысл человеком не улавливался. Это означает, что мышление участвует в осмысленном чтении и предполагает внутреннюю, скрытую от сознания работу артикуляционного аппарата. Этот аппарат с помощью внутренней речи переводит воспринимаемые слова в значения и смыслы, на базе которых строится далее мышление. Еще более показательными оказались опыты, проведенные с младшими школьниками. У них даже простая механическая задержка артикуляции в процессе умственной работы, например, зажим языка зубами, вызывала серьезные нарушения в мышлении, чтении и понимании текста, приводила к грубым ошибкам в письме.

Промежуточное положение между внутренней и внешней речью по своей структуре и функциям занимает эгоцентрическая речь. Это речь, которая наблюдается в основном у детей дошкольного возраста, от 3 до 5 лет¹, и сопровождает игру ребенка. Эгоцентрическая речь активизируется как раз в те моменты игры, когда ребенок решает в уме какую-либо сложную задачу и старается сосредоточить свое внимание на ее решении. Эгоцентрической эта речь называется потому, что направлена на самого ребенка, не предназначена для общения с другими людьми.

Хотя эгоцентрическая речь обычно имеет форму диалога с воображаемым человеком (ребенок, пользуясь ею, произносит какие-то реплики, как будто адресованные другому человеку, однако не ждет реакций на них, не отвечает на ответные реплики рядом находящимся людьми), на самом деле, она представляет собой внутренний диалог, вынесенный наружу, т.е. временно озвученную внутреннюю речь человека. Эгоцентрическая речь — это речь — размышление вслух, она обслуживает не общение, а именно мышление человека. Она выступает как внешняя по форме, но внутренняя по содержанию. При переходе эгоцентрической речи во внутреннюю речь она редуцируется (исчезает, как утверждал Ж. Пиаже) после шестилетнего возраста. Однако, по мнению Л. С. Выготского — оппонента Ж. Пиаже в вопросе о природе и судьбе эгоцентрической речи, на убывание внешних составляющих внутренней речи надо смотреть не как на признаки ее постепенного исчезновения, а как на симптомы превращения внешней речи во внутреннюю, как на усиливающуюся абстракцию мысли от звуковой стороны речи и прогрессирующий процесс соединения мысли со словом, формирования словесно-логического мышления.

По мнению Ж. Пиаже, эгоцентрическая речь представляет собой обычный монолог, вынесенный наружу, т.е. просто «озвученное» размышление или размышление ребенка вслух. Данная разновидность речи, как полагал Пиаже, является рудиментарной, пережиточной формой речи, характерной для людей из далекого прошлого — того времени, когда у людей еще отсутствовала современная, европейская логика мышления. В такой речи ребенка Пиаже видел лишь проявление так называемой «не социализированной» мысли ребенка. Постепенное исчезновение эгоцентрической речи к шести годам Пиаже объяснял тем, что к этому времени мышление ребенка становится социализированным, т.е. приобретает те качества, которые характерны для развитого словесно-логического мышления взрослого человека. Поэтому необходимость в существовании эгоцентрической речи сама по себе отпадает.

¹ Отдельные случаи ее использования встречаются и у взрослых людей, когда они, решая какую-либо задачу в уме, начинают рассуждать вслух. Обычно это происходит, когда что-либо или кто-либо отвлекает внимание человека от того, над чем он в данный момент думает.

Л. С. Выготский, ознакомившись с описанием и объяснением эгоцентрической речи по Ж. Пиаже, не согласился с его выводами относительно природы и судьбы данного вида речи, и писал по этому поводу следующее.

Первоначальной функцией речи является функция сообщения, т.е. обеспечения социальной связи. Поэтому речь ребенка изначально социальна, и нет необходимости ее специально социализировать. В своем развитии речь разделяется на коммуникативную и эгоцентрическую речь, причем последняя играет роль той разновидности речи, которая называется внутренней и возникает позднее. Эгоцентрическая речь тесным образом связана с интеллектуальной деятельностью ребенка и выполняет в ней роль ориентировки, осознания, преодоления затруднений и препятствий в мышлении, в это время еще наглядно-действенном и наглядно-образном.

Реальное соединение мышления и речи начинается тогда, когда взрослые люди, общаясь с ребенком и участвуя с ним в решении каких-либо задач, начинают использовать речь как средство обмена информацией, необходимой для решения задач, с ребенком. Сам ребенок, который к возрасту в два-три года уже неплохо владеет речью, начинает по образцу взрослых людей, подражая им, использовать речь для общения с ними и решения вместе с ними задач в совместной интеллектуальной деятельности. Далее, наблюдая за тем, как взрослые люди решают свои задачи, замечая, что взрослые люди, размышляя, нередко разговаривают сами с собой, ребенок, по-видимому, подражая им, начинает действовать подобным же образом. В результате у него появляется эгоцентрическая речь.

Следующий этап соединения мышления и речи приходится на возраст, когда ребенок готовится к поступлению в школу и приступает к систематическому и целенаправленному учению. Наибольшая нагрузка в это время приходится именно на словесно-логическое мышление, и поэтому оно с поступлением в школу начинает развиваться быстрее, чем другие виды мышления. Та связь, которая раньше образовалась между мышлением и речью, теперь получает дальнейшее развитие и закрепляется. В подростковом возрасте фактически завершается процесс развития так называемых *житейских* понятий¹, складывается внутренний план действий, и это способствует укреплению связи между мышлением и речью, возникновению полноценного словесно-логического мышления.

В определенный момент (он назван выше и приходится на возраст три-четыре года) линии развития мышления и речи, которые до этого времени шли раздельно, перекрещиваются и дают начало развитию нового психологического образования, характерного для человека, — словесно-логического мышления. Это переломный момент, начиная с которого речь становится интеллектуализированной, а мышление — речевым. Данный момент отличается двумя признаками, по которым мы достоверно можем судить о том, произошел ли этот перелом в развитии мышления и речи. Первый заключается в том, что ребенок, у которого это действительно произошло, начинает активно расширять свой словарный запас, спрашивая почти о каждой незнакомой или малознакомой вещи взрослого человека, как она называется и используется. Второй момент состоит в быстром, скачкообразном увеличении словарного запаса, возникающем на основе активного расширения собственного словаря ребенка.

¹ Житейскими называют понятия, которыми люди пользуются в повседневной речи, общаясь друг с другом или решая бытовые задачи.

Речь в процессе ее развития психологически (по функции) становится внутренней раньше, чем это происходит физически (по форме). Данный факт хорошо заметен на примере эгоцентрической речи. Овладение грамматическими структурами и формами речи у ребенка опережает освоение логических структур и операций, соответствующих данным формам. Ребенок овладевает придаточными предложениями с такими соединительными союзами, как «потому что», «так как», «если бы», «когда», «напротив» или «но», задолго до того, как овладевает соответствующими причинными, временными, условными отношениями, противопоставлениями и т.п., существующими между предметами и явлениями. Другими словами, ребенок овладевает «синтаксисом речи» раньше, чем он овладевает «синтаксисом мысли». Грамматика в развитии речи ребенка идет впереди его логики. Исследования, проведенные Ж. Пиаже, показали это достаточно убедительно. Ребенок, который правильно и адекватно употребляет союзы, выражающие причинно-следственные, временные, противительные, условные и другие отношения, в спонтанной речи в соответствующей ситуации на всем протяжении младшего дошкольного возраста не осознает смысловой стороны союзов, не умеет произвольно пользоваться ими для обозначения отношений, существующих в реальном мире.

Наиболее тесно с мышлением связана именно письменная речь, поскольку она непосредственно «рождается из мысли», если, конечно, человек сам придумывает то, что он пишет. Человеку вначале приходит в голову какая-либо идея, а затем он подбирает слова для того, чтобы правильно и полностью ее выразить. После этого он мысленно произносит про себя фразу, которую нужно записать, и, наконец, записывает ее. Если развитие внешней речи предшествует развитию внутренней, то письменная речь появляется после внутренней, уже предполагая ее наличие. Письменная речь, кроме того, более произвольна и осознанна, чем остальные виды речи.

Внешняя сторона речи развивается у ребенка от слова к предложению, вначале — к соединению двух или трех слов, затем — к простой фразе, к сцеплению фраз, а еще позднее — к сложным предложениям и связной речи, к дискурсу, состоящему из развернутого ряда предложений. Овладевая речью, ребенок идет, таким образом, от частей к целому. Известно, однако, что по содержанию первое слово ребенка представляет собой целую фразу — однословное предложение. В развитии семантической стороны речи ребенок начинает с целого — с предложения, и только затем переходит к овладению частными смысловыми единицами, значениями отдельных слов, расчлняя слитную, выраженную в однословном предложении мысль на ряд отдельных, связанных между собой словесных значений.

Таким образом, если охватить начальный и конечный моменты в развитии семантической и физической сторон речи, то можно убедиться в том, что это развитие идет как бы в противоположных направлениях. Смысловая сторона речи развивается от целого к части, от предложения к слову, а внешняя физическая и синтаксическая сторона речи идет от части к целому, от слова к предложению.

Соединение мышления и речи и становление словесно-логического мышления не отменяет, однако, возможность продолжения дальнейшего самостоятельного развития у человека тех видов мышления, которые с речью не связаны, и тех видов речи, которые существуют и функционируют относительно независимо от мышления. Полного соединения мышления и речи на самом деле не происходит, они и далее продолжают частично сохранять свою неза-

висимость друг от друга, а также самостоятельность в развитии и функционировании. Взрослый человек может пользоваться речью и как средством общения, и как средством мышления, не путая одно с другим. Точно так же он может решать задачи, не пользуясь речью, например, тогда, когда им практические задачи решаются в наглядно-действенном плане или в плане наглядно-образного мышления. Возможен и процесс общения, не связанный с устной или письменной речью: он происходит тогда, когда люди обмениваются информацией друг с другом с помощью невербальных средств общения.

Кроме Ж. Пиаже и Л. С. Выготского, проблему связи или соединения мышления и речи обсуждали в своих трудах другие ученые, например, американский психолог Д. Брунер. Связь между мышлением и речью он представлял следующим образом. Слова, по Брунеру, «служат толчком к формированию понятий». Общение между взрослым и ребенком может способствовать ориентации и обучению ребенка, являясь важным источником знаний и опыта. Научные понятия создаются определенной культурой и передаются в вербальной форме. Появление противоречий между разными способами словесной репрезентации чего-либо — содержаниями соответствующих понятий — может стать источником интеллектуального развития ребенка. Таким образом, главным источником и стимулятором процесса соединения мышления и речи в сознании ребенка является, по Брунеру, не его собственное, спонтанное речевое и интеллектуальное развитие, не внутренние законы развития мышления и речи, как предполагали Пиаже и Выготский, а воздействия, оказываемые на ребенка со стороны окружающих взрослых людей, прежде всего учителей.

Независимо от того, каким образом решается вопрос о соединении мышления и речи, является несомненным, что благодаря такому соединению в психологическом развитии человека происходят важные прогрессивные изменения. Они сводятся к следующему.

1. Перестраиваются и соединяются с мышлением и речью все остальные психические процессы. Они превращаются, говоря словами Л. С. Выготского, в высшие психические функции. С помощью речи, контролируемой и регулируемой мышлением и сознанием человеком, становится возможным произвольно управлять восприятием, вниманием, памятью, воображением и мышлением.

2. Человек приобретает способность в больших объемах и в течение более длительного времени, чем раньше, сохранять запоминаемую им информацию. Это делается с помощью ее смыслового анализа и обобщения, речевого кодирования и сокращения, представления соответствующей информации на уровне интеллектуальных схем, идей и понятий, а также посредством письменных записей (соединение мышления и речи касается не только устной, но и письменной речи). К этим записям человек может при необходимости возвращаться в любой момент времени и извлекать из них нужную информацию. Вследствие этого память становится более динамичной, емкой и точной по содержанию.

3. Соединение мышления и речи позволяет людям обмениваться друг с другом информацией. Любую мысль, родившуюся в его голове, человек с помощью слов, имеющих значения и смыслы, может передавать другим людям. От этого выигрывают все: и те, кто делится своими мыслями, и те, кто их получает. Первые — передатчики идей — благодаря общению приобретают возможность проверять свои мысли, уточнять их. Вторые — получа-

тели идей — обогащаются в информационном и интеллектуальном планах. Они овладевают той информацией, которой до этого владели другие люди, и научаются мыслить так, как до них мыслили другие люди.

4. Благодаря интеллектуализации речи и ее соединению с мышлением происходит включение мышления в те познавательные процессы, в которых активно используется речь. Так, например, восприятие превращается в интеллектуальный процесс решения перцептивных задач, связанных с построением образа. В результате образ начинает создаваться быстрее и оказывается таким, который несет в себе более глубокую смысловую, семантическую информацию об отображаемом объекте. Он существенно отличается от образа восприятия, возникающего вне мышления (имеется в виду так называемый бессмысленный, зеркальный образ, который возникает в голове человека, когда он, глядя на какой-либо предмет и думая о чем-либо в данный момент, не понимает и не осознает того, что он воспринимает).

5. Соединение речи и мышления ускоряет общее интеллектуальное и культурное развитие человека. Почти вся информация, относящаяся к культуре людей, представлена в интеллектуальной или речевой форме, а большая часть ее — в формах, рожденных словесно-логическим мышлением. В качестве примера можно назвать все научные знания, практически всю литературу, большую часть произведений искусства, инструменты, машины, приборы и многое другое, придуманное людьми. В общем случае наблюдается и убедительно подтверждается следующая закономерность: чем выше уровень развития мышления и речи у человека — а он оценивается по уровню развития словесно-логического мышления, — тем выше уровень его культуры.

Подводя итог тому, что обсуждалось в данном параграфе главы, можно констатировать следующее.

1. Связь речи с познавательными процессами человека является не врожденной, а приобретенной.
2. Становление и развитие соотношения речи и познавательных процессов можно проследить филогенетически — в антропогенезе и индивидуально — в онтогенезе человека.
3. Соединяясь с другими познавательными процессами, речь постепенно включается в их регуляцию и перестраивает сами эти процессы, выступая в их структуре в качестве посредника, способствуя превращению их в высшие психические функции по Л. С. Выготскому.
4. Одной из главных проблем современной психологии мышления и речи является проблема связи друг с другом этих важнейших психических функций.
5. Существует различное понимание соотношения мышления и речи в разных науках: логике, лингвистике и психологии.
6. Наиболее значительным в решении проблемы соотношения мышления и речи в психологии является вклад Л. С. Выготского. Он выделил и определил значение слова как единство и единицу мышления и речи, доказал независимое и одновременное появление у людей мышления и речи как в филогенезе, так и онтогенезе, представил их отдельное развитие, по крайней мере, на начальных этапах их формирования у человека.
7. Л. С. Выготский совместно с Ж. Пиаже экспериментально исследовал процесс постепенного соединения мышления и речи друг с другом.

- Л. С. Выготский данный процесс изучал на примере развития понятий у детей, а Ж. Пиаже — на примере формирования операций мышления. Кроме того, Л. С. Выготский раскрыл значение становления внутренней речи в процессе соединения мышления и речи.
8. Л. С. Выготский по-новому поставил и решил вопрос о природе и судьбе эгоцентрической речи, открытой и описанной Ж. Пиаже.
 9. Речь и мышление, объединившись друг с другом в словесно-логическом мышлении, продолжают и дальше свое относительно независимое развитие.
 10. Соединение мышления и речи стимулирует процесс дальнейшего общего психологического развития человека.

7.9. Речь и личность человека

Речь человека связана не только с его познавательными процессами, но определенным образом соотносится с его личностью в целом. Чем выше уровень личностного развития человека, тем более развитой является его речь, и наоборот¹. Почти все выдающиеся личности, получившие широкую известность и заслуженное признание, обладали хорошо развитой устной и письменной речью. Данный факт напрямую относится к известным политическим деятелям, поэтам, писателям, ученым.

В речи человек проявляет себя как личность, и это — еще один важный аспект соотношения личности и речи. Любой культурный, интеллектуально развитый человек, имеющий достаточно большой опыт общения с людьми, воспринимая речь другого человека, может оценивать его как личность. Это проявляется в употребляемых словах и выражениях, в грамотности, точности, богатстве и образности речевых высказываний, в паралингвистических компонентах речи, в особенностях невербальной речи и многих других признаках.

Прежде чем далее ставить и обсуждать вопрос о том, каково реальное соотношение речи и личности, кратко остановимся на том, что такое *личность*, поскольку на страницах учебника мы впервые встречаемся с этим понятием (следующий, третий том учебника будет полностью посвящен психологии личности).

Под личностью в психологии чаще всего понимается совокупность устойчивых психологических свойств человека, которые определяют его индивидуальное своеобразие (личностную индивидуальность) и характерное для него поведение: его социально значимые действия и поступки. Чаще всего, когда говорят о человеке как о личности, подразумевают следующие его психологические свойства: *способности, темперамент, характер, волю, эмоции (чувства) и мотивацию (потребности и мотивы поведения)*. Речь человека так или иначе связана со всеми этими свойствами. Выясним в общих чертах эти связи.

¹ Утверждая это, следует иметь в виду, что развитость человека как личности может пониматься по-разному. В данном случае, говоря о человеке как о высокоразвитой личности, мы имеем в виду высокий уровень развития у него способностей, воли, характера, чувств, интересов и потребностей. По-другому, используя терминологию, употребляемую в современной гуманистической психологии личности, о человеке как о высокоразвитой личности можно говорить, если он достиг уровня самоактуализации. О личности в целом, о ее основных составляющих и развитии речь идет в следующем томе учебника.

Способности представляют собой устойчивые психологические свойства, от которых зависят успехи человека в различных видах деятельности. Способности, в свою очередь, связаны с мышлением и определяются общим уровнем его развития у человека. Ученые предполагают существование у человека общей интеллектуальной одаренности (интеллектуальных задатков), от которых зависит формирование и развитие тех видов мышления, которые включены в состав специальных способностей. Предполагается также, что наличие одаренности в первую очередь сказывается на формировании и развитии у человека словесно-логического мышления. Уровень его развития имеет непосредственное отношение к высшим человеческим способностям, поскольку многие такие способности основаны на умении действовать в уме с понятиями по законам логики, размышлять или рассуждать. В той мере, в которой мышление зависит от речи, способности человека также будут зависеть от уровня его речевого развития. Такие способности находят практическое применение в разных видах деятельности современного человека, прежде всего тех, в которых используется теоретическое мышление. Это, например, наука.

Правда, как следует из рассуждений, приведенных в предыдущих параграфах данной главы, прямой и однозначной зависимости между развитостью речи, оцениваемой только по лингвистическим признакам, и уровнем развития мышления человека, оцениваемого по психологическим или логическим признакам, не существует. Отсюда следует, что между развитием способностей, с одной стороны, и развитостью речи человека, с другой стороны, подобной зависимости также нет. Однако когда мы говорим о развитости интеллектуализированной речи, соединенной с мышлением, то в наличии подобной связи сомневаться не приходится, поскольку в данном случае при оценке уровня развития речи и мышления фактически имеется в виду одно и то же: уровень развития того и другого в составе словесно-логического мышления.

Большинство современных тестов интеллекта, которые используются и для оценивания уровня развития общих способностей человека, включают в себя вербальные шкалы. С помощью таких шкал определяется развитость речи человека, и на этой основе, помимо прочего, делает вывод об уровне умственного развития или, соответственно, уровне развития общих способностей человека. Из этого следует, что, несмотря на отсутствие однозначной зависимости между развитостью речи и мышления, современные ученые-психологи все же исходят из того, что владение речью выступает как одна из важнейших составляющих общих способностей человека.

Отрицая наличие прямой зависимости между способностями и речью, ученые, тем не менее, признают существование косвенной или опосредствованной зависимости между ними. Эта зависимость может проявляться в следующем.

1. Наш век часто называют информационным, имея в виду то, что успехи современного человека в различных видах деятельности зависят от того, в какой степени он владеет или не владеет информацией, необходимой для успешного выполнения деятельности в условиях конкуренции. В свою очередь, информация существует и передается при помощи разнообразных языков и видов речи. Следовательно, развитость речи косвенно определяет и способности к выполнению различных видов деятельности через так называемые информационные технологии, основанные, в частности, на использовании речи.

2. В словесно-логическом мышлении речь и интеллект человека непосредственно связаны друг с другом. При высоком уровне интеллектуального развития речь человека оказывается насыщенной различными оригинальными идеями. При достаточно высоком уровне развития речи человек имеет возможность точно и правильно выражать свои мысли, а также, оценивая их через словесное выражение, совершенствоваться дальше.

3. Имеются факты, свидетельствующие о том, что при наличии у детей интеллектуальных задатков у них быстро формируется и развивается не только интеллект, но и речь, причем в том и другом отношении они обычно опережают своих сверстников. Эта закономерность относится и к тому периоду жизни ребенка, когда его мышление и речь формируются и развиваются относительно независимо друг от друга.

Темперамент в психологии определяется как совокупность динамических особенностей психических процессов, состояний и деятельности (поведения) человека. Связь так понимаемого темперамента с речью может проявляться в следующем. Во-первых, темперамент отражается и в динамических особенностях речи человека. В зависимости от темперамента человек может говорить быстрее или медленнее, вкладывая или не вкладывая эмоции в свои высказывания. От темперамента человека могут зависеть паралингвистические особенности речи человека, а также специфика его невербальных коммуникаций — жестов, мимики и пантомимики, сопровождающих речевые высказывания. Во-вторых, поскольку речь управляет поведением человека, то она может оказывать влияние на проявления свойств темперамента во внешнем поведении человека. С помощью речи человек может сдерживать, тормозить или, напротив, стимулировать, активизировать, делать более свободными те или иные движения, связанные с темпераментом, и, таким образом, регулировать, по крайней мере, внешние проявления своего темперамента.

Как и в случае способностей, особенности речи человека могут использоваться для диагностики типа темперамента человека. Например, отечественный психолог В. М. Русалов, автор известной методики оценки типов темперамента человека, включил в нее значительное число вопросов, касающихся особенностей речи человека. По ответам на них в данной методике устанавливается тип темперамента человека.

С характером человека речь связана еще теснее, чем с темпераментом. Характер составляет основу личности и нередко определяется почти так же, как и личность в целом. Под характером понимается совокупность устойчивых личностных свойств человека, от которых зависят его поступки, и которые определяют его отношение к себе, к людям, к происходящим вокруг событиям (сравните это определение с приведенным выше определением личности). Исходя из такого, широкого понимания характера, его связь с речью можно представить следующим образом.

В особенностях речи человека, в отличие от способностей, его характер проявляется напрямую. Это касается, например, стиля речи человека, подбора им тех или иных слов и выражений для изложения своих мыслей, установление смысла, вкладываемого в высказывания, демонстрации через особенности речи своего отношения к кому-либо или к чему-либо. Давно известно, что речь человека более или менее точно соответствует его характеру и более или менее адекватно отражает его. Можно даже утверждать, что существует примерно столько же характерных (стилевых) особенностей речи

людей, сколько имеется у них различных характеров (если характеры и виды речи делить на близкие по смыслу типы). Не случайно в речи персонажей театральных спектаклей и литературных произведений четко отражаются особенности их характеров, а авторы соответствующих художественных произведений обычно стремятся подчеркнуть характеры своих героев через их речевые высказывания (а не только через маски, как предполагают многие историки искусства, в частности — театра)¹.

В связи с множественностью жизненных проявлений характера человека в его речи она стала основным средством психодиагностики характера. Действительно, почти все известные тесты, предназначенные для изучения характера, основаны на анализе ответов человека на задаваемые вопросы, или на его речевом самоанализе, в любом случае — на оценке речевых высказываний и реакций человека. Эти реакции, если они являются непосредственными, обычно более или менее соответствуют характеру человека, и поэтому в повседневной жизни о характере человека мы обычно (и в первую очередь) судим, воспринимая и анализируя его *спонтанную, импульсивную речь*².

Связь речи и характера человека также может проявляться в том, что речь способна оказывать обратное влияние на характер человека. Эта идея давно обсуждается многими психологами, которые, стремясь оказать определенное влияние на характер человека, побуждают его говорить вполне определенные слова и определенным образом. Эта же мысль практически реализуется в методах психологического воздействия на человека (психотерапии и психокоррекции), где с целью изменения психологии человека как личности его специально учат определенным образом словесно реагировать на те или иные ситуации. К примеру, это практикуется в *аутогенной тренировке, нейролингвистическом программировании, психодраме и гештальттерапии*. Подобные же советы — о том, как через речь воздействовать на себя и проявления своего характера, — содержатся в известных книгах Д. Карнеги. Все эти воздействия, первично оказываемые на речь человека, в конечном счете, направлены на изменение его как личности, в первую очередь характера. Хотя механизм такого воздействия в научном плане достаточно глубоко не изучен, тем не менее, практика показывает, что во многих случаях подобное воздействие действительно имеет место и является устойчивым.

Влияние речи на характер выражено, однако, в меньшей степени, чем, например, обратное воздействие характера на речь, но, тем не менее, несомненно, что такое влияние существует. Человек, научившийся регулировать свое поведение с помощью речи и достигший в этом деле успехов, в конечном итоге, меняется по характеру. Люди, стремящиеся говорить то, что они на самом деле думают, становятся правдивее; те, кто старается говорить спокойно и обдуманно, со временем могут приобрести соответствующие черты характера: спокойствие, невозмутимость, уверенность в себе. Когда взрослые люди — родители, учителя и другие — ставят перед собой задачу сформировать или определенным образом изменить характер ребенка, то они, во-первых, пользуются для этого соответствующими словесными воздействиями на ребенка, во-вторых, сознательно приучают самого ребенка пользоваться теми или иными словесными высказываниями и выражениями, на-

¹ Конечно, если персонажи театрального спектакля бессловесны, и он разворачивается в тишине, то характеры отмечаются другими способами, в том числе масками, одеждой и т.п. Однако речь — это все же наилучший из способов представления характера человека.

² Так называют речь, которая рождается у человека практически мгновенно в той или иной ситуации, без долгих размышлений и глубокого анализа того, что произошло или происходит.

деясь на то, что таким образом — через речь — они смогут оказать нужное влияние на его характер.

С волей человека речь может быть связана следующим образом. Все формы волевой саморегуляции, включая психические процессы, состояния и деятельность человека, так или иначе, связаны с речью. Волевая саморегуляция, по определению, является сознательным управлением психикой и поведением человека с помощью его собственной речи. Когда человек ставит перед собой цель оказать воздействие на волю другого человека, также владеющего речью, то он для этого использует направленную на него внешнюю речь. Когда та же самая задача ставится и решается человеком в отношении себя, то для этого вновь используется речь, на этот раз — преимущественно внутренняя. Пользуясь внутренней речью, человек отдает речевые команды себе и сам же их выполняет. Это и есть не что иное, как волевая, психологическая саморегуляция в ее высших, человеческих проявлениях.

Формирование и развитие волевой саморегуляции у детей также основано на активном использовании речи. Вначале взрослый человек с помощью речи управляет поведением ребенка, начиная с того момента, когда ребенок демонстрирует понимание речи. Затем и сам ребенок, овладев активной речью, направляет ее на других людей и таким образом получает возможность с помощью воли регулировать их поведение. На следующем этапе ребенок начинает использовать внешнюю речь для психологической саморегуляции (имеется в виду эгоцентрическая речь), и, наконец, на заключительном этапе развития воли его внутренняя речь выступает в качестве основного средства психологической волевой саморегуляции.

Если с возрастом речь у детей включается в регуляцию поведения постепенно и эпизодически, то у взрослых людей она является постоянным фактором волевой регуляции как психики, так и поведения. У взрослого человека внеречевой волевой регуляции поведения практически не существует, причем речь у него включается в работу и участвует в волевой регуляции поведения на всех этапах выполнения разумной, сознательной деятельности.

Типичная структура волевого действия человека, предполагающего речевую саморегуляцию, включает в себя следующие моменты:

- а) возникновение проблемной ситуации, преодоление которой невозможно без участия воли и речевого анализа соответствующей проблемы;
- б) принятие на уровне внутренней речи решения о том, как действовать в сложившейся ситуации;
- в) практическая реализация принятого решения в условиях борьбы мотивов с помощью внутриречевого волевого контроля;
- г) оценка результатов выполненного волевого действия, в том числе на уровне внутренней или внешней речи.

На всех этих этапах осуществления деятельности или отдельного действия речь принимает активное участие в волевой саморегуляции человека. На первом этапе роль речи заключается в том, чтобы, не отвлекаясь и сосредоточив все внимание на происходящем, включив мышление, оценить сложившуюся ситуацию и выявить возникшую проблему. Ее желательно точно определить словами, поскольку от правильности оценки проблемы зависит успешность ее решения. На втором этапе роль речи состоит в участии словесно-логического мышления, т.е. мышления, соединенного с речью, в анализе возникшей ситуации. Данный этап волевого действия, как и первый, обычно завершается словесной формулировкой, но это уже будет

не формулировка проблемы как таковой, а точное словесное определение найденного решения.

Третий этап выполнения волевого действия связан с речью следующим образом. Во-первых, для того, чтобы начать выполнение принятого волевого решения, необходимо приложить усилия, т.е. с помощью внутренней речи дать себе самому команду на выполнение соответствующего действия. Во-вторых, когда действие началось, обычно возникает немало отвлекающих от него моментов и желание прекратить действие, отклониться в сторону, переключиться на выполнение какого-либо другого действия. Эти моменты человек так же, как правило, контролирует с помощью внутренней речи, и если этого недостаточно, то включает внешние формы волевого контроля, например, эгоцентрическую речь. В-третьих, по ходу выполнения действия человек регулирует его, систематически оценивая его ход и результаты, т.е. соотносит то, что уже сделано, с тем, что было задумано. Можно предположить, что и в данном процессе активное участие принимает внутренняя речь.

Четвертый этап выполнения волевого действия связан с речью следующим образом. Еще до начала выполнения действия человек имеет точную словесную формулировку его конечной цели. По окончании действия человек, вероятно, также словесно оформляет для себя его результат на уровне внутренней речи, соотносит его оценку с изначальной формулировкой цели действия. Если то и другое совпадает, то человек приходит к выводу, что поставленная цель достигнута, и на этом волевое действие заканчивается. Если же отмечается расхождение между начальной формулировкой цели и словесной оценкой достигнутого результата, то волевое действие продолжается или повторяется вновь. Для этого опять же необходимо точно определить и сформулировать словами новую (обновленную) цель соответствующего действия.

Обсудим вопрос о том, каким образом речь может быть связана с эмоциональными состояниями (чувствами) человека, а также с эмоциональной (аффективной) саморегуляцией его психики и поведения. Известно, что в ряде компонентов речи, в частности паралингвистических, непосредственным образом отражаются эмоции человека. Выслушав речь человека, но непосредственно не воспринимая его самого физически, мы в состоянии по модуляциям голоса достаточно точно судить о характере эмоциональных переживаний соответствующего человека. Следовательно, речь выступает как точный и тонкий выразитель человеческих эмоций и моментально меняется по своим лингвистическим и паралингвистическим характеристикам вслед за изменениями эмоциональных состояний людей или вместе с ними. Это, в частности, касается чувств человека, которые могут быть достаточно точно и полно выражены с помощью устной или письменной речи¹.

Через речевые действия, как внешние, так и внутренние, можно оказывать определенное влияние на эмоции и чувства людей. Так, например, если мы намерены изменить эмоциональное состояние другого человека или оказать влияние на его чувства, то обычно подбираем адресованные ему слова таким образом, чтобы это влияние проявилось как можно полнее и точнее. Если мы собираемся изменить собственное эмоциональное состояние, то находим

¹ Заметим, что неудачи в техническом моделировании человеческой речи, т.е. ее воспроизведении и восприятии с помощью соответствующей техники, связаны не только с невозможностью передачи машиной смысла слов и выражений человека, но также с невозможностью нормальной эмоциональной человеческой коммуникации с помощью «технизированной», не выразительной речи.

подходящие для этого слова и на уровне внутренней речи адресуем их себе. На этом, в частности, основаны многие известные приемы эмоциональной саморегуляции, широко применяемые в современных методах психотерапии.

В средствах массовой коммуникации, литературе, театре и различных видах искусства, связанных с речью, эмоциями и чувствами людей также неплохо передаются посредством устной или письменной речи. В этом случае мы имеем дело с использованием речи для оказания массового или массированного влияния на эмоции и чувства людей, воспринимающих произведения литературы или искусства.

Мотивацию (потребности и мотивы поведения) человека с его речью связывает следующее. Во-первых, для того чтобы точно определить, что человеку в данный момент необходимо, что соответствует или не соответствует его актуальным потребностям, мы нередко обращаемся именно к речи. Она в данном случае становится наиболее точным, адекватным выразителем состояния **мотивационной сферы** человека, если, конечно, человек, рассказывающий о своей мотивации, ничего не собирается скрывать от окружающих людей, осознает свои потребности и мотивы, в состоянии их точно выразить словами. Во-вторых, ставя перед собой цель оказать определенное мотивационное влияние на людей, побудить их к конкретным действиям и поступкам, мы также обращаемся к ним с помощью речи, устной или письменной. В-третьих, когда психологи решают задачу исследовать мотивационную сферу человеку, они нередко используют анализ его речи. В данном случае предполагается, что именно в речи человека точно и тонко проявляются его интересы, потребности и мотивы. Данная идея лежит в основе ряда известных мотивационных тестов, базирующихся на изучении устных или письменных высказываний человека на определенную тему.

Таким образом, можно констатировать, что человек практически во всех своих индивидуальных проявлениях связан с речью. Наверное, если бы у человека не было высокоразвитой и богатой речи, то его как личности для нас, наверное, не существовало. Иного пути надежного и глубокого познания личности человека, чем через его речь, также, по-видимому, не существует. Все представленные в научной и житейской психологии описания личности даются исключительно через речь. Следовательно, если между речью и личностью невозможно поставить знак равенства, то вполне допустимо соединять то и другое через понятие **идентичности** (в одном из принятых в психологии его определений).

Подведем итоги.

1. Связи личности и речи имеют многосторонний и взаимно обусловленный характер. Они касаются различных личностных свойств, причем как сами эти свойства выражаются в речи, так и речь оказывает определенное воздействие на соответствующие свойства.
2. Речь человека связана с его способностями. Эта связь проявляется в том, что речь принимает участие в реализации многих способностей человека, прежде всего тех, которые основаны на словесных рассуждениях и «выражении мысли в слове».
3. Существует определенная зависимость между уровнем развития речи и интеллекта человека. Эта зависимость проявляется в том, что чем выше уровень развития интеллекта, тем богаче, точнее и разнообразнее речь человека. Правда, данное утверждение в основном касается так называемого вербального интеллекта и не относится к другим видам мышления.

4. Определенным образом между собой связаны речь и темперамент человека. Особенности темперамента человека проявляются, например, в эмоционально-динамических свойствах его речи.
5. Существует зависимость между характером и речью человека. Она выражается в том, что в речи человека более или менее точно проявляется его характер. Кроме того, через речь можно оказывать обратное влияние на характер, формируя или изменяя его.
6. Речь и воля человека также связаны друг с другом. Речь выступает как основной внутренний, волевой регулятор поведения. Через анализ речи можно судить о воле человека. Наличие воли, в свою очередь, влияет на развитие речи человека.
7. Определенным образом соотносятся друг с другом речь и чувства (эмоции) человека. Их связь может проявляться в следующих моментах:
 - а) через речь наилучшим образом выражаются эмоциональные переживания человека;
 - б) с помощью речи, используя ее как средство психологической саморегуляции, можно оказывать влияние на эмоциональные состояния, переживания и чувства людей.
8. Существует зависимость между мотивацией и речью. Эта зависимость имеет следующий характер:
 - а) речь выступает как один из главных факторов, мотивирующих (побуждающих) и программирующих (регулирующих) поведение людей;
 - б) в особенностях речи человека проявляются его интересы, мотивы и потребности;
 - в) речь выступает как главное средство сознательной, разумной мотивации поведения человека, т.е. его психологической регуляции.

Контрольные вопросы

1. Каким образом в современном науковедении решается вопрос о том, к какой научной области относится изучение речи?
2. Почему лингвистика (языкознание) может считаться главной наукой, исследующей речь человека?
3. Как в лингвистике определяется язык?
4. Какие существуют разновидности языков?
5. Что такое естественные языки?
6. Каким образом естественные языки возникли и развивались?
7. В чем состоит специфика искусственных языков?
8. Каким образом связаны друг с другом естественные и искусственные языки?
9. Какие языки называют живыми и мертвыми?
10. Какие трудности возникают при поиске точного определения речи?
11. Почему для психологии недостаточно тех определений речи, которые имеются в других науках?
12. Чем вызвана необходимость иметь в психологии специальное, психологическое определение речи?
13. Что представляет собой развернутое определение речи?
14. Каковы отличия в лингвистическом и психологическом понимании соотношения языка и речи?
15. Почему для понимания сути речи необходимы совместные исследования лингвистов и психологов?
16. Что называется «сильным» и «слабым» определением речевой способности?
17. Каким образом в зависимости от принятых определений речи решается вопрос о соотношении лингвистики и психологии в изучении речи?

18. В чем состоит разница в предметах психологического и лингвистического изучения речи?

19. Что представляет собой психолингвистика как наука, занимающая промежуточное положение между психологией и лингвистикой?

20. Каковы основные проблемы и вопросы, которые ставятся и решаются в современной психолингвистике?

21. Как связаны между собой психолингвистика и зоопсихология?

22. Как в науке ставится и решается вопрос о соотношении языка и речи человека и животных?

23. В чем заключается проблема происхождения и развития языков и видов речи?

24. Чем объясняются трудности научного решения данной проблемы?

25. Каким образом ученые объясняют неудачи попыток обучения животных человеческой устной или письменной речи?

26. Какие виды речи выделяются в лингвистике, и почему они представляют разный интерес для психологов и лингвистов?

27. В чем проявляется специфика устной и письменной речи?

28. Каковы особенности внешней и внутренней речи?

29. Что представляют собой вербальная и невербальная речь?

30. Какую речь называют диалогической и монологической?

31. Что такое эгоцентрическая речь?

32. В чем состоял смысл дискуссии между Л. С. Выготским и Ж. Пиаже относительно природы и судьбы эгоцентрической речи?

33. Какой язык называют жестовым?

34. Какова природа и область практического использования людьми жестового языка?

35. Что представляет собой классификация видов речи по Ф. Кайнцу?

36. Какие виды речи выделяет и рассматривает в своих трудах А. А. Леонтьев?

37. Какие особенности речи называют лингвистическими и паралингвистическими?

38. Каким образом ставится и решается вопрос о филогенетическом развитии речи человека?

39. Почему язык телодвижений можно рассматривать как первичную (генетически наиболее раннюю) форму речи?

40. Какие виды речи появились в филогенезе вслед за языком телодвижений?

41. Каким образом различные виды речи связаны с решением человеком разнообразных задач?

42. Каковы основные функции речи современного человека?

43. В чем заключается коммуникативная функция речи?

44. Каким образом реализуется интеллектуальная функция речи?

45. Что представляет собой мотивационно-регулирующая функция речи?

46. Что называют психодиагностической функцией речи?

47. В чем проявляется психотерапевтическая функция речи?

48. В чем заключается специфика познавательной и интеграционной функций речи?

49. В чем выражается многозначность и неопределенность понятий «значение слова» и «смысл слова» в логике и лингвистике?

50. Почему ученым в поиске точных определений понятий «значение слова» и «смысл слова» необходимо в первую очередь ориентироваться на психологию?

51. Что представляет собой психологическая дефиниция значения слова?

52. По какой причине человек не в состоянии знать значений всех слов языка?

53. Что общего и различного между понятием и значением слова?

54. Что в лингвистике понимают под лексическим, грамматическим и референциальными значениями слов?

55. Каким образом определяется смысл слова?

56. В чем заключается разница между значением и смыслом слова?

57. Чем объясняется необходимость передачи и понимания значений и смыслов слов для полноценного общения людей?

58. Почему устная речь считается наиболее подходящей формой речи для передачи смыслов слов?

59. Каким образом человек передает и воспринимает значения слов?

60. Что утверждается в определительной теории значений и теории прототипов?

61. Каковы основные идеи структурного подхода к определению и пониманию значения слова?

62. Что представляет собой классический подход к определению значения слова (соотнесения знака и значения)?

63. Чем вызвана необходимость поиска психологического решения вопроса об определении (установлении) значений слов?

64. В чем суть теории определения значений Дж. Моргана?

65. Какой смысл имеет вопрос о происхождении речи для решения других вопросов психологии речи?

66. Что представляют собой два основных решения вопроса о происхождении речи и их возможные следствия?

67. В чем заключаются лингвистический и психологический аспекты решения вопроса о происхождении речи?

68. Что утверждается в «естественной» и «социальной» теориях происхождения речи?

69. Какое решение проблемы происхождения языка и речи предложил В. фон Гумбольдт?

70. Каковы основные идеи звукоподражательной теории происхождения языка и речи Х. Штейнталя?

71. Что представляет собой дуалистическая теория происхождения языка и речи В. Вундта?

72. Что утверждается в трудовой теории происхождения языка и речи Л. Нуаре?

73. Каким образом в трудах ученых XX столетия ставилась и решалась проблема происхождения языка и речи?

74. Что представляют собой основные лингвистические термины, с помощью которых описывается структура слова или речевого высказывания?

75. В чем выражается достаточность словаря (тезауруса) среднего взрослого человека для составления огромного количества фраз и предложений, полностью обеспечивающих его разнообразными речевыми и другие потребности?

76. Какова общая структура предложения (речевого высказывания)?

77. Что представляет собой многоуровневая динамическая организация речевой деятельности?

78. Что входит в состав психолингвистической модели порождения речевого высказывания А. А. Леонтьева и Т. В. Рябовой?

79. Каковы основные составляющие модели порождения и восприятия речи Т. Н. Ушаковой?

80. Что представляют собой программа речевого высказывания и его грамматическая модель?

81. Что называют моторным программированием и производством высказывания?

82. Чем отличаются процессы программирования и порождения высказывания у детей и взрослых людей?

83. Каким образом люди воспринимают и оценивают письменную речь?

84. Почему для правильного восприятия и понимания устных и письменных текстов (высказываний) необходимо знать людей — авторов этих текстов (высказываний), их психологические особенности, условия, в которых тексты были написаны (высказывания сформулированы), и иметь достаточно большой собственный жизненный опыт?

85. Что представляют собой когнитивно-психологические модели восприятия и понимания текстов?

86. Каковы особенности модели понимания текста по У. Кинчу?

87. Каким образом порождаются и воспринимаются речевые высказывания по Н. Хомскому?

88. Что такое трансформационная и порождающая грамматики Н. Хомского?

89. Что представляет собой комбинированная модель восприятия речевых высказываний, основанная на идеях Н. Хомского и достижениях современной когнитивной психологии?

90. Каковы недостатки модели порождения и восприятия речевых высказываний Н. Хомского?

91. Где и каким образом идеи Н. Хомского могут быть использованы в психологии?

92. В чем заключался вклад Дж. Миллера в теорию порождающих грамматик Н. Хомского?

93. Каковы основные критические замечания, высказанные в адрес теории Хомского — Миллера?

94. Почему вопрос о наличии у человека задатков к освоению устной и письменной речи имеет ключевой характер для психологии речи?

95. Что представляют собой два альтернативных ответа на данный вопрос?

96. В чем суть социальной и натуральной теорий происхождения речи?

97. Каковы основные положения теории научения применительно к процессу освоения речи?

98. В чем заключалась критика данной теории?

99. Что утверждается в натуральной теории освоения языка и формирования (развития) речи?

100. Каким образом ученые критикуют натуральную теорию развития речи?

101. Каким представляется процесс освоения языка и развития речи в соответствии с натуральной теорией?

102. Как взрослые люди контролируют речь детей в ранние годы, на что они обращают основное внимание?

103. Что представляет собой когнитивная теория происхождения и развития речи?

104. В чем проявляется взаимная дополняемость (непротиворечивость) разных теорий формирования и развития речи?

105. По каким причинам невозможно однозначно признать или опровергнуть гипотезу о наличии у человека врожденных задатков к формированию и развитию речи?

106. Какие факты свидетельствуют за и против гипотезы существования врожденных предпосылок к освоению и развитию речи?

107. В чем проявляются различия в скорости и качестве освоения людьми родного и неродного языков?

108. Как объясняются соответствующие факты с научной точки зрения?

109. В чем состоит разница в условиях освоения человеком родного и неродного языков?

110. Какое влияние знание одних языков оказывает на овладение другими языками?

111. Каким образом процесс формирования речи воздействует на развитие других психологических особенностей человека, его адаптацию к окружающей среде?

112. В чем заключается представление о формировании языка и речи как репродуктивном и продуктивном процессах?

113. Каковы аргументы за и против того, что ребенок осваивает язык и речь через подражание?

114. Каким образом обосновывается точка зрения, согласно которой ребенок создает («творит») для себя язык и речь?

115. Как факты, связанные с процессом развития речи у детей, доказывают ее происхождение через речетворчество?

116. Что представляют собой условия нормального формирования и развития речи у ребенка?

117. В чем выражается первичность речи как средства общения по сравнению с использованием речи как инструмента мышления?

118. Какие факты говорят о том, что коммуникативная функция речи является главной или основной в сравнении с другими ее функциями?

119. Каким образом можно доказать существование у животных развитых языков и соответствующих им видов речи?

120. В чем проявляются неудачи попыток обучения животных человеческой устной и письменной речи?
121. Каковы причины, объясняющие эти неудачи?
122. Что представляли собой и какие результаты дали опыты по обучению человекообразных обезьян жестовому языку?
123. Каким образом можно оценить опыты с животными с точки зрения возможностей усвоения животными человеческого языка?
124. Что представляет собой речь как инструмент мышления?
125. Какие примеры свидетельствуют об активном участии речи в процессах мышления?
126. Каким образом мышление и речь взаимно влияют друг на друга?
127. Каково содержание гипотезы Б. Уорфа?
128. Что представляют собой сильный и слабый варианты гипотезы Е. Сепира — Б. Уорфа?
129. Что представляют собой аргументы за и против гипотезы Сепира — Уорфа?
130. Каков действительный характер взаимосвязи между речью и мышлением человека?
131. В чем заключается относительная независимость мышления от речи?
132. Что означает утверждение, согласно которому связь речи с познавательными процессами человека не задается с рождения, а приобретается в процессе жизни?
133. В чем проявляется исторический и индивидуально-психологический характер (генезис) связи речи и познавательных процессов?
134. Каким образом речь постепенно включается в процессы ощущения и восприятия?
135. Как внимание человека связано с его речью?
136. Что представляет собой речевая регуляция памяти?
137. Каков вклад речи в улучшение памяти человека?
138. Каким образом трансформационная грамматика Н. Хомского объясняет процесс запоминания человеком слов и предложений?
139. Какова роль речи в регуляции воображения человека?
140. В чем выражается суть проблемы соотношения мышления и речи?
141. Каковы различия в понимании соотношения мышления и речи в логике, лингвистике и психологии?
142. В чем состоит вклад Л. С. Выготского в решение проблемы соотношения мышления и речи?
143. Что представляет собой значение слова как единство и единица мышления и речи?
144. Каким образом мышление и речь появляются и развиваются отдельно друг от друга?
145. Как происходит параллельное развитие мышления и речи у детей при их одновременном постепенном соединении друг с другом?
146. Какое значение имеет внутренняя речь в процессе соединения мышления и речи?
147. Какие трансформации происходят с речью по мере ее превращения из внешней во внутреннюю речь и в процессе соединения с мышлением?
148. Каким образом внутренняя речь участвует в процессах мышления?
149. Какую роль играет эгоцентрическая речь в регуляции мышления?
150. В чем суть дискуссии Ж. Пиаже и Л. С. Выготского относительно природы и судьбы эгоцентрической речи?
151. Что представляют собой этапы последовательного соединения мышления и речи у детей?
152. Каковы особенности развития речи и мышления в процессе их соединения?
153. Каким образом мышление и речь развиваются после их объединения друг с другом в словесно-логическом мышлении?
154. Как ставил и решал проблему соотношения мышления и речи Д. Брунер?
155. Что дает соединение мышления и речи для дальнейшего психологического развития человека?

156. В чем проявляется многоаспектность связей личности и речи?
157. Каким образом соотносятся друг с другом речь и способности человека?
158. Какова зависимость между уровнем развития речи и интеллекта человека?
159. Как связаны друг с другом речь и темперамент человека?
160. Каким образом проявляются особенности темперамента человека в эмоционально-динамических особенностях его речи?
161. Как соотносятся друг с другом речь и характер человека?
162. В чем проявляется двухсторонняя зависимость речи и характера?
163. Как соотносятся между собой речь и воля человека?
164. Каковы структура волевого действия и особенности участия речи в процессе его регуляции на разных этапах?
165. Что представляет собой взаимосвязь речи и эмоций (чувств) человека?
166. Что связывает речь и мотивацию человека?

Темы контрольных работ и рефератов

1. Виды и особенности языков.
2. Естественные и искусственные языки.
3. Живые и мертвые языки.
4. Виды речи.
5. Лингвистика и психология речи.
6. Теории происхождения языка и речи.
7. Обучение животных человеческой речи.
8. Внутренняя речь, ее особенности и функции.
9. Язык жестов, его разновидности и особенности.
10. Психолингвистическая классификация видов речи.
11. Филогенез человеческой речи.
12. Функции речи.
13. Определение понятий «значение слова» и «смысл слова», их соотношение друг с другом.
14. Связь между понятием и значением слова.
15. Общее и различное в значениях и смыслах слов.
16. Общение и обмен значениями и смыслами слов между людьми.
17. Способы речевой передачи и восприятия значений слов.
18. Лингвистическое и психологическое решения вопроса о значениях слов.
19. Подходы к вопросу о происхождении речи человека.
20. Теории происхождения языка и речи в лингвистике и психологии.
21. Структура речевой деятельности.
22. Модели речевых высказываний.
23. Процессы программирования и порождения речевых высказываний у людей.
24. Механизмы восприятия речи.
25. Психологические особенности восприятия устных и письменных текстов.
26. Когнитивно-психологические модели восприятия и понимания текстов (дискурсов).
27. Теоретические модели порождения речевых высказываний.
28. Модель Н. Хомского – Дж. Миллера, ее достоинства и недостатки.
29. Социальная и натуральная теории происхождения речи.
30. Процессы освоения языка и развития речи в социальной и натуральной теориях происхождения речи.
31. Принципы обучения родному и неродному языку (речи).
32. Когнитивная теория происхождения речи.
33. Овладение родным и иностранным языком и речью.
34. Условия освоения человеком разных языков.
35. Формирование языка и речи как подражательный и творческий процесс.
36. Коммуникативная функция речи.

37. Обучение животных человеческой речи.
38. Речь как средство (инструмент) мышления.
39. Взаимосвязь речи и мышления.
40. Соотношение речи с ощущениями, восприятием, вниманием, памятью и воображением человека.
41. Речь и процессы обработки информации (когнитивные процессы).
42. Внимание и речь.
43. Память и речь.
44. Трансформационная грамматика Н. Хомского и запоминание человеком слов и предложений.
45. Проблема связи мышления и речи.
46. Логическое, лингвистическое и психологическое понимание соотношения мышления и речи.
47. Решение проблемы о соотношении мышления и речи в трудах Л. С. Выготского.
48. Генезис мышления и речи по Л. С. Выготскому.
49. Роль внутренней речи в процессах мышления.
50. Особенности развития речи и мышления у детей.
51. Влияние соединения мышления и речи на психологическое развитие человека.
52. Речь и индивидуальное (личностное) своеобразие человека.
53. Речь и способности человека.
54. Речь и темперамент.
55. Речь и характер.
56. Воля и речь человека.
57. Эмоции и речь.

Темы для курсовых и дипломных работ¹

1. Связь языка и речи.
2. Взаимосвязь естественных и искусственных языков.
3. Определение речи и ее классификации.
4. Лингвистическое и психологическое понимание соотношения языка и речи.
5. Психолингвистика как наука о речи человека.
6. Проблема происхождения языка и речи.
7. Принципиальные отличия человеческого языка и речи от языка и речи животных.
8. Виды речи, изучаемые в лингвистике и психологии.
9. Соотношение вербального и невербального языков (видов речи).
10. Связь видов и функций речи.
11. Понятия «значение слова» и «смысл слова», их понимание в разных науках.
12. Различные содержания одного и того же слова, их определение и объяснение в науке.
13. Категории значения и смысла в психологии.
14. Общение как обмен значениями и смыслами слов.
15. Теории определения значений слов в современной лингвистике и психологии.
16. Проблема происхождения речи человека в психологии и лингвистике.

¹ Название темы дипломной работы должно иметь проблемный характер и, кроме того, предполагать необходимость проведения опытной (экспериментальной) работы по соответствующей теме. В приведенном списке представлены в основном только названия теоретических разделов дипломных работ. Пользуясь ими как темами дипломных работ, необходимо внести в них соответствующую корректировку, касающуюся проблемы предполагаемого опытного (экспериментального) исследования.

17. Сравнительный анализ различных теорий происхождения речи.
18. Структура речевого высказывания.
19. Анализ моделей речевых высказываний.
20. Программирование и порождение речевых высказываний.
21. Особенности восприятия речи людьми с высокоразвитой и низкоразвитой речевой (языковой) компетентностью.
22. Процесс восприятия и понимания людьми устных и письменных текстов (дискурсов).
23. Вклад когнитивной психологии в понимание механизмов и процесса восприятия текстов.
24. Идеи Н. Хомского, связанные с психологией и психолингвистикой речи.
25. Порождение, восприятие речевых высказываний и их компьютерное моделирование.
26. Проблема происхождения речи человека и ее решение в современной науке.
27. Сравнительный анализ положений натуральной и социальной теорий происхождения языка и речи.
28. Общее и различное в обучении родному и неродному языку (речи).
29. Когнитивно-психологический подход к формированию и развитию речи.
30. Научное объяснение различий в освоении человеком родного и неродного языков.
31. Влияние речи на общее психическое развитие человека и его адаптацию к окружающей среде.
32. Подражание и творчество в практике освоения человеком языка и речи.
33. Творчество в процессе освоения языка и речи детьми.
34. Языки (виды речи) людей и животных.
35. Соотношение коммуникативной и интеллектуальной функций речи.
36. Гипотеза Е. Сепира и Б. Уорфа о взаимосвязи речи и мышления.
37. Исторические и индивидуально-психологические аспекты соотношения речи с познавательными процессами человека.
38. Влияние речи на память человека.
39. Различные подходы к решению проблемы соотношения мышления и речи.
40. Психология как главная наука в решении вопроса о соотношении мышления и речи.
41. Связь мышления и речи, по Л. С. Выготскому.
42. Мышление и внутренняя речь.
43. Общее и различное в понимании связи мышления и речи у Ж. Пиаже и Л. С. Выготского.
44. Проблема соотношения речи и личности в психологии.
45. Речь и интеллект человека.
46. Отражение способностей, темперамента и характера человека в его речи.
47. Речь и эмоционально-психологическая саморегуляция.
48. Речь и мотивация поведения.

Словарь терминов

АВТОМАТИЧЕСКАЯ (АВТОМАТИЗИРОВАННАЯ) РЕЧЬ — речь, произносимая без ее осознания и целенаправленного контроля со стороны человека. Такая речь может наблюдаться у людей при некоторых видах душевных заболеваний, в бредовых состояниях и психозах, когда человек находится в крайне возбужденном, эмоционально-неуравновешенном состоянии.

АВТОМАТИЧЕСКОЕ ПИСЬМО (АВТОМАТИЗИРОВАННОЕ ПИСЬМО) — 1. Письмо, запись, производимая в условиях внимания, направленного на форму, а не на содержание записи. 2. Письменная запись,

при которой внимание человека полностью отвлечено от самой записи чем-то другим, а само письмо осуществляется без контроля со стороны сознания человека. 3. Письменная запись, сделанная в условиях, когда человек не в состоянии зрительно контролировать процесс письма, например, когда его рука, производящая запись, скрыта от восприятия пишущего человека (закрыта, например, каким-либо непрозрачным экраном).

АГГЛЮТИНАЦИЯ — соединение в языке или речи человека отдельных слов в одно слово, с изменением или сокращением буквенного состава входящих в него слов и объединением значений или смыслов соответствующих слов во вновь образованном слове. Методом агглютинации образуются в языках многие сложносокращенные слова. Этим же способом формируются слова, используемые человеком в его внутренней или эгоцентрической речи.

АГГЛЮТИНИРОВАННОСТЬ — свойство внутренней или эгоцентрической речи, а также некоторых других разновидностей речи, проявляющееся в том, что используемые в ней слова по происхождению и способу порождения являются агглютинированными, т.е. образованными при помощи агглютинации.

АГРАФИЯ — частичная или полная утрата человеком, умеющим писать, способности к письму. Аграфия является аналогом моторной афазии (утраты способности к воспроизведению тонких движений руки, связанных с письмом). Аграфия чаще всего наступает вследствие нарушений в работе мозга (церебральной патологии).

АДАПТИРОВАННАЯ К ВОСПРИЯТИЮ РЕБЕНКА РЕЧЬ — упрощенная речь взрослого человека, приспособленная к особенностям восприятия речи маленьким ребенком. Такая речь характеризуется рядом специфических грамматических, фонетических и синтаксических признаков, которые, строго говоря, выступают как нарушения нормальной речи, но в данном случае являются необходимыми для понимания ребенком речи взрослого человека.

АКТИВНЫЙ СЛОВАРЬ (АКТИВНЫЙ СЛОВАРНЫЙ ЗАПАС) — совокупность слов, которыми человек владеет и которые он использует в устной или письменной речи. Активный словарь совместно с пассивным словарем (пассивным словарным запасом) образует индивидуальный тезаурус данного человека, т.е. набор известных ему, понятных по значению слов.

АЛАЛИЯ — в общем случае — утрата человеком способности говорить или пользоваться устной речью.

АЛЕКСИЯ — нервно-психическое расстройство, связанное с частичной или полной утратой способности человека понимать (читать с пониманием) напечатанные или написанные слова. Человек, страдающий алексией, зрительно воспринимает соответствующий текст как набор символов (знаков, букв), но не в состоянии его прочесть с пониманием значения или смысла текста. Вместе с тем он, как правило, хорошо воспринимает и неплохо понимает адресованную ему устную речь.

АНАГРАММА — бессмысленный набор букв, путем перестановки которых можно составить осмысленное слово. Анаграммы часто используются в психологических тестах, включая тесты интеллекта. Типичные формы анаграмм следующие: 1. Простая анаграмма, где перестановкой букв можно получить одно-единственное правильное слово. 2. Словесная анаграмма, где человек имеет дело с настоящим словом, реально существующим в языке, но таким, путем перестановки букв в котором можно получить другое слово. 3. Множественная анаграмма, в которой из одного и того же набора букв путем их

перестановки можно получить много разных слов, или такая анаграмма, где, выбрав из нее определенное количество букв (не обязательно все), можно получить различные слова.

АНОМИЧЕСКАЯ АФАЗИЯ — разновидность афазии, вызванная поражениями мозга в области так называемой ангулярной (угловой) извилины. Преобладающим симптомом аномической афазии является утрата человеком способности правильно воспроизводить названия предметов. Этот вид афазии также называют амнестической или номинальной афазией.

АНТРОПОНИМИКА — раздел ономастики — отрасли языкознания, изучающей собственные имена, где исследуются, в частности, слова, относящиеся к отдельным людям, в том числе их имена, фамилии, отчества, родовые имена, прозвища, псевдонимы и т.п.

АПРОСОДИЯ — расстройство речи, характеризующееся утратой способности правильно использовать различные просодические особенности речи, такие, например, как громкость, тон, ритмика, эмоционально окрашенные жесты и т.п. Существует предположение, согласно которому такое нарушение речи связано с поражением правого или не доминантного полушария мозга.

АРТИКУЛЯЦИЯ — произнесение звуков человеческой речи с помощью речевых органов.

АСЕМИЯ (ЭЙСЕМИЯ) — частичная или полная утрата человеком способности понимать значения знаков или символов. Некоторые специалисты рассматривают асемию как один из вариантов афазии, хотя другие считают этот дефект не органическим, а функциональным по происхождению и природе. Иногда асемию также называют асемасией.

АССОЦИАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ — в самом общем значении слова — всевозможные образы, мысли и чувства, которые возникают у человека в связи с тем или иным словом. В ассоциативное значение могут входить многие частные значения слова: коннотативное, денотативное, референциальное. Понятие «ассоциативное значение» близко по содержанию к понятию смысла слова, по А. Н. Леонтьеву.

АТАКСИЧЕСКАЯ АФАЗИЯ — разновидность афазии, характеризующаяся утратой способности произносить звуки речи.

АУДИТОРНАЯ АФАЗИЯ — вид афазии, при которой человек оказывается неспособным понимать значения слов, произносимых другими людьми и воспринимаемых им. При этом человек, страдающий аудиторной афазией, сам может говорить вполне нормально.

АФАЗИЯ — в общем случае — различные по природе и форме нарушения речи. Они имеют следующие разновидности: 1. Моторная или двигательная афазия — нарушение, связанное с невозможностью нормально говорить, произносить слова вследствие неадекватной работы мышечной части голосового аппарата, участвующего в процессе порождения речи. 2. Сенсорная или чувственная афазия — нарушение речи, связанное с невозможностью правильного восприятия и понимания речи. Такая афазия обычно вызывается нарушениями в работе органов чувств, воспринимающих речевые высказывания, или мозговых центров, включенных в работу соответствующих анализаторов, воспринимающих и перерабатывающих речевую информацию. Выделяются и другие разновидности афазии, связанные, например, с местом, где в коре головного мозга располагается (локализуется) порождающее их нарушение. Некоторые классификации афазий основаны на локализации очага поражения в мозге, другие — на характере сенсорных или моторных нарушений, в которых проявляется афазия, третьи — на лингвистических нарушениях,

свойственных различным видам афазий. Источники афазии во всех случаях являются органическими по природе и связаны с поражениями определенных мозговых структур.

АФАЗИЯ БРОКА — разновидность афазии, которая, по предположению, вызывается нарушением мозговой деятельности в области той части височного отдела коры головного мозга, которая именуется зоной Брока. Этот вид афазии характеризуется тем, что сам больной мало говорит, а то, что он озвучивает, произносится в замедленном темпе. При этом артикуляция человека оказывается бедной, а слова озвучиваются с большим трудом. Речь такого больного имеет форму «телеграфного стиля». Функциональные слова, окончания и другие элементы, придающие обычной человеческой речи связный непрерывный характер, здесь оказываются утраченными. Больные афазией Брока могут нормально воспринимать устную или письменную речь, однако их собственная письменная речь также является нарушенной. Афазию Брока иногда называют моторной или экспрессивной афазией.

АФАЗИЯ ВЕРНИКЕ — форма афазии, предположительно возникающей в результате поражения области коры головного мозга, называемой зоной Вернике. Пациент, страдающий этой разновидностью афазии, обычно нормально и достаточно бегло произносит слова, но его речь воспринимается окружающими людьми как «пустая», бессмысленная, бессвязная, с множеством грамматических ошибок. Окружающим трудно понимать речь данного человека, и он не в состоянии дословно повторить уже произнесенную фразу. Афазия Вернике известна также под названиями рецептивной, сенсорной или флуентной афазии.

АФАЗИЯ РАЗВИТИЯ — термин, иногда используемый для обозначения нарушений речи, возникающих на ранних стадиях психологического развития ребенка, например, в тех случаях, когда у ребенка соответствующего возраста речь должным образом не развита, и речевое развитие отстает от нормы.

АФЕЛИЯ — в общем случае — утрата способности говорить. Название «афелия» иногда используется в качестве синонима моторной афазии. Некоторые авторы толкуют данное название расширительно, включая в него всевозможные нарушения речи функционального, не органического характера.

АФОНИЯ — неспособность человека произносить речевые звуки с использованием голосовых связок. В типичных случаях термин «афония» используется, когда речь идет не о нарушениях, вызванных поражениями мозга, а о нарушениях, порожденных другими причинами периферического, не центрально-мозгового характера и не органическими по природе.

АФОРИЗМ — 1. Законченная мысль, выраженная сжато. 2. Краткое изречение, несущее в себе глубокий смысл.

АФРАЗИЯ — в общем случае — неспособность произносить фразы в беглом темпе. Термин «афразия» обычно употребляется применительно к нарушениям не органического, а функционального свойства, в отличие от понятия «афазия».

АФФЕКТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ — 1. Переживания, эмоции, вызываемые у человека тем или иным словом, предметом или событием. 2. Значение слова, представленное в определениях, имеющих аффективный (эмоциональный) оттенок.

АФФИКС — служебная морфема, минимальный «строительный языковой материал», элемент языка, присоединяемый к корню слова в процессе его преобразования. Аффикс — важнейшее средство выражения грамматических

и словообразовательных значений. Аффикс представляет собой часть слова, противопоставляемую его корню. Предполагается, что в ней сосредоточено грамматическое или лексическое значение соответствующего слова.

БИЛИНГВИЗМ — хорошее владение двумя языками. Различают две разновидности билингвизма. Одна относится к случаю, когда ребенок с детства овладевает двумя языками как родными и легко разговаривает на них. Другая разновидность билингвизма касается случая, когда человек осваивает два языка в разное время, причем только один из них выступает для него как родной.

БЫСТРОЕ ЧТЕНИЕ — чтение со скоростью, превышающей среднюю человеческую норму, которая приблизительно составляет от 100 до 140 слов в минуту в зависимости от особенностей читаемого текста и ряда других условий.

ВАЛЕНТНОСТЬ СЛОВА — метафорический термин, заимствованный из химии и обозначающий в языкознании способность слова вступать в разнообразные синтаксические связи с другими словами.

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ — 1. Обозначение или передача какой-либо мысли, идеи словами. 2. Акт словесного выражения человеком своих состояний и свойств.

ВЕРБАЛИЗМ — 1. Фраза, правильная с формально-лингвистической стороны, но представляющая собой некоторое утверждение, не имеющее общепринятого значения или смысла. 2. Преобладание словесной формы высказывания над его содержанием (слов над их значениями или смыслами).

ВЕРБАЛЬНОЕ НАУЧЕНИЕ — 1. Вид научения, способ приобретения человеком знаний, умений и навыков через речевой (словесный, устный или письменный) способ их представления и освоения. 2. Исследование процесса научения или само по себе научение, связанное с использованием слов в качестве стимулов или реакций.

ВЕРБАЛЬНЫЕ ТЕСТЫ — психологические тесты, особенность которых состоит в использовании только речевой информации для оценивания изучаемых с их помощью психологических свойств человека.

ВЕРБАЛЬНЫЙ — в узком смысле слова — связанный с устной речью человека или относящийся к устной речи. В широком значении — все, что относится к использованию слов, в том числе написанных или напечатанных. Термин «вербальный» происходит от латинского названия любого слова, употребляемого в речи.

ВЕРБИГАЦИЯ — сравнительно редко употребляемое понятие, означающее лишние, бессмысленно повторяемые слова и выражения.

ВИДИМАЯ РЕЧЬ — условное, образное выражение, обозначающее визуальные способы представления речи и ее отдельных компонентов, например, с помощью прибора, называемого спектрографом.

ВНУТРЕННЯЯ РЕЧЬ — разновидность речи, используемая человеком для управления своими внутренними, психологическими процессами и состояниями, а также поведением. Данная разновидность речи отличается от других ее видов следующими особенностями: она беззвучна и не осознается; она не используется людьми для обмена информацией; она обладает особыми лингвистическими свойствами — предикативностью и агглютинированностью; такую речь человек не в состоянии контролировать сознательно или управлять ею с помощью воли.

ВОЗРАСТ ЧТЕНИЯ — не строго научное понятие, означающее следующее: 1. Типичный возраст, в котором нормально развивающийся ребенок

начинает читать. 2. Показатель по стандартизированной шкале, включенный в тест, проверяющий и оценивающий умение читать.

ГИБРИДНЫЙ ЯЗЫК — язык, искусственно созданный или образованный естественным путем на основе соединения элементов других языков, существующих отдельно друг от друга. Примерами гибридного языка могут служить язык эсперанто, своеобразные языки, на которых говорят люди, усвоившие родной язык, но затем переехавшие в другую страну и освоившие многие слова и выражения того языка, на котором говорят люди в данной стране. Эмигранты, например, могут долгое время разговаривать друг с другом на сформировавшемся таким образом гибридном языке.

ГИПЕРЛЕКСИЯ — 1. Раннее развитие у ребенка способности к чтению, опережающее нормальные сроки формирования данной способности у большинства других детей. 2. Психофизическое состояние, характеризующееся ранним и сравнительно легким освоением ребенком чтения вслух, причем такой ребенок в других своих способностях, помимо чтения, каких-либо особенностей не обнаруживает. Это обстоятельство позволило некоторым врачам-психиатрам и клиническим психологам рассматривать гиперлексию в ее последнем понимании как не вполне нормальное явление (отклонение от нормы).

ГИПЕРФРАЗИЯ (ГИПЕРФАЗИЯ) — многословие или чрезмерно, до уровня патологии развитая разговорная речь человека.

ГИПОЛЕКСИЯ — задержка в развитии способности человека к чтению. Иногда в этом же значении вместо термина «гиполексия» употребляется понятие «дислексия», которое означает различные по своей природе нарушения способности к чтению, вплоть до ее полного отсутствия.

ГИПОЛОГИЯ — слабо развитая способность к говорению. Термин «гипология» обычно применяется, когда недостаточное развитие соответствующей способности связано с умственной отсталостью или слабо развитой двигательной активностью человека. Когда же причина недостаточности способности к говорению касается нарушений, связанных с центральной нервной системой, то предпочитают пользоваться понятием «афазия».

ГИПОТЕЗА ДВОЙНОГО КОДИРОВАНИЯ — гипотеза, в которой утверждается, что распознавание человеком некоторого слова основано на его двойном психологическом представлении — зрительном и слуховом.

ГИПОТЕЗА ФОНЕМНЫХ КОДОВ — когнитивно-психологическая гипотеза, в которой утверждается, что распознавание (восприятие и понимание) человеком слов зависит от того, как соответствующий данному слову зрительный «входной сигнал» преобразуется и кодируется в виде звуковой репрезентации соответствующего слова.

ГИПОТЕТИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТ — 1. Термин, обозначающий понятие, объем и содержание которого точно не определены, в отношении которого требует специального доказательства тот факт, что явление, отраженное в нем (составляющее его содержание), действительно существует, не является мнимым или вымышленным. 2. Представление о каком-либо явлении, которое не только невозможно непосредственно наблюдать и оценивать, но и сам факт существования которого не очевиден (требует специального доказательства).

ГЛОБАЛЬНАЯ АФАЗИЯ — форма афазии, при которой наблюдаются различные, множественные нарушения речи. Они, по предположению, связаны с одновременными поражениями мозга, локализованными как в зоне

Брока, так и в зоне Вернике, а также в других речевых зонах в области коры головного мозга.

ГОЛОФРАЗА — однословное высказывание, которое может обозначать целую фразу или предложение.

ГОЛОФРАЗИЧЕСКАЯ СТАДИЯ — ранняя стадия в речевом развитии ребенка, во время которой в его речи преобладают однословные высказывания, представляющие образы, переживания и мысли, которые в речи взрослых людей обычно передаются целыми фразами или развернутыми предложениями.

ГРАММАТИКА — 1. Строй языка, включающий систему морфологических категорий и форм, синтаксических конструкций и способов словопроизводства. 2. Раздел языкознания, изучающий такой строй, его многоуровневую организацию, категории и их отношение друг к другу.

ГРАФЕМА — минимальная единица графической системы языка (системы письма), обладающая тем или иным языковым (лингвистическим) содержанием. Ее референтом может быть слово, морфема, слог или фонема.

ГРАФОЛОГИЯ — прикладная психологическая наука, в которой почерк человека определенным образом связывается с его психологией, и по почерку делаются выводы об особенностях психики соответствующего человека. В графологии описание и анализ почерка человека используются, например, для оценивания его характера. Иногда графологию определяют шире — как науку о внутреннем мире человека, познаваемом по его почерку (И. Моргенштерн). Признание и широкое распространение графология получила в конце XIX в. Многие в ней с современных научных позиций представляются сомнительным, недостаточно обоснованным, особенно в тех случаях, когда по почерку человека пытаются делать далеко идущие выводы о его личностных свойствах и на этой основе предсказывать сложные формы поведения и будущее человека. Современные ученые склоняются к мысли о том, что между почерком и психологическими особенностями человека какая-то связь, по-видимому, существует, однако ее характер и природа до конца не ясны.

ГРАФОМЕТРИЯ — проективная психодиагностическая методика, в которой человек с завязанными глазами сначала что-либо рисует, а затем, оставаясь с закрытыми глазами, объясняет свой рисунок. После этого человек все это повторяет, но уже с открытыми глазами.

ДВИГАТЕЛЬНАЯ АФАЗИЯ — разновидность афазии, отличающаяся частичной или полной утратой человеком способности членораздельно говорить. Такая афазия нередко возникает в результате поражения мозговых (кортикальных) центров речи в зоне Брока, и поэтому ее иногда называют афазией Брока.

ДЕКОНТЕКСТУАЛИЗАЦИЯ — интерпретация текста, дискурса, сновидения и т.п., полностью основанная на буквальном значении содержащегося в нем материала, т.е. такая его интерпретация, которая не принимает в расчет контекста, в котором данный материал возник и реально существует.

ДЕНОТАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ — значение слова, передаваемое объектами или примерами, к которым данное слово относится.

ДИСАРТРИЯ — любое нарушение процесса говорения. Дисартрией обычно называют такие артикуляционные нарушения, которые связаны с внешними двигательными или мышечными дефектами, в отличие от анартрии, порождаемой внутренними, в частности мозговыми, нарушениями в работе речевых механизмов.

ДИСГРАФИЯ — неспособность человека нормально или правильно писать, а также выражать свои чувства и мысли в письменной форме. Чаще всего термин «дисграфия» используют для характеристики соответствующих нарушений, вызванных поражениями мозга.

ДИСКУРС — 1. Любое высказывание, которое длиннее отдельно взятого предложения. 2. Речь человека, рассматриваемая в аспекте его общения с другими людьми и в том социальном контексте, в котором эта речь появляется и используется. 3. Связный текст в совокупности с экстралингвистическими: прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами. 4. Речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент взаимодействия людей, т.е. как речь, образно говоря, «погруженная в жизнь».

ДИСКУССИЯ — обсуждение каких-либо вопросов несколькими людьми, с их реальным или воображаемым участием в процессе коллективного (группового) обсуждения.

ДИСЛАЛИЯ — нарушение речи, вызванное психологическими (функциональными) причинами или дефектами, относящимися к периферическим органам речи. В том случае, если поражены центральные речевые органы, соответствующие нарушения речи называют афазиями.

ДИСЛЕКСИЯ — в общем случае — серьезное нарушение способности к чтению, а также — иногда — к письму и восприятию речи на слух. Чаще всего дислексией называют приобретенное неумение человека пользоваться соответствующими видами речи. Этот термин обычно применяют по отношению к детям, которые значительно отстают от своих сверстников в речевом развитии и обучении, но при этом не имеют явных признаков общего умственного отставания. Дислексию следует отличать от алексии.

ЕСТЕСТВЕННЫЙ ЯЗЫК — язык, который возник и развивался по своим законам, естественным путем на протяжении длительной истории того или иного народа — как средство повседневного общения людей друг с другом.

ЖЕСТОВЫЙ ЯЗЫК — язык, основанный на использовании жестов, имеющих определенные значения (несущих в себе определенную информацию). Словосочетание «жестовый язык» обычно используется по отношению к достаточно хорошо разработанным системам жестовой коммуникации, заменяющим собой обычную, звуковую (вербальную) речь человека и используемым в полном объеме глухонемыми людьми. Однако элементами жестового языка пользуются и люди, неплохо владеющие вербальной речью, поскольку жесты несут в себе дополнительную информацию, которую можно передавать вместе со словами или вместо них.

ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА — 1. То, что содержится в данном слове и более или менее полно отражено в толковых словарях соответствующего языка. 2. Содержание, которое вкладывается в слово носителями языка, — людьми, пользующимися данным языком.

ЗОНА ВЕРНИКЕ (ОБЛАСТЬ ВЕРНИКЕ) — зона (область) коры головного мозга, расположенная в височном отделе доминирующего полушария мозга, связанного с речью, и отвечающая за процессы, касающиеся речи. Для большинства праворуких людей и для многих леворуких людей таким полушарием является левое полушарие мозга. Вместе с зоной (областью) Брока зона (область) Вернике образует структуры, связанные со слухом, устной речью и письмом. Однако нельзя утверждать, что зона Вернике и другие зоны височных долей коры головного мозга являются главными или единственными мозговыми центрами речи, так как в функционировании речи, в управ-

лении ею участвуют многие другие мозговые структуры, в том числе лобные, теменные и затылочные.

ИДЕОГРАММА — письменный знак, обозначающий, в отличие от отдельных букв, не звук или слог какого-либо языка, а целое слово или его корень. Наряду с термином «идеограмма» иногда используют понятие «логограмма».

ИДЕОГРАФИЯ — 1. Письмо, написанное при помощи идеограмм. 2. Способ обозначения одним письменным знаком целого понятия.

ИКОНОГРАФИЯ — древнейшая форма письма, в которой для записей использовались картинки (иконы).

ИЕРОГЛИФИЧЕСКОЕ ПИСЬМО — разновидность письма, в котором в качестве письменных знаков используются иероглифы — сложные фигурные знаки, изображающие разные части речи, целые понятия, а иногда отдельные слоги и звуки речи.

ИСКУСНЫЙ КОД (ТЩАТЕЛЬНО РАЗРАБОТАННЫЙ КОД) — термин из теории Б. Бернстайна, применяемый для обозначения особенностей речи, искусственно выработанной и рассчитанной на общение человека с людьми, которые отличаются от него по социальному происхождению, положению в обществе, культуре и т.п.

ИСКУССТВЕННЫЙ ЯЗЫК — язык, специально созданный людьми для обмена определенной информацией, как правило, той, которая не точно или не полностью может быть передана словами естественного языка. Примерами искусственных языков являются языки различных наук, разнообразных видов искусств, специальных видов деятельности современного человека. Такие языки в основном используются в узком кругу профессионалов или для общения на специальные, профессиональные темы.

КОД — система символов, при помощи которых можно передавать содержание какого-либо сообщения, какую-либо информацию от человека к человеку или от одного технического устройства к другому.

КОДИРОВАНИЕ — процесс замены какого-либо текста, написанного с помощью одних символов, на аналогичный по содержанию текст, но составленный при помощи других символов. Кодирование осуществляется посредством кодов, которые, в свою очередь, представляют систему символов, понятных только тому, кто будет иметь дело с закодированным текстом (будет его декодировать или читать). Цель кодирования — сделать сообщение, содержащееся в соответствующем тексте, доступным для передачи техническим устройством или людям, владеющим соответствующим кодом.

КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ — совокупность знаний, умений и навыков, необходимых человеку для успешного (эффективного) общения с людьми. В состав коммуникативной компетенции входят знание психологических особенностей людей, их понимание, умение правильно воспринимать и оценивать людей как личностей, предсказывать их поведение, оказывать на них влияние, устанавливать с ними определенные отношения и многое другое, от чего может зависеть успешность общения и взаимодействия человека с людьми.

КОММУНИКАТИВНЫЕ СПОСОБНОСТИ — способности человека, которые проявляются в его общении с людьми. Такие способности включают в себя, в частности, умелое владение разными видами речи. Эти способности являются психологической основой коммуникативной компетентности.

КОНДУКЦИОННАЯ АФАЗИЯ — афазия, которая, предположительно, возникает вследствие поражения области коры головного мозга, связывающей между собой зоны Брока и Вернике. Типичными симптомами кондукцион-

ной афазии являются трудности повторения вслух только что услышанной фразы. Иногда при данной разновидности афазии встречаются затруднения, связанные с пониманием речи, и некоторые артикуляционные трудности.

КОННОТАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ — то, что подразумевает некоторое слово, что с ним непосредственно связано. Коннотативное значение могут иметь не только слова, но и символы, жесты, события и т.п. Коннотативное значение обычно включает в себя абстрактные качества соответствующего объекта, его эмоциональные (эмоциогенные) аспекты и отличается от денотативного значения того же слова.

КОНТАМИНАЦИЯ — объединение в речевом потоке структурных элементов двух языковых единиц на базе их подобия или тождества, функциональной или семантической близости. В результате контаминации происходит обмен компонентами таких единиц.

КОНТЕКСТ — фрагмент текста, в который включена избранная для лингвистического анализа единица, например, слово в предложении или целом тексте. В зависимости от контекста соответствующая речевая единица может приобретать различные значения (смыслы).

КОННОТАЦИЯ — 1. Эмоциональная, оценочная или стилистическая окраска языковой единицы. 2. Любой компонент, который дополняет предметно-понятийное значение соответствующей языковой единицы. 3. То же самое, что смысл слова в его психологическом понимании.

КОНФИГУРАЦИЯ СЛОВА — общая форма слова, включая его длину, локализацию (идентификацию) предшествующих и последующих букв в данном слове, расположение в нем заглавных букв и т.п. Конфигурация слова является важным элементом анализа, используемым в практике обучения чтению по методу целых слов.

ЛЕКСЕМА — слово, рассматриваемое как единица словарного состава языка, в совокупности его конкретных грамматических форм и выражающих их флексий, а также возможных конкретных смысловых вариантов (значений). Лексема представляет собой совокупность форм и значений, свойственных одному и тому же слову во всех случаях его употребления в речи.

ЛИНГВИСТИКА (ЯЗЫКОЗНАНИЕ) — наука о происхождении, строе и законах функционирования языков, включая их возникновение, развитие, отмирание и адаптацию к тем или иным условиям практического использования.

ЛОГАГНОЗИЯ — нарушение психики, при котором человек может видеть и читать слова, но не понимает их значений.

ЛОГАМНЕЗИЯ — нарушение психики, при котором человек не способен узнавать произнесенные или написанные слова.

ЛОГОГЕН — гипотетическая единица памяти, которая представляет нечто, связывающее между собой различные аспекты словесных репрезентаций: их семантику, фонетику, визуальные и изобразительные свойства. В учении Дж. Мортон логоген рассматривается как интеграция всей релевантной информации об определенном слове или понятии. Логоген также представляет собой гипотетическую систему, участвующую в распознавании объектов (на пример, слов) и действующую как своеобразная «суммирующая машина». Эта машина, по предположению, объединяет входную информацию и по достижении некоторого критического уровня выдает соответствующий ей ответ, относящийся к тому или иному классу объектов.

ЛОГОГРАММА — 1. Письменный знак, буква, рисунок в словесно-слоговых системах письма. 2. Знак, обозначающий целое слово или его основу.

ЛОГОПАТИЯ — общее понятие, обозначающее разнообразные по своим причинам и проявлениям нарушения речи.

МЕТАФОРА — употребление слов и выражений, характеризующих один класс предметов или явлений, для наименования предметов и явлений, относящихся к другому классу. В данном случае подразумевается не прямое использование соответствующих слов и выражений, не употребление их по отношению к основному, обозначаемому ими классу предметов и явлений, а их применение для характеристики другой группы предметов и явлений, по отношению к которой они обычно не используются. В психологии как науке, не особенно строгой в определениях употребляемых в ней понятий, метафорические дефиниции различных понятий встречаются довольно часто.

МЕТОД СЕМАНТИЧЕСКОГО ДИФФЕРЕНЦИАЛА — способ изучения содержания сознания, мышления, речи и личности человека через анализ того, каким образом он с помощью попарно противоположных словесных определений раскрывает содержание различных понятий, имеющих отношение к изучаемому психологическому явлению. Процедура применения метода семантического дифференциала, предложенного американским лингвистом Ч. Осгудом и его коллегами, заключается в следующем. Испытуемому предлагается какое-либо понятие, имеющее отношение к его сознанию, личности, речи или мышлению. Вместе с соответствующим понятием испытуемый получает ряд парных, противоположных по смыслу определений типа «хороший — плохой», «сильный — слабый», «привлекательный — непривлекательный» и др. С помощью этих определений он оценивает предложенное понятие по семибалльной шкале. Далее по полученным оценкам строится семантический (смысловой) «профиль» соответствующего понятия и дается ему обобщенная характеристика по следующим параметрам: активность, эффективность (действенность) и оценка.

МОДЕЛЬ СРАВНИТЕЛЬНЫХ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ — модель семантической (смысловой) психологической организации информации, предполагающая, что понятия, в которых представлена соответствующая информация, хранятся в памяти человека в виде наборов семантических признаков, различаемых по определяющим или характерным для них признакам. Эта модель используется в основном в когнитивной психологии.

МОРФЕМА — одна из основных единиц языка, нередко определяемая как минимальный знак — единица, в которой за определенной фонетической формой закреплена вполне конкретное содержание и которая далее не разделяется на более простые единицы того же типа.

МОРФОЛОГИЯ — 1. Система механизмов языка, обеспечивающая построение и понимание его словоформ. 2. Раздел грамматики, изучающий законы развития и функционирования системы механизмов языка.

МОТОРНАЯ АФАЗИЯ — разновидность афазии, характеризующаяся частичной или полной утратой человеком способности воспроизводить, артикулировать (произносить) слова. Иногда моторной афазией также называют определенную форму афазии Брока. Чаще всего моторная афазия возникает в результате поражений, локализованных в двигательных зонах коры головного мозга или в зоне Брока. Однако близость этих областей мозга друг к другу не позволяет четко различать соответствующие два вида афазий.

МОТОРНАЯ ТРАНСКОРТИКАЛЬНАЯ АФАЗИЯ — так называемая «немногословная» афазия, во многом сходная с афазией Брока и сопровождающаяся сохранившимся у человека пониманием речи. Область поражения мозга при моторной транскортикальной афазии находится спереди зоны Брока, во фронтальной области мозга.

НЕЙРОЛИНГВИСТИКА — междисциплинарная область научных исследований, занимающая пограничное положение между неврологией и лингвистикой. Основное внимание в нейролингвистике уделяется исследованию мозговых процессов, связанных с речью. Нейролингвистика включает в себя знания о том, каким образом разные виды речи представлены в мозговых структурах и связаны с происходящими в них процессами. Особое внимание в нейролингвистике уделяется изучению того, как различные нарушения в работе центральной нервной системы человека сказываются на формировании и функционировании его речи. Иногда нейролингвистику рассматривают как составляющую часть так называемых «когнитивных наук».

НОМИНАЦИЯ — образование языковых единиц, служащих для обозначения и вычленения фрагментов действительности, для формирования соответствующих понятий о них в виде слов и словосочетаний, фразеологизмов и предложений.

ОБЪЕМ ЧТЕНИЯ — часть текста, которая может быть воспринята и прочитана человеком во время одной зрительной фиксационной паузы. Хотя в научной литературе называют разные величины так понимаемого объема чтения — от семи до десяти букв, включая расстояния между ними — в связи с оценкой объема чтения необходимо иметь в виду следующие обстоятельства. Величина объема чтения соответствует фовеальному зрению, а количество букв, воспринимаемых и читаемых за один раз, зависит от размера самих букв и от компактности их расположения в тексте, а также от расстояния от глаза человека до воспринимаемого им текста. Дополнительная информация, которая может быть использована для восприятия содержания соответствующего текста, также влияет на объем чтения. В связи с тем, что форма фовеа круглая, а форма воспринимаемого текста — прямоугольная, объем чтения может также зависеть от количества одновременно воспринимаемых человеком строк по вертикали.

ОГРАНИЧЕННЫЙ КОД — термин Б. Бернстайна, использованный им для обозначения типа речи, появляющегося у человека тогда, когда он говорит с близкими для него людьми или людьми, которых он знает хорошо (которые его понимают и которых он понимает с полуслова). В практике общения ограниченный код проявляется в том, что человек говорит с другими людьми краткими репликами, вкладывая в них значение, адресованное только им и до конца не понимаемое окружающими людьми.

ОМОНИМИЯ — звуковое совпадение языковых единиц, которые имеют различные значения.

ОНОМАСТИКА — раздел языкознания, в котором изучаются собственные имена.

ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНАЯ ТЕОРИЯ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВА — теория, в соответствии с которой значение того или иного слова образуется из ряда определений (уже известных значений) более простых понятий, близких по содержанию и объему к содержанию и объему вновь формируемого значения слова. Например, значение слова «холостяк» согласно определительной теории значений представляет собой соединение значений таких слов, как «неженатый», «мужчина» и «взрослый».

ОПТИЧЕСКАЯ АФАЗИЯ — разновидность афазии, для которой характерна неспособность человека обозначать (называть) словами визуально воспринимаемые предметы. При этом больной знает названия соответствующих предметов, но не в состоянии их воспроизвести. Иногда эту разновидность афазии также называют аномией.

ОРФОГРАФИЯ — 1. Исторически сложившаяся система написания, используемая в письменной речи. 2. Раздел языкознания, изучающий письменную систему языка и характерные для нее нормы и правила.

ОРФОЭПИЯ — 1. Совокупность произносительных норм того или иного языка. 2. Раздел языкознания, изучающий соответствующие нормы.

ПАЛИНОЛЕКСИЯ — буквально — быстрое чтение слов и предложений наоборот. Палинолексия представляет собой сравнительно редко встречающееся явление, которое может проявляться в двух основных формах: чтение слов наоборот или чтение целых предложений в обратном порядке.

ПАЛИНФАЗИЯ — механическое повторение человеком определенных слов или фраз во время разговора с другими людьми.

ПАРАДИГМА — 1. Любой класс лингвистических единиц, противопоставленных друг другу и в то же время объединенных друг с другом по какому-либо общему основанию или признаку. 2. Модель или схема организации соответствующего класса или соответствующей совокупности лингвистических единиц.

ПАРАЛИНГВИСТИКА — область исследований не языковых (паралингвистических или экстралингвистических) аспектов общения людей, т.е. таких видов общения, в которых для обмена информацией друг с другом они не пользуются языком (речью).

ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ (ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ) СРЕДСТВА ОБЩЕНИЯ — разнообразные средства общения, не связанные с использованием устной или письменной речи. К ним, например, относятся жесты, мимика, пантомимика, расположение людей относительно друг друга в пространстве, их перемещение в пространстве и др.

ПАРАФОНИЯ — любого рода слабость или отклонение голоса от его нормального звучания.

ПАРАФРАЗА — 1. Отношение, которое существует между двумя предложениями, когда оба они имеют одно и то же значение, но различную лингвистическую форму. 2. Прием, используемый в практике психотерапии и психологическом консультировании, который заключается в сознательном и целенаправленном повторении психологом-практиком слов, только что произнесенных или сказанных клиентом.

ПАССИВНЫЙ СЛОВАРЬ (ПАССИВНЫЙ СЛОВАРНЫЙ ЗАПАС) — совокупность слов, которые знакомы человеку, значения которых ему известны, и которые он понимает, воспринимая чужую речь, но в своей устной и письменной речи не использует (или же пользуется ими крайне редко).

ПАРАФРАЗИЯ — общее понятие, употребляемое для обозначения любого, привычно неправильного использования слов в речи.

ПИКТОГРАФИЯ — разновидность рисуночного письма, явившаяся одной из начальных стадий развития современного письма, на которой люди, события и их действия изображались с помощью условных знаков — пиктограмм. Исторически пиктография способствовала возникновению фонетического письма и была распространена у некоторых народов, ранее живших на нынешней территории Америки, Африки, Австралии и древней Сибири.

ПОЛИЛОГ — разговор между более чем двумя людьми, в отличие от диалога, в котором участвуют только два человека.

ПОЛИСЕМИЯ — многозначность какой-либо единицы языка, например слова, наличие у нее нескольких различных значений.

ПОРОНИМИЯ — частичное звуковое сходство слов, имеющих различные значения.

ПРАГМАТИКА — область научных исследований в семиотике и языкознании, где изучается функционирование языковых знаков в речи.

ПРЕДИКАТ — термин из области логики и языкознания, обозначающий то, что утверждается или отрицается в том или ином высказывании о его субъекте. В структуре предложения предикат представляет сказуемое с относящимися к нему служебными словами.

ПРЕДИКАТИВНОСТЬ — характеристика внутренней речи, выражающаяся в отсутствии в ней слов, представляющих субъект соответствующего высказывания (наличие только предиката).

ПРЕСКРИПТИВНАЯ ГРАММАТИКА — система официально установленных и обязательных к использованию всеми, кто говорит на соответствующем языке, правил построения речевых высказываний.

ПРОСОДИЯ — система фонетических средств, играющих смыслообразительную роль (речевая мелодия, громкость, тон, ударение, темп, тембр речи и др.).

ПРОТОТИПИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВ — теория, согласно которой значения слов характеризуются через набор таких признаков (черт), ни один из которых на проверку не оказывает необходимого или достаточным для полного выражения значения соответствующего слова.

ПСИХОЛИНГВИСТИКА — наука о психологических и лингвистических особенностях речи человека. В психолингвистике ставятся и решаются вопросы, касающиеся возникновения и функционирования различных видов речи человека, причем эти вопросы рассматриваются одновременно с позиций двух наук: психологии и лингвистики. Американские ученые считают годом основания психолингвистики 1953 год. В это время состоялась первая научная конференция в США с участием специалистов из разных научных областей психологии и лингвистики. Однако если иметь в виду более ранние работы, выполненные немецкими учеными Лацарусом и Штейнталем, а также классические работы российского психолога Л. С. Выготского, то можно заключить, что психолингвистика как наука зародилась в странах Европы, причем почти за сто лет до того, как в США была организована и проведена соответствующая научная конференция. Современная психолингвистика включает в себя следующие основные направления научных исследований: изучение процесса освоения человеком языка и формирования у него различных видов речи; исследование билингвизма; изучение прагматики; разработку теории речевой деятельности (речевых действий); психологические аспекты чтения; проблему соотношения речи и мышления и ряд других вопросов.

РАЗГОВОРНЫЕ ПОСТУЛАТЫ — общее название ряда правил ведения переговоров с людьми, которые касаются как говорящего, так и слушающего, и которые, по предположению, известны и поддерживаются той и другой стороной в межличностном общении. Одной из разновидностей разговорных постулатов являются разговорные максимы.

РЕЧЕВОЕ ДЕЙСТВИЕ (РЕЧЕВОЙ АКТ) — преднамеренное, целенаправленное, определенным образом мотивированное высказывание, рассчитанное на достижение некоторой цели. Типичные речевые действия следующие: сообщение, заявление, указание, утверждение, представление, выражение своей точки зрения.

РЕЧЕВЫЕ ПЛАНЫ — образцы движений речевых органов, возникающие в зоне Брока и передающиеся далее в первичную моторную проекционную зону для последующего порождения связанных с речью дискретных мышечных движений, управляющих голосовым аппаратом.

РЕЧЕВЫЕ РАССТРОЙСТВА — распад уже сложившихся форм и видов речи, их значительное отставание в развитии от нормы, т.е. от того уровня, на котором находится речь большинства физически и психологически здоровых людей. Речевые расстройства могут быть вызваны разными причинами, в том числе органическими и психологическими, могут иметь временный или постоянный характер. Среди речевых расстройств есть функциональные или психогенные расстройства, а также такие, в основе которых лежат органические факторы (хронические расстройства). В одних речевых расстройствах преобладают нарушения грамматически правильной речи, в других — голоса или слуха человека.

РЕФЕРЕНЦИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ — специфический объект или событие, обозначаемое словом, его референт. Референциальное значение обычно зависит от контекста и является контекстно-специфическим.

РЕФЕРЕНЦИЯ — отнесенность включенных в речь имен, именных выражений и их эквивалентов к тем или иным объектам действительности.

РЕЧЕВОЙ ШТАМП — устойчивое, «готовое к употреблению» слово или выражение, в неизменном виде используемое к месту или не к месту в разнообразных жизненных ситуациях. Приверженность речевым штампам свидетельствует о недостаточно высоком уровне как речевого, так и интеллектуального развития человека.

РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ — краткие реплики — формы культурного речевого реагирования одних людей на действия других людей или обращения одних людей к другим в тех или иных типичных ситуациях (эпизодах) жизни. Формы речевого этикета служат средством быстрого (оперативного) установления нужных контактов между людьми, поддержания между ними тех или иных взаимоотношений.

СЕМАНТИКА — раздел семиотики, в котором изучаются знаковые системы с точки зрения их способности выражать значения (смыслы), имеющиеся в соответствующих знаках. В содержание семантики входят правила интерпретации знаков и составленных из них выражений для введения в них или извлечения из них определенных значений (смыслов). Семантика — один из основных разделов лингвистики (языкознания), где изучаются содержание, смыслы и значения того, что представлено в различных языках (знаковых системах), которыми пользуются люди.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГЕНЕРАЛИЗАЦИЯ — явление, в соответствии с которым реакция, выработанная на какое-либо слово, может распространиться на другие слова на основе их семантических связей с данным словом. Если, к примеру, в качестве условного раздражителя используется какое-либо слово, имеющее конкретное значение, то соответствующая реакция будет возникать и в ответ на другие слова, близкие к нему по значению, причем даже в тех случаях, когда эти слова отличаются от исходного слова как по звучанию, так и написанию.

СЕМИОТИКА — наука, изучающая общее строение и функционирование различных знаковых (семиотических) систем, включая разнообразные языки. По определению одного из ведущих представителей этой науки Т. Сибока (Сибеока), семиотика изучает «организованные коммуникации во всевозможных их модальностях». Предмет семиотики как науки включает в себя и эволюционно ранние, наиболее простые системы коммуникации животных, и наиболее сложные, появившиеся в последние годы системы коммуникации людей. Среди этих систем выделяются две основные разновидности: антропосемиотические, созданные людьми, и зоосемиотические,

созданные и используемые животными. Первые являются по преимуществу лингвистическими (языковыми) и вербальными, вторые — невербальными. Примерами антропосемиотических знаковых систем могут быть следующие: естественные языки (разговорные, письменные), искусственные языки, употребляемые в специальных сферах деятельности людей. Примерами зоосемиотических систем являются разнообразие языки животных.

СЕНСОРНАЯ ТРАНСКОРТИКАЛЬНАЯ АФАЗИЯ — афазия, характеризующаяся многословием, сопровождающимся очевидными нарушениями понимания речи. Область поражения при сенсорной транскортикальной афазии обычно локализуется на пересечении теменной, височной и затылочной областей коры головного мозга.

СИНКРЕТИЗМ — 1. Соединение в процессе развития языка функционально различных грамматических категорий и форм в одну (до их дифференциации в развитой системе языка). 2. Особенность понятийного мышления детей, характеризующаяся объединением в группу разнородных предметов на основе случайных признаков, не являющихся общими для данной группы предметов. Эта особенность понятийного мышления детей впервые была открыта и описана Л. С. Выготским у детей младшего дошкольного возраста.

СИНТАГМА — интонационно-смысловое единство (смысловое целое), которое в данном контексте или в данной конкретной ситуации выражает одно понятие и может состоять из единственного слова, группы слов или целого предложения.

СИНТАКСИС — 1. Раздел грамматики, где изучаются процессы порождения речи, включая сочетаемость и порядок слов в предложении, а также общие свойства предложения как единицы речи (языка). 2. У психоаналитика Г. Салливана — это форма мышления и общения, в которой используемые человеком понятия являются «объективными» или «открыто наблюдаемыми». Так понимаемое «синтаксическое мышление» является консенсусным, т.е. основанным на согласии сторон относительно значений используемых в нем слов и предложений, и открытым для его оценивания со стороны, в противоположность так называемому «парасинтаксическому мышлению», которое является закрытым, сугубо внутренним, приватным.

СИНТАКСИЧЕСКАЯ АФАЗИЯ — разновидность афазии, отличающаяся неспособностью человека связывать друг с другом слова в предложения по правилам синтаксиса. Иногда эту разновидность афазии также называют катафазией.

СЛОВАРЬ ВЗГЛЯДА — метафорическое обозначение слов, которые могут быть человеком быстро, на взгляд, восприняты и оценены, без их явного фонетического декодирования. Дети, обучающиеся чтению, и дети, использующие так называемый «цельнословный» метод чтения, пользуются также и «словарем взгляда».

СЛОВЕСНЫЕ АССОЦИАЦИИ — слова, которые человек извлекает из своей памяти, всплывает в ответ на какие-либо другие услышанные или прочитанные им слова.

СЛОВО КАК АКТИВНЫЙ РАЗДРАЖИТЕЛЬ (СЛОВО — РАЗДРАЖИТЕЛЬ) — условное обозначение любого слова или понятия, на которое человек реагирует постоянно, причем вполне определенным, эмоционально предсказуемым способом.

СМЕШАННАЯ ТРАНСКОРТИКАЛЬНАЯ АФАЗИЯ — афазия, вызываемая поражением мозга, охватывающим большую пограничную зону, находящуюся между лобной, теменной и височной долями коры больших по-

лушарий головного мозга. При данной разновидности афазии наблюдаются глобальные нарушения речи. Больной в этом случае иногда в состоянии только механически повторять услышанные слова и не владеет никакими другими речевыми, особенно смысловыми (семантическими) функциями.

СМЫСЛ СЛОВА — 1. Различного рода образные, мысленные, чувственные и другие ассоциации, которые вызывает у человека данное слово, и которые не входят в состав общепринятого значения этого слова. 2. Значение, которое слово приобретает в том или ином контексте, частном случае его употребления в устной или письменной речи. 3. «Глубинная структура», «глубинное содержание» слова или некоторого высказывания в теории Н. Хомского.

СМЫСЛ ТЕКСТА (СМЫСЛ ВЫСКАЗЫВАНИЯ) — смысл, который содержится в том или ином тексте (высказывании), заложен в него автором текста (высказывания) или извлекается из него людьми, воспринимающими соответствующий текст (высказывание).

СМЫСЛОВОЙ БАРЬЕР — недопонимание, возникающее между людьми в процессе их общения друг с другом и связанное с тем, что, пользуясь одними и теми же словами, они вкладывают в них различный смысл (по-разному их понимают). Смысловой барьер — часто встречающаяся причина разного рода недоразумений и недопонимания людьми друг друга.

СТИЛИСТИКА — раздел языкознания, в котором изучается стиль устной или письменной речи во всевозможных его лингвистических значениях и проявлениях. В свою очередь, стиль речи понимается как индивидуальная манера употребления языка и речи.

СУБЪЕКТ — то, о чем (или тот, о ком) говорится в данном высказывании, его предмет. В структуре предложения субъект представлен подлежащим с относящимися к нему служебными словами.

ТЕЗАУРУС — 1. В лингвистике — словарь, в котором с максимальной полнотой представлены слова того или иного конкретного языка вместе с исчерпывающим перечнем способов их употребления в различных текстах и контекстах. 2. В психологии — полный набор слов со всеми их значениями и смыслами, которыми владеет данный человек.

ТЕЛЕГРАФИЧЕСКАЯ (ТЕЛЕГРАФНАЯ) РЕЧЬ — термин Р. Брауна, обозначающий разновидность речи, в которой слова, являющиеся несущественными, второстепенными и не несущими в себе важной информации, фактически опущены (отсутствуют в речи). Такая речь, например, характерна для детей на ранних стадиях их речевого развития. Иногда она встречается и у взрослых людей при некоторых формах афазии.

ТЕОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ РЕЧИ — теории, объясняющие источники возникновения, происхождение и развитие речи человека. Существует три группы таких теорий, причем первая из них появилась еще в XIX в. В ономатопоэтической теории происхождения речи утверждается, что речь человека возникла в результате подражания звукам, производимым животными, и тем звукам, которые характерны для окружающей человека природы. Восклицательная теория происхождения речи допускает, что первоисточником речи людей явились звуки, выражающие эмоциональные состояния человека. Теория «естественной реакции» предполагает, что первоисточником речи стали естественные звуковые реакции людей на те или иные обстоятельства, ситуации и события в их жизни. Все эти теории в основном являются умозрительными и не имеют убедительного экспериментального обоснования. Однако каких-либо других, более убедительных теорий происхождения речи человека до сих пор не предложено.

ТЕОРИЯ (ГИПОТЕЗА) ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ (ГИПОТЕЗА СЕПИРА — УОРФА) — теория (гипотеза), сформулированная американскими лингвистами Б. Уорфом и Э. Сепиром, в которой утверждается, что характер восприятия человеком реальной действительности зависит от языка, которым он пользуется, от степени владения данным языком. Частным утверждением, связываемым с данной гипотезой и вытекающим из нее, является мысль о том, что язык (речь) определяет мышление человека. Теория лингвистической относительности (гипотеза Сепира — Уорфа) имеет два варианта: сильный и слабый. В слабом варианте теории (гипотезы) утверждается, что язык оказывает воздействие только на восприятие человеком окружающей действительности. Так, например, исходя из того, что в языке эскимосов имеется много разных слов для обозначения различных оттенков белого цвета, можно предполагать, что они действительно визуально различают все отраженные в языке оттенки белого. Строгий вариант гипотезы допускает, что влияние языка распространяется на все когнитивные процессы, включая мышление. Однако, несмотря на многочисленные исследования, направленные на экспериментальную проверку данной теории (гипотезы), она так и не получила убедительного подтверждения. Отсюда следует, что, скорее всего, однозначной причинно-следственной зависимости между речью, восприятием и познавательными процессами человека не существует, что эта зависимость, если она действительно имеет место, носит гораздо более сложный, опосредствованный и неоднозначный характер.

ТЕРМИН — слово или словосочетание, обозначающее некоторое понятие из определенной области научных знаний.

ТЕСТ КОДИРОВАНИЯ — психологический тест, в котором текст, написанный на одном языке (в одном коде), переводится на другой язык (в другой код). Этот перевод может выполняться, например, из буквенного кода в цифровой и обратно.

ТЕСТ КОНСТРУИРОВАНИЯ СЛОВ — вариант анаграммы, в котором испытуемого просят придумать как можно больше разных слов с заданным сочетанием букв в их составе.

ТРАНСКОРТИКАЛЬНАЯ АФАЗИЯ — общее название различных видов афазий, вызываемых поражениями, которые локализуются снаружи от так называемых перисильванских речевых центров, т.е. по периферии от центров Брока и Вернике. Имеется несколько разновидностей транскортикальной афазии: смешанная, сенсорная и моторная.

ТРАНСФОРМАЦИЯ — способ выделения сложных синтаксических структур из более простых структур с помощью небольшого набора правил преобразования (трансформаций).

УНИВЕРСАЛИИ — языковые свойства, присущие всем языкам или большинству из них.

УНИВЕРСАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА — гипотетическая система базисных грамматических принципов, которые, по предположению известного американского лингвиста Н. Хомского, лежат в основе всех естественных языков — таких, которые возникли в ходе истории человечества для повседневного общения людей друг с другом. Универсальная грамматика, если она действительно существует, может объяснить легкость освоения людьми любого языка и общую способность людей к такому освоению, независимо от того, где они живут и на каком родном языке говорят.

ФОНАЦИЯ — 1. Акт воспроизводства человеком звуков человеческой речи. 2. Звукообразование, происходящее за счет совместной работы всех органов речи при воспроизводстве звуков.

ФОНЕМА — минимальная звуковая различительная единица речи или, другими словами, смыслоразличительная единица звукового строя языка. Фонемы в языке самостоятельных значений не имеют, но из них образуются другие значимые единицы языка и речи: слова и словосочетания. Все фонемы одного языка (во всех языках их сравнительно небольшое количество) отличаются друг от друга. При изменении фонем, входящих в состав слов, меняются и значения соответствующих слов. В структуру отдельных фонем, в свою очередь, входит определенный набор звуков. С психолингвистической точки зрения фонемы являются своего рода когнитивно-перцептивными абстракциями и далеко не всегда соответствуют наборам звуков, относящихся к отдельным буквам слов соответствующего языка. Часто фонемы отличаются от письменно изображаемых знаков — букв.

ФОНЕТИКА — раздел языкознания, изучающий звуковую сторону языка и речи. В фонетике исследуются речевые звуки, предлагается их классификация, изучается производство, передача и восприятие соответствующих звуков. Фонетика содержит два раздела: артикуляционную фонетику и акустическую фонетику.

ФОРМАНТ — понятие, относящееся к спектрографическому представлению звуков речи и указывающее на то, что энергия звука концентрируется в соответствующих записях звуков на определенных частотах. Концентрация энергии звука, в свою очередь, показана в этих записях как темные области на спектрограмме, которые называются формантами. Каждый речевой звук здесь может быть представлен (описан) через его локализацию в спектре частот как состоящий из четырех отдельных формант. Первые два форманта (на низких частотах) являются главными в анализе человеческой речи.

ФРАЗА — основная единица речи, выражающая собой законченную мысль.

ФРАЗЕОЛОГИЗМ — общее название семантически связанных сочетаний слов и предложений, которые в отличие от сходных с ними по форме синтаксических структур не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов при организации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава. Это, например, идиомы, пословицы, крылатые слова, речевые штампы.

ЭВРИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ РЕЧИ — теория возникновения и развития речи у детей, предложенная К. Бюлером. Суть данной теории заключается в следующем. Речь ребенку не дается в готовом виде и не усваивается им пассивно, репродуктивно или рецептивно, т.е. путем восприятия и простого механического подражания речи других людей. Речь в какой-то степени изобретается самим ребенком, придумывается самостоятельно в процессе общения с окружающими людьми. Так понимаемый процесс речевого развития проходит через несколько стадий. На первой стадии ребенок открывает для себя значения слов. Это происходит в результате наблюдения за реакциями взрослых людей на те речевые (звуковые) стимулы, которые генерирует сам ребенок. «Манипулируя» взрослыми с помощью подобной, автономной и спонтанной речевой вокализации, ребенок открывает для себя тот факт, что определенные произносимые им звуковые комплексы вызывают вполне конкретные, важные для него и понятные ему реакции взрослого человека. Далее ребенок сам начинает пользоваться этими звуковыми комплексами систематически и целенаправленно. На второй стадии речевого развития ребенок обнаруживает, что каждая вещь имеет свое название (имя), и это название в его

сознании прочно ассоциируется с ней. В результате описанного процесса постепенно расширяется словарный запас ребенка, и он сам начинает задавать взрослым людям вопросы, касающиеся названий окружающих его предметов и явлений. На третьей стадии речевого развития ребенок открывает для себя значение грамматики, т.е. тот факт, что существуют правила построения речи, преобразования слов и их связывания в предложения (фразы).

ЭГОЦЕНТРИЧЕСКАЯ РЕЧЬ — разновидность речи, имеющая форму диалога, но направленная человеком на самого себя (отсюда название — эгоцентрическая). Эгоцентрическая речь регулирует собственные психические процессы, состояния и поведение человека в то время, когда он занят какой-либо деятельностью (например, психику и поведение ребенка во время игры). Первым открыл и описал такую речь швейцарский психолог Ж. Пиаже, обнаружив ее у детей в возрасте от 3 до 5 лет. Он полагал, что нелогичная эгоцентрическая речь выражает несоциализированное мышление ребенка. По мнению Л. С. Выготского, эгоцентрическая речь является изначально социализированной и занимает промежуточное положение между внешней речью в форме диалога и внутренней речью в виде диалога. Она обладает многими свойствами, присущими внутренней речи, и в дальнейшем, по мере психического развития ребенка, не исчезает, а превращается во внутреннюю речь.

ЭЗОПОВ ЯЗЫК — стиль высказывания, призванный скрыть от некоторых воспринимающих данное высказывание людей прямой или непосредственный смысл соответствующего высказывания. Эзопов язык обычно рассчитан на то, чтобы содержащаяся в нем идея (мысль) была воспринята и понята только определенными, конкретными, избранными людьми.

ЭМФАЗА — выделение важной в смысловом значении части высказывания с помощью тех или иных лингвистических или экстралингвистических средств.

ЭНДОФАЗИЯ — 1. Внутренняя речь. 2. Совершение всех движений, связанных с произнесением слова, без его озвучивания.

ЭТИМОЛОГИЯ — 1. Раздел языкознания, где изучается происхождение слов и выражений. 2. Область лингвистических и психолингвистических исследований, связанных с изучением истории происхождения разных слов и выражений.

ЭФФЕКТ ПРЕВОСХОДСТВА СЛОВ — явление, согласно которому буква в отличие от других визуальных объектов может быть идентифицирована (определена, выделена) человеком с более низким порогом ее опознания, чем другие объекты. На нее, кроме того, человек может отреагировать быстрее, когда данная буква является частью знакомого слова, чем тогда, когда та же буква предлагается человеку отдельно от включающих ее слов. Например, буква «И» в слове «ИГЛА» будет быстрее опознана, чем та же самая буква, представленная отдельно.

ЯЗЫК — 1. Система символов, которые имеют определенные значения или несут в себе определенную информацию. 2. Средства, которые применяются людьми и животными для общения друг с другом, для передачи определенной информации. Практически вся информация, накопленная многими поколениями людей, хранимая и передаваемая друг другу, так или иначе, связана с языком. Существует огромное количество разнообразных языков, которые делятся на четыре основные группы: естественные и искусственные, живые и мертвые. Языки возникают, существуют, изменяются, исчезают («умирают») по своим законам, изучаемым в лингвистике (языкознании).

ЯЗЫК АНТРОПОИДОВ (ЯЗЫК ЧЕЛОВЕКООБРАЗНЫХ ОБЕЗЬЯН) — язык, которым в общении друг с другом пользуются высшие человекообразные обезьяны. Этот язык по своему звуковому составу, а также по невербальным средствам (жестам, мимике), характерным для него, чем-то напоминает язык человека, но внутренне существенно отличается от всех человеческих языков. Он, во-первых, не содержит в себе слов-понятий; во-вторых, не обозначает ничего объективно существующего; в-третьих, не связан с мышлением; в-четвертых, не подчиняется каким-либо строгим правилам. В связи с этими различиями и по ряду других причин антропиды не в состоянии осваивать язык человека, хотя некоторые его элементы, например, простой жестовый язык, запоминание названий предметов, в какой-то степени им доступны.

Литература

Ахутина, Т. В. Порождение речи. Нейролингвистический анализ синтаксиса / Т. В. Ахутина. — М., 1989. (*Уровни синтаксической организации: 30–110*)

Белянин, В. П. Психоллингвистика / В. П. Белянин. — М., 2005. (*Психоллингвистика как наука о речевой деятельности: 18–21; из истории психоллингвистики: 21–34; онтогенез речи: 34–69; производство речи: 69–87; восприятие речи: 87–108*)

Брунер, Дж. Онтогенез речевых актов / Дж. Брунер // Психоллингвистика: сб. статей / сост. А. М. Шахнарович. — М., 1984. — С. 21–50.

Брунер, Д. С. Психология познания. За пределами непосредственной информации / Д. С. Брунер. — М., 1977. (*Язык и развитие: 336–355*)

Выготский, Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский // Собр. соч. — В 6 т. — Т. 2. — М., 1982. (*Мышление и речь: 5–361*)

Выготский, Л. С. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 3. / Л. С. Выготский. — М., 1983. (*Развитие устной речи. Предыстория письменной речи: 164–200; развитие речи и мышления: 254–273; к вопросу о многоязычии в детском возрасте: 329–337*)

Жинкин, Н. И. Речь как проводник информации / Н. И. Жинкин. — М., 1982. (*Фонема в языке и речи: 20–28, 33–43; сенсорика и язык: 117–154*)

Жинкин, Н. И. Язык — речь — творчество: Исследования по семиотике, психоллингвистике, поэтике / Н. И. Жинкин. — М., 1998.

Кликс, Ф. Пробуждающееся мышление. У истоков человеческого интеллекта / Ф. Кликс. — М., 1983 (*Мотивы и этапы возникновения письменности: 190–210*)

Леонтьев, А. А. Деятельный ум / А. А. Леонтьев. — М., 2001. (*Психология отображения: знак и значение: 6–97; смысл и смысловое поле: 280–285; образ, слово, значение: 313–324; значение и смысл: 324–328*)

Леонтьев, А. А. Основы психоллингвистики / А. А. Леонтьев. — М., 1999. (*Теоретические и методологические вопросы психоллингвистики: 6–73; психоллингвистический анализ порождения и восприятия речи: 73–84*)

Леонтьев, А. А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии / А. А. Леонтьев. — М., 2001. (*Значение и смысл: 139–185; язык, речь, текст: 185–281*)

Леонтьев, А. Н. Избранные психологические произведения. В 2 т. Т. 1 / А. Н. Леонтьев. — М., 1983. (*Психологическое исследование речи: 65–75*)

Линден, Ю. Обезьяны, человек и язык / Ю. Линден. — М., 1981. (*Краткий эволюционный взгляд на язык жестов*: 72—78)

Линдсей, П. Переработка информации у человека. Введение в психологию / П. Линдсей, Д. Норманн. — М., 1974. (*Язык*: 420—441)

Лурия, А. Р. Основные проблемы нейролингвистики / А. Р. Лурия. — М., 1975. (*Нейропсихологический анализ речевой коммуникации*: 4—51; *нейропсихологический анализ формирования речевого сообщения*: 51—148; *нейропсихологический анализ понимания речевого сообщения*: 148—228)

Лурия, А. Р. Письмо и речь. Нейролингвистические исследования / А. Р. Лурия. — М., 2002. (*Очерки психофизиологии письма*: 10—78; *нейропсихологический анализ речевой коммуникации*: 79—127; *нейропсихологический анализ формирования речевого сообщения*: 127—232; *нейропсихологический анализ понимания речевого сообщения*: 232—317)

Лурия, А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия. — М., 1998. (*Проблема языка и сознания*: 11—30; *слово и его семантическое строение*: 31—50; *развитие значений слов в онтогенезе*: 51—66; *развитие понятий и методы их исследования*: 67—114; *роль речи в протекании психических процессов. регулирующая функция речи и ее развитие*: 115—134; *внутренняя речь и ее мозговая организация*: 135—147; *сложные формы речевого высказывания. парадигматические компоненты в синтагматических структурах*: 165—186; *развернутое речевое сообщение и его порождение*: 187—202; *основные формы речевого высказывания. устная (диалогическая и монологическая) и письменная речь*: 203—216; *понимание компонентов речевого высказывания. Слово и предложение*: 217—234; *понимание смысла сложного сообщения. Текст и подтекст*: 235—250)

Миллер, Д. Планы и структура поведения / Д. Миллер, Е. Галантер, К. Прибрам. — М., 1964. (*Планы речи*: 149—172)

Найссер, У. Познание и реальность / У. Найссер. — М., 1981. (*Язык и его использование*: 166—186)

Пенфилд, У. Речь и мозговые механизмы / У. Пенфилд, Л. Робертс. — Л., 1964. (*Мозг и мышление*: 15—18; *право-леворукость и доминантность полушарий*: 89—102; *составление карты речевых областей*: 102—115; *мозг и механизмы речи*: 180—206; *речь и мышление*: 206—216)

Петренко, В. Ф. Основы психосемантики / В. Ф. Петренко. — СПб., 2010. (*Взаимосвязь языка и сознания*: 10—15; *значение как «превращенная форма деятельности»*: 15—23; *проблема значения, психосемантика сознания*: 37—89; *исследование вербальной семантики методом семантического дифференциала*: 89—130)

Поршнев, Б. Ф. О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии / Б. Ф. Поршнев. — М., 1974. (*Генезис речи-мышления*: 380—485)

Психоллингвистика. Сборник статей. — М., 1984. (*Д. Брунер. Онтогенез речевых актов*: 21—49; *Бутон М. П. Развитие речи*: 307—324; *Ж. Пиаже. Генетический аспект языка и мышления*: 325—335)

Психоллингвистика : учебник для вузов / под ред. Т. Н. Ушаковой. — М., 2006. (*Исторический очерк развития психоллингвистика*: 16—129; *речевое взаимодействие и внутренняя речь*: 129—134; *речеобразование, восприятие и понимание речи*: 134—164; *язык и мозг*: 164—179; *когнитивные модели речевых языковых структур и процессов*: 179—186; *о понятиях язык и речь*: 186—189; *онтогенез речи*: 282; *о языковых возможностях приматов*: 282—301; *речевая диагностика*: 322—378)

Румянцева, И. М. Психология речи и лингвопедагогическая психология / И. М. Румянцева. — М., 2004. (*О психической сущности языка и речи*: 16—25;

интегративная теория речи: 25–38; психолингвистика: новое время – новый взгляд: 38–51)

Слобин, Д. Психолингвистика / Д. Слобин, Дж. Грин. — М., 1976. (*Теория овладения языком: 107–115; язык, речь, мышление: 165–173; язык и память: 178–182; язык и когнитивное развитие: 182–197; психолингвистика и психология: 217–332)*)

Слобин, Д. Психолингвистика. Грин, Дж. Психолингвистика. Хомский и психология. — М., 2004. (*Предмет психолингвистики. Теория трансформационной и порождающей грамматик Хомского. Языковое и речевое развитие ребенка. Значение слова. Язык и познавательные процессы: восприятие, память, мышление*)

Соколов, А. Н. Внутренняя речь и мышление / А. Н. Соколов. — М., 1968.

Солсо, Р. Л. Когнитивная психология / Р. Л. Солсо. — М., 1996. (*Восприятие речи, порождение речевого высказывания, речь и мышление*)

Ушакова, Т. Н. Речь человека в общении / Т. Н. Ушакова. — М., 1989. (*Речь как объект психологического исследования: 10–60*)

Хомский, Н. О. природе и языке / Н. О. Хомский. — М., 2005. (*Универсальная грамматика и конкретные грамматики: 17–34; воззрения на язык и разум: 72–94; язык и мозг: 94–136*)

Хомский, Н. О. Язык и мышление / Н. О. Хомский. — М., 1972. (*Вклад лингвистики в изучение мышления. Прошлое, настоящее и будущее: 12–121*)

Раздел 4

Психические состояния

Глава 8

ОБЫЧНЫЕ И НЕОБЫЧНЫЕ ПСИХИЧЕСКИЕ СОСТОЯНИЯ

Краткое содержание главы

Общая характеристика и классификация психических состояний. Известность психических состояний по повседневному опыту и недостаточное внимание к ним в науке. Причины такого положения дел. Представления о состояниях души в работах древних ученых. Связь первичных идей, касающихся психических состояний, с древнейшими представлениями о душе. Изменение представлений о душе и ее состояниях при возникновении атомического мировоззрения. Деление состояний души на состояния сознания и состояния воли. Проблема психических состояний и подходы к ее решению в эпоху Возрождения и Новое время.

Трудности, связанные с естественно-научным изучением психических состояний. Разница между физическими (физиологическими) и психическими (психологическими) состояниями. Проблема методов изучения психических состояний и ее решение в современной науке. Трудности поиска точного определения психических состояний как психологического явления. Разные научные определения психических состояний. Взаимосвязь и взаимовлияние психических состояний. Сложность психических состояний и множество оснований для их классификации. Психоорганические и собственно психические состояния. Материально-психические, социально-психические и духовно-психические состояния. Нормальные (обычные) и экстремальные (необычные) психические состояния. Понятие об измененных психических состояниях. Отличие психических состояний от познавательных процессов и психологических свойств человека. Особенности психических состояний личности, эмоциональных, функциональных, психофизиологических, стенических, астенических, мотивационных психических состояний и состояния психомоторной сферы. Индивидуальное своеобразие, полярность и непрерывность психических состояний. Нормальные, аномальные и патологические психические состояния.

Классификация психических состояний по Н. Д. Левитову. Личностные и ситуативные, глубинные и поверхностные психические состояния. Состояния, положительно и отрицательно влияющие на познавательные процессы и поведение человека, продолжительные и кратковременные, осознаваемые и неосознаваемые психические состояния. Типология психических состояний (по Л. В. Куликову). Эмоциональные, мотивационные и когнитивные психические состояния. Периодические и непериодические психические состояния. Состояния с постоянным и переменным уровнем напряженности. Классификация психических состояний (по В. А. Ганзену). Возможные дру-

гие основания для разделения психических состояний на группы. Детерминанты психических состояний. Функции психических состояний.

Типичные (обычные) состояния психики. Типичные и нетипичные (необычные) психические состояния. Сон как психическое и физическое (физиологическое) состояние. Парадоксы сна. Физиологическая и психологическая динамика сна. Состояние беспокойства (тревожности). Различные определения тревожности. Разница между понятиями «тревожность» и «тревога». Происхождение термина «тревожность». Три типа тревоги (тревожности) по З. Фрейду: объективная, невротическая и моральная. Нормальные и аномальные виды тревожности. Невротическая тревожность (по К. Хорни). Динамика тревожных состояний.

Аффект как состояние психики. Признаки аффективного состояния. Положительные и отрицательные аффекты, их роль в жизни человека. Стресс как психическое состояние. Причины, симптомы и проявления стресса. Необходимость борьбы со стрессами. Эйфория и дисфория как эмоциональные психические состояния. «Пиковое переживание» как особое психическое состояние.

Состояние психологической беспомощности. Вопросы, связанные с исследованиями беспомощности. Условия, порождающие состояние беспомощности. Ситуационные и личностные причины беспомощности. Фрустрация как психическое состояние. Ситуации, порождающие состояние фрустрации. Формы поведения, связанные с фрустрацией. Депрессия как психическое состояние. Представление о депрессии в медицине и психологии. Психотическая и реактивная депрессии. Массовидные (групповые) состояния психики.

Необычные (измененные) состояния психики. Понятие о необычных состояниях психики. Причины, порождающие измененные состояния психики. Гипноз как необычное состояние психики. Промежуточное положение гипноза между состоянием сознания и бессознательным, сном и бодрствованием. Проблематичность решения многих вопросов, связанных с гипнозом, наличие общего и различного в представлениях ученых о данном явлении.

Состояние эмоционального выгорания как необычное состояние психики. Симптомы и признаки эмоционального выгорания. Медитация как необычное психическое состояние. Нирвана как психическое состояние. Транс как состояние психики. Понятие о религиозном транссе. Уход от реальности как аномальное психическое состояние человека.

Необычные психические состояния, возникающие под воздействием психотропных веществ, в том числе алкоголя и наркотиков. Положительные и отрицательные эффекты влияния психотропных веществ на психику. Иллюзорность благоприятного воздействия психотропных веществ на психику и поведение человека, тяжелые и долговременные отрицательные последствия их употребления. Мания как аномальное психическое состояние. Одержимость и порождаемое ею состояние психики. Промежуточные психические состояния, возникающие у человека, находящегося между жизнью и смертью.

8.1. Общая характеристика и классификация психических состояний

Психические состояния — это третья после психических процессов и свойств личности совокупность характерных для человека психологических явлений. Людям эти состояния хорошо известны по повседневному

опыту, поскольку каждый человек ежедневно может находиться во многих таких состояниях. Не только в научном, но и в обычном, житейском человеческом языке имеется много известных каждому человеку слов, с помощью которых характеризуются и описываются психические состояния. Это, например, *внимание* и *невнимание*, *удовольствие* и *неудовольствие*, *напряженность* и *расслабленность*, *спокойствие* и *беспокойство (тревога)*. Тем не менее, несмотря на известность и распространенность среди людей различных психических состояний (возможность постоянно пребывать в одном или нескольких из них), в научной, учебной и популярной литературе о психических состояниях пишут меньше, чем о рассмотренных в предыдущих главах учебника познавательных процессах, или о свойствах личности человека, с которыми нам еще предстоит ознакомиться в следующем, третьем томе учебника. Это, однако, не означает, что психические состояния менее важны, чем психические процессы или свойства личности, и что в жизни человека они играют менее важную роль, чем другие его психологические образования. Данный факт объясняется иначе и следующим образом. Во-первых, психические состояния весьма динамичны и изменчивы, их трудно изучать, поскольку для исследования любых психических явлений требуется время, а за это время сами психические состояния могут существенно измениться. Во-вторых, трудно найти объективные признаки, ориентируясь на которые можно было бы экспериментально изучать психические состояния. В-третьих, мало известны анатомо-физиологические основы психических состояний. Наконец, в-четвертых, недостаточно полно определена роль психических состояний в жизни человека, если, к примеру, сравнивать их с познавательными процессами или со свойствами личности.

Причины психических состояний, как и сами эти состояния, могут быть различными: объективными и субъективными, физиологическими и психологическими. В каждом конкретном случае трудно точно установить эти причины, а научные психологические исследования состояний имеют дело в первую очередь с изучением их причин. В большинстве случаев психические состояния, в которых находятся люди, они осознают лишь наполовину, т.е. человек осознает и может описать словами свое актуальное состояние, но далеко не всегда способен точно определить и указать его причины. Для того чтобы их выявить, иногда приходится проводить глубокий и разносторонний анализ того, что с человеком произошло в недавнем прошлом.

Существует сравнительно мало точных и объективных методов экспериментального изучения психических состояний, если сравнивать количество и качество таких методов с аналогичными методами, предназначенными для изучения познавательных процессов или личности человека. Современная психология, кроме того, располагает сравнительно небольшим количеством твердо установленных фактов, касающихся именно психических состояний. Таких фактов, во всяком случае, недостаточно для построения полноценных научных теорий, исчерпывающим образом объясняющих психические состояния человека.

Недостаточное внимание к изучению психических состояний характеризует не только современную науку, но и прошлое психологии. В связи с этим интересно заглянуть в это прошлое и выяснить, как понимали и каким образом изучали психические состояния ученые, жившие в отдаленные от нас времена.

Одним из наиболее ранних упоминаний о специфических состояниях, в которых может находиться душа человека (так в древности называли то,

что в современной науке именуется психическими состояниями) можно обнаружить в древнеиндийской и древнекитайской философии и медицине, в работах, относящихся к III—II тысячелетиям до н.э. Однако труды древнеиндийских и древнекитайских ученых в первоисточниках до нашего времени не дошли. Поэтому судить о древнейших научных идеях, касающихся психических состояний, мы можем только косвенно и фрагментарно, по тем упоминаниям о них, которые содержатся, например, в ссылках на них более поздних, в частности древнегреческих философов. Эти труды относятся к I тысячелетию до н.э.

В VI в. до н.э. Гераклит, обсуждая противоречивый характер самого определения состояний души, указывает на то, что такие состояния изменчивы и динамичны, а душа благодаря им может переходить из одного состояния (качества) в другое. Во времена Гераклита преобладало мировоззрение, сводившее все существующее в мире к четырем началам или стихиям: огню, воде, земле и воздуху. Материальным носителем души или ее представителем в материальном мире считался огонь, но вместе с тем признавалось, что все «стихии» или «начала» могут проникать друг в друга. В душу, соответственно, кроме огня могут проникать вода, земля и воздух. К примеру, утверждалось, что в «огненную» душу может проникать чуждое ей начало — вода, которая меняет свойства души, «увлажняя» ее, понижая уровень ее разумности. Предполагалось, что в высшем состоянии — сухом или огненном — душа не должна иметь элементов воды. Чем больше в ней таких элементов, тем низменнее она оказывается в плане влияния над поведением человека. Об этом свидетельствует, например, следующее известное изречение: «Опылавший муж невеждо куда бредет, ибо психея его влажна».

Первые попытки научной классификации психических состояний относятся, по-видимому, к IV в. до н.э. В это время древнегреческие философы выделяли и отделяли друг от друга состояния удовольствия, страдания, желания, страсти, страха и напряжения. Они описывали эти состояния, указывали на существующие между ними различия и, исходя из этого, по-разному объясняли поведение человека, связанное с различными состояниями его души. Все состояния приписывались душе, а поскольку сама душа не считалась единой и разделялась на три разновидности: душу растений, душу животных и душу человека, то всем этим трем различным видам душ приписывались и разные психические (душевные) состояния. Человеческой душе, например, приписывались в основном высшие психические состояния, связанные с волей, разумом и моралью; животной душе — низменные состояния, наличие которые в душе человека, в свою очередь, осуждалось; душам растений — только состояния, связанные с жизнью и питанием (нейтральные с точки зрения их моральной или нравственной оценки).

Систематизированное представление о психических состояниях человека обнаруживается далее в трудах Аристотеля. Его учение о душе и ее состояниях разрабатывалось в условиях нового атомистического мировоззрения. В нем пришлось отказаться от наивных представлений об «увлажнении» или «осушении» души как об условиях ее перехода из одного состояния в другое, поскольку подобные идеи не были согласованы с представлением о том, что материальным носителем души являются наиболее мелкие и подвижные атомы. Душе в это время стали больше приписывать разнообразные энергетические или динамические состояния и свойства, но такое изменение мировоззрения мало повлияло на терминологию, с помощью которой описывались сами психические состояния (состояния души).

Идеи Аристотеля, в свою очередь, легли в основу следующих представлений — римской школы — о том, что совокупность психических феноменов делится на состояния сознания и состояния воли. В особом выделении волевых состояний подчеркивалось энергетическое начало души. Что касается состояний сознания, то они представлялись как не обладающие побудительными или динамическими свойствами (предполагалось, что всем поведением управляют воля и разум человека, а не его состояния).

В эпоху Возрождения и Новое время возникает упрощенно-натуралистическая трактовка состояний души. Они в это время понимаются как состояния, исключительно порождаемые физиологическими процессами, происходящими в организме¹.

Возрождение, проявившееся, в первую очередь, в искусстве, потребовало и возрождения научных знаний. В отношении гуманитарных и социальных наук возник вопрос о том, стоит ли их «возродить» в том виде, в каком они существовали в Древней Греции, в эпоху Эллинизма. Спустя более чем полторы тысячи лет (именно столько в Европе длилась эпоха Средневековья) не было смысла повторять без изменений то, что о душе было известно еще Древней Греции. За такое время ничто в науке не должно было сохраниться в неизменном виде как абсолютная истина. В связи с новым естественно-научным механистическим мировоззрением необходимо было менять и общее представление о сущности души и идеи, касающиеся ее состояний. Тем не менее в эпоху Возрождения вначале почти в неизменном виде возвратилось устаревшее, по сути дела мистическое, понимание души и ее состояний. Анализ трудов Р. Декарта и его последователей показывает, что за исключением места пребывания души, ограниченного теперь только телом человека, устранения из научного обсуждения чисто мистических свойств, которые душе приписывались в эпоху Средневековья, ничего существенно нового в научном объяснении психических состояний не появилось. Состояния души человека в это время описывались точно так же, как это делалось еще в Древней Греции.

Примечательно, что в эпоху Возрождения одни и те же ученые придерживались одновременно и мистического, и упрощенно натуралистического понимания состояний души. Р. Декарт, например, утверждал, что душа человека управляет его мышлением и переживаниями (по-современному — состояниями), и, вместе с тем, высказывал предположение о том, что психические (душевные) состояния как явления, сопровождающиеся видимыми изменениями в поведении, мимике, во внутренних органах человека, вполне могут стать предметом объективного научного исследования.

Первые естественно-научные попытки изучения и объяснения психических состояний человека, предпринятые в это время физиологами и врачами, успеха не имели, и психологи вновь возвратились к тому способу их описания, которым был свойственен философам, представлявшим науку о душе в античные времена. В XVIII—XIX вв., т.е. всего лишь около двухсот лет назад, практически все попытки исследования состояний души (психики) по-прежнему в основном сводились к их подробному описанию и классификации. Например, В. Вундт, отождествляя психические состояния с эмоциями,

¹ В эпоху Средневековья объяснение состояний души, как и всего остального, что ее касается, приобрело религиозно-мистическую окраску. Эти состояния стали, соответственно, приписывать влияниям Бога или Дьявола в зависимости от того, на что они настраивали человека: на добро или зло.

предложил разделить их по двум параметрам: напряжение — расслабление и возбуждение — успокоение. Ч. Дарвину и У. Джемсу принадлежат подробные описания внешних проявлений психических состояний, прежде всего, эмоциональных. Ч. Дарвин, кроме того, следуя своей эволюционной теории эмоций, высказал и обосновал предположение о том, что психические состояния (эмоции) играют существенную роль в эволюции живых существ, способствуя их лучшему приспособлению к условиям окружающей среды.

Функциональной точки зрения на психические состояния придерживался и У. Джемс, полагая, что психология как наука должна обратить особое внимание на данные явления и, не ограничиваясь только их описанием и классификацией, определить роль (функции) психических состояний в жизнедеятельности человека. В некоторых своих работах У. Джемс даже определял психологию как науку о психических состояниях человека. К ним он, прежде всего, относил состояния сознания, отмечая их изменчивость, непрерывность, избирательность и индивидуальное своеобразие.

Существенный вклад в решение вопросов, связанных с генезисом, феноменологией, классификацией, функциями и объективными характеристиками психических состояний напряженности, страха, тревоги, внесли русские ученые в первой четверти XX в. В работах В. М. Бехтерева и его последователей содержатся не только красочные и конкретные описания разнообразных психических состояний, но и подходы к их объективному изучению.

Вопрос о психических состояниях позднее поставил и пытался решить Н. Д. Левитов. Он обсуждал механизмы возникновения и изменения психических состояний, формулировал задачи их научного изучения, определял связи психических состояний с другими психическими явлениями и поведением человека в целом, проводил теоретические и эмпирические (экспериментальные) исследования на тему о том, как представлены и какую роль играют психические состояния в различных видах деятельности человека. В 1964 г. вышла его монография «О психических состояниях человека», где были изложены результаты соответствующих исследований, проведенных им и его учениками. Это была первая крупная работа о психических состояниях человека, опубликованная на русском языке.

Если оценивать современные знания о психических состояниях и сравнивать их с теми, которые существовали в давнем или недавнем прошлом, то можно сделать вывод о том, что за сотни и даже тысячи лет с начала научного изучения психических состояний в наших представлениях о них мало что изменилось. Как раньше, так и сейчас психические состояния описываются и определяются примерно одинаково. Как раньше, так и сейчас психические состояния изучаются подобными методами: самоанализом (самоотчетом) или наблюдениями со стороны за объективными (физическими и физиологическими) признаками, в которых они проявляются. Единственное, что добавилось к практике их современного изучения — это объективные методы, по которым при помощи соответствующих физиологических показателей и точных приборов в настоящее время оцениваются многие состояния человека¹. Однако в случае применения физиологических приборов возникает серьезная проблема: что здесь на самом деле оценивается — *физические (физиологические)* или *психические* состояния человека? Очевидно, что те и другие являются относительно независимыми друг от друга, и при одних

¹ В качестве такого прибора можно, например, назвать полиграф или, в быденном языке, — детектор лжи.

и тех же физических состояниях человека его психические состояния могут быть разными, и наоборот.

То, что эти две группы состояний — физические и психические — действительно тесным образом связаны друг с другом, сомнений не вызывает, но наличие связи между ними не гарантирует того, что, исследуя физиологические состояния по соответствующим физиологическим признакам, мы тем самым точно определяем и изучаем именно психические состояния. Есть такие физические (физиологические) состояния человека и его организма, которые, как было сказано выше, не сопровождаются характерными для психологических состояний переживаниями. К примеру, многочисленные современные медицинские приборы могут точно и тонко зарегистрировать изменения, происходящие в физическом состоянии органов и организма в целом. Однако подобные изменения не всегда коррелируют с психическими состояниями, порой никак не сказываются на них. Есть также явно выраженные психические состояния, которые не сопровождаются заметными изменениями в физических состояниях организма, или их физиологические корреляты до сих пор не известны. К примеру, существуют и подробно описаны в научной литературе такие психические состояния, как *установки* (см. следующую главу учебника). Для большинства установок, выделенных и описанных Д. Н. Узнадзе и его последователями, их физиологические корреляты не известны.

Тем не менее среди психологов существует вполне определенное представление о том, что такое психические состояния. Ими обычно называется группа изменчивых психических явлений, характеризующих психику человека в целом в данный момент. К ним относятся уже упомянутые *установки, состояния внимания и эмоции*, включая *напряженность, расслабленность, беспокойство, тревогу, удовлетворенность, неудовлетворенность* и многое другое.

Все психические состояния отличает то, что они не имеют точной локализации в мозге или организме, не связаны с работой отдельных органов чувств и субъективно в большинстве случаев переживаются как состояния, охватывающие всего человека в целом. По мнению В. Н. Мясищева, психическое состояние представляет собой общий функциональный уровень, на фоне которого разворачиваются психические процессы. А. И. Прохоров также определяет психическое состояние как явление, характеризующееся целостностью, выступающее как общая реакция личности на внешние или внутренние стимулы. Психические состояния служат промежуточным звеном между познавательными процессами, свойствами личности и поведением (практической деятельностью человека), функционально связаны с ними и на определенное время — пока данное состояние существует — характеризует единство и своеобразие всей психической и практической деятельности человека в целом.

В разных определениях психических состояний неизменно подчеркивается тот факт, что они характеризуют психику в целом и охватывают весь организм человека. Психические состояния не идентичны познавательным процессам. Они не несут в себе никаких знаний и не выполняют познавательную функцию. От свойств личности психические состояния отличаются нестабильностью и поэтому не могут характеризовать человека как личность, за исключением частоты возникновения и индивидуально типичной динамики одних и тех же или разных психических состояний у различных людей.

Ю. Е. Сосновикова, касаясь вопроса об определении психических состояний, пишет о том, что подобные психологические образования, кроме того,

что они являются временными, также выступают и как ситуативные. Они представляют собой общую психологическую реакцию индивида на сложившуюся ситуацию, опосредствованную его актуальным психофизическим состоянием. Другими словами, одни состояния могут оказывать влияние на другие состояния, и между ними существует как функциональная, так и причинно-следственная зависимость.

Л. В. Куликов определяет психическое состояние как явление, которое одновременно имеет признаки и сложной реакции, и процесса. С этим утверждением, безусловно, можно согласиться. Действительно, психические состояния беспричинно не возникают, они всегда выступают как комплексные психофизиологические реакции человека на те или иные события в его жизни, которые предшествовали возникновению данного психического состояния. Кроме того, будучи динамичными, психические состояния всегда проявляют себя как процессы, происходящие в организме и психике человека.

И. И. Чеснокова предлагает следующее определение психического состояния. Это общее психическое самочувствие личности, которое складывается под влиянием значимых для нее внешних или внутренних факторов, более или менее отчетливо осознающихся в течение определенного времени и составляющих внутренний контекст всех психических процессов, проявления характерологических особенностей, регуляции и саморегуляции деятельности. Психология, по мнению автора, исследует психические состояния, по крайней мере, в двух аспектах: как фундаментальные состояния сенсорных систем и как состояния сознания человека.

Вместе с тем, приведенные выше определения психических состояний обладают некоторыми недостатками. Так, например, в определении В. Н. Мясищева психическое состояние раскрывается через понятие «функциональный уровень», которое само по себе не определено и требует дополнительного определения. Кроме того, не вполне ясно, какой уровень здесь имеется в виду: физиологический или психический. Определение А. И. Прохорова, на наш взгляд, не вполне специфично по отношению к психическому состоянию, так как оно в предложенном виде может быть отнесено и к психическим процессам. Помимо этого, не вполне ясно, какой целостный синдром в данном случае имеется в виду и что означает словосочетание «единство поведения и переживания в континууме времени». Определение психических состояний И. И. Чесноковой также не безупречно. Наряду с его достоинствами — подчеркивание общепсихического характера всех состояний и их зависимости от того, как в целом складывается жизнь личности в данный момент, — оно имеет следующие недостатки. Из него, во-первых, не вполне ясно, что понимается под «внутренним контекстом всех психических процессов»; во-вторых, деление состояний на те, которые характеризуют сенсорные системы и состояния сознания, не вполне оправданно, поскольку состояния сенсорных систем — это физиологическая, а не психологическая характеристика состояний, а сознание — это психическое явление. Кроме того, противопоставление сознания и сенсорных систем лишает психические процессы, происходящие в сенсорных системах — ощущения и восприятие, — их представленности в сознании человека. Наконец, психические состояния могут касаться мотивации, обменных процессов, происходящих в организме, их отражения и представления в психике, а не только сознания или сенсорных систем.

Однако, даже если устранить из многих определений психических состояний подобные чисто логические недочеты, сами определения вряд ли станут от этого намного более точными. В любом из них вряд ли удастся избежать неопределен-

ностей, связанных с тем, что психические состояния как явления не имеют однозначных и специфических объективных признаков.

Имея в виду то, что в разных определениях психических состояний могут проявляться или отражаться различные психологические и физиологические процессы, психические состояния можно разделить на следующие основные группы.

1. Состояния, отражающие физиологические и психологические процессы, происходящие в организме человека (сокращенно — **психоорганические** состояния).

2. Состояния, связанные с психическими процессами (сокращенно и условно — **собственно психические** состояния¹).

Основой первых из указанных выше психических состояний являются процессы, происходящие в организме, его нормальное (благополучное) или ненормальное (неблагополучное) функционирование. Эти состояния обобщенно можно представить и описать через понятие «физическое самочувствие». Они могут быть различными по субъективным оттенкам и связанными с теми или иными процессами, происходящими в организме, например, во время заболеваний или в здоровом организме. Подобные состояния, как правило, соотносятся с удовлетворением разнообразных органических потребностей.

В основе второй группы психических состояний лежат процессы, соотносимые с удовлетворением неорганических потребностей человека, включая материальные, социальные и духовные. Их, соответственно, условно можно разделить на **материально-психические, социально-психические и духовно-психические** состояния. Материально-психические — это такие состояния, которые порождаются у человека разнообразными материальными объектами, например предметами материальной культуры. К примеру, человек может получить удовольствие от восприятия какого-либо физического (материального) объекта или обладания им. Социально-психические — это состояния, вызываемые различными событиями и процессами, происходящими в обществе, в том числе такими, которые касаются лично его. Например, человек может получать удовлетворение или неудовлетворение от того, что какой-либо кандидат или политическая партия победила на выборах, пришла к власти; удовольствие или неудовольствие от того, что в обществе, в котором он живет, произошли какие-то социальные события; быть довольным или недовольным тем, какое положение в обществе он занимает, как складываются его взаимоотношения с людьми и т.д. Духовно-психическими можно назвать состояния, возникающие у человека в связи с соблюдением или несоблюдением им самим или другими людьми норм морали, в связи с оценкой уровня интеллектуального или культурного развития себя и других людей. В современной гуманистической психологии личности для характеристики высшего уровня личностного развития человека принято использовать понятие «самоактуализация». Употребляя его, можно определить духовно-психические состояния как такие, в которых отражается достигнутый человеком или другими людьми уровень самоактуализации. Это, например, общее чувство гордости или стыда за себя или за других людей.

¹ Мы отдаем себе отчет в том, что название «собственно психические» не вполне удачное, но оно логически соответствует первому названию «психоорганические». В первой части данных названий указана «принадлежность» соответствующих состояний к определенной группе явлений, а во второй части — то, что в них непосредственно в виде психологических феноменов-переживаний отражается.

К собственно психическим состояниям также можно отнести те, которые связаны с познавательной активностью человека, с функционированием его познавательных процессов, таких, например, как восприятие, внимание, память, воображение, мышление и речь. В зависимости от того, как работают эти процессы (как происходит в них обработка информации), человек может находиться в различных состояниях. Они могут иметь положительный оттенок — удовольствия или удовлетворения, если с помощью соответствующих познавательных процессов человеку удастся за определенный срок получить или переработать достаточно большое количество нужной ему информации. Эти же состояния могут приобрести противоположный эмоциональный оттенок — неудовольствия или неудовлетворения, если данные познавательные процессы не обеспечивают человека нужной ему по объему или содержанию информацией. Так, например, большинство людей испытывает удовлетворение от того, что им удастся запомнить, сохранить или припомнить информацию, решить ту или иную задачу. Они же будут находиться в противоположном, отрицательном эмоциональном состоянии, если их память или мышление не будут справляться с возложенными на них обязанностями.

До сих пор обсуждались обычные психические состояния людей, которые у большинства из них возникают в привычных, повседневных условиях жизни. Однако когда человек неожиданно попадает в новые необычные, например, экстремальные условия, то у него могут возникнуть и непривычные, необычные психические состояния. Поэтому имеет смысл разделить психические состояния людей еще на две группы: **нормальные (обычные)** и **ненормальные (необычные или экстремальные)**. Нормальными (обычными или привычными) называются такие психические состояния, которые возникают у человека и сопровождают его жизнь в обычных, повседневных, не крайних или не экстремальных условиях. Это, например, удовольствие, неудовольствие, напряженность, расслабленность, состояние сна, состояние бодрствования и другие подобные психические состояния.

Экстремальными (необычными, исключительными) называются, соответственно, психические состояния, которые возникают у человека в связи с необычными условиями жизни. К примеру, человеку в его жизни может неожиданно повезти или, напротив, случится какая-либо тяжелая неприятность. Он может оказаться в сложных природных или социальных условиях (наводнение, землетрясение, пожар, эпидемия, сильный холод или жара, война, революция и т.д.). Те состояния, которые возникают у людей в подобных условиях, существенно отличаются от обычных, привычных или повседневных состояний человеческой психики.

Как правило, такие психические состояния — необычные, экстремальные — сопровождаются высоким физическим и психическим напряжением, серьезными нарушениями естественного хода органических процессов, дезорганизацией психики и поведения человека. Они могут приводить к раскогласованию сложившихся систем жизнеобеспечения. Экстремальные психические состояния нередко связаны с тем, что физиологи и психологи называют стрессом, и такие состояния нередко сопровождаются ярко выраженными отрицательными эмоциями типа страха, гнева, ужаса, отчаяния и т.п. Любое психическое состояние, как нормальное, так и экстремальное, является сложной системной реакцией человека, его организма и психики на сложившуюся ситуацию.

Психические состояния существенно отличаются от таких психических явлений, как познавательные процессы, и эти отличия заключаются в следующем.

1. Психические состояния не несут конкретной информации об отдельных, объективных свойствах окружающих человека предметов или явлений, в то время как познавательные процессы содержат такую информацию.

2. Психические состояния не выполняют познавательной функции, в то время как психические (познавательные) процессы эту роль реализуют.

3. Психические состояния могут изменяться относительно независимо от того, что происходит в данный момент в познавательной сфере человека. При одних и тех же знаниях психические состояния человека могут быть различными и, наоборот, одно и то же психическое состояние может сопровождаться различными событиями, происходящими в познавательной сфере человека.

Различие между психическими состояниями и психическими свойствами человека, в свою очередь, заключается в следующем.

1. Психические состояния изменчивы, в то время как психологические свойства личности устойчивы.

2. Психические состояния, по крайней мере, если они возникают у человека не слишком часто, не характеризуют человека как личность, в то время как психологические свойства относятся к человеку как личности и индивидуально характеризуют его.

3. Психические состояния имеют определенную динамику, например цикличность, а психологические свойства личности такой динамикой не обладают.

В психологии состояний описаны и изучаются различные их виды: **состояния личности, эмоциональные, функциональные, психофизиологические, стенические, астенические, мотивационные состояния, состояния психомоторной сферы** и ряд других.

Состояния личности — это состояния, которые могут характеризовать человека как личность¹. Среди психических состояний имеются такие, которые могут выступать как индивидуальные особенности личности человека, обладающего ими. Одновременно они могут рассматриваться и как типичные для данного человека эмоциональные состояния (переживания), например, **депрессия, оптимизм, уверенность** или **неуверенность в себе, активность, пассивность** и др. Эмоциональные состояния — это разнообразные эмоции, переживаемые человеком, включая **настроения, чувства, аффекты, страсти**².

Функциональные состояния — это психические состояния, которые связаны с жизнедеятельностью человека и его организма, например, активность, пассивность, **торможение, раскрепощение** и др. Подобные состояния обычно связаны с обменными процессами, происходящими в организме, а также с динамическими особенностями познавательных (психических) процессов. Они не всегда отчетливо осознаются человеком и могут быть не представленными в его субъективных переживаниях. О них можно судить по внешне наблюдаемой активности организма, по выполняемой человеком деятельности. Психофизиологические состояния — это состояния, которые одновременно можно отнести и к психологии человека, и к физиологии его организма. В их число входят напряжение, расслабление, самочувствие и ряд других состояний.

¹ С учетом сделанного выше общего замечания о том, что большая часть психических состояний не относится к человеку, как личности.

² Эти эмоции будут подробно обсуждаться в одной из глав следующего тома учебника, посвященного личности.

Стенические — это такие состояния, которые стимулируют процессы, происходящие в организме и психике человека, активизируют его деятельность, повышают его работоспособность, улучшают настроение и т.д., словом, оказывают на все, что связано с жизнью и деятельностью человека, положительное, стимулирующее влияние. К таким состояниям можно отнести **бодрость, воодушевление, эйфорию, надежду, радость, удовольствие** и ряд других состояний. Астенические состояния противоположны стеническим и, в отличие от них, тормозят процессы, связанные с физиологией или психологией человека. Их, соответственно, можно обозначить как **пассивность, депрессию, грусть, печаль, неудовольствие** и т.д.

Мотивационные психические состояния характеризуют то, что побуждает, направляет и регулирует деятельность человека. Такие состояния обычно идентифицируются как связанные с удовлетворением жизненно значимых потребностей человека. К примеру, состоянием можно назвать повышенный или пониженный интерес человека к кому-либо или чему-либо, удовлетворенность или неудовлетворенность чем-либо, желание или нежелание что-либо делать и т.д. Интересы, потребности и мотивы поведения человека обычно рассматривают как свойства его личности, поскольку они зачастую являются достаточно устойчивыми и индивидуально своеобразными. Вместе с тем, интересы, потребности и мотивы могут часто меняться (особенно интересы и мотивы), и, следовательно, есть основание их также относить к разряду психических состояний. Кроме того, все эти мотивационные образования обладают определенной внутренней динамикой, могут в различной степени удовлетворяться или не удовлетворяться, вызывать напряженность (при неудовлетворении) или расслабленность (при удовлетворении). По этой причине они могут считаться не только свойствами личности, но и психическими состояниями человека.

Состояния психомоторной сферы относятся к ощущениям, связанным с работой мышечной системы. Это ощущения удовольствия или неудовольствия от совершения человеком тех или иных движений, психологическая напряженность или расслабленность в связи с состоянием его мышечной системы, готовность или неготовность к совершению того или иного движения и т.д. Подобные психические состояния хорошо известны тем, кому по роду деятельности часто приходится совершать разнообразные сложные движения, например спортсменам, хирургам, актерам.

Психические состояния характеризуются не только многообразием их видов, но также **индивидуальным своеобразием, полярностью** и **непрерывностью**. Многообразие психических состояний проявляется в том, что существует большое количество разных психических состояний. В этом мы можем убедиться из представленного выше их перечисления и краткого описания. Индивидуальное своеобразие психических состояний проявляется двояким способом. Во-первых, ни одно из психических состояний человека не является абсолютно похожим на другие его состояния, и об этом можно судить по психологическим и физиологическим признакам, характерным для различных психических состояний. Во-вторых, одни и те же психические состояния у разных людей могут проявляться по-разному в зависимости от их индивидуальных психофизиологических особенностей и других состояний соответствующего человека в данный момент. Изолированно друг от друга психические состояния никогда не существуют и, несомненно, оказывают друг на друга определенное влияние. Поэтому одно и то же психическое состояние на фоне других психических состояний человека может ощущаться и выглядеть по-разному.

Свойство полярности психических состояний выражается в том, что практически для каждого психического состояния можно указать противоположное ему. Например, радость — печаль, напряженность — расслабленность, тревога — спокойствие, удовольствие — неудовольствие. У каждого полярного психического состояния существует и нейтральное — такое состояние, которое нельзя однозначно охарактеризовать, пользуясь только соответствующими полярными названиями. Так, например, те состояния, которые занимают промежуточное положение между радостью и печалью, напряженностью и расслабленностью, тревогой и спокойствием, не имеют специальных названий. Вообще, все психические состояния, по-видимому, представляют собой, с одной стороны, пары относительно автономных состояний (некоторые из них были названы выше), с другой стороны, каждая такая пара составляет некоторый континуум, где соответствующее состояние может непрерывно меняться от одного полюса к другому. Качество непрерывности психических состояний проявляется в том, что они сопровождаются соответствующими субъективными переживаниями, непрерывно меняющимися от полюса «удовольствия» до полюса «неудовольствия».

Психические состояния можно делить на группы разными способами. Тот или иной конкретный подход к их классификации, разделению на группы зависит от того, что больше всего интересует психолога. Так, например, Л. Б. Леонова, исследующая проявления психических состояний человека в различных видах трудовой деятельности, обсуждая вопрос о разновидностях психических состояний человека, обращает внимание на те из них, которые связаны именно с трудовой деятельностью человека, например, **утомление, монотония, напряженность**. Те, кого интересуют состояния, возникающие в необычных, экстремальных условиях человеческой жизни, акцентируют внимание на состояниях, порождаемых различными формами психического стресса, и состояниях, вызываемых воздействием экстремальных факторов физической и психологической природы.

Можно делить психические состояния и по тому, насколько они обычны или необычны для человека, возникают тогда, когда он находится в нормальном или ненормальном состоянии. Так, например, одна из классификаций психических состояний делит их на **нормальные, аномальные и патологические**.

Нормальные психические состояния — это такие, которые возникают у вполне здоровых людей, находящихся в обычном для них повседневном окружении, и характеризуют его психику как нормальную. В таких состояниях человек обычно адекватно (правильно и точно) воспринимает то, что происходит с ним и вокруг него, может принимать разумные решения и последовательно их выполнять. Все его познавательные процессы — восприятие, внимание, память, воображение, мышление и речь — в таких состояниях работают нормально, и в них не наблюдается сколько-нибудь заметных отклонений от нормы. Аномальные психические состояния — это такие, при которых возникают те или иные отклонения от нормального функционирования психических процессов. Присутствие у человека таких состояний свидетельствует о наличии у него функциональных отклонений от нормального состояния психики — того, при котором возникают и существуют описанные выше нормальные психические состояния. Поведение человека при аномальных психических состояниях характеризуется меньшей степенью адаптивности, чем при нормальных психических состояниях, однако патологическими такие состояния называть нельзя. Патологические со-

стояния — это психические состояния, которые свидетельствуют о наличии у человека серьезного нервного или душевного расстройства (психического заболевания). Такие состояния могут, например, возникать при шизофрении, маниакально-депрессивном психозе, паранойе. К подобным состояниям подходит также определение «бредовые состояния». Они преимущественно представлены и изучаются в медицине, в патопсихологии и клинической психологии.

Н. Д. Левитов — один из известных отечественных ученых-психологов, которые занимались изучением психических состояний. Он разделил их на *личностные* и *ситуативные*, *глубокие* и *поверхностные*, *положительно и отрицательно влияющие на психические процессы и поведение человека*, *кратковременные* и *продолжительные*, *осознаваемые* и *неосознаваемые*.

В личностных состояниях выражаются устойчивые индивидуальные психологические свойства человека, в ситуативных — особенности восприятия и реагирования на различные ситуации, в которых он оказывается. Глубоким называется психическое состояние, которое затрагивает человека как личность и существенно влияет на него. Примером такого состояния может служить *страсть*. Поверхностные — это состояния, не затрагивающие человека как личность, оказывающие на его психику и поведение сравнительно слабое влияние. Это, например, настроение, которое может часто меняться у человека в силу многих случайных причин.

Положительными называют психические состояния, которые вызывают у человека положительные эмоции и оказывают стимулирующее влияние на него, способствуют нормализации общего психического и физического самочувствия, благоприятно влияют на его здоровье. Отрицательные — это психические состояния, которые оказывают негативное воздействие на человека, препятствуют достижению поставленной цели, ухудшают общее психическое и физическое самочувствие. Примерами таких состояний являются тревога и печаль. Длительные — это состояния, в которых человек может находиться в течение долгого времени — часами и днями, иногда неделями и месяцами, например депрессия. Кратковременные — это такие состояния, которые длятся от нескольких минут до десятка минут. Это, например, аффекты. Сознательными называют такие психические состояния, которые человек может точно описать словами и контролировать. Это напряженность или расслабленность, тревога или спокойствие. Неосознаваемыми называют такие психические состояния, которые актуально не представлены в сознании человека, но которые можно определить по связанным с ними физиологическим признакам. Такие состояния, как и осознаваемые, оказывают влияние на психику и поведение человека, но он, однако, не отдает себе отчета в том, по каким причинам они возникли, и не может их произвольно менять. Примерами таких состояний являются сон и гипнотическое состояние.

Л. В. Куликов придерживается иной классификации психических состояний человека. В ее основе лежит деление психических состояний на группы в зависимости от роли, которую они играют в психике и поведении человека. Соответственно, автор выделяет *эмоциональные*, *мотивационные* и *когнитивные состояния*. Деление психических состояний на соответствующие группы производится с опорой на терминологию, которая используется при их описании. Так, например, эмоциональные состояния обозначаются посредством тех же понятий, которые употребляются для характеристики эмоциональной сферы человека; мотивационные состояния представляются

через терминологию, относящуюся к мотивам; когнитивные — через понятия, характеризующие познавательные процессы (для их описания употребляются термины, указывающие на соответствующие психические процессы, например, состояния внимания, памяти, воображения и мышления и т.д.).

Автор приведенной выше классификации также отмечает, что иногда для систематизации и разделения психических состояний на группы выделяют феномен, доминирующий в рассматриваемом психическом состоянии. По данному признаку выделяют, например, *напряжение, утомление, эйфорию, созерцание, озарение, фрустрацию, тревогу, удовлетворенность, неудовлетворенность* и некоторые другие виды психических состояний.

Существуют классификации психических состояний не только по указанным выше, но и по другим признакам. Например, по периодичности и динамике уровня напряженности психические состояния можно разделить на четыре основные группы: *периодические* и *непериодические* психические состояния, состояния с *постоянным* и *переменным уровнем напряженности*.

Периодические — это циклические или время от времени повторяющиеся психические состояния. Таковыми являются, например, состояния, связанные с удовлетворением органических и других часто возникающих потребностей человека. Непериодические — это нерегулярные, случайно или ситуационно возникающие психические состояния, в динамике которых не усматривается какой-либо периодичности. Примером непериодических психических состояний могут служить те, которые связаны с деловой активностью людей, например, удовлетворенность или неудовлетворенность результатами, достигнутыми в какой-либо конкретной деятельности. Стабильные психические состояния характеризуются примерно одинаковым уровнем напряженности, сохраняющимся на протяжении всего времени их существования. Такие состояния, как правило, долговременные и связаны со сложившимся ритмом жизни человека, с устойчивыми и повторяющимися ситуациями. Нестабильные психические состояния возникают в связи с какими-либо особыми событиями в жизни человека и могут сопровождаться значительными колебаниями их интенсивности. К числу более или менее стабильных психических состояний можно отнести настроение, а примерами психических состояний с переменным уровнем напряженности являются аффекты и стрессы.

Попытку систематизации психических состояний предпринял также В. А. Ганзен, сделав это на основе их определения, предложенного Н. Д. Левитовым. Данная попытка чем-то напоминает предпринятую в свое время американским психологом Г. Оллпортом попытку составить полный перечень черт личности человека. В. А. Ганзен, как и Г. Оллпорт, исходит из того, что перечень всевозможных психологических состояний человека наиболее полно и точно представлен в языке — в словах, которыми люди пользуются для определения и описания соответствующих состояний. Автор, соответственно, подверг анализу определения 187 слов русского языка, характеризующих психические состояния человека. Путем исключения из полученного списка синонимов В. А. Ганзен выделил 63 слова, обозначающих различные психические состояния, и все они далее были разделены на две основные группы.

1. Состояния, характеризующие внимание человека.
2. Состояния, относящиеся к аффективно-волевой сфере человека.

В группе волевых состояний автор дополнительно выделяет две подгруппы: *практические* и *мотивационные*.

Рассматривая психические состояния человека и основания для их классификации, В. А. Ганзен предлагает следующую таблицу.

Таблица

Классификация психических состояний по В. А. Ганзену

Психические состояния (виды)								
Волевые состояния («расслабление — напряжение»)				Аффективные состояния («неудовольствие — удовольствие»)				Состояния сознания («сон — активация»)
Практические состояния		Мотивационные состояния		Гуманистические состояния		Эмоциональные состояния		Состояния внимания
Положительные	Отрицательные	Органические	Ориентировочные	Положительные	Отрицательные	Положительные	Отрицательные	
Эмфазия (вдохновение). Воодушевление. Подъем. Мобилизация. Врабатывание. Готовность (установка). Активация	Прострация. Переутомление. Монотония. Пресыщение. Усталость	Гипоксия. Жажда. Голод. Сексуальное напряжение	Сенсорная депривация. Скука. Заинтересованность. Любопытство. Удивление. Сомнение. Озадаченность. Тревога. Страх. Ужас. Паника	Симпатия. Синтония. Дружба. Любовь. Восхищение	Антипатия. Асинтония. Вражда. Ненависть. Возмущение	Атаксия (полное спокойствие). Радость. Наслаждение. Счастье. Эйфория. Экстаз	Волнение. Грусть. Тоска. Печаль. Горе. Страдание. Негодование. Гнев. Ярость	Рассеянность. Синюя (сосредоточенность). Гиперпрозексия (повышенное внимание)

При описании и представлении психических состояний В. А. Ганзен (совместно с В. Н. Юрченко) обращает внимание на их структуру. На рисунке 8.1 показана разработанная данными авторами схема структуры психического состояния человека.

Другие классификации психических состояний разделяют их на группы в соответствии с разными основаниями, среди которых можно выделить следующие.

1. Длительность существования психического состояния.
2. Зависимость или независимость состояния от определенного эпизода или жизненной ситуации.
3. Степень охвата психическим состоянием психологии, физиологии и поведения человека.
4. Характер влияния, оказываемого данным психическим состоянием на человека.
5. Наличие или отсутствие волевого контроля за психическим состоянием.
6. Соответствие психического состояния сложившейся ситуации.

По первому основанию психические состояния делятся на **долговременные** и **кратковременные**. По второму основанию психические состояния можно разделить на **перманентные** или постоянные, существующие независимо от конкретных жизненных эпизодов и ситуаций, с которыми сталкивается человека, и **ситуационные** (эпизодические). Последние представ-

Рис. 8.1. Структура психического состояния (по В. А. Ганзену и В. Н. Юрченко)

ляют собой такие состояния, которые возникают у человека в определенных жизненных ситуациях, в конкретных эпизодах его жизни.

В соответствии с третьим критерием психические состояния делятся на **поверхностные**, влияющие лишь на отдельные психические, физиологические процессы и формы поведения человека, и **глубокие** — такие, которые «захватывают» человека в целом, оказывая существенное влияние на его психику, органические процессы и всевозможные формы поведения.

По характеру влияния, которое психические состояния оказывают на человека как личность (четвертое основание), они делятся на **стенические** и **астенические**. Стенические — это такие психические состояния, которые стимулируют человека, улучшают его психическую и физическую активность. Астенические психические состояния, напротив, оказывают на психику, поведения и процессы, происходящие в организме, тормозное влияние. В соответствии с пятым критерием — волевым контролем протекания психических состояний — они делятся на произвольные и произвольные. Первые поддаются управлению со стороны воли человека, а вторые такому контролю не поддаются. Шестое основание — соответствие психического состояния сложившейся ситуации — позволяет разделить все состояния на **адекватные** и **неадекватные**. Адекватными называют состояния, которые соответствуют сложившейся ситуации, способствуют правильной ориентации и адаптации к ней. Неадекватные психические состояния — это такие, которые не соответствуют ситуации, неправильно представляют ее в сознании человека, приводят к дезадаптивному поведению.

Возможно также деление психических состояний по вызывающим их причинам и порождаемым ими следствиям. Поскольку этих причин и следствий

много, и почти все они индивидуально своеобразны, то продолжать делить далее психические состояния по этим основаниям на группы особого смысла не имеет.

Различаются мнения ученых не только по критериям (основаниям) деления психических состояний на группы, но также по вопросам о детерминантах и функциях психических состояний. Так, например, Л. В. Куликов считает, что основными детерминантами психических состояний могут быть:

- а) потребности, желания, стремления человека;
- б) имеющиеся у него возможности для их удовлетворения;
- в) условия среды (окружающая обстановка).

Соотношение между этими тремя причинами определяет главные источники возникновения, существования и изменения психических состояний. Психические состояния, по мнению Л. В. Куликова, выполняют функцию регулятора других психических явлений. Они опосредствуют, т.е. связывают между собой различные психические явления.

В психических состояниях отражается также взаимодействие человека как субъекта со средой, внутренней и внешней. Любое значительное изменение среды вызывает комплекс неспецифических реакций со стороны субъекта, влекущих за собой актуализацию определенного психического состояния. Основная функция такого состояния заключается в поддержании гармоничных отношений между структурами и образованиями личности и процессами, происходящими в организме. Под гармоничными отношениями понимаются такие, при которых сохраняется здоровье индивида, его способность к адекватному поведению, возможность полноценного личностного развития. Дисгармоничные отношения нарушают все это.

Л. В. Куликов отмечает, что к основным характеристикам психических состояний могут быть отнесены: *тонические* (связанные с общим жизненным тонусом человека), *временные* (продолжительность), *динамические* (сила, устойчивость), *эмоциональные* (модальностные, включая, например, такие своеобразные по окраске состояния, как наслаждение, тревога, созерцание). Психические состояния также можно характеризовать через их *полярность* или *противоположность*, например: приятное — неприятное, положительное — отрицательное.

А. И. Прохоров полагает, что наряду с регулятивной важной функцией психических состояний является интеграция отдельных психических состояний в единое состояние человека и образование целостных функциональных единиц типа «процесс — состояние — свойство», включающих иерархически организованные психические процессы и психологические свойства.

Главной функцией психических состояний, по мнению Ю. Е. Сосновиковой, является *уравновешивание* человека как относительно замкнутой психофизической системы, с постоянно меняющейся внешней средой, ее соотнесение с конкретными объективными условиями, а также активная организация взаимодействия человека со сложившейся ситуацией. Такое взаимодействие и его эффективность обеспечиваются способностью психики человека приходить в необходимое состояние.

Ю. Е. Сосновикова обращает особое внимание на психические состояния, связанные с переживанием времени, выделяет в этих состояниях (переживаниях) следующие параметры: *длительность, дискретность, необратимость, цикличность, периодичность, бесконечность*, полагая, что все эти параметры являются существенными для характеристики психических состояний. Через перечисленные выше свойства переживаний времени раскры-

ваются их динамика: *возникновение, становление, течение, кульминация, спад, исчезновение*, а также прослеживаются границы и переходы из одного состояния в другие состояния.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

1. Психические состояния представляют собой явления, хорошо известные людям по их повседневному опыту. Однако обыденного знания о психических состояниях недостаточно для того, чтобы иметь четкое научное представление о них. Требуется их изучение, в том числе нахождение четких ответов на следующие вопросы:
 - а) чем психические состояния отличаются от физических состояний;
 - б) каким образом физические и психические состояния человека связаны между собой;
 - в) какие существуют виды психических состояний;
 - г) по каким параметрам можно оценивать различные психические состояния человека;
 - д) какое влияние психические состояния оказывают на другие психологические особенности и поведение человека?
2. История изучения психических состояний начинается с древнейших представлений о душе. Понимание и описание душевных (психических) состояний менялось от эпохи к эпохе вместе с изменениями мировоззрения и общих представлений о душе и ее функциях.
3. Психические состояния выступают как относительно самостоятельные психические явления, но, вместе с тем, связаны с другими психическими явлениями, в частности — с процессами и свойствами личности.
4. Научные определения психических состояний, предлагаемые разными авторами, являются более или менее едиными, однако выделяемые ими виды психических состояний и их классификации существенно отличаются.
5. Имеется много различных психических состояний: психоорганические и чисто психические, материально-психические, социально-психические и духовно-психические, нормальные (обычные) и экстремальные (необычные), эмоциональные, функциональные, психофизиологические, стенические, астенические, мотивационные, состояния психомоторной сферы, нормальные, аномальные и патологические состояния, личностные и ситуативные состояния, глубокие и поверхностные состояния, состояния, положительно и отрицательно влияющие на психические процессы и поведение человека, продолжительные и кратковременные, осознаваемые и неосознаваемые, когнитивные, периодические, не периодические, состояния с постоянным и переменным уровнем напряженности и многие другие. Из этого перечня следует, что психических состояний, обнаруживаемых у человека, очень много, и их нелегко четко и однозначно разделить на группы.

8.2. Типичные (обычные) состояния психики

Все психические состояния, которые представлены и описаны в предыдущем параграфе главы, также можно разделить на два класса: *типичные (обычные) и нетипичные (необычные)* психические состояния. Типичные

состояния — это такие, которые часто встречаются у многих людей и рассматриваются как обычные или нормальные для них. Нетипичные (необычные, ненормальные) — это такие психические состояния, которые встречаются редко и квалифицируются как аномальные или отклоняющиеся от нормы. К типичным или обычным психическим состояниям человека относятся, прежде всего, его эмоциональные состояния. Состояния сна и бодрствования также представляют собой типичные, регулярные, часто повторяющиеся психические состояния, через которые систематически в течение своей жизни неоднократно проходит каждый человек.

Состояние сна с древних времен привлекает к себе внимание ученых и достаточно хорошо изучено как в психологии, так и в физиологии. Однако физиологические данные о сне почти ничего не говорят о нем как о психическом явлении — состоянии, противопоставляемом бодрствованию. С одной стороны, сон характеризуется как состояние, в котором человек находится тогда, когда его сознание отключено. Об этом свидетельствует тот факт, что, находясь в состоянии сна, человек с помощью ряда органов чувств, например зрения, осознанно не воспринимает окружающую обстановку, а именно то, что происходит вокруг него. Вместе с тем, во сне человек может видеть сновидения, которые в его голове субъективно представлены во время сна в виде осознаваемых образов, мыслей и чувств. Следовательно, сознание человека во сне все же функционирует, но не так, как в состоянии бодрствования.

Бредовые состояния сознания также представляют собой промежуточные состояния между сознанием и бессознательным, когда нормальное сознание человека не работает, а его замещает ненормальное, «бредовое» состояние. Оно, опять же, представляет собой особое состояние сознания, а не его полное отсутствие в данный момент.

В связи с описанными выше фактами возникают следующие вопросы.

1. Действительно ли сознание человека полностью отключено, когда он спит, или же оно во время сна переходит в другую, отличную от бодрствования форму существования?

2. Каким образом связать с сознанием или его отсутствием то специфическое психическое состояние, в котором человек находится во время сна?

Переходя от состояния бодрствования к состоянию сна, или от нормального состояния сознания к бредовому состоянию, человек, по-видимому, переходит из одного состояния сознания — нормального, типичного, в другое его состояние — аномальное, ненормальное или нетипичное¹.

Когда человек спит или находится в состоянии, отличающемся от нормального состояния его сознания, он тем не менее продолжает реагировать на происходящее вокруг, но оно представлено в измененном состоянии его сознания по-иному, чем в нормальном состоянии сознания, причем реакции человека в таком состоянии на происходящее с ним и вокруг него не всегда являются адекватными. К примеру, если человек спит и рядом неожиданно прозвенит будильник, то он во сне может услышать звук, отличающийся от звонка, и в сновидении отреагировать на него не как на звонок будильника. То же происходит, когда человек находится в бредовом или полубредовом состоянии.

Как это все объяснить с научной точки зрения? Какое отношение все это имеет к сознанию или бессознательному в психике человека? Можно ли такие состояния сознания и связанное с ними необычное восприятие дей-

¹ Наверное, только состояние физической или клинической смерти можно характеризовать как полное отсутствие у человека какого-либо сознания.

ствительности считать нормальным или ненормальным? Ответить на эти вопросы непросто. С одной стороны, описанные выше состояния — это необычные состояния сознания и, следовательно, не вполне нормальные. С другой стороны, все люди регулярно пребывают в состоянии сна и переживают другие подобные состояния. Следовательно, по этой причине их можно рассматривать как нормальные или типичные психические состояния людей. Так или иначе, но человеку нужно знать об этих состояниях, чтобы нормально их воспринимать и вполне разумно к ним относиться. Попробуем разобраться в некоторых из них, начав с состояния сна.

Недостаток сна или неполноценный сон, как известно, негативно сказывается на других психических состояниях, процессах и деятельности человека. Люди, лишённые в течение длительного времени нормального сна, хронически недосыпающие, нередко спят или засыпают «на ходу», сидя или стоя, галлюцинируют, начинают бредить уже после двух-трех дней лишения сна. Многие из них, кроме того, утрачивают способность нормально воспринимать зрительные, слуховые, осязательные, обонятельные и другие стимулы.

Согласно физиологическим данным, ночной сон состоит из пяти повторяющихся циклов, и в каждом цикле проявляются так называемые медленноволновый и парадоксальный сон. Медленноволновый сон характеризуется распространением в коре головного мозга медленных электромагнитных волн, а парадоксальный сон отличается появлением в электроэнцефалограмме коры головного мозга повышенной медленноволновой электромагнитной активности, больше похожей на состояние бодрствования, чем на состояние сна. На первые четыре цикла сна приходится коротковолновый сон, а парадоксальный сон характеризует в основном пятый цикл сна.

Две указанные выше основные стадии сна, сменяющие друг друга — медленноволновая и парадоксальная, — связаны с определенными изменениями физиологических состояний человека во сне. В течение медленноволнового сна, который составляет около 80% общего времени сна человека, его мозговая активность последовательно выражается в появлении в электроэнцефалограмме все более медленных волн. По мере того как сон подходит к четвертой стадии, ритмика сердечных сокращений и дыхания человека замедляется и становится более равномерной. Мышцы тела расслабляются. Все это свидетельствует о том, что в данное время сна организм человека физически отдыхает, восстанавливает силы. Затем наступает фаза парадоксального сна. Электрическая активность мозга в это время вновь возрастает и практически возвращается к первой стадии (легкому сну). При этом глаза человека, движения которых непосредственно отражают активность мозга во сне, начинают совершать быстрые движения под сомкнутыми веками. Этот момент сна характеризуется тем, что мозг человека вновь начинает активно работать.

Во время парадоксального сна спящего человека трудно бывает разбудить и вернуть в состояние бодрствования (нормальное состояние сознания). Это означает, что в организме в это время происходит полное переключение его работы, в том числе мозга, на ночной режим активности. Для возвращения организма и мозга человека в прежнее сознательное состояние требуется длительное время, связанное, по-видимому, с медленно протекающими, системными биохимическими процессами в организме. Это время можно сравнить со временем, которое требуется для перехода зрительной системы от дневного зрения к ночному, или наоборот.

Исходя из сказанного, можно предположить, что переход человека из состояния бодрствования в состояние сна — это не просто временное отключе-

ние сознания и, соответственно, психики человека (если она отождествляется с сознанием), а переход психики из одного режима ее функционирования в другой. При этом психика, как и мозг человека, продолжают работать, перерабатывая во сне информацию, имеющуюся в голове человека и поступающую извне, но это делается в ином режиме, чем в состоянии бодрствования. Данный режим, по-видимому, характеризуется сохранением сознания человека, но в его не дневной, а ночной форме — в виде сновидений.

Действительно, опыты, проведенные психофизиологами, показывают, что, во-первых, парадоксальный сон по времени совпадает с появлением у человека наиболее ярких сновидений; во-вторых, если человека удастся разбудить во время парадоксального сна, то можно услышать от него рассказ о том, что он только что видел во сне, причем богатство и точность деталей содержания припоминаемого человеком сновидения контрастируют с тем, что физиологически регистрируется во время медленноволновой стадии сна. Следовательно, психика человека в состоянии как сна, так и бодрствования активно функционирует, и это особенно характерно для периода парадоксального сна. Многие ученые отмечают, что продолжительность сновидений человека примерно соответствует длительности фазы парадоксального сна и составляет около 20% общего времени сна. Кроме того, сновидения, характерные для парадоксальной стадии сна, обычно являются более яркими, детализированными, точнее припоминаемыми, чем сновидения, связанные с быстрыми движениями глаз, приуроченных по времени к более ранним стадиям сна.

Если человек плохо спит и вследствие этого лишается полноценной парадоксальной стадии сна, он тем самым, по-видимому, лишается и полного физического отдыха, который ему требуется после большой дневной нагрузки. Кроме того, у человека в этом случае отсутствуют продукты функционирования психики, вырабатываемые во время парадоксальной стадии сна, т.е. продукты переработки во сне накопившейся в состоянии бодрствования информации. Об этом косвенно свидетельствуют следующие опыты. Во время экспериментальных исследований спящих людей будили в тот момент, когда электрическая активность мозга и движения глаз указывали на переход к фазе парадоксального сна. Затем этим людям разрешали снова заснуть и проспать в общей сложности столько же часов, сколько обычно уходит на нормальный, непрерывный, медленноволновый и парадоксальный сон. После такого сна с прерыванием (пробуждением) люди чувствовали себя физически хуже, а их психика функционировала менее продуктивно, чем после непрерывного сна такой же продолжительности. В связи с этим можно предположить, что нарушение или лишение людей фазы парадоксального сна отрицательно влияет на их физическое и психологическое состояние.

Экспериментальные данные также указывают на то, что сновидения возникают не только во время парадоксальной, но и других стадий сна, что характер сновидений определенным образом связан с физиологически регистрируемыми фазами сна. Есть интересные данные, касающиеся характера сновидений, возникающих у человека на разных стадиях сна. Когда человек ложится спать, закрывает глаза и засыпает, перед ним нередко появляются сменяющие друг друга кадры, связанные с событиями, произошедшими в течение соответствующего дня. В это время бета-волны, характерные для состояния бодрствования, сменяются более многочисленными группами альфа-волн. На следующей, первой стадии сна появляются тета-волны вместе с так называемыми «полусонными мечтаниями» — фантазиями, представленными в содержании сновидений. Некоторые ученые предполагают,

что именно на этой стадии сна люди могут находить решения волнующих их в состоянии бодрствования проблем. Во время второй и третьей физиологических стадий сна зарегистрировано мало собственно психологических феноменов, выступающих в форме сновидений. Четвертая стадия считается стадией глубокого или восстановительного сна. Для нее характерно преобладание в электроэнцефалограмме дельта-волн. Замечено также, что именно во время этой стадии сна возникает около 80% всех сновидений, причем их содержание нередко оказывается кошмарным или устрашающим.

Примерно через 80 мин после засыпания человека активность его мозга резко меняется и наступает так называемый быстроволновый (парадоксальный) сон. Вместо дельта-волн в электроэнцефалограмме появляются бета-волны, ускоряется активность процессов, происходящих в организме, появляются внешне наблюдаемые быстрые движения глаз под закрытыми в это время веками. Данная стадия сна длится примерно 15–20 мин. Если человека разбудить на данной стадии сна, то он сможет неплохо вспомнить содержание своих сновидений и пересказать их. Далее все описанные циклы сна периодически повторяются, иногда в сокращенном виде, с пропусками второй и третьей стадий сна. Замечено, что для первых четырех стадий сна характерны сновидения с повышенной моторной и вербальной активностью, в то время как для последней стадии сна (парадоксальный сон) это, в основном, образная активность. Данный факт, однако, удовлетворительного научного объяснения не имеет, как, впрочем, и природа большинства сновидений, появляющихся на различных стадиях сна.

Оценивая функциональное, психофизиологическое назначение сна и сновидений в целом, некоторые ученые, например Ж. Годфруа, полагают, что сновидения «служат своего рода “ремонтной мастерской”, в которую индивид приходит во время сна, чтобы почерпнуть энергию, необходимую для разрешения своих проблем, а также восстановить “хорошую форму” и уверенность в себе»¹. Есть и другие интересные теории сна и сновидений, например, концепция З. Фрейда, который связывал сновидения с бессознательным содержанием психики человека.

Обратимся к рассмотрению некоторых иных типичных состояний психики человека, кроме состояния сна. Среди них находится состояние повышенного **беспокойства** или **тревожности**. Данное состояние, будучи умеренно выраженным, является нормальным, однако в крайних формах его проявления, сопровождающихся, например, страхом, ужасом или паникой, оно выступает уже как ненормальное (аномальное) состояние психики.

Тревожность как психическое состояние человека или животных (это понятие распространяется не только на людей, но и животных) имеет несколько определений в литературе. К примеру, Ф. В. Березин определяет тревожность как чувство (или ощущение) неопределенной угрозы. Он полагает, что тревога для человека всегда выступает как сигнал какой-либо реальной или мнимой опасности, как правило, той, которая фактически еще не наступила. Тревога, таким образом, предвосхищает реальную или мнимую угрозу для живого существа.

Между явлениями, обозначаемыми понятиями «тревога» и «тревожность», имеются определенные различия. Термин «тревожность» чаще всего употребляется в следующих основных значениях.

1. Индивидуальная психологическая особенность человека, черта его характера, проявляющаяся в склонности впадать в состояние повышенного

¹ Годфруа Ж. Что такое психология. В 2 т. Том 1. М., 2005. С. 174.

беспокойства (тревоги) в тех случаях жизни (эпизодах, ситуациях), которые, по мнению данного человека, несут в себе психологическую угрозу для него и могут обернуться неприятностями. К таким эпизодам и ситуациям относятся, например, сравнение человеком себя с другими людьми, которые его в чем-то превосходят, соревнование с такими людьми, сдача экзаменов и другие.

2. Смутное, неприятное эмоциональное состояние, сопровождаемое ощущениями типа дурных предчувствий, страха, боязни и т.п. Так понимаемая тревожность, как правило, не связана с каким-либо конкретным объектом, и этим она отличается от обычного чувства страха. Подобное понимание тревожности близко по значению к понятию «тревога».

3. В теории научения тревожность означает вторичное, приобретенное побуждение, которое порождает реакцию избегания. Предполагается, что такая реакция снижает общий уровень тревоги¹.

4. В теории личности З. Фрейда тревожность понимается как сигнал опасности, которая может возникнуть для человека как личности, если то, что хранится в бессознательной части его психики, неожиданно проявится (или может проявиться) в открыто наблюдаемом поведении.

5. В экзистенциальной психологии под тревожностью понимается состояние человека, возникающее в тот момент, когда он осознает бессмысленность, ограниченность своего существования, отсутствие какого бы то ни было порядка в мире, в котором он живет, и перспектив достижения благополучия.

Тревога выступает как психофизиологическое состояние, которое помимо переживания чувства беспокойства сопровождается следующими физиологическими признаками: сердцебиением, усиленным выделением пота, учащенным дыханием, иногда — дрожанием мышц или повышенным мышечным напряжением. В отличие от страха тревога характеризуется отсутствием четкого осознания человеком того, чем данное состояние вызвано, расплывчатостью и неопределенностью субъективной оценки породившего ее события. Страх и тревога обычно возникают вместе, так как тревога представляет собой чувство умеренно выраженного страха перед чем-то неизвестным, угрожающим благополучию человека. Тревога, кроме того, характеризуется ощущением беспомощности перед надвигающейся реальной или мнимой опасностью.

Разновидностей состояния тревоги (тревожности) довольно много. Некоторые виды тревоги носят аномальный характер, и это те, которые обсуждаются в основном в трудах психоаналитиков. Им свойственно рассматривать тревогу как явление, свидетельствующее об отклонении психики и поведения человека от нормы, в то время как большинство ученых-психологов считают данное состояние нормальным для человека.

Тревога — и этого мнения в настоящее время придерживаются как психологи, так и психоаналитики — лежит в основе многих адаптивных (полезных) и дезадаптивных (бесполезных, вредных) изменений психических процессов, состояний и поведения человека, обусловленных, например, стрессом. Состояние тревоги, как правило, не возникает внезапно, оно появляется и усиливается постепенно, длится определенное время и в течение этого времени само по себе может измениться.

Соответствующие изменения чаще всего проявляются в следующем. Вначале возникает ощущение внутренней напряженности, которое представляет собой состояние, характеризующееся наименьшей степенью тревоги. Затем появляются так называемые гиперстезические тревожные реакции. Они про-

¹ Теория научения — это психологическая теория, описывающая и объясняющая процесс приобретения человеком нового жизненного опыта: знаний, умений, навыков и т.п.

являются в том, что ранее нейтральные стимулы неожиданно приобретают для человека особую значимость, привлекают к себе повышенное внимание и порождают усиленную эмоциональную реакцию типа повышенной раздражительности. Возникновение реакций на малозначимые стимулы и отрицательная эмоциональная окраска реакций на нейтральные стимулы дезорганизуют поведение и еще более усиливают состояние тревоги. На следующей стадии данное состояние возникает уже как связанное с ощущением неопределенной опасности и сопровождается выраженным страхом перед ней.

Неосознанность причин тревоги, отсутствие ее связи с определенными событиями или объектами, невозможность контролировать ощущаемую угрозу делают затруднительной какую-либо осмысленную деятельность, направленную на предотвращение или устранение угрозы. Психологическая ненормальность, неприемлемость такой ситуации вызывает смещение тревоги на те или иные объекты. В результате ранее неопределенная угроза конкретизируется и связывается с определенными объектами. Рассуждая подобным образом, один из известных исследователей тревоги Ф. Б. Березин делает вывод о том, что тревожный ряд в порядке нарастающей тяжести переживания человеком состояния тревоги включает в себя следующие явления:

- а) ощущение внутренней напряженности;
- б) гиперстезические реакции;
- в) страх как тревога;
- г) тревожно-возбужденное состояние как ощущение неотвратимости катастрофы вследствие неустранимости самой угрозы.

Из этого описания, сравнивая его с тем, как в свое время Г. Селье представил развитие связанного со стрессом *общего адаптационного синдрома*, следует, что возникновение и усиление тревоги или предшествует, или же сопровождает появление стресса (*дистресса*).

Большой класс нормальных психических состояний представляют собой эмоции. Среди них особое внимание ученых давно привлекают эмоции типа *аффектов* и *стрессов*, поскольку они оказывают наиболее заметное влияние на психику и поведение человека. Названные эмоциональные состояния также можно рассматривать как такие состояния, в которых современный человек оказывается достаточно часто. Это указывает на то, что аффекты и стрессы представляют собой обычные или типичные для современных людей состояния психики. Вместе с тем, аффекты и стрессы можно считать и аномальными психическими состояниями, поскольку они представляют собой отклонения от нормы, от обычных повседневных, нормальных эмоциональных переживаний людей.

Аффекты чаще всего связаны с какими-либо особо значимыми в жизни людей событиями, соответственно, радостными (они вызывают положительные аффекты) или печальными (они порождают отрицательные аффекты). В зависимости от их силы, а также от того, положительные или отрицательные эмоции связаны с аффектами у человека, они по-разному влияют на его психику и поведение. Положительные аффекты обладают стимулирующей силой и рассматриваются как стенические эмоции, а отрицательные аффекты тормозят деятельность человека и считаются астеническими эмоциями. Последние по своим отрицательным психофизиологическим последствиям для человека близки к состояниям стресса.

Термин «аффект» давно уже используется в психологии и ряде других наук. На протяжении истории психологии содержание этого термина несколько раз менялось. До начала XVII в. он в науке о душе практически не употреблялся.

В XVII—XIX вв. после разделения Р. Декартом психики (сознания) человека на мышление и переживания (аффекты) его стали активно и широко использовать и называть аффектами все без исключения эмоциональные состояния. Такое понимание аффекта как любого эмоционального переживания сохранялось вплоть до начала XX столетия. В XX в. в связи с попытками построения развернутых классификаций эмоций и началом их экспериментального изучения аффектами стали называть только определенную разновидность эмоциональных состояний, которым присущи следующие признаки:

- а) заметные физиологические изменения в организме;
- б) повышенная двигательная активность;
- в) относительная неуправляемость (спонтанность) поведения человека;
- г) неспособность человека в состоянии аффекта принимать и практически выполнять разумные решения;
- д) отсутствие в таком состоянии полноценного волевого контроля поведения;
- е) высокий уровень возбуждения, беспокойства или тревоги.

Говорят, что аффекты нежелательны, что с ними надо бороться. Однако это утверждение не является бесспорным. Оно относится только к отрицательным аффектам типа страха, гнева, печали, тоски и ряду других. Что касается положительных аффектов, таких, например, как радость, счастье, удовольствие, воодушевление, эмоциональный подъем и др., то с ними не только не следует бороться, а, напротив, необходимо стремиться к частому переживанию подобного рода аффектов, поскольку они являются полезными для людей. В общем утверждении о том, что с аффектами необходимо бороться, есть только один момент истины, а именно: любое, как положительное, так и отрицательное чрезмерное эмоциональное возбуждение, если оно длится долго, приносит человеку, в конечном счете, не пользу, а вред. Поэтому даже положительные аффекты не должны быть слишком частыми и чрезмерными по уровню связанного с ними нервно-психического возбуждения.

К состояниям, также занимающим промежуточное положение между обычными (нормальными) и необычными (аномальными) состояниями психики, относится стресс (другое его, авторское название, предложенное известным исследователем стресса Г. Селье, — дистресс).

Г. Селье определял стресс как неспецифический ответ живого организма на любое предъявленное ему требование. В таком его понимании стресс — это состояние, которое по содержанию и функциональному назначению близко к эмоции. Не случайно в своей работе, посвященной стрессу и дистрессу, Г. Селье предпочитает не пользоваться термином «эмоция». Он, вместе с тем, подчеркивает, что стресс — это не просто нервное напряжение или эмоция. Стрессовые реакции присущи не только человеку, но и животным. Если эти реакции приносят вред, то правильнее, по мнению автора, называть их дистрессами. В самом общем, натуралистическом, не психологическом значении этого термина стресс представляет собой силу, которая, будучи приложенной к некоторой живой системе, порождает ее существенное изменение, выходящее за пределы нормы, т.е. фактически вызывает деформацию или даже разрушение данной системы. Таким образом, в обобщенном его значении слово «стресс» (в переводе с английского языка на русский) означает «давление», «нажим» или «напряжение» (заметим, что здесь мы еще раз встречаемся с ситуацией использования одного и того же термина в разных областях научных знаний и с различным содержанием).

В специальном, психофизиологическом значении этого слова стресс представляет собой состояние сильного эмоционального расстройства, перевоз-

буждения или перенапряжения, выражающееся в неспособности человека правильно думать, принимать разумные решения, в неадекватном или дезадаптивном социальном поведении, в невозможности действовать рационально и целенаправленно в сложившейся ситуации.

Стресс в этом его понимании, безусловно, представляет собой отрицательное эмоциональное состояние человека, возникающее в результате фрустрации или каких-либо серьезных неудач. Часто возникающие, длительное время сохраняющиеся стрессы неблагоприятно влияют на здоровье человека, вызывая заболевания, осложняя их течение и лечение, в том числе такие, как сердечно-сосудистые, желудочно-кишечные и эндокринные. Стрессы могут порождать неврозы и другие расстройства, а также многие психогенные заболевания¹.

По определению Г. Селье, стресс (дистресс) может быть связан со следующими событиями в жизни человека: горем, несчастьем, недомоганием, истощением, крайней степенью нужды и другими. Сопоставляя физическое и психофизиологическое определения стресса, можно убедиться в том, что практически все признаки, включаемые в различные определения термина, встречаются в научной литературе, посвященной психофизиологии и психологии стрессовых состояний.

Л. В. Куликов и О. А. Михайлова определяют стресс как состояние напряжения, возникающее при несоответствии приспособительных возможностей человека действующей на него нагрузке, вызывающей, в свою очередь, активацию и перестройку адаптивных ресурсов психики и организма. Стрессу свойственны множественные изменения в организме и психических состояниях человека, затрагивающие также его когнитивные процессы и личность. К наиболее часто встречающимся психофизиологическим проявлениям стресса относятся следующие:

- а) потеря контроля над собой;
- б) низкая степень организованности деятельности, суетливость, случайность действий и реакций;
- в) ослабленное внимание к происходящему с человеком и вокруг него (рассеянность);
- г) сниженный уровень интеллектуальной активности;
- д) неспособность принимать разумные решения или ошибочность этих решений;
- е) повышенная утомляемость;
- ж) пониженная мотивация деятельности, утрата интереса к происходящему, безразличие и апатия;
- з) общая вялость;
- и) наличие нервных и психических расстройств, например, изменение чувствительности органов чувств;
- к) нарушения сна;
- л) раздражительность;
- м) плохое настроение;
- н) пониженный или, напротив, повышенный аппетит;
- о) склонность к неконтролируемому употреблению психотропных веществ: лекарств, алкоголя, наркотиков и т.п.;
- п) плохое физическое самочувствие: головная боль, боли в мышцах, изменение ритмики сердечных сокращений, дыхания, нарушения в работе эндокринной системы, желудочно-кишечного тракта и др.

¹ Психогенными принято называть заболевания, порождаемые или осложняемые в их течении и лечении неблагоприятными психическими состояниями человека.

Существует еще два встречающихся у людей и относящихся к нормальным (если они умеренно выражены) психическим состояниям. Эти состояния носят названия *эйфория* и *дисфория*. Эйфория — состояние, которое проявляется в повышенном, радостном или веселом настроении, иногда — в благодушии и беспечности. Такое состояние нередко сопровождается повышенной физической и физиологической активностью человека. Дисфория — это состояние, противоположное эйфории. Оно проявляется в плохом настроении, подавленности, сопровождается пониженной активностью и отрицательными эмоциональными переживаниями.

Оба состояния — эйфория и дисфория, если они чрезмерно выражены у человека, сохраняются в течение длительного времени, не соответствуют реальному состоянию дел данного человека, могут рассматриваться как признаки не вполне нормального функционирования его психики. В этом случае их можно отнести к группе ненормальных психических состояний, свидетельствующих о тех или иных нарушениях психики, в том числе таких, которые могут иметь патологический характер.

Среди положительно оцениваемых высших эмоциональных состояний человека в последние годы часто упоминается, особенно в литературе по гуманистической психологии, состояние, называемое *«пиковым переживанием»*. Соответствующее понятие было введено в научный оборот одним из основателей гуманистической психологии личности А. Маслоу и раскрыто в его теории формирования и развития личности следующим образом.

Находясь в состоянии «пикового переживания», человек характеризуется влюбленностью в кого-либо или что-либо. Он способен видеть в объекте своей любви нечто такое, чего не замечают другие люди. Восприятие им соответствующего объекта в таком состоянии является более полным и глубоким, чем восприятие данного объекта другими людьми. Там, где имеет место пиковое переживание, все внимание человека сосредоточено исключительно на воспринимаемом им объекте. В результате всепоглощающего, «замороженного» внимания, сосредоточенного на данном объекте, в нем обнаруживаются такие положительные и привлекательные черты, которые другие люди не замечают. Пиковое переживание есть нечто такое, что само по себе «оправдывает свое существование», т.е. является самоценным. Например, пиковое переживание «чистой радости» выступает как одна из главных жизненных целей человека, одно из событий, ради которого стоит жить.

Находясь в подобном состоянии, люди на время оказываются как бы в другом мире, в котором ход течения времени как будто останавливается или ускоряется, продолжает идти с огромной скоростью. В состоянии пиковых переживаний невозможно точно установить, сколько времени прошло на самом деле. Такое переживание может быть только продолжительным (во всяком случае, человек почти всегда старается его продлить). Люди это состояние принимают с благодарностью и с благоговением, восхищением и преклонением, равносильным религиозному экстазу. Эмоциональная реакция на пиковое переживание несет в себе элементы удивления, восторга, почтения, смирения и подчинения величию момента (переживания).

В минуты пиковых переживаний человек, утверждал А. Маслоу, уподобляется Богу в своем любящем, не осуждающем, всепрощающем, сострадательном отношении ко всем и ко всему. В моменты таких переживаний человек приобретает качества, которые входят в структуру его идеала, т.е., пользуясь термином, введенным в научный оборот тем же А. Маслоу, человек в эти моменты жизни самоактуализируется как личность.

Пиковые переживания оказывают только положительное влияние на человека. Эти переживания могут изменить к лучшему мнение человека о себе и окружающих людях. Они могут вносить разнообразные положительные изменения в личную жизнь человека, оказывать позитивное воздействие на его психологическое развитие. Они могут актуализировать творческий потенциал человека, направить его на благо людей. У человека в результате пиковых переживаний может появиться новая жизненная цель, и его существование станет более осмысленным, чем оно было раньше.

Одним из распространенных отрицательных психических состояний человека в современном мире, альтернативных пиковому переживанию, является **состояние беспомощности**. Такое состояние и соответствующее ему поведение характеризуется тем, что человек не использует имеющиеся в его распоряжении возможности для решения возникающих перед ним жизненных проблем и практически бездействует там, где надо было бы активно действовать, прилагать усилия для достижения поставленной цели.

Впервые на такое состояние и связанное с ним поведение, которое, как впоследствии выяснилось, характерно не только для людей, но и для животных, обратил внимание И. П. Павлов, проводя эксперименты с собаками по формированию у них условных рефлексов на электрические стимулы. Он заметил, что если в течение длительного времени воздействовать на собаку, находящуюся на привязи в станке, небольшими ударами электрического тока, то она вскоре прекращает попытки вырваться из станка, к которым она прибегала вначале, и не возобновляет их даже после того, как цепь, удерживающая ее в станке, снимается. Из этого наблюдения Павлов сделал вывод о том, что собака ведет себя беспомощно. Однако в его собственных исследованиях явлению беспомощности как психологическому состоянию должного внимания уделено не было.

Общепсихологические исследования состояния человеческой беспомощности и социально-психологические следствия беспомощного поведения стали изучаться на людях в США спустя примерно 20 лет после наблюдений за беспомощным поведением животных, сделанных еще И. П. Павловым. В ходе соответствующих исследований ученые искали ответы на следующие вопросы.

1. Что представляет собой беспомощность как психологическое состояние человека?
2. Какова мотивация беспомощного поведения, что заставляет людей вести себя беспомощно?
3. В силу каких причин у человека возникает беспомощное поведение, и как оно проявляется в тех или иных конкретных ситуациях?
4. Как беспомощное поведение соотносится с иными индивидуальными психологическими особенностями человека?
5. Можно ли добиться того, чтобы беспомощный человек стал активным и уверенным в себе, искал и находил выходы из трудных жизненных ситуаций?

Было установлено, что состояние беспомощности и связанное с ним беспомощное поведение возникают у человека, когда он на основе ранее полученного жизненного опыта убеждается в том, что неоднократно предпринимаемые им попытки самостоятельно выйти из трудных жизненных ситуаций успеха не имели, не привели к желаемому результату.

Одним из условий появления у человека состояния беспомощности и, соответственно, беспомощного поведения может стать истощение им спосо-

бов самостоятельно справиться с возникшей проблемой, т.е. случай, когда человек опробовал различные доступные ему способы действий в соответствующей ситуации, но так и не смог решить возникшую перед ним проблему. Еще одним условием, нередко способствующим появлению состояния беспомощности, является не улучшение, а, напротив, ухудшение ситуации в результате предпринимаемых человеком действий. В данном случае он приходит к выводу, что лучше было бы ждать и ничего не делать, чем еще раз и во вред самому себе что-либо предпринимать.

Состояние беспомощности и беспомощное поведение чаще всего возникают у человека по двум основным группам причин. Одни из них связаны с ситуацией, в которой оказался человек, другие порождаются его собственными личностными (индивидуальными) особенностями. В качестве ситуационных причин беспомощного поведения могут выступать следующие:

- а) возникновение обстановки, в которой любой человек не сможет найти полностью удовлетворительный выход из сложившейся ситуации;
- б) появление ситуации, в которой человек не в состоянии разобраться, хотя сама эта ситуация потенциально содержит возможность ее разрешить;
- в) условия, которые уводят человека от правильного решения проблемы, дезориентируют его и заводят в тупик;
- г) непредсказуемость и изменчивость ситуации, ее преобразование таким образом, что в ней становится трудно или вообще невозможно принять какое-либо определенное решение.

Среди вероятных личностных (индивидуально-психологических) причин беспомощности и беспомощного поведения разными авторами называются следующие:

- а) преобладание мотива избегания неудач над мотивом достижения успехов;
- б) низкая самооценка;
- в) заниженный уровень притязаний;
- г) повышенный уровень тревожности;
- д) неуверенность в себе;
- е) отсутствие достаточно сильного желания или стремления найти выход из сложившейся ситуации;
- ж) частые неудачи в прошлом в подобной и аналогичных ей ситуациях.

С состоянием беспомощности нередко соотносится еще одно негативное психическое состояние, которое носит название «**фрустрация**». На русский язык слово «фрустрация» переводится словосочетанием «крушение надежд», и такой перевод соответствует сути данного психического состояния. Фрустрацию можно определить как состояние разрушения жизненных планов, крушение надежд, сопровождающееся выраженным состоянием тревоги, чувством безысходности, подавленностью, осознанием невозможности в сложившихся условиях достичь поставленной цели. Фрустрация рассматривается как психическое состояние, вызываемое объективно непреодолимыми или труднопреодолимыми препятствиями на пути удовлетворения актуальных потребностей. Это состояние выражается в характерных для него переживаниях и поведении человека. Согласно С. Розенцвейгу, фрустрация имеет место, когда человек сталкивается с препятствиями, которые он не в состоянии преодолеть, и осознает это как непреложный факт.

Фрустрация представляет собой стойкое отрицательное эмоциональное состояние, возникающее у человека в результате серьезной жизненной неудачи. Такое состояние обычно связано с тяжело переживаемой человеком

неудачей в достижении какой-либо важной для него цели. Характерными признаками ситуации, порождающей состояние фрустрации, являются следующие:

- а) наличие у человека выраженного желания добиться какой-либо цели;
- б) высокая личностная ценность или значимость соответствующей цели для него;
- в) возникновение непреодолимого препятствия на пути к достижению цели;
- г) осознание человеком того, что в сложившейся ситуации ему не удастся достичь поставленной цели;
- д) понимание человеком того, что изменить условия таким образом, чтобы они стали благоприятными для достижения поставленной цели, он не сможет.

Будучи фрустрированным, или находясь в состоянии фрустрации, человек почти всегда испытывает чувство повышенной тревоги (беспокойства), состояние беспомощности и связанные с ним неприятные (негативные) эмоции, включая апатию, депрессию, иногда — ярость, враждебность, чувство зависти к тем, кто смог добиться или сможет добиться соответствующей цели. С состоянием фрустрации также связаны специфические, характерные для нее симптомы и формы поведения. Они проявляются в следующем:

- а) внешняя активность человека меняется, усиливается или ослабляется по сравнению с нормой;
- б) поведение человека становится нецеленаправленным и дезорганизованным, что, в частности, проявляется в механическом повторении ненужных и бессмысленных действий;
- в) человек перестает разумно воспринимать и правильно реагировать на то, что происходит вокруг него;
- г) поведение человека становится импульсивным, полевым или безвольным¹.

Депрессия также представляет собой негативное психическое состояние человека. Оно характеризуется как состояние душевного расстройства, эмоциональной подавленности, сопровождаемое резким снижением внутренней (психической) и внешней (поведенческой) активности человека. Находясь в состоянии депрессии, человек чувствует себя беспомощным, слабым, не может что-либо делать как положено и, вместе с тем, осознает необходимость делать что-либо для того, чтобы выйти из этого состояния. Депрессия может вызываться разными причинами: жизненными неприятностями, усталостью, болезнью и др. Как психическое состояние депрессия характеризуется чувством неприспособленности, переживанием уныния, подавленностью, снижением физической активности (или реактивности), пессимистическим настроением и другими подобными симптомами.

Термин «депрессия» часто используется в медицине. Более того, некоторые врачи утверждают, что слово «депрессия» представляет собой медицинский, не психологический термин, и выступают против его использования в психологии, обозначения с его помощью обычных психических состояний человека, не носящих патологического характера. В психиатрии термин «депрессия» действительно применяется широко и охватывает несколько различных нервно-психических расстройств, при ко-

¹ Полевым называется поведение, которое подчиняется окружающей обстановке и является реакцией на нее. Такое поведение противопоставляется активному или инициативному — деятельности, которая порождается и регулируется разумом, сознанием и волей человека.

торых отмеченные выше симптомы депрессии как общего психического состояния больного, проявляются отчетливо и являются хроническими. Депрессия может быть самостоятельным психическим расстройством или же выступать как симптом других нервно-психических заболеваний. Типичным признаком депрессии как заболевания является стойкое отсутствие у человека интереса к жизни и неспособность получать от жизни удовольствие (положительные эмоции).

В медицине выделяются следующие разновидности депрессии, которые, очевидно, связаны с серьезными нарушениями психики и поведения человека: психотическая депрессия и реактивная депрессия. Психотическим называют ярко выраженное депрессивное состояние, при котором человек постепенно утрачивает контакт с внешним миром и страдает от систематического ухудшения своего психического и физического здоровья. Реактивная депрессия — это состояние, вызванное воздействием на человека каких-либо внешних факторов. Она является ненормальной, патологической психологической или физиологической реакцией человека и его организма на эти факторы.

Наличие сильно выраженных состояний депрессии, представленных в медицине и понимаемых как отклонения психики от нормы (в ее медицинском понимании), вовсе не означает, что в психологии не могут под тем же названием использоваться и обсуждаться умеренно выраженные депрессивные состояния. Практика показывает, что существует большое количество понятий, используемых в разных науках и наполняемых различным содержанием, в том числе в медицине и в психологии. В самой психологии, кроме того, имеется немало различных определений одних и тех же понятий¹. При этом зачастую отсутствуют точно установленные критерии того, какое из определений является правильным, а какое неправильным. Поэтому спор на тему об исключительном праве на использование того или иного термина только одной наукой представляется ничем не обоснованным, если, конечно, в данное понятие не вкладывается одно и то же содержание в разных науках. Этот спор представляется, таким образом, в принципе, неразрешимым, а с точки зрения логики — бессмысленным. Важно другое — чтобы в каждой науке соответствующий термин имел свое специфическое и достаточно точное определение, отличающееся от его определений в других науках.

Особый класс психических состояний представляют состояния, которые характеризуют отдельно взятого человека и группы (массы) людей. Подобные состояния называют *массовидными* или *групповыми* состояниями психики и изучают независимо от тех состояний, которые относятся к отдельно взятому человеку — индивиду. Эти состояния, кроме того, описываются с помощью специальных терминов, например, общественное сознание, общественное настроение, общественное мнение, мода, слухи, паника, религиозная вера и др.²

Общественное сознание можно определить как состояние, характеризующее определенную группу людей в данный момент. Это состояние представляется и описывается посредством тех же понятий, которые в общей психологии используются для характеристики сознания отдельно взятого человека. Общественное настроение — это доминирующий настрой группы или массы людей, который преобладает у большинства ее участников. Общественное мнение — это мнение или точка зрения по какому-либо вопросу многих людей, входящих в состав данной группы. Такое мнение, как,

¹ См., например, *Немов Р. С. Психологический словарь*. М. : Владос, 2007.

² Эти состояния обычно изучаются не в общей, а в социальной психологии или в специальной области пограничных между социальной психологией и социологией научных знаний под названием «Психология масс».

впрочем, и общественное сознание или настроение, изучается социологами в связи с теми или иными социальными событиями, произошедшими в обществе, например, в связи с организацией или проведением выборов, принятием властями (руководителями) того или иного решения, затрагивающего интересы большого количества людей.

Модой называют то, что в данный момент высоко ценится многими людьми, что привлекает их внимание, чем они хотели бы владеть, к чему активно стремятся. Под слухами понимают недостоверную или не проверенную (официально не подтвержденную и не опровергнутую) информацию о чем-либо. Религиозная вера является сложным социально-психическим состоянием масс людей, которое характеризуется безусловной верой людей в кого-либо (в Бога) или во что-либо (в какое-либо чудо, в утверждения, содержащиеся в религиозных учениях). Специфика религиозной веры, как массовидного психического состояния, заключается в том, что она не требует доказательств, является устойчивой и не меняется под влиянием многих, в том числе достаточно сильных и убедительных аргументов, на которые обычно адекватно реагируют неверующие люди.

Среди массовидных психических состояний повышенное внимание ученых привлекает к себе паника. Одно из ее определений следующее. Это проявление массового страха перед реальной или воображаемой угрозой, который сопровождается паническим (неорганизованным, импульсивным, эмоциональным) поведением масс людей.

Существуют два основных момента, определяющих состояние паники: внезапность появления угрозы и отсутствие у людей уверенности в том, что им удастся ее избежать без серьезных последствий для себя. Возникновению и распространению паники способствуют такие факторы, как утомление, напряженность, тревога, отсутствие у людей достаточной и достоверной информации о том, что на самом деле происходит, и некоторые другие.

Подводя итог обсуждению типичных или обычных психических состояний, можно констатировать следующее.

1. Психические состояния делятся на две основные группы: типичные (обычные, часто встречающиеся в жизни людей) и нетипичные (необычные, сравнительно редко встречающиеся в жизни людей).
2. Сон представляет собой одно из обычных психических состояний. Данное состояние характеризуется рядом закономерностей физиологического и психологического плана, парадоксов и загадок.
3. Специфическое психическое состояние, которое может быть нормальным и аномальным, представляет собой беспокойство или тревожность (тревогу). Существуют различные определения и типы тревожности, а также ее нормальные и аномальные разновидности. Одними из последних являются страх и ужас.
4. Аффекты — это эмоционально насыщенные, положительные или отрицательные психические состояния, имеющие характерные для них признаки.
5. Стресс — особое психическое состояние, занимающее промежуточное положение между нормой (здоровьем) и патологией (болезнью). Существование много причин и симптомов проявления стресса. Его следствия в основном являются отрицательными, и поэтому со стрессами необходимо бороться.
6. Эйфория и дисфория — противоположные эмоциональные состояния, которые, как и аффекты, могут иметь как положительное, так и отрицательное значение в жизни человека.

7. Пиковое переживание, по А. Маслоу, представляет собой особое психическое состояние, являющееся, безусловно, полезным для жизни и психологического развития человека.
8. Состояние психологической беспомощности — это негативное состояние, которое препятствует достижению человеком значимых целей. Оно может быть вызвано внутренними (психологическими) и внешними (ситуационными) факторами.
9. Фрустрация — это негативное психическое состояние, возникающее у человека вследствие его неудач. С состоянием фрустрации могут быть связаны специфические формы социального поведения, например агрессия.
10. Депрессия, как и стресс, представляет собой психическое состояние, находящееся между нормой и патологией, поэтому его изучают в психологии и медицине.
11. Особый класс состояний представляют собой массовидные (групповые) состояния психики. Они изучаются не только психологами, но также социологами, характеризуют общество в целом или его значительную часть (большие социальные группы или массы людей).

8.3. Необычные (измененные) состояния психики

Необычными (измененными) состояниями психики (сознания) называют такие состояния, которые отличаются от обычных или типичных психических состояний, рассмотренных в предыдущем параграфе главы, феноменологией и влиянием на поведение человека. Такие состояния, кроме того, часто возникают в необычных или экстремальных условиях, например, под влиянием медитации, гипноза, психических (нервных) заболеваний, алкоголя, наркотиков, травм, появления серьезной угрозы для жизни человека и т.п. В научной литературе измененные состояния психики (сознания) определяются как вызываемые тем или иным физиологическим, психологическим или фармакологическим агентом, субъективно описываемые человеком в терминах необычного внутреннего опыта — странных, непривычных ощущений, мыслей, образов, переживаний и т.д. Объективно все такие состояния характеризуются как отклонения от нормы в функционировании мозга и психики человека.

Необычные состояния психики также могут порождаться стрессовыми, аффектогенными ситуациями, интоксикацией, гипервентиляцией легких или, напротив, длительными задержками дыхания, словом, любыми обстоятельствами, при которых нарушается снабжение мозга (организма) кислородом и другими, необходимыми для его нормальной работы веществами. При обычных психических состояниях заметных изменений в работе организма не происходит (меняется только состояние психики, а не организма), в то время как при необычных, измененных состояниях психики наблюдаются заметные отклонения в функционировании организма человека.

Одним из необычных состояний психики (сознания) человека, которое давно привлекает к себе не только внимание ученых и многих людей за пределами науки, является **состояние гипноза**. В традиционном, классическом его понимании, гипноз представляет собой состояние психики человека, характеризующееся временным отключением его воли и частично сознания, их неучастием в регуляции как психических процессов, так и поведения человека. Один из первых исследователей гипноза, А. Месмер, рассматривал его

как процесс, переносящий человека из обычного в необычное состояние сознания (разума).

Состояние гипноза может быть вызвано разными причинами: воздействием монотонных звуков, периодически повторяющихся образов, внушением и самовнушением. По своим внутренним (психологическим) признакам и по внешним проявлениям (физическим симптомам) состояние гипноза представляет собой нечто среднее между сном и бодрствованием. По этой причине некоторые ученые до сих пор считают гипноз одной из разновидностей сна. В гипнозе с физиологической точки зрения действительно выявляется нечто общее со сном (см. описание его стадий в параграфе 8.1), а также с представляемыми далее состояниями медитации, нирваны и некоторыми другими необычными состояниями психики. Однако в отличие от многих известных необычных психических состояний гипноз не сопровождается заметными физиологическими отличиями в работе организма от нормального состояния бодрствования. Другими словами, если сравнить его психологические особенности и физиологические признаки с теми, которые обнаруживаются у человека в состоянии бодрствования и сна, то окажется, что гипноз действительно представляет собой нечто среднее не только между этими двумя нормальными психическими состояниями, но также между сознанием и бессознательным. Это состояние, вместе с тем, отличается от других промежуточных психических состояний, например, от обычных моментов перехода человека от бодрствования ко сну и обратно. Находясь в состоянии гипноза, человек становится очень внушаемым, некритически воспринимает происходящее с ним и вокруг него, беспрекословно выполняет команды других людей, прежде всего, гипнотизера, а по выходу из этого состояния, как правило, не помнит того, что с ним происходило в состоянии гипноза.

Точно так же, как в научных объяснениях природы и функций сна, в понимании гипнотических состояний имеется немало сложных, до сих пор не решенных вопросов. Проблемы научного объяснения гипноза начинаются уже с поиска точного научного определения данного состояния, его отличия от других нормальных и аномальных (паранормальных — так их также иногда называют) состояний психики. Такого определения, которое можно было бы с научной точки зрения считать вполне удовлетворительным, для гипноза до сих пор не существует. В понимании сущности (природы) гипнотического состояния, кроме того, нет достаточной ясности. То, что на эту тему сказано и написано в литературе, в лучшем случае представляет собой гипотезы, требующие серьезной проверки, но не научно обоснованные теории. Тем не менее во взглядах многих ученых на природу гипноза можно обнаружить и немало общего. Оно сводится к следующему.

1. Гипноз в чем-то действительно напоминает состояние сна.
2. Разум и сознание человека в состоянии гипноза не полностью контролируют его психику и поведение.
3. Во время гипноза у человека отсутствует волевой контроль поведения.
4. В данном состоянии человек сравнительно легко поддается внушающему воздействию.
5. Внимание человека в состоянии гипноза является избирательным и восприимчивым только к сигналам, исходящим от одного человека — гипнотизера.
6. В состоянии гипноза человек сравнительно легко берет на себя и исполняет роли других людей.

Все указанные выше признаки гипнотического состояния обычно наблюдаются в психике и поведении чрезмерно внушаемых людей, поэтому многие

специалисты считают, что гипноз представляет собой не какое-то особенное состояние психики, а лишь одну из разновидностей ярко выраженного внушения (внушаемости).

На протяжении многих столетий гипноз привлекал к себе повышенное внимание и практически использовался не только врачами и психологами для медицинских, психотерапевтических и исследовательских целей, но также и разного рода шарлатанами, целителями и т.п. для обмана людей, введения их в заблуждение. Поэтому многие современные ученые-психологи относятся с осторожностью и предубеждением ко всему, что так или иначе связано с гипнозом. Они полагают, и для этого имеются убедительные основания, что гипноз на самом деле не обладает теми целевыми свойствами, которые ему приписывают. Не случайно З. Фрейд, который в начале своей профессиональной карьеры в качестве врача-психиатра использовал технику гипноза для лечения неврозов, в скором времени отказался от этой практики. Современные медики и психологи им фактически уже давно не пользуются.

Еще одно необычное психическое состояние, занимающее промежуточное положение между нормой и отклонением от нее, называется состоянием **«эмоционального выгорания»**¹. Это состояние привлекло к себе повышенное внимание ученых и практиков во второй половине XX в. и обычно наблюдается у людей, которые в течение длительного времени занимаются одной и той же не приносящей им удовлетворения деятельностью, например, профессиональной. Феномен «эмоционального выгорания» выражается в том, что люди в конечном счете утрачивают интерес к соответствующей деятельности, начинают выполнять ее не в удовольствие, а в тягость, она перестает приносить моральное удовлетворение. В результате человек, оказавшийся в состоянии «эмоционального выгорания», начинает выполнять свои обязанности не как следует, безразлично относится к тому, что происходит с ним и вокруг него, причем это сопровождается заметными негативными изменениями в его общем психическом и физическом самочувствии. В состоянии «эмоционального выгорания» у человека могут наблюдаться, например, следующие характерные симптомы:

- а) чувство психического (эмоционального) и физического истощения;
- б) безразличное или негативное отношение к людям, с которыми человеку приходится заниматься совместной работой или другой деятельностью, связанной с синдромом «эмоционального выгорания»;
- в) снижение общего уровня мастерства, что, в свою очередь, негативно сказывается на производительности труда и качестве выполняемой работы.

Если все эти признаки или симптомы «эмоционального выгорания» описывать подробнее, с учетом научных данных, полученных в его исследованиях, то соответствующий список станет намного обширнее и будет выглядеть следующим образом:

- а) усталость;
- б) утомление;
- в) истощение;
- г) функциональные психосоматические расстройства;

¹ Название данного феномена, хотя оно часто встречается в современной научной и популярной литературе без кавычек, представляется не вполне правильным. Речь идет, скорее, о состоянии «мотивационного выгорания», так как главной характеристикой данного психического состояния является отсутствие у человека интереса к той деятельности, которой он раньше с увлечением занимался и которой в силу необходимости вынужден продолжать заниматься в настоящий момент времени. Что касается изменений в эмоциональной сфере, сопровождающих данное состояние, то эти изменения являются производными от мотивации.

- д) бессонница;
- е) отрицательное отношение к людям, с которыми у данного человека раньше были хорошие взаимоотношения;
- ж) снижение уровня профессионализма;
- з) злоупотребление психотропными веществами (табаком, кофе, алкоголем, наркотиками и т.п.);
- и) отсутствие аппетита или, наоборот, переедание;
- к) негативное отношение к себе (неблагоприятный образ Я, низкая самооценка, заниженный уровень притязаний, отрицательная Я-концепция);
- л) раздражительность;
- м) частая и чрезмерная напряженность, не вызванная объективными обстоятельствами;
- н) необоснованный, объективно ничем не спровоцированный гнев;
- о) плохое настроение;
- п) безразличие;
- р) депрессия;
- с) ощущение бессмысленности существования;
- т) иногда — острое переживание ничем не оправданного чувства вины за что-либо или перед кем-либо.

Сам по себе этот достаточно длинный перечень негативных симптомов «эмоционального выгорания» говорит о том, что данное психическое состояние является ненормальным состоянием психики и представляет собой угрозу для благополучия человека и окружающих его людей. Правда, представленный список симптомов и признаков «эмоционального выгорания» составлен с избытком, и то, что в него включено, не всегда и не обязательно обнаруживается у каждого человека, находящегося в подобном психическом состоянии. Кроме того, возможно, что состояние «эмоционального выгорания» — это сложное, комплексное психическое состояние, и многие из перечисленных выше симптомов и признаков относятся не к самому «эмоциональному выгоранию», а к другим, связанным с ним или сопровождающим его психическим состояниям (если сравнить описание этого состояния с теми, которые были представлены в начале этой главы, например с депрессией, то между ними обнаружится много общего). Так это или не так — в настоящее время установить трудно, поскольку точного научного определения «эмоционального выгорания» не существует, а приведенный выше перечень его симптомов и признаков составлен путем соединения вместе того, что о нем говорят и пишут разные авторы.

Еще одно известное с давних пор и весьма необычное состояние сознания, близкое к гипнозу, — *медитация*¹. Под ней понимается процесс и результат целенаправленного психологического воздействия человека на самого себя с целью временного «отключения» своего сознания от восприятия того, что происходит вокруг, и максимального его сосредоточения на себе, вернее — на том, что в данный момент происходит в организме или в психике данного человека. Такое состояние может сопровождаться характерными для него органическими изменениями, в число которых входит замедление физиологических процессов. Это сближает медитацию, как и состояние гипноза, с постепенным переходом человека от бодрствования ко сну. Об этом, в частно-

¹ Правильнее было бы говорить о медитации не как о состоянии психики, а о том состоянии, которое порождается процедурой медитации как особой формой психологического самовнушения. Однако такое состояние специального названия в науке не имеет, и поэтому мы его условно будем называть медитацией.

сти, свидетельствует зарегистрированное физиологами появление во время медитации замедленной синхронной электрической активности коры головного мозга, характерной для состояния сна. Многие специалисты видят немало общего между этими двумя психофизиологическими состояниями: гипнозом и медитацией. Разница между ними заключается в том, что, пользуясь гипнозом, человек оказывает психологическое воздействие на других людей, а обращаясь к медитации, оказывает гипнотическое воздействие на себя.

Необычным состоянием психики является также состояние **нирваны**. Нирвана — это не научный, а древнеиндийский, религиозно-мистический термин — культовое понятие, имеющее в литературе, где оно упоминается¹, следующие основные значения. В буддизме нирвана — это термин, обозначающий своеобразный акт «освобождения» человека от его личного участия в так называемом «цикле смерти и возрождения». Здесь это состояние чаще всего определяется негативно — как свобода человека от мирских забот, от своего личного Я, от собственных интересов и желаний. Утверждается, что в состоянии нирваны человек якобы достигает освобождения от всего низменного (низшего) и тем самым переходит в высшее, духовное или разумное состояние.

С этической и научно-психологической точек зрения это весьма спорные утверждения. Научная философия, современная гуманистическая психология, напротив, утверждают активное начало в человеке, а не его безразлично-пассивное, созерцательное отношение к действительности. Не вполне ясно, каким образом ничего не делающий человек может избавиться от всего низменного, в том числе от того, что унаследовано им от животных. Даже если таким образом он сможет избавиться от негативного в его психике и поведении, то приобретет не больше, чем утратит. Ничего не делая, человек может многого лишиться. Его собственное психологическое развитие и развитие других зависящих от него людей остановится.

В психоанализе, который частично заимствовал буддистское понимание нирваны и воплотил его в «принцип нирваны», это состояние представляет собой проявление Танатоса — инстинкта смерти (в теории З. Фрейда). В современных методах психотерапии под нирваной иногда понимается особое психическое состояние, достигаемое человеком посредством медитации. В отличие от необычных психических состояний, которые описаны выше, точных характеристик состояния нирваны в литературе нет, поэтому трудно судить о том, чем это состояние отличается от других необычных состояний психики человека.

Следующее необычное психическое состояние, близкое к нирване — это **транс**². Понятие «транс» имеет несколько различных, не всегда ясных по содержанию и не вполне точных определений. Приведем некоторые из них.

1. Транс — это особое психологическое состояние, характеризующееся переходом человека или другого живого существа от жизни к смерти.

¹ Это в основном религиозно-мистическая, древнеиндийская философская и медицинская литература.

² Возможно, что нирвана и транс — это почти одно и то же. Данное предположение следует из того, что термин «нирвана» заимствован из древнеиндийских религиозно-мистических учений, а термин «транс» вошел в научный оборот уже в странах Европы. Определенно судить об общем и различном в состояниях психики, описываемых этими словами, не представляется возможным из-за отсутствия точных определений соответствующих терминов. Что касается существующих определений, то в них просматриваются очевидные противоречия. Так, например, в одном из следующих (в основном тексте) определений транс подчеркивается, что он представляет собой состояние, близкое к смерти. Однако вряд ли под данное определение подходит, например, представление о религиозном транс.

2. Транс — это состояние, в котором сознание человека является неустойчивым, ослабленным или полностью утраченным. В таком состоянии произвольные действия человека слабо выражены или отсутствуют, а нормальные телесные рефлексы и функции заторможены.

3. Транс — это внезапно наступающее состояние сильного кратковременного торможения или нарушения нормальной работы сознания человека, в частности — его отключение, во время которого человек может совершать неуправляемые и немотивированные поступки.

4. В религиозно-мистических учениях Древней Индии и связанной с ними практике воздействия на психологию и поведение человека транс понимается как особое состояние отрешенности, экстаза, ясновидения и т.п.

Одна из разновидностей трансa — это религиозный транс. Он определяется как состояние, возникающее у некоторых внушаемых и глубоко верующих людей в результате интенсивного осуществления ими религиозных обрядов, например, долгого и активного моления. В религиозном трансe в отличие от обычного трансa не наблюдается общего снижения органической активности человека.

«Уход от реальности» — еще одно встречающееся в литературе аномальное психическое состояние человека, сопровождаемое неадекватным, дезадаптивным социальным поведением. Уход от реальности может проявляться в следующем:

а) в действиях человека, характеризующихся его удалением от нормальной, обычной жизни (исключением человека из нее, фактическим прекращением общественной жизни), характерной для большинства других людей. «Уход от реальности» сопровождается фрустрацией, разочарованием, ощущением того, что мир и происходящее вокруг человека не соответствует его ожиданиям;

б) в избегании человеком определенных социальных ситуаций. В данном случае «уход от реальности» представляется вполне нормальным, разумным поступком человека, рассчитанным на определенные последствия;

в) в использовании фантазии для воображаемого (символического) удовлетворения актуальных потребностей. Это обычно делается для того, чтобы избежать непосредственного контакта человека с неприятной для него действительностью. «Уход от реальности» может проявляться различным образом: через грезы, мечты, неадекватную рационализацию, путем обращения к алкоголю или наркотикам и т.п.;

г) в теории Э. Фромма «уход от реальности» — это невротическая утрата человеком интереса к окружающему миру. Находясь в таком состоянии, он фактически перестает общаться с людьми, нередко становится безответственным — таким, на кого нельзя положиться. Он не живет, а как бы существует, и почти ничто происходящее с ним и вокруг него его не волнует. Живя среди людей, он психологически существует как бы отдельно от них. Его отношения с людьми становятся поверхностными, формальными и больше напоминают контакты с неодушевленными предметами, чем общение с живыми людьми.

Известно также немало измененных состояний сознания, возникающих под влиянием сильнодействующих психотропных веществ, например наркотиков или алкоголя. Табак, кофе и алкоголь относятся к самым известным, широко распространенным и официально разрешенным к употреблению во многих странах психотропным веществам. В малых дозах они не считаются сильнодействующими, не меняют психику человека и не приводят к патоло-

гической зависимости от них. Тем не менее все эти вещества воздействуют на физиологические процессы, происходящие в организме и мозге человека, определенным образом изменяя его сознание и социальное поведение.

В многочисленных публикациях подробно описано воздействие различных наркотических веществ на психику и поведение человека. Чаще всего они временно вызывают у человека приятные переживания, и этим объясняется повышенная склонность некоторых людей к их частому употреблению. Реже в литературе, к сожалению, упоминаются отрицательные и долговременные следствия воздействия таких веществ на психику и поведение человека¹.

Если в обобщенном и одновременно конкретизированном виде представить положительные и отрицательные следствия влияния наркотических веществ на психические состояния и поведение людей, то их перечень (вместе с указанием тех наркотиков, которые соответствующие ощущения вызывают) выглядит следующим образом:

а) усиление состояния общего возбуждения; ощущение физического благополучия — того, что человек якобы находится «в хорошей форме»; повышение степени уверенности в себе; появление ощущения «острого наслаждения» типа оргазма; состояние «интеллектуальной экзальтации»; непреодолимое желание говорить, что-либо делать («творить»); возникновение иллюзорного чувства превосходства над окружающими людьми (обычно вызывается амфетаминами);

б) возбуждение, эйфория; появление ощущения собственной силы, энергичности; возникновение иллюзии «ясной жизненной перспективы»; ощущения избытка сил, уверенности в себе (порождается обычно кокаином);

в) появление уверенности человека в якобы наличии у него способности решать непростые задачи, совершать сложные, координированные движения, которые на самом деле являются прямо противоположными (такое состояние обычно возникает под влиянием алкоголя);

г) уменьшение чувства беспокойства (это может стать следствием употребления транквилизаторов);

д) внезапное возникновение ощущения блаженства, появление иллюзорного чувства абсолютного благополучия (как правило, порождается героином);

е) неестественное обострение ощущений и восприятия таким образом, что окружающий мир начинает казаться человеку интереснее и ярче;

ж) появление состояния, напоминающего манию величия (наблюдается под влиянием наркотика, получившего название ЛСД);

з) возникновение иллюзии «лучшего понимания» себя и других людей; появление ощущения своего согласия с природой и всем миром; активизация воображения; появление новых мыслей (идей) (так на психику обычно воздействует марихуана);

и) порождения состояния упадка сил; психотические проявления параноидного типа (человек начинает чувствовать себя затравленным, восприни-

¹ Несомненно, что употребление таких веществ наносит непоправимый вред человеку. Поэтому люди во всем мире ведут активную борьбу против распространения и употребления наркотиков. В данном тексте мы обсуждаем не эту проблему, которая представляется давно и правильно решенной культурными людьми, а констатируем или обсуждаем известные факты, связанные с влиянием, оказываемым подобными веществами на психические состояния и поведение людей. Это, в свою очередь, помогает ученым глубже понимать природу и динамику самих по себе измененных состояний психики человека.

мает нейтральные воздействия других людей как серьезную угрозу для себя, у него возникают бредовые идеи, галлюцинации) (появляются под воздействием амфетаминов);

к) повышенное чувство беспокойства, неприятные слуховые галлюцинации (обычно связаны с употреблением кокаина);

л) плохая координация движений; сбивчивая речь; нечеткость мышления; блокирование работы регулирующих механизмов ретикулярной формации, обеспечивающих состояние бодрствования и внимание (так на психику обычно действуют нейродепрессанты);

м) появление неспособности логически мыслить, адекватно оценивать свое состояние в данный момент (порождается влиянием алкоголя);

н) ухудшение памяти; резкое снижение умственной активности; утрата интереса к деятельности, которой человек обязан заниматься (например, домашней работе, профессиональной деятельности), а также к происходящим вокруг событиям; потеря контроля над своими эмоциями; резкие перепады настроения от эйфории до депрессии; попытки самоубийства; возникновение состояния комы (может стать следствием употребления барбитуратов);

о) искажение зрительного восприятия окружающего мира, в частности форм и цветов, а также восприятия времени; возникновение бреда преследования (появляется под влиянием ЛСД);

п) изменение (искажение) восприятия пространства и времени; нарушение запоминания информации и ее сохранения в памяти; расстройство координации движений (выступает как следствие употребления марихуаны).

Подводя итог перечисленному, можно утверждать, что, о каком бы наркотическом веществе ни шла речь, все они воздействуют на организм (мозг), либо ускоряя, либо замедляя, либо полностью блокируя те или иные процессы. Этим объясняются многие сопровождающие прием таких веществ психологические и поведенческие последствия, которые во всех случаях носят галлюциногенный (эндогенный), оторванный от реальной действительности (не экзогенный) характер.

Все без исключения состояния подобного рода связаны с утратой мозгом человека разумного контроля над его деятельностью и поведением. Такие состояния, отрывая человека от реальной жизни, создают иллюзию временного благополучия, а на самом деле усиливают неблагополучие, которое человек наиболее остро начинает ощущать в другой, гораздо более продолжительной части своей жизни — тогда, когда не употребляет наркотиков (или алкоголя, который в больших дозах примерно так же воздействует на психику).

Аномальное психическое состояние, свидетельствующее о серьезных нарушениях психики человека — **мания**. В не строго научном, широком значении этого слова мания представляет собой любое ненормальное, странное поведение человека, свидетельствующее о его душевном расстройстве. В более узком, специальном медицинском и клинико-психологическом значении этого слова мания представляет собой болезненное состояние, расстройство психики человека, характеризующееся разнообразием симптомов, включая чрезмерное психическое возбуждение, сильно выраженную двигательную активность. Маниакальное состояние обычно связано с навязчивыми идеями, которые преследуют человека и от которых он не в состоянии избавиться.

Существует несколько разновидностей мании, и все они отличаются немотивированным стремлением человека к чему-либо или к кому-либо, не имеющим под собой объективной разумной основы для того, чтобы совершать и оправдывать соответствующие маниакальные действия. **Пиромания**,

например, — это патологическое влечение человека к совершению поджогов; **клеттомания** — неуправляемое стремление к воровству. Кроме понятия «мания» для характеристики аналогичных расстройств психики иногда используется термин «**делюзия**».

Время от времени манией называют свойство и состояние человека, обозначаемое как **одержимость**. Оно выражается в том, что человек увлекается какой-либо идеей, деятельностью или стремлением достичь определенной цели, не задумываясь над тем, стоит ли она прилагаемых усилий и затрачиваемого времени. Одержимый навязчивой идеей человек обычно не реагирует на критику, не замечает вокруг себя ничего, что не связано с предметом его одержимости.

Паранойяльное состояние представляет собой ненормальное, патологическое состояние человека, возникающее при острой форме расстройства личности, связанного с внезапным изменением в личной или профессиональной жизни человека. Это расстройство носит в медицине название «**паранойя**» (отсюда и психологическое наименование такого состояния).

Близкое к паранойяльному состояние психики, не оцениваемое, однако, как признак патологии или заболевания, иногда наблюдается у эмигрантов, беженцев, пленных, молодых людей, в первый раз покинувших родной дом, а также в других подобных случаях, когда в новой незнакомой для них обстановке люди оказываются в ситуации, близкой к стрессовой. Нарушения психики и поведения человека в таком состоянии почти всегда являются временными в отличие от хронических нарушений, связанных с нервными и душевными заболеваниями.

В последние годы повышенное внимание ученых привлекли особые состояния психики человека, которые у него возникают при переходе от жизни к смерти. В этом вопросе, к сожалению, много мистики и ложных, сомнительных «свидетельств». Среди тех фактов, которые чаще всего упоминаются в литературе и связываются с переходом от жизни к смерти, называются следующие.

1. Изменения, происходящие в психике умирающего человека, проходят определенные стадии, которые постепенно приводят человека к отходу в «умирающем сознании» от реальной действительности и к переходу в какой-то мистический, нереальный мир.

2. Многие умирающие люди или люди, находящиеся в состоянии между жизнью и смертью, после своего возвращения в жизнь (реанимации) сообщали о том, что во время такого состояния им казалось, что они как будто находятся вне своего тела и имеют возможность наблюдать за собой, другими людьми и происходящими событиями как бы со стороны.

3. У некоторых людей в таком состоянии появлялось ощущение того, что они быстро перемещаются по какому-то длинному туннелю и, пройдя через него, оказываются в чудесной, ярко освещенной местности, встречая там умерших людей, которые в жизни имели для них большое значение (возможно, что из этих наблюдений когда-то зародилось религиозное представление о попадании человека после смерти в рай).

4. В этом состоянии в умирающем сознании людей быстро мелькают образы наиболее значимых для них жизненных событий.

Правда, критики всех этих якобы достоверных фактов утверждают, что они представляют собой не что иное, как продукт фантазии людей, активизированной во время оживания и связанной с ранее сложившимися у них религиозными или мистическими представлениями. Эти фантазии есть не что

иное, как бред, сон или галлюцинации в полусознательном состоянии, характерном для нахождения между жизнью и смертью, когда мозг человека вместе со всем его организмом работают не вполне нормально. Другими словами, речь может идти не о том, что действительно испытывали люди, находящиеся между жизнью и смертью, а о том, что они сознательно или бессознательно придумали, выйдя из подобного состояния.

Такого рода критика представляется правомерной, если вспомнить замечания, высказанные в свое время в адрес интроспекции (в данном случае сведения о состояниях между жизнью и смертью люди получали с помощью интроспекции), которая прозвучала еще в начале XX в. Там обосновано указывалось на то, что интроспекция не позволяет получать достоверную информацию о том, что некоторое время назад происходило или могло происходить в сознании человека.

Подведем краткие итоги.

1. Необычными (измененными) называют состояния психики, которые существенно отличаются от состояний, в которых чаще всего находятся большинство здоровых людей в обычных нормальных условиях их жизни.
2. Существует немало причин, порождающих необычные (измененные) состояния психики, а также много разновидностей подобных состояний.
3. Одно из необычных состояний психики представляет собой гипноз. Он, скорее всего, занимает промежуточное положение между сознанием и бессознательным, сном и бодрствованием.
4. Состояние «эмоционального выгорания» также выступает как необычное (аномальное) состояние психики человека. Оно имеет много симптомов и проявлений. Чаще всего такое состояние связывается с утомительной, ставшей неинтересной профессиональной деятельностью или семейной (бытовой) жизнью людей.
5. Медитация как средство самовнушения или самогипноза также порождает особое (необычное) состояние психики.
6. Нирвана и транс в отличие от гипноза и других упомянутых выше состояний мало изучены с научной точки зрения. В научной литературе нет точных определений этих психических состояний, особенно состояния нирваны.
7. В XX в. среди людей в быстро развивающихся странах стало распространяться необычное психическое состояние, получившее название «уход от реальности». Оно представляет собой форму психологической изоляции человека от травмирующих его жизненных обстоятельств, уход от реальной жизни в мир фантазий и грез.
8. Достаточно распространены аномальные психические состояния, возникающие под влиянием различных психотропных веществ, в частности алкоголя и наркотиков.
9. Маниакальные состояния представляют собой состояния психики, близкие к патологическим состояниям. Однако некоторые разновидности мании в умеренном виде проявляются и у здоровых людей. Они носят название «одержимость» и также квалифицируются как не вполне нормальные состояния психики.
10. Особое место среди аномальных психических состояний занимают те, которые возникают у людей, находящихся между жизнью и смертью.

Однако сведения о них, которые опубликованы в литературе на данную тему, вызывают у многих ученых сомнения с точки зрения их достоверности.

Контрольные вопросы

1. Чем объясняется недостаточное внимание ученых к изучению психических состояний?
2. Каким образом первичные идеи, касающиеся психических состояний, связаны с древнейшими учениями о душе?
3. Как изменились представления о душе и ее состояниях в связи с возникновением нового, атомического мировоззрения?
4. Что представлялось собой деление состояний души на состояния сознания и состояния воли?
5. Как ставилась и решалась проблема психических состояний и в эпоху Возрождения и Новое время?
6. Какие трудности связаны с естественно-научным изучением психических состояний человека?
7. Каким образом представляли и изучали психические состояния ученые XVIII и XIX вв.?
8. Как ставилась и решалась проблема психических состояний в первой половине XX столетия?
9. В чем заключается разница между физическими (физиологическими) и психическими (психологическими) состояниями?
10. В чем проявляется и как в настоящее время решается проблема методов изучения психических состояний?
11. Что представляет собой научное определение психических состояний?
12. Какого рода трудности возникают в поиске точного научного определения психических состояний?
13. В чем проявляются взаимосвязь и взаимовлияние различных психических состояний?
14. Что такое психоорганические и собственно психические состояния?
15. Какие состояния называют материально-психическими, социально-психическими и духовно-психическими?
16. Что представляют собой нормальные (обычные) и экстремальные (необычные, измененные) психические состояния?
17. Чем психические состояния отличаются от познавательных процессов и психологических свойств человека как личности?
18. Каковы особенности психических состояний личности, эмоциональных, функциональных, психофизиологических, стенических, астенических, мотивационных состояний и состояний психомоторной сферы?
19. Что обозначают индивидуальное своеобразие, полярность и непрерывность психических состояний?
20. Какие состояния называют нормальными, аномальными и патологическими?
21. Что представляют собой личностные и ситуативные, глубокие и поверхностные психические состояния?
22. В чем проявляются психические состояния, положительно и отрицательно влияющие на психические процессы и поведение человека, продолжительные и кратковременные, осознаваемые и неосознаваемые состояния?
23. Как определяются эмоциональные, мотивационные и когнитивные психические состояния?
24. Что представляет собой классификация психических состояний по В. А. Ганзену?
25. По каким основаниям психические состояния могут быть разделены на группы?
26. Что представляют собой детерминанты (причины) психических состояний?

27. Каковы основные функции психических состояний?
28. Какие психические состояния называют типичными и нетипичными?
29. В чем заключается специфика сна как психического состояния?
30. Какова динамика сна как физиологического и психологического состояния?
31. Что представляет собой психическое состояние беспокойства (тревожности)?
32. Каким образом определяют тревожность как психическое состояние разные ученые?
33. Чем отличается содержание понятий «тревожность» и «тревога»?
34. Каково происхождение термина «тревожность»?
35. Что называют нормальными и аномальными видами тревожности?
36. Что такое невротическая тревожность по К. Хорни?
37. В чем проявляется типичная динамика тревожного состояния?
38. Что представляет собой аффект как психическое состояние?
39. Каковы основные признаки аффективных состояний?
40. Что такое положительные и отрицательные аффекты?
41. Какое значение для жизни человека имеют положительные и отрицательные аффекты?
42. Что представляет собой стресс как психическое состояние?
43. Каковы симптомы и основные проявления стресса?
44. В чем заключаются негативные последствия стрессовых состояний?
45. Почему со стрессами необходимо бороться?
46. Какие эмоциональные состояния называют эйфорией и дисфорией?
47. Что такое пиковое переживание как психическое состояние?
48. Что представляет собой состояние психологической беспомощности?
49. На какие вопросы должны дать ответы научные исследования беспомощности?
50. Какие условия порождают у человека состояние беспомощности?
51. В чем заключаются ситуационные и личностные причины беспомощности?
52. Что представляет собой фрустрация как психическое состояние?
53. Каковы основные признаки ситуации, порождающей состояние фрустрации?
54. Какие формы поведения связаны с состоянием фрустрации?
55. Что такое депрессия как психическое состояние?
56. В чем заключается медицинское и психологическое понимание депрессии?
57. Что называют массовидными (групповыми) состояниями психики?
58. Какие состояния психики называют необычными (измененными)?
59. Каковы причины, порождающие необычные состояния психики?
60. Что представляет собой гипноз как состояние психики?
61. В чем проявляется промежуточное положение гипноза между сознанием и бессознательным, бодрствованием и сном?
62. В чем состоит проблематичность решения многих научных вопросов, связанных с гипнозом?
63. Что общего имеется в представлениях разных ученых о гипнозе?
64. Что такое состояние «эмоционального выгорания», и почему оно считается необычным состоянием психики?
65. Какова симптоматика и основные признаки «эмоционального выгорания»?
66. Каковы проявления необычного психического состояния, называемого медитацией (или вызываемого медитацией)?
67. Что такое нирвана как необычное психическое состояние?
68. Что представляет собой транс как состояние психики?
69. Какое состояние называют уходом от реальности?
70. В чем проявляются необычные психические состояния, возникающие под воздействием психотропных веществ, алкоголя и наркотиков?
71. Почему положительное воздействие наркотических веществ на психику является иллюзорным?
72. Каковы долговременные отрицательные последствия употребления алкоголя и наркотиков?
73. Что представляет собой мания как аномальное психическое состояние?

74. Что называют одержимостью?
75. В чем заключаются особенности промежуточных психических состояний, возникающих у человека, находящегося между жизнью и смертью?

Темы контрольных работ и рефератов

1. Психические состояния в работах древнейших ученых.
2. Проблема психических состояний в эпоху Возрождения и Новое время.
3. Психические состояния в трудах известных ученых XIX в.
4. Физиологические и психологические методы изучения психических состояний.
5. Сравнительный анализ различных определений психических состояний.
6. Классификации психических состояний.
7. Основные типы (виды) психических состояний.
8. Отличие психических состояний от других явлений, изучаемых в психологии.
9. Особенности различных видов психических состояний.
10. Свойства психических состояний.
11. Причины возникновения и функции психических состояний.
12. Типичные и нетипичные психические состояния.
13. Сон как состояние психики.
14. Тревога (тревожность) как психическое состояние.
15. Виды тревоги (тревожности).
16. Аффекты как психические состояния.
17. Стресс как психическое состояние.
18. Способы борьбы со стрессом.
19. Эйфория и дисфория как психические состояния.
20. Пиковое переживание как особое психическое состояние.
21. Состояние психологической беспомощности, его причины.
22. Фрустрация как психическое состояние.
23. Психическое состояние, определяемое как депрессия.
24. Депрессия как явление в медицине и в психологии.
25. Массовидные (групповые) состояния психики.
26. Виды необычных (измененных) состояний психики человека.
27. Гипноз как необычное состояние психики.
28. Состояние «эмоционального выгорания».
29. Медитация как психическое состояние.
30. Нирвана как психическое состояние.
31. Транс как состояние психики.
32. Необычные психические состояния, порождаемые воздействием психотропных веществ.
33. Маниакальные состояния психики.
34. Психические состояния, возникающие у человека, находящегося между жизнью и смертью.

Темы для курсовых и дипломных работ¹

1. Психические состояния в трудах классиков психологии XVIII—XIX вв.
2. Психические состояния в работах ученых первой половины XX в.
3. Проблема методов изучения психических состояний.

¹ Название темы дипломной работы должно иметь проблемный характер и, кроме того, предполагать проведение опытной (экспериментальной) работы по соответствующей теме. В приведенном ниже списке представлены в основном только названия теоретических разделов дипломных работ. Пользуясь ими как возможными темами дипломных работ, необходимо внести в них соответствующую корректировку, касающуюся проблемы предполагаемой опытной (экспериментальной) части исследования.

4. Сравнительный анализ различных видов психических состояний.
5. Проблемы, связанные с научной классификацией психических состояний.
6. Место психических состояний в структуре личности и динамике психики человека.
7. Психические состояния и другие психологические явления.
8. Типологии психических состояний, их сравнительный анализ.
9. Роль психических состояний в жизни человека.
10. Проблемы и парадоксы сна как психического состояния.
11. Тревожность как психическое состояние.
12. Аффекты как психические состояния.
13. Стресс и его медико-психологические проблемы.
14. Высшие эмоциональные состояния человека.
15. Психологическая беспомощность, ее причины и следствия.
16. Фрустрация и связанные с ней проблемы.
17. Депрессия как психическое состояние.
18. Медицинские и психологические аспекты научного изучения психических состояний человека.
19. Соотношение обычных и необычных (измененных) состояний психики.
20. Гипноз и другие психические состояния человека: общее и различное между ними.
21. Психологические проблемы гипноза.
22. «Эмоциональное выгорание», его причины и следствия.
23. Медитация и другие необычные психические состояния.
24. Действительное и вымышленное в необычных психических состояниях.
25. Психологические аспекты пристрастия людей к табаку, алкоголю и наркотическим веществам.
26. Маниакальные психические состояния.
27. Специфика психических состояний человека, находящегося между жизнью и смертью.

Словарь терминов

АВЕРСИЯ — отвращение, крайне неприятное, отвратительное чувство, возникающее у человека в связи с чем-либо или кем-либо (каким-либо предметом, событием, животным, человеком и т.п.).

АВТОПСИХОЗ (АУТОПСИХОЗ) — термин, используемый для обозначения психотических состояний, в которых первичные патологические симптомы обычно выражены в расстроенных мыслях человека, касающихся его самого.

АГА-ПЕРЕЖИВАНИЕ — устаревший термин, обозначающий чувство, возникающее у человека в состоянии инсайта, когда отдельные моменты и условия задачи в сознании решающего ее человека внезапно выстраиваются таким образом, что решение задачи становится очевидным. Термин «ага-переживание» использовался ранее в гештальтпсихологии и в работах представителей Вюрцбургской школы мышления. В настоящее время в научной литературе он употребляется сравнительно редко.

АНАНКАСТИЯ — общее название условий, при которых человеку кажется, что им, его мыслями, чувствами и поведением кто-то якобы управляет против его воли.

АНЕПИЯ — неспособность человека говорить, возникающая в результате аффекта, стресса, а также нарушений волевой регуляции поведения.

АНЕСТЕЗИЯ — частичная или полная утрата чувствительности одним или несколькими органами чувств. Среди множества причин анестезии мо-

гут быть и психологические причины, например, отвлечение внимание (если внимание человека сильно отвлечено чем-либо от данного органа чувств, то его чувствительность будет пониженной), нахождение человека в состоянии стресса или аффекта, сознательные волевые усилия, рассчитанные на то, чтобы понизить остроту тех или иных ощущений, например, болевых.

АННИГИЛЯЦИОННАЯ ТРЕВОЖНОСТЬ — глубокая разрушительная тревожность, приводящая к радикальному изменению личности и утрате человеком чувства идентичности, лежащего в ее основе.

АНОМИЯ — 1. Разновидность амнезии, проявляющаяся в трудности припоминания человеком имен людей и названий вещей. 2. Состояние общества, характеризующееся отсутствием в нем социальных норм, регулирующих взаимоотношения людей, или социального контроля. 3. Состояние общества или социальной группы, при котором разрушается существующая в них социальная структура, утрачиваются прежние ценности и нормы культуры. Аномия ведет к беспорядкам, дезорганизации, уменьшению коллективной безопасности, например, во время войн, катастроф, революций и т.п. 4. Состояние, при котором члены организованного общества чувствуют себя одинокими, не связанными друг с другом из-за того, что в обществе возникает новая социальная ситуация, разобщающая их. В этом случае речь идет об особом психологическом состоянии многих людей, которые живут в развитом обществе городского типа.

АТАРАКСИЯ — особое состояние души человека, по Эпикуру, находясь в котором он отличается душевной невозмутимостью, стремится прожить незаметно, не принимая участие в политике, в бесплодных спорах с другими людьми, предпочитает уединение и размышления о приятных вещах.

АФФЕКТ — кратковременное бурное эмоциональное переживание, отчетливо проявляющееся во внешне наблюдаемых движениях человека (жесты, мимика, пантомимика) и в заметных телесных изменениях, касающихся ритмики дыхания, сердечных сокращений, кожно-гальванической реакции и ряда других физических и физиологических признаков.

БАЗАЛЬНАЯ ТРЕВОЖНОСТЬ (ТРЕВОГА) — термин психоаналитической концепции К. Хорни, означающий особое детское переживания, которые характеризуются глубоким чувством беспокойства, беспомощности, изолированности от людей, возникающим у ребенка в детстве и являющимся следствием его неблагоприятных отношений с близкими людьми, прежде всего с матерью. Базальная тревожность, по мнению Хорни, влияет на поведение и судьбу человека, причем гораздо больше, чем его биологические инстинкты. Предполагается, что базальная тревожность возникает из-за чего-либо, что лишает ребенка ощущения безопасности. Под воздействием базальной тревожности человек (в учении Хорни — ребенок) стремится освободиться от страха и чувствовать себя в безопасности. Согласно теории К. Хорни, фундаментальной составляющей, компонентом личности становится, соответственно, далеко идущая, определяющая жизнь человека стратегия избавления от базальной тревоги (тревожности).

БЕСПОМОЩНОСТЬ — психическое состояние и соответствующее ему поведение человека в обществе. Такое состояние и поведение характеризуются тем, что человек не использует полностью имеющиеся в его распоряжении возможности для решения возникающих у него жизненных проблем и практически бездействует там, где надо было бы активно действовать для достижения поставленной цели.

БЛЭКАУТ (от англ. *blackout*) — 1. Временная утрата человеком сознания. 2. Амнезия, иногда возникающая у больных алкоголизмом и проявляющаяся

в их неспособности вспомнить то, что с ними происходило в состоянии сильного алкогольного опьянения. В этом случае блэкаут может продолжаться в течение нескольких дней.

БРЕД (БРЕДОВОЕ СОСТОЯНИЕ) — ненормальное состояние психики, сознания человека, находясь в котором он не вполне осознает, что с ним или вокруг него происходит в данный момент, не может контролировать свое поведение. Бред нередко возникает как следствие серьезных нарушений нормальной жизнедеятельности мозга человека, например, при высокой температуре тела, во время болезни и сопровождается галлюцинациями, навязчивыми мыслями, а также состоянием повышенного беспокойства (тревоги).

ВДОХНОВЕНИЕ — состояние душевного подъема, сопровождающееся хорошим настроением, желанием много и продуктивно работать, активно и эмоционально положительно общаться с людьми. В таком состоянии многие люди обычно находятся в моменты их жизни, когда им что-то особенно хорошо удается, например, ученые — в момент совершения ими научного открытия, писатели — когда им удается создать хорошее литературное произведение, художники — когда они пишут прекрасную картину, артисты театра — когда они удачно выступают на сцене.

ВЕРТИГО — неправильное, не соответствующее реальной действительности ощущение человеком динамики собственного телесного движения (так называемое субъективное вертиго) или движения некоторого находящегося вне его тела физического объекта (объективное вертиго). В обоих случаях состояние вертиго вызывается нарушениями в работе сенсорного механизма (органа) равновесия.

ВОЗБУЖДЕНИЕ — психическое состояние человека, характеризующееся повышенной внутренней и внешней раздражимостью или активностью.

ВОЗБУЖДЕННАЯ ДЕПРЕССИЯ — разновидность депрессии, при которой в качестве основного симптома заболевания выступает психомоторная возбужденность человека. Открыто проявляемыми признаками возбужденной депрессии также являются раздражимость, повышенная реактивность — откликаемость человека на внешние воздействия и безостановочная активность.

ГИПНОТИЧЕСКАЯ УСТАНОВКА — термин, обозначающий явление, феноменологически эквивалентное (равнозначное) постгипнотическому внушению.

ДЕПРЕССИЯ — 1. Психическое состояние сильного душевного расстройства, эмоциональной подавленности человека, сопровождающееся резким снижением его внутренней (психической) и внешней (поведенческой) активности. 2. Психологическое состояние, характеризующееся чувством неадекватности, переживанием уныния, снижением активности или реактивности, пессимистическим настроением и другими подобными симптомами. Депрессия в данном ее понимании — это нормальное (не болезненное или патологическое), относительно кратковременное состояние, встречающееся у многих людей. 3. В психиатрии термин «депрессия» охватывает несколько различных нервно-психических расстройств, при которых отмеченные выше симптомы выступают наиболее отчетливо и являются хроническими.

ДИСГОИЗИЯ — психологическое состояние, характеризующееся утратой или нарушением вкусовых ощущений.

ДИСТИМИЯ — 1. В общем случае — психологическая подавленность человека, его умеренно выраженное депрессивное состояние. 2. В клинической

психологии — нервно-психическое расстройство, характеризующееся общим состоянием депрессии, отсутствием интереса человека к тому, к чему обычно проявляют интерес все нормальные, здоровые люди.

ДИСТРЕСС — психическое состояние человека, связанное с большой внутренней напряженностью, сильными и неприятными эмоциональными переживаниями. Состояние дистресса обычно возникает под влиянием длительного и чрезмерного психического или физического напряжения, разрушительно действующего на психику, поведение и здоровье человека. В теории Г. Селье это состояние идентично стрессу.

ЕВТИМИЧЕСКОЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ (НАСТРОЕНИЕ) — нормальное психологическое состояние или настрой человека, при котором он не переживает ни депрессии, ни чрезмерного психологического напряжения или возбуждения.

ЖИЗНЕННЫЙ ТОНУС — метафорическое, не строго научное название психологического и физического состояния человека, от которого зависит его настроение, общая активность, отношение к людям, к происходящим вокруг событиям, а также социальное поведение.

ЗАДЕРЖАННАЯ (ЗАТОРМОЖЕННАЯ) ДЕПРЕССИЯ — депрессия, характеризующаяся психомоторной задержкой (заторможенностью психических и двигательных функций человека) как главным ее признаком (симптомом). Находясь в состоянии задержанной депрессии, человек чувствует себя сонным, необоснованно кратко, лаконично отвечает на задаваемые ему вопросы, слишком медленно реагирует на происходящее с ним и вокруг него.

ЗАТОРМОЖЕННОСТЬ — общая замедленность протекания психических, физиологических процессов и поведенческих реакций человека по сравнению с их нормальным ходом или нормальным уровнем функционирования. Заторможенность может быть вызвана заболеванием, усталостью, сильными эмоциями (аффектами), влиянием фармакологических веществ, тормозящих органические процессы.

ЗРЕЛОСТЬ — состояние организма, психики и поведения, характерное для взрослых людей или определенного, достаточно высокого уровня психологического развития человека, который рассматривается как зрелый. Обычно это такой уровень, достигнув которого человек оказывается в состоянии самостоятельно и успешно справляться со своими жизненными задачами. Зрелость — фактическое завершение процесса созревания. Кроме самого организма, психологии человека и его поведения, зрелость может касаться социальных функций взрослого человека.

ИПОХОНДРИЯ — нарушение психики, связанное с чрезмерным вниманием человека к своему здоровью, а также с сильным преувеличением связанных с ним проблем. Человеку, находящемуся в таком состоянии, постоянно кажется, что он якобы страдает каким-либо заболеванием, и в связи с этим он начинает требовать к себе соответствующего внимания со стороны окружающих людей.

МАНИЯ — 1. В общем, не строго научном и широком значении слова — любое ненормальное, странное поведение человека, представляющее собой душевное (психическое) расстройство. 2. В более узком, специальном, медицинском и клиничко-психологическом значении — болезненное психологическое состояние человека, расстройство его психики, характеризующееся разнообразием симптомов, включая чрезмерное психическое возбуждение, сильно выраженную двигательную активность, импульсивность, быстрые реакции и повышенную речевую активность.

МЕГАЛОМАНИЯ — чрезмерное патологическое, представленное на уровне невроза чувство собственной значимости у человека, связанное с его завышенной самооценкой. Мегаломания является типичным признаком нарциссизма или так называемого нарциссического расстройства личности.

МОРАЛЬНАЯ ТРЕВОЖНОСТЬ — в психоанализе — тревожность, которая возникает вследствие нарушения того, что хранится в Супер-Эго человека, т.е. тревожностью, связанная с нарушениями системы ценностей, моральных норм и идеалов человека.

МОТОРНАЯ УСТАНОВКА — 1. Преднастройка или готовность человека к выполнению определенного движения, к совершению той или иной двигательной реакции. 2. Актуальное состояние мышечной системы, сопровождающее готовность человека к выполнению определенного движения.

НАВЯЗЧИВЫЕ СОСТОЯНИЯ (МЫСЛИ, ОБРАЗЫ) — автоматически возникающие состояния (образы или мысли), которые человек не может контролировать и которые, как правило, являются неадекватными реакциями на сложившуюся ситуацию. Навязчивыми они называются потому, что возникают часто, и человек не может ни предупредить их наступление, ни избавиться от них. Навязчивые состояния нередко появляются у человека в результате физического или психического переутомления, а также при некоторых видах невротозов и других психических заболеваний.

НАПРЯЖЕННОСТЬ — психофизиологическое состояние, характеризующееся повышенным напряжением мышечной системы, а также сильными, с трудом сдерживаемыми, вызывающими напряжение эмоциями, или повышенной тревожностью, чрезмерной нервной возбудимостью.

НАСТРОЕНИЕ — 1. Общее эмоциональное состояние человека в данный момент. 2. Длительно существующая и относительно слабо выраженная эмоция, определяющая активность и общий тонус человека, его психический настрой, связанный с общим состоянием дел, здоровьем, самочувствием, степенью удовлетворенности основных жизненных потребностей.

НЕВРОТИЧЕСКАЯ ТРЕВОЖНОСТЬ — в психоанализе — тревожность, источником которой являются импульсы, исходящие от Ид. Синонимом данного вида тревожности является инстинктивная тревожность.

НЕПРОБИВАЕМОСТЬ (ОТКЛЮЧАЕМОСТЬ) (англ. *inaccessibility*) — характеристика психологического состояния человека, проявляющаяся в своеобразном «отключении» человека от внешнего мира, при котором он становится не чувствительным к тому, что происходит с ним и вокруг него, перестает реагировать на обычные социальные воздействия, например, на обращение к нему со стороны людей. Такое состояние нередко возникает в ситуациях стресса, при аутизме, глубокой депрессии, а также при некоторых формах шизофрении.

НИРВАНА — ненаучный, древний религиозно-мистический и культовый термин, имеющий следующие основные значения: 1. В буддизме — понятие, обозначающее освобождение человека от участия в цикле смерти и возрождения. Это состояние в общем случае определяется негативно — как своеобразная «свобода» человека от мирских забот, от своего Я, от собственных интересов и желаний. Вместе с тем, в состоянии нирваны человек, согласно буддистскому учению, якобы достигает освобождения от всего низменного (низшего) и тем самым переходит в состояние «высшего разума». 2. В психоанализе, который частично воспринял буддистское понимание нирваны и воплотил его в «принципе нирваны», она представляет собой проявление Танатоса — инстинкта смерти (в теории З. Фрейда). 3. В современных мето-

дах психотерапии под нирваной понимается особое психологическое состояние, достигаемое человеком посредством медитации.

ОДЕРЖИМОСТЬ — 1. Пребывание человека во власти определенных идей или эмоций без критического отношения к ним. 2. Неумное стремление человека к реализации каких-либо планов, не сдерживаемое многочисленными неудачами и неблагоприятными условиями (обстоятельствами) достижения поставленной цели. 3. Повторение попыток достичь определенных целей, связанное с особой значимостью этих целей для человека.

ОРГАНИЧЕСКАЯ ТРЕВОЖНОСТЬ — тревожность, возникающая в результате знания человеком того, что с его организмом не все в порядке.

ОТКРЫТАЯ ТРЕВОГА — состояние очевидной, ярко выраженной и не скрываемой тревоги. В психоаналитической интерпретации открытая тревога рассматривается как симптом глубокого, подавленного внутреннего конфликта.

ОТЧУЖДЕННОСТЬ — психологическое состояние, характеризующееся отчуждением человека от людей и установлением между ним и окружающими людьми неблагоприятных, неприязненных или безразличных отношений.

ПАРАНОИДНАЯ ТРЕВОГА (ПАРАНОИДНАЯ ТРЕВОЖНОСТЬ) — психоаналитический термин, означающий тревогу (тревожность), вызываемую страхом нападения на человека якобы враждебно настроенных по отношению к нему людей.

ПАРАНОЙЯЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ — острая форма паранойяльного расстройства личности, возникающего в результате внезапного изменения в профессиональной или личной жизни человека.

ПЕРВИЧНАЯ ТРЕВОЖНОСТЬ — в психоанализе — тревожность, переживаемая человеком непосредственно сразу после рождения, когда ребенок освобождается из защищающего его чрева матери и впервые сталкивается с угрожающими ему внешними стимулами.

ПРИМАЛЬНАЯ ТРЕВОЖНОСТЬ — в психоанализе — эмоциональный опыт (переживание), который сопровождает разрушение Эго. В теоретических рассуждениях З. Фрейда относительно тревожности он рассматривает примальную тревожность как базисную, фундаментальную тревожность и отличает ее от сигнальной тревожности, которая, в свою очередь, трактуется как имеющая защитную и со временем меняющуюся функцию. Примальную тревожность также следует, по мнению Фрейда, отличать от первичной или базальной тревожности.

ПСИХИЧЕСКИЕ (ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ) СОСТОЯНИЯ — изменчивые состояния человека, описываемые в психологических терминах. Психические состояния, как правило, бывают эмоционально окрашенными и возникают под влиянием складывающихся обстоятельств жизни, состояния здоровья человека и ряда других факторов. К психическим состояниям относятся эмоции, внимание, тревожность, установки, состояния удовлетворенности или неудовлетворенности, апатии, эйфории, скуки и ряд других.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ (ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ НАПРЯЖЕНИЕ) — психическое состояние повышенной напряженности человека, сопровождающееся неприятными переживаниями, а также чувством неудобства, дискомфорта. Психологическая напряженность вызывает скованность в движениях, ошибки в работе, речевые ошибки, замедленность и неточность реакций на внешние воздействия.

ПСИХОТИЧЕСКАЯ ДЕПРЕССИЯ — сильно выраженное состояние депрессии, при которой человек постепенно теряет контакт с окружающим

миром, страдает от систематического ухудшения своего психического и физического здоровья.

РЕАКТИВНАЯ ДЕПРЕССИЯ — депрессия, вызванная воздействием на человека каких-либо внешних факторов, являющаяся психологической или физиологической реакцией человека, его организма на эти факторы.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ТРАНС — состояние транса, возникающее у некоторых внушаемых и глубоко верующих людей в результате интенсивного осуществления ими религиозных обрядов, например, долгого и активного моления, связанного с физическим переутомлением или истощением. Иногда соответствующее состояние также называют религиозным экстазом, так как в нем в отличие от обычного состояния транса не наблюдается общего снижения органической активности человека.

«СВОБОДНО ПЛАВАЮЩАЯ» **ТРЕВОЖНОСТЬ** — разновидность смутной, неопределенной тревоги, связанной с общим нервным расстройством типа тревожности.

СИГНАЛЬНАЯ ТРЕВОГА — в поздних работах З. Фрейда, касающихся тревожности, реакция человека на угрозу нарушения психического равновесия Эго, служащая в качестве предупредительного сигнала для предотвращения опустошающего переживания так называемой первичной тревоги, которая сопровождает распад Эго.

СКОВАННОСТЬ — замедленность внутренних психологических процессов и внешне наблюдаемых форм физического поведения, в частности движений человека, вызванная какими-либо психологическими причинами, например, повышенным беспокойством (тревожностью), неуверенностью в себе, боязнью неудачи и другими возможными причинами.

СНИЖАЮЩАЯ ТРЕВОЖНОСТЬ РЕАКЦИЯ (ОСВОБОЖДАЮЩАЯ ОТ ТРЕВОЖНОСТИ РЕАКЦИЯ (ОТВЕТ)) (от англ. *anxiety-relief response*) — понятие, введенное авторами и разработчиками поведенческой психотерапии для обозначения приобретенной оперантной реакции, которая может быть использована для снижения уровня тревожности. Главная идея, лежащая в основе методики, включающей реакцию, снижающую тревожность, заключается в том, чтобы связать соответствующую реакцию (обычно это произнесение вслух или умственное представление слова типа «спокойный», «расслабленный») с прерыванием действия угрожающего, вызывающего беспокойство стимула, подобного, например, электрическому току. В результате с соответствующей реакцией оказывается связанным чувство расслабления или освобождения, которое уменьшает тревожность, и которое можно искусственно вызывать в других ситуациях.

СОСТОЯНИЕ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ (УБЕЖДЕНИЕ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ) (от англ. *equivalence belief*) — термин, использованный Э. Толменом для формулировки гипотезы о том, что в организме существует особое состояние, при котором он реагирует на так называемую субцель (промежуточная цель в его целенаправленном поведении, включающем определенную последовательность действий) таким образом, как будто эта субцель на самом деле является конечной целью всего его поведения. Таким образом, термин «состояние эквивалентности» в теории Толмена имеет примерно такое же значение, как и термин «вторичное подкрепление».

СТРАХ — сильная эмоция типа аффекта, чаще всего возникающая в ситуациях реальной или мнимой опасности для жизни или благополучия человека и сопровождающаяся чувством боязни, тревоги, а также стремлением человека избежать или устранить соответствующую угрозу.

СТРЕСС — в самом общем значении слова — любая сила, которая, будучи приложенной к некоторой живой системе, порождает ее существенное изменение, выходящее за пределы нормы, т.е. фактически вызывает деформацию и разрушение нормальной жизнедеятельности данной живой системы. В специальном, психофизиологическом значении стресс — это состояние сильного эмоционального расстройства, перевозбуждения и перенапряжения, выражающееся в неспособности человека думать и принимать разумные решения, а также в неадекватном, дезадаптивном поведении, в невозможности действовать рационально и целенаправленно в сложившейся ситуации.

ТЕСТОВАЯ ТРЕВОЖНОСТЬ — беспокойство, тревога человека по поводу того, что он посредством некоторого теста подвергается испытанию или оценке. Тестовая тревожность может оказывать влияние на получаемые в ходе тестирования результаты, снижая, как правило, показатели тех свойств, которые связаны со способностями человека.

ТОНУС — 1. Длительное, заметно выраженное состояние возбуждения органических (нервных, мышечных и др.) тканей. 2. Состояние повышенной активности организма, не сопровождающееся признаками наступления утомления.

ТРАНС — 1. Особое психологическое состояние, характеризующееся переходом человека или любого другого живого существа от жизни к смерти. 2. Состояние, в котором сознание человека является неустойчивым, ослабленным или полностью утраченным. В таком состоянии произвольные действия человека слабо выражены или отсутствуют, а нормальные телесные рефлексы и жизненные функции заторможены. 3. Внезапно наступающее состояние сильного, кратковременного торможения или нарушения нормальной работы сознания человека, в частности его отключение, во время которого человек может совершать неуправляемые, не мотивированные поступки. 4. В различных мистических учениях и связанной с ними практике воздействия на психологию и поведение человека транс понимается как особое состояние отрешенности, экстаза, ясновидения и т.п.

ТРЕВОГА — психоаналитический термин, означающий психологическое состояние человека, которое возникает у него в ситуации опасности. З. Фрейд писал и говорил о трех типах тревоги: объективной, невротической и моральной. Объективная тревога возникает под воздействием реальных, действительных угроз психологическому благополучию человека. Невротическая тревога порождается осознанием опасностей, исходящих от Ид. Моральная тревога появляется в результате опасения заслужить моральное осуждение со стороны кого-либо. Моральная тревога связана с чувством вины и стыда. Близким по смыслу к понятию тревоги является термин «тревожность». В последнем случае, однако, имеют в виду не только состояние, но и соответствующую черту личности человека.

ТРЕВОГА ОТДЕЛЕНИЯ — 1. В психоанализе — состояние беспокойства, гипотетически возникающее у новорожденного ребенка и касающееся возможной утраты им объекта, играющего роль матери. 2. Иногда тревогой отделения называется тревога по поводу возможной утраты другого человека или объекта, от которого данный человек является психологически и физически зависимым.

ТРЕВОЖНОСТЬ — термин, употребляемый в следующих основных значениях: 1. Индивидуальная психологическая особенность человека, черта его характера, проявляющаяся в склонности впадать в состояние повышенного беспокойства и тревоги в тех ситуациях жизни, которые, по мнению данного

человека, несут в себе психологическую угрозу для него и могут обернуться неприятностями, неудачами или фрустрацией. К таким эпизодам и ситуациям относятся, например, сравнение человеком себя с другими людьми, которые его в чем-то превосходят, соревнование с такими людьми, сдача экзаменов и др. 2. Смутное, неприятное эмоциональное состояние, сопровождаемое ощущениями типа дурных предчувствий, боязни и др. Тревожность, как правило, не связана с каким-либо конкретным объектом, и этим она отличается от обычного чувства страха. Данное понимание тревожности близко по значению к понятию «тревога». 3. В теории научения тревожность означает вторичное, приобретенное в результате научения побуждение, которое порождает реакцию избегания. Предполагается, что такая реакция снижает уровень тревоги. 4. В теории З. Фрейда тревожность трактуется как сигнал опасности, которая может возникнуть для человека, если то, что хранится в его бессознательном, начинает проявляться в открытом поведении. 5. В экзистенциальной теории личности под тревожностью понимается состояние человека, возникающее в то время, когда он осознает бессмысленность, ограниченность своего существования, хаотическую природу мира, в котором он живет.

УСТАЛОСТЬ ОТ СРАЖЕНИЯ (УСТАЛОСТЬ ОТ БОРЬБЫ) (от англ. *combat fatigue*) — травматический невроз, состояние, иногда называемое «шоком от стрельбы» или «усталостью от борьбы и сражений», порождаемое длительными, несущими в себе серьезную угрозу для жизни человека военными действиями. Позднее этот невроз был обозначен как большая стрессовая реакция или реакция гражданской катастрофы. При усталости от сражения (борьбы) наблюдаются многие эмоциональные и поведенческие невротические симптомы, а ссылки человека, страдающего данным неврозом, на сражение или войну опускаются.

УХОД ОТ РЕАЛЬНОСТИ — 1. Система действий человека, характеризующаяся его уходом от нормальной, обычной жизни (исключение человека из нее, фактическое прекращение им такой жизни), характерной для большинства людей. 2. Сознательное избегание человеком некоторых социальных ситуаций. В этом случае уход от реальности представляется нормальным, разумным и сознательно рассчитанным поступком человека. 3. Использование фантазии для удовлетворения в воображении (символически) актуальных потребностей. 4. В теории Э. Фромма — невротическая утрата человеком интереса к окружающему миру.

ФРУСТРАЦИЯ — 1. Стойкое отрицательное эмоциональное состояние, возникающее у человека в результате неудачи. 2. Тяжело переживаемая неудача в достижении человеком какой-либо важной для него цели. 3. Крушение надежд, сопровождающееся состоянием тревоги, безысходности, подавленности, осознанием невозможности достижения поставленной цели.

ЭЙФОРИЯ — 1. Чувство крайнего, необоснованного восторга, сопровождаемое беспричинным оптимизмом и объективно неоправданным ощущением полного благополучия. 2. В теории Г. Салливана эйфорией называется чувство глубокого удовлетворения, счастья и комфорта человека.

ЭКЗАЛТАЦИЯ — болезненная оживленность, чрезмерно возбужденное, восторженное состояние.

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ЗРЕЛОСТЬ — психологическая характеристика взрослого человека, указывающая на то, что его эмоциональные реакции на различные социальные ситуации такие же, как эмоциональные реакции большинства нормальных разумных психологически развитых людей.

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ (ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ) — психологическая характеристика взрослого человека,

представляющая его как эмоционально зрелую личность. Эмоциональная устойчивость проявляется в том, что человек адекватно реагирует на эмоциональную ситуацию, может контролировать свои эмоциональные состояния и реакции.

ЭНДОГЕННАЯ ДЕПРЕССИЯ — депрессия, вызываемая воздействием каких-либо внутренних (эндогенных) факторов. Термин «эндогенный» в данном случае используется условно и в не строго научном смысле слова — только для того, чтобы указать, что причинами такой депрессии могут быть как физиологические, так и психологические факторы, включая образы, чувства и мысли больного человека.

Литература

Агавелян, В. С. Психология состояний: теория и практика / В. С. Агавелян. — Челябинск, 2000. (*Проблемы психологии состояний в современной психологической науке: 10–29; предпосылки и история изучения психологии состояний: 29–92; место функциональных и эмоциональных состояний: 92–151; комплексное изучение состояний, влияющих на эффективность деятельности: 151–247*)

Годфруа, Ж. Что такое психология / Ж. Годфруа. — М., 2005. (*Внутренний мир и состояния сознания: 137–181*)

Китаев-Смык, Л. А. Психология стресса / Л. А. Китаев-Смык. — М., 1983. (*Концепция стресса Г. Селье: 5–21; психология и концепция стресса: 21–44; методолого-методические основания исследования стресса: 44–57; общие закономерности эмоционально-поведенческих реакций при стрессе: 58–76*)

Куликов, Л. В. Психология настроения / Л. В. Куликов. — СПб., 1997. (*Психическое состояние: 9–68; настроение: 68–111; личностная детерминация настроения: 136–177; социально-психологическая детерминация настроения: 177–209*)

Левитов, Н. Д. О психических состояниях человека / Н. Д. Левитов. — М., 1964. (*Психическое состояние как психологическая категория: 5–38; физиологическая основа психических состояний: 38–68; психические состояния и умственная деятельность: 68–103; эмоциональные состояния: 103–153; психические состояния в волевой деятельности: 153–191; психические состояния и характер: 191–219*)

Леонова, А. Б. Психодиагностика функциональных состояний человека / А. Б. Леонова. — М., 1984. (*Функциональные состояния человека как предмет психологической диагностики: 5–36; методические подходы к проблеме оценки функциональных состояний: 36–54*)

Платонов, К. К. Психология / К. К. Платонов, Г. Г. Голубев. — М., 1977. (*Психические состояния: 98–110*)

Прохоров, А. О. Саморегуляция психических состояний: феноменология, механизмы, закономерности / А. О. Прохоров. — М., 2005. (*Концепции регуляции психических состояний: 45–70*)

Прохоров, А. О. Семантические пространства психических состояний / А. О. Прохоров. — Дубна, 2002.

Прохоров, А. О. Психические состояния и их проявление в учебном процессе / А. О. Прохоров. — Казань, 1991.

Психические состояния : хрестоматия / сост. Л. В. Куликов. — СПб., 2001. (*Общее представление о психических состояниях: 44–105; диагностика и ре-*

гуляция состояний: 105–167; настроение: 167–181; классификация состояний: 181–196; отдельные виды состояний: 196–482)

Психология состояний. Хрестоматия / под ред. А. О. Прохорова. — М.; СПб., 2004. (Теоретические и методологические аспекты проблемы психических состояний: 5–24; понятие состояния и его функции: 24–51; классификация состояний: 51–74; методы изучения психических состояний: 74–137; место психических состояний в системе психических явлений: 139–189; функциональные состояния: 243–251; неравновесные состояния: 251–279; измененные состояния сознания: 279–298; особые («трудные») состояния: 289–345; посттравматические состояния: 347–407; состояния фрустрации: 407–439; состояние паники: 439–449; проявление психических состояний в деятельности: 449–481; регуляция психических состояний: 481–599)

Соснови́кова, Ю. Е. Психические состояния человека, их классификация и диагностика / Ю. Е. Соснови́кова. — Горький, 1975. (Определение понятия «психическое состояние человека»: 6–21; временная характеристика психических состояний: 21–32; пространственная характеристика состояний человека и среды: 32–41; структура и динамика психических состояний: 41–51; психические состояния и свойства личности: 70–78; классификация психических состояний: 86–105; о методах исследования психических состояний: 105–111; о диагностике и средствах воздействия на психические состояния человека: 111–117)

Глава 9

УСТАНОВКА

Краткое содержание главы

Понятие об установке. Определение установки. Отличие установки как состояния от других психических состояний человека. Влияние установок на познавательные процессы человека. Установка и личность. Установка и деятельность. Обстоятельства, побудившие психологов обратиться к использованию понятия установки. История психологических исследований установки. Вклады Г. Лейбница, Г. Фехнера, Г. Мюллера, Ф. Шумана, Н. Ланге, К. Марбе, О. Кюльпе, Х. Ватта, Н. Аха, Е. Меймана, Н. Риди и других ученых в изучение установок и связанных с ними явлений. Учение Д. Н. Узнадзе и его последователей об установке. Классические эксперименты Д. Н. Узнадзе, демонстрирующие наличие установок и их влияние на восприятие. Виды установок по Д. Н. Узнадзе. Установка и постулат непосредственности. Факторы, влияющие на формирование установок. Связь установок с потребностями человека. Установка и сознание человека. Установка и иллюзии восприятия. Дискуссия относительно значения теории установки Д. Н. Узнадзе для психологической науки. Итоги данной дискуссии.

Виды и свойства установок. Установка как сложное психическое состояние человека. Первичные, диффузные, фиксированные, статические, динамические, сенсорные, моторные, персеверативные, смысловые, целевые, операциональные, импульсивные, ситуационно-действенные и предметные и другие установки. Факторы, от которых зависит фиксация установки (формирование фиксированной установки). Различия между первичной и фиксированной установкой. Смысловая, целевая и операциональная установки по А. Г. Асмолову. Ситуативно-действенные и предметные установки по А. В. Запорожцу. Генерализация (обобщенность), дифференцированность, возбудимость, динамичность, пластичность, иррадиированность, интрамодальность как основные свойства установок. Противоположные названным свойства различных установок.

Установка и деятельность. Проблема связи теории установки Д. Н. Узнадзе и теории деятельности А. Н. Леонтьева в психологии. Вклад А. Г. Асмолова в решение данной проблемы. Установка как фактор, стабилизирующий деятельность человека на различных уровнях ее выполнения. Установки как сложная динамическая система. Проблема первичности и вторичности установки по отношению к деятельности, ее решение с позиций теории деятельности. Соотношение понятий «мотив деятельности» и «установка». Осознаваемые и неосознаваемые, инструментальные и смысловые (мотивационные) установки. Уровни установочной регуляции деятельности.

Влияние установок на психику и поведение человека. Простота и сложность решения вопроса о влиянии установок на поведение человека. Аспекты поведения, регулируемые установками и мотивами деятельности. Организующая и стабилизирующая функции установки по отношению к деятельности. Индивидуальные особенности проявления фиксированных установок. Речь и установка. Динамичные, статичные, вариабельно-стабильные, вариабельно-лабильные установки как автономные свойства личности. Смысловые и целевые установки как главные факторы, регулирующие деятельность человека.

9.1. Понятие об установке

Психические состояния, которые рассматривались до сих пор (в содержании предыдущей главы), относились главным образом к эмоциям или были так или иначе связанными с ними. Они, кроме того, предполагались как осознаваемые человеком, т.е. представленные в его сознании в виде специфических, эмоционально окрашенных переживаний. Наконец, общей особенностью рассмотренных ранее психических состояний было то, что они не оказывают существенного влияния на организованность и целенаправленность поведения человека. Эти психические состояния выполняют в основном регулирующую, а не мотивирующую или направляющую роль.

В отличие от них те психические состояния, к обсуждению которых мы приступаем в данной главе, не имеют характерной для других психических состояний эмоциональной окраски и актуально, как правило, не осознаются человеком. Тем не менее они оказывают существенное влияние на поведение человека, делая его устойчивым и целенаправленным. Речь идет о психических состояниях, которые охватывают весь организм и психику человека, определяя особенности проявления как отдельных психических процессов и свойств человека, так и характер других психических явлений. К таким состояниям, имеющим названные выше признаки и выполняющим указанные функции, относятся *установки* человека.

Установка (от англ. *set*, нем. *einstellung*) — это состояние психофизиологической преднастройки человека на совершение определенных психических или практических действий в сложившейся ситуации.

Установки представляют собой комплекс динамических, иерархически выстроенных психофизиологических состояний человека, которые участвуют в регуляции практически всех психических процессов и форм поведения. Отличие установок от других психических состояний заключается также в том, что они оказывают влияние не только на поведение, но и на психику человека, например, на другие психические состояния, определяя их характер. Иными словами, установки представляют собой нечто исходное, базисное по отношению и к психике, и к поведению человека.

Эту идею, правда, нельзя понимать так, что установки, определяя все остальное, сами ни от чего не зависят. Связь между установками, психикой и деятельностью человека представляется системной и достаточно сложной. Эту связь можно кратко охарактеризовать как взаимную динамическую детерминацию установок и деятельности. Ниже будут приведены аргументы А. Г. Асмолова, основанные на теории деятельности А. Н. Леонтьева и указывающие на зависимость самих установок от структуры и организации деятельности человека.

Так определяемые и подобным образом понимаемые установки представляют собой устойчивые психофизиологические состояния, которые лежат в основе избирательности восприятия и переработки информации всеми сенсорными системами, отвечают за направленность поведения, за переживаемые человеком эмоции, за происходящие в организме процессы. Установки, вместе с тем, выступают как бессознательные психические состояния. О наличии или отсутствии у человека тех или иных установок в данный момент можно судить по их косвенным проявлениям в психике или деятельности человека, но никакие специфические переживания, актуально представленные в сознании человека, им не соответствуют.

Характерные для установок свойства, касающиеся познавательных процессов и проявляющиеся в них, представляются следующими.

1. **Наличие избирательности и индивидуального своеобразия восприятия человека.** Каждый человек воспринимает окружающий мир по-своему, акцентирует внимание на том, что соответствует его актуальной установке, видит в воспринимаемом в основном то, что связано с его потребностями и, как правило, не замечает того, что расходится с его установкой. Установки, в частности, могут проявляться в иллюзиях восприятия.

2. **Избирательность памяти.** От установок зависит то, что человек запоминает, сохраняет или припоминает, а также динамика процессов памяти. Можно предположить, что материал, соответствующий актуальным установкам человека, лучше запоминается, дольше сохраняется в памяти и легче воспроизводится.

3. **Содержание и направленность воображения.** Установки определяют содержание образов, представленных в данный момент в воображении человека. Это напрямую относится к пассивному и произвольному воображению. Что же касается активного и произвольного воображения, то в нем установки могут проявляться косвенно — через волевые усилия, т.е. через то, что в данный момент находится в сознании человека.

3. **Характер и направленность мышления.** Установки могут влиять как на понимание и способ интерпретации человеком условий задачи, так и на выбор тех или иных способов ее решения, на поиск и использование подсказок в процессе решения задачи.

4. **Понятийное и смысловое содержание речи.** Под влиянием актуальных установок человек обычно пользуется теми или иными словами, наделяя их различными значениями (это, прежде всего, касается многозначных слов). Влияние установок на речь может проявляться как при восприятии речи, так и в процессе ее порождения. Известные произвольные речевые ошибки, подробно описанные в свое время З. Фрейдом, порождаются, по-видимому, неосознаваемыми установками.

Установки определяют не только психические процессы, но также влияют на личность и деятельность человека. Воздействие установок на личность, вернее, их связь с личностью человека может проявляться в следующем.

1. В структуру личности могут входить установки, которые по своим особенностям напоминают свойства личности (их виды будут обсуждаться далее во втором параграфе главы). Поскольку отдельные разновидности установок: **смысловая, первичная, фиксированная** — являются устойчивыми, то, будучи типичными психическими состояниями, они могут определенным образом характеризовать человека как личность.

2. К человеку как личности также относится частота возникновения и динамические особенности характерных для него установок.

3. Индивидуально своеобразным является соотношение волевой (сознательной) и установочной (бессознательной) регуляции поведения человека.

Установки — это не только то, что относится к психологии человека, характеризует его феноменальный внутренний мир, но также и то, что мотивирует (направляет и регулирует) его деятельность. Соотношение между установками и деятельностью человека (его поведением) проявляется в следующем.

1. Установки могут определять организованность, устойчивость и целенаправленность деятельности, начиная со сравнительно простых поведенческих актов типа реакций, действий и операций, совершаемых человеком, заканчивая организацией и регуляцией его деятельности в целом.

2. Система установок побуждает, направляет и регулирует деятельность человека. В этой связи есть основание утверждать, что установки выступают в качестве промежуточного звена, находящегося между потребностями, интересами и мотивами человека, с одной стороны, и его практической деятельностью, направленной на удовлетворение соответствующих потребностей, мотивов и интересов. В свое время С. Л. Рубинштейн, характеризуя связь внешних влияний, оказываемых на человека, с регуляцией его деятельности, писал о том, что «внешнее действует через внутреннее». С этим утверждением можно согласиться, если в понятие «внутреннее» кроме психических процессов и свойств личности включить и систему актуальных установок.

Для того чтобы глубже понять, какое место установки занимают в психике человека и регуляции его деятельности, есть смысл обратиться к истории исследования установок. До того времени, пока психология оставалась наукой о сознании человека, а в содержание сознания в роли его внутреннего регулятора включалась воля, ей приписывались все контролирующие и управляющие функции психики. В таком представлении о психике и в учении о воле не было места установкам. Однако, как только психологи, находясь под влиянием теории эволюции Ч. Дарвина, подвергли сомнению мысль о том, что все поведение человека является разумным, сознательным и волевым, появилась возможность для представления и описания бессознательных психических явлений, управляющих поведением человека, в том числе установок. Немецкий ученый Г. Лейбниц (1646—1716) допустил существование бессознательных психических процессов, связанных с мышлением («бессознательных умозаключений»). Их характеристика Лейбницем, описание роли и формы участия в регуляции психических процессов и поведения человека весьма напоминает то, что в настоящее время представлено в учении об установках человека.

В 1860 г. Г. Фехнер обратил внимание на феномен иллюзии веса и другие ошибки типа иллюзий. Эти ошибки затем были использованы в экспериментах по изучению установок, проведенных Д. Н. Узнадзе и его последователями. Отсюда можно сделать вывод о том, что в методику экспериментального изучения установок Г. Фехнер, основатель психофизики, также внес существенный вклад.

Первая система конкретных общенаучных взглядов на установку была разработана Н. Ланге в 1888 г. в контексте созданной им теории волевого внимания. В дальнейшем исследования установки были продолжены в Лейпцигской лаборатории В. Вундта и в работах представителей Вюрцбургской школы мышления в Германии. В 1889 г. было введено в научный оборот понятие моторной установки (Г. Мюллер и Ф. Шуман). В 1893 г. в лаборатории Вундта были получены данные, свидетельствующие о существовании

сенсорных и **моторных** установок, об их влиянии на поведение человека. В исследованиях представителей вюрцбургской школы мышления явление установки впервые привлекло к себе повышенное внимание и выступило под названием **«детерминирующая тенденция»**. Термин «установка сознания» был введен в научный оборот представителем этой школы К. Марбе (1869–1953).

Многие психологи, чьи научные труды относятся к концу XIX — началу XX в., отмечали в своих исследованиях факты, связанные с установками, их влияние по психику и поведение человека (О. Кюльпе, 1893; Х. Ватт, 1905; Н. Ах, 1905; Е. Мейман, 1912; Н. Рид, 1918 и др.). Во многих работах, выполненных в это время, использовалось и само понятие «установка». Например, Н. Ах (1871–1946) разработал учение об установке, определяющей процессы восприятия и мышления человека, направленность его сознания (эту установку он назвал «детерминирующей тенденцией»).

Первые исследования установки, связанные с изучением разного рода сенсорных и моторных ошибок (в то время, которое здесь обсуждается, в экспериментальной психологии в основном изучались простые сенсорные и моторные установки операционального типа¹, вызывающие разного рода иллюзии и ошибки восприятия), породили спор о том, является ли установка явлением центральной или периферической природы, т.е. порождается ли она процессами, происходящими в органах чувств или в центральной нервной системе. Дискуссию на эту тему в свое время инициировали немецкий психолог Л. Ланге (1825–1885) и российский психолог Н. Н. Ланге (1858–1921). К ним в ходе дискуссии присоединились многие другие психологи.

Примерно в те же годы изучением явления установки занялся еще один известный немецкий ученый, представитель гештальтпсихологии М. Вертгеймер (1880–1943). Он выделил и определил **перцептивную установку** как один из факторов организации гештальта (1923). Он же ввел в научный оборот представления об **объективной** и **субъективной** установках. Субъективная установка, по мнению Вертгеймера, представляет собой настройку наблюдателя на определенный стимул, а объективная установка — готовность человека определенным образом воспринимать те или иные стимулы под влиянием ранее сложившегося опыта восприятия подобных объектов (стимулов). С такого рода установками, названными им «скрытыми», еще раньше (1911 г.) столкнулся в своих опытах К. Коффка (1886–1941).

Во всех упомянутых выше работах установки назывались, обсуждались, но еще не были самостоятельной научной проблемой, не выделились в отдельную область психологических исследований. По мнению А. Г. Асмолова, научные исследования установки в то время представляли собой несистематизированные факты, касающиеся в основном операциональных установок и их проявления в различных сенсорных и моторных аспектах деятельности. Их систематизация и единое теоретическое обобщение были предложены в трудах известного грузинского психолога Д. Н. Узнадзе (1886–1950), его учеников и последователей. Только после появления этих трудов соответствующие исследования выделились в самостоятельную область научных общепсихологических знаний².

¹ См. определение операциональной установки в следующем параграфе главы.

² Признанием заслуг школы Д. Н. Узнадзе, его учеников и последователей в изучении феномена установки и бессознательного явилась организация и проведение в Тбилиси в 1978 г. международного симпозиума по бессознательному. — См.: Бессознательное: природа, функции и методы исследования. Т. I–III. Тбилиси, 1978.

Д. Н. Узнадзе вместе с сотрудниками приступил к теоретическим и экспериментальным исследованиям установки с 1927 г. (результаты первого экспериментального исследования Д. Н. Узнадзе на эту тему были опубликованы в немецком психологическом журнале в 1931 г.). Соответствующие исследования были продолжены далее в созданной Д. Н. Узнадзе экспериментальной психологической лаборатории, а позднее — в возглавленном им же Институте психологии грузинской Академии наук. Эти исследования длятся уже более 80 лет, проводятся учениками и последователями ученого, представляют то, что в истории психологии получило название «Грузинская школа психологии». В ней и была создана современная психологическая теория установки, основные положения которой обсуждаются в этой главе.

1940 год, по мнению ряда историков психологии — исследователей научного творчества Д. Н. Узнадзе, явился завершающим годом первого этапа изучения установки. В этом году вышла книга Д. Н. Узнадзе «Общая психология», где были представлены результаты соответствующих исследований. 1940—1950 гг. составили второй этап изучения установок в школе Узнадзе. В результате были внесены изменения в теоретические представления об установке, и она была распространена также на социально-психологические явления. Тогда же у Узнадзе возникли идеи, касающиеся понимания внимания с позиций теории установки (явления объективации). В обобщенном виде результаты второго этапа исследования были представлены в монографии «Экспериментальные основы психологии установки» (1949 — на грузинском языке; 1961 — на русском языке).

Исследования установки в школе Д. Н. Узнадзе строились на строго экспериментальной основе. Классический феномен иллюзии веса, использованный в первых экспериментах Д. Н. Узнадзе по изучению фиксированных установок, заключался в следующем. Если предложить человеку несколько раз подряд поднять правой и левой рукой предметы разного веса, то в результате у него возникнет особое состояние (впоследствии оно было названо **фиксированной установкой**), при котором предметы одинакового веса, находящиеся в правой и левой руке, будут казаться ему разными по весу, а именно — предмет, находящийся в руке, которая раньше держала больший по весу предмет, иллюзорно будет казаться меньшим по весу в сравнении с таким же предметом, находящимся в другой руке (контрастная иллюзия). Однако, чтобы лучше представить себе, что такое установка в ее классическом понимании, по Д. Н. Узнадзе, необходимо ознакомиться с содержанием других экспериментов, которые Д. Н. Узнадзе и его последователи проводили на первом этапе изучения установок.

Эксперимент 1 (с использованием иллюзии объема).

Два разных по размеру, но одинаковых по весу предмета кладутся, соответственно, в правую и левую руку испытуемого. Эта процедура повторяется несколько раз (10—15 раз), чтобы у испытуемого сформировалась фиксированная установка на восприятие разницы в размерах одинаковых по весу предметов.

После этого испытуемый получает в правую и левую руки одинаковые по размеру и весу шары. Под влиянием ранее сложившейся установки ему начинает казаться, что эти шары являются разными по размеру, а именно — что один из них больше другого. При этом большим по размеру испытуемому кажется тот шар, который попал в руку, раньше державшую меньший по размеру шар, и наоборот: шар в руке, которая раньше держала меньший

по величине шар, под влиянием установки кажется испытуемому большим, чем одинаковый шар, находящийся в другой руке. Д. Н. Узнадзе говорил, что в данном случае у испытуемого возникает фиксированная установка типа иллюзии контраста. Бывает, однако, и так, что большим испытуемому начинает казаться тот шар, который неожиданно оказался в руке, раньше державшей больший по размеру шар (ассимилятивная иллюзия).

Заметим, что установка в любом из этих случаев — контрастной или ассимилятивной иллюзии — искажает восприятие и может проявляться по-разному, иногда прямо противоположным образом.

Эксперимент 2 (с использованием иллюзии восприятия силы давления).

При помощи барэстезиометра — прибора, определяющего силу давления, — испытуемый получает один за другим два раздражителя типа давления на поверхность кожи, сначала сильный, затем слабый. Такая стимуляция повторялась 10—15 раз подряд. Опыты рассчитаны на выработку фиксированной установки на восприятие разницы в давлении, оказываемом на поверхность кожи.

После этого следует контрольный (критический) опыт, который заключается в том, что испытуемый получает два одинаковых по силе раздражителя типа давления. В этих условиях под влиянием ранее сложившейся установки они кажутся ему не одинаковыми, а именно — тот участок кожи, который раньше испытывал более сильное давление, отмечается теперь как подвергаемый более слабому давлению, чем тот участок кожи, на который раньше оказывалось более слабое давление (здесь давление в критическом опыте ощущается, напротив, как более сильное).

Эксперимент 3 (с использованием слуховой иллюзии).

В предварительном опыте с помощью специального аппарата, генерирующего звуки, испытуемый получает последовательно два слуховых стимула, причем один из них значительно сильнее (громче) другого. После 10—15 повторений подобных сочетаний звуков проводится критический эксперимент. На этот раз испытуемый получает подряд два слуховых стимула одинаковой силы (одинаковой громкости). Однако иллюзорно он воспринимает их под влиянием установки как разные по громкости.

Эксперимент 4 (с использованием иллюзии яркости освещенной поверхности).

Испытуемый получает два круга разной освещенности для сравнения их яркости. В предварительных опытах (10—15 экспозиций) круги показываются испытуемому в следующем порядке: сначала темный, а затем светлый. В критических опытах испытуемый получает два круга одинаковой освещенности, однако под влиянием установки, сформированной в первом опыте, он воспринимает их освещенность как разную.

Эксперимент 5 (с использованием иллюзии восприятия количества).

В предварительных опытах, повторяемых 10—15 раз, испытуемый получает два круга, внутри одного из которых имеется намного большее число точек, чем в другом. В контрольном опыте ему предъявляются два круга с одинаковым числом точек. Однако их количество в разных кругах испытуемый под влиянием сложившейся установки воспринимает как различное: в том круге, где раньше было меньшее число точек, их количество кажется ему большим, чем в другом круге.

Тот факт, что установка выступает как общее психическое состояние, которое касается не отдельных органов чувств, а организма и деятельности человека в целом, доказывался следующим экспериментом.

Эксперимент 6 (с использованием техники гипноза).

Испытуемый вводится в состояние гипноза, и ему даются в руки шары — один больший, другой меньший по размеру — с предложением сравнить их и сказать, какой из них больше. После фиксации соответствующей установки в состоянии гипноза испытуемого выводят из этого состояния и проводят с ним критический опыт в состоянии сознания. Выясняется, что испытуемые, не помня и даже не подозревая о том, что с ними делали в состоянии гипноза тем не менее обнаруживают обычную иллюзию установки, характерную для людей, находящихся в состоянии сознания. Один из равных по объему шаров, взвешиваемых правой и левой рукой, им кажется больше другого.

Таким образом, установка, выработанная в полусознательном состоянии (предполагается, что состояние гипноза является именно таким), проявляется и в состоянии сознания. Отсюда следует, что сознание находится под определенным влиянием если не бессознательных, то, по крайней мере, полусознательных установок.

Многие явления, связанные с установками, были открыты и изучены Д. Н. Узнадзе и его последователями еще на первом этапе исследований установки в экспериментах, подобных описанным выше. Они касались различных сенсорных модальностей (соответствующих им или связанных с ними иллюзий). Поэтому первые научные обобщения, относящиеся к установкам, были сделаны именно на подобных материалах. Сам Д. Н. Узнадзе выделил и описал в своих трудах некоторые виды установок, в том числе первичную, диффузную и фиксированную, обсудил их свойства, а также индивидуальные особенности и проявления соответствующих установок у разных людей. Его теоретические рассуждения на эту тему вышли, однако, за пределы наличного экспериментального материала (достаточно бедного по тем временам) и представляли собой более или менее целостную, завершенную концепцию установок, положения которой, как теории, впоследствии пришлось уточнять и доказывать экспериментально ученикам и последователям Узнадзе — Ш. Н. Чхартишвили, А. С. Прангишвили, И. Т. Бжалава и др. Поэтому современная психологическая теория установки явилась результатом совместных трудов нескольких поколений грузинских ученых, а также ученых, представляющих психологическую науку в других странах мира, в том числе в России (например А. Г. Асмолов).

Обобщая результаты проведенных им экспериментов, Д. Н. Узнадзе уточнил понимание установки. Он определил ее как устойчивое, неосознаваемое, психофизиологическое состояние человека, которое опосредствует восприятие им окружающего мира и его собственное воздействие на этот мир (деятельность). Подчеркивая факт постоянного присутствия установок в психике человека, Д. Н. Узнадзе ввел данное понятие в контекст обсуждения так называемого *«постулата непосредственности»*.

Под термином «постулат непосредственности» Д. Н. Узнадзе, С. Л. Рубинштейн и А. Н. Леонтьев понимали распространенное в старой психологии представление о том, что внешние воздействия якобы напрямую вызывают у человека «реакции» в форме действий, образов, представлений, идей, следов памяти и т.п. Такое представление, как считали разработчики теории установки и теории деятельности, принципиально неверное, поскольку связь между внешним миром и психикой, а также между психикой и внешним миром всегда носит сложно опосредствованный характер. Соответственно, влияние внешнего мира на психику и психики на внешний мир определя-

ется «посредником», который находится между ними. Однако природа этого посредника и его роль во взаимосвязи психики и мира были определены Д. Н. Узнадзе и А. Н. Леонтьевым по-разному.

Отвергая постулат непосредственности как ошибочную теоретическую и методологическую посылку, Д. Н. Узнадзе утверждал, что между реальной действительностью и психикой, с одной стороны, психикой и поведением, с другой стороны, всегда находится какой-то посредник, который и определяет отражение действительности в психике и воздействие психики на реальное поведение. Этим посредником и является установка.

Схематически эти две зависимости, два постулата — ошибочный и действительный, «постулат непосредственности» и «постулат опосредствованности» — можно представить так, как показано на рис. 9.1, где слева изображена схема взаимодействия, основанная на постулате непосредственности, а справа — схема, построенная на основе постулата опосредствованности, т.е. представления о том, что отношение между этими двумя явлениями на самом деле выступают как опосредствованные установками человека¹.

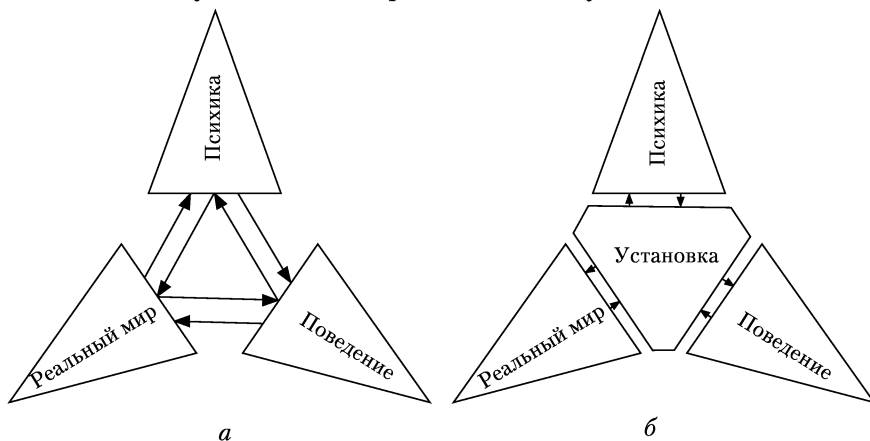

Рис. 9.1. Схемы объяснения связей, существующих между реальным миром, психикой и поведением, на основе постулата непосредственности (а) и постулата опосредствованности (б)

Для возникновения установки достаточно сочетания в пространстве и времени двух условий: актуальной потребности, которая требует удовлетворения и, соответственно, создает напряжение внутри организма, и ситуации, способствующей ее удовлетворению. Без любого из этих условий — потребности или ситуации, способной ее удовлетворить, — установка как таковая не возникает. В зависимости от ситуации установка, кроме того, приобретает определенные, конкретные очертания. Ситуация, таким образом, является объективным фактором, определяющим характер установки, а сопровождающим ее субъективным фактором, придающим соответствующей установке «энергетический заряд», выступает потребность. Она активизирует уста-

¹ Заметим, что, оспаривая идею о том, что именно установка опосредствует связи между психикой, поведением и реальным миром, А. Г. Асмолов справедливо замечает, что действительным посредником между ним выступает не установка (она сама является зависимым феноменом), а деятельность человека. Об этом подробнее речь пойдет в четвертом параграфе данной главы.

новку, определенным образом направляет действия человека в сложившейся ситуации и сохраняет установку до тех пор, пока связанная с ней потребность человека не будет удовлетворена.

В научных трудах, посвященных установке, Д. Н. Узнадзе отмечал, что она представляет собой временное явление, а период ее существования определяется не ситуацией, а сохранением соответствующей потребности у человека. Вместе с удовлетворением или исчезновением потребности сходит на нет (перестает действовать на психику и поведение) сама установка. Из этих рассуждений следует, что установка не является самостоятельным или независимым психологическим явлением. Ее динамика, включая возникновение или исчезновение, полностью определяется динамикой лежащей в ее основе потребности.

Правда, исчезновение установки не следует понимать буквально. Прекращение действия установки означает не ее полное устранение как психического явления, а переход установки из актуального в потенциальное состояние. В данном случае установка сохраняется в памяти, но перестает реально проявляться в психике и поведении индивида в соответствующий момент. Как только связанная с ней потребность вновь будет актуализирована, как только человек вновь окажется в ситуации, когда соответствующая установка может оказывать влияние на его психику и поведение, ее реальное влияние на психику и поведение обнаружится вновь.

Если судить по содержанию проведенных Д. Н. Узнадзе экспериментов, а также по контексту его рассуждений, то потребность, порождающая ту или иную установку, вовсе не обязательно должна быть действительной и жизненно необходимой. Иногда для актуализации установки достаточно квазипотребности в ее понимании К. Левином, т.е. сознательной психологической настройки человека на решение определенной задачи.

Установка, выступая как бессознательное психическое явление, представляет собой состояние психики, предшествующее возникновению сознания. Речь идет о ранней, так называемой «досознательной» ступени психического развития человека. Будучи целостным психическим явлением, установка лежит в основе феноменов, которые характеризуют сознание. Она предваряет осознаваемые сенсорные феномены, определяет их состав и течение, а не следует за ними. То или иное содержание сознания появляется на основе предварительно сформированной установки. Однако сама установка представляется бессознательным или неосознаваемым явлением. Рассуждая подобным образом, Д. Н. Узнадзе замечает, что одна и та же фиксированная установка может лежать в основе однообразного переживания различных связанных друг с другом объективных содержаний.

Во всех случаях иллюзий — зрительных, слуховых, двигательных, осязательных и др. — мы имеем дело с влиянием на восприятие различных установок, причем опыты показывают, что установка, сформировавшаяся в одной сенсорной модальности, может передаваться и проявляться в других модальностях. Материал установочных опытов, по мнению Д. Н. Узнадзе, существенной роли в формировании установки не играет. Она вырабатывается на основе некоторого общего соотношения стимулов, которое должно оставаться постоянным при изменении установочного материала.

В ходе исследований установок, проведенных в грузинской психологической школе, была доказана целостная природа установки, выявлены специфические законы, которым она подчиняется в своих динамике и влиянии, оказываемом на поведение (деятельность) человека. Было доказано, что

установка — это звено, которое всегда находится между различными психологическими явлениями и определяет взаимодействие этих явлений между собой. Установка также может рассматриваться как фактор, от которого зависит воздействие других психических явлений на поведение человека.

После ухода Д. Н. Узнадзе из жизни вокруг его теории развернулась оживленная дискуссия. Ее участники не выражали сомнений ни в факте существования установки, ни в значении исследований, проведенных Д. Н. Узнадзе и его учениками. Наличие такой дискуссии и участие в ней видных психологов как в нашей стране, так и за рубежом свидетельствовало о международном признании соответствующей проблематики как значимой, о несомненных заслугах в ее разработке Д. Н. Узнадзе, его учеников — последователей в Грузии. Дискуссия касалась частных, но носящих принципиальный характер вопросов, связанных с теорией установки, включая интерпретацию ряда фактов, выявленных в ходе соответствующих исследований, соотношения установки со сложившимися представлениями о структуре личности, мотивации, бессознательном и деятельности. В ходе дискуссии высказывались немало разнообразных, порой противоречивых суждений, однако практически никто из участников этой дискуссии не подверг сомнению два следующих непреложных факта.

1. Установка представляет собой один из важнейших психологических феноменов.

2. Вклад Д. Н. Узнадзе и его последователей в изучение установки является весьма значительным.

Вместе с тем, в ходе соответствующей дискуссии не все связанные с установкой вопросы получили однозначное решение. Некоторые из них так и остались открытыми (дискуссионными). Среди них можно назвать следующие.

1. Является ли установка общим недифференцированным состоянием психики (организма), или же она может по-разному проявляться в работе отдельных органов чувств (модальностей)?

2. Как соотносятся между собой деятельность и установка? Что из них является первичным и вторичным: установка по отношению к деятельности или деятельность по отношению к установке?

По первому вопросу определенно высказался сам Д. Н. Узнадзе. Он, в частности, утверждал, что установка — это общее психофизиологическое состояние человека, целостный процесс, охватывающий организм и психику в целом. В пользу такой точки зрения Узнадзе приводил факты и аргументы, полученные в ходе соответствующих экспериментальных исследований. Однако другие ученые, в частности те, кто еще до Д. Н. Узнадзе и одновременно с ним занимался изучением установок, утверждали обратное, доказывая специфический характер установки.

В своей работе сам Д. Н. Узнадзе ссылается на данные, полученные Стеффенсом, который показал, что моторная установка, будучи образованной в одной руке, не распространяется на другую руку¹. К тому же выводу, пишет Д. Н. Узнадзе, пришел раньше и Н. Ах, хотя в отношении сенсорной установки отрицал факт ее специфичности. Проведя свои эксперименты, Д. Н. Узнадзе доказывал иное: моторная установка распространяется на обе руки. В связи с этими экспериментами Д. Н. Узнадзе пишет о том, что «вопрос о возможности иррадиации установки с одного органа на другой считается окончательно решенным»².

¹ См. Узнадзе Д. Н. Теория установки. М. : Воронеж, 1997. С. 188 — 189.

² Там же. С. 190.

В следующих параграфах главы с учетом дискуссионности ряда вопросов, касающихся установки, мы обсудим мнения по ним как самого Д. Н. Узнадзе и его учеников, так и ряда других ученых, в частности А. С. Асмолова, представляющего школу и теорию деятельности А. Н. Леонтьева в интерпретации феномена установки.

Подведем краткие итоги того, что обсуждалось в данном параграфе.

1. Установка как психическое состояние отличается от других состояний человека.
2. Установка оказывает влияние на познавательные процессы человека.
3. Установка связана с личностью человека.
4. Установка определенным образом соотносится с деятельностью человека.
5. Существуют обстоятельства, связанные с историей развития психологии, которые побудили психологов обратиться к использованию понятия «установка».
6. История психологических исследований установки включает труды Г. Лейбница, Г. Фехнера, Г. Мюллера, Ф. Шумана, Н. Ланге, К. Марбе, О. Кюльпе, Х. Ватта, Н. Аха, Е. Меймана, Н. Рида и других ученых.
7. Значительный вклад в научное изучение установок внес грузинский психолог Д. Н. Узнадзе, его ученики и последователи.
8. Учение об установке преодолевает так называемый постулат непосредственности и показывает, что между психикой и деятельностью (поведением) человека существует особое образование, которое называется установкой. Оно не только определяет влияние психики на деятельность человека, но и опосредствует практически все психические процессы.
9. Существуют факторы, влияющие на формирование и изменение установок, на их особенности.
10. Установки тесным образом связаны с потребностями человека.
11. Установка, будучи бессознательным явлением, соотносится с сознанием человека, а именно — может направлять его на определенное содержание.
12. Установками объясняются многие известные иллюзии восприятия.
13. Дискуссия относительно теории установки Д. Н. Узнадзе многое прояснила в данном явлении и открыла новые перспективы разработки соответствующей темы.

9.2. Виды и свойства установок

В ходе многочисленных экспериментов, проведенных на тему установки Д. Н. Узнадзе и его последователями, а также в исследованиях, проведенных другими учеными, было показано, что установка — это не простой в структурном отношении феномен. Как психическое состояние, установка включает в себя множество разнообразных «установочных» состояний. Эти состояния получили следующие названия: *первичные, диффузные, фиксированные, статические, динамические, сенсорные, моторные, персеверативные, смысловые, целевые, операциональные, импульсивные, ситуационно-действенные, предметные* и др. Рассмотрим кратко указанные разновидности установок.

Первичной установкой называется динамическое психическое состояние человека, которое возникает и исчезает сразу же после того, как соответствующий ей поведенческий акт выполнен. Первичная установка — это преднастройка человека на то, чтобы в его психике появились и проявились определенные явления, а в поведении возникли те или иные связанные с данной установкой действия. Первичная установка, по Д. Н. Узнадзе, является бессознательной, она предшествует и определяет проникновение того или иного содержания в сознание человека. Первичная установка непосредственно возникает на базе актуализированной потребности и побуждает субъекта совершить акт, направленный на ее удовлетворение. Она порождает готовность к выполнению действия, и эта готовность приобретает конкретный и направленный характер в той или иной ситуации, способной удовлетворить соответствующую потребность.

Одна из основных особенностей первичной установки — ее динамичность, т.е. тенденция стимулировать целенаправленную активность в соответствующей ситуации. Под влиянием потребности человек приступает к поиску средств, с помощью которых он может удовлетворить соответствующую потребность. Однако, как полагал Д. Н. Узнадзе, до тех пор, пока возникающая потребность не «встретится» с подходящей для ее удовлетворения ситуацией, первичная установка как таковая не возникает.

Аналогичную мысль в теории деятельности в свое время высказывал и А. Н. Леонтьев. Он писал о том, что деятельность, стимулированная потребностью в виде общей, нецеленаправленной активности, становится целенаправленной, т.е. приобретает свой мотив (предмет деятельности, по Леонтьеву) в результате предметивания соответствующей потребности, т.е. встречи потребности как нецеленаправленного состояния нужды с условиями, способными ее удовлетворить. Таким образом, сопоставляя понятие и условия появления первичной установки по Узнадзе с понятием и условиями возникновения деятельности и ее мотива по Леонтьеву, мы можем сделать вывод о том, что возникновение первичной установки и ее функции чем-то напоминают становление деятельности и определение ее мотива. Это рассуждение в какой-то степени снимает, на наш взгляд, вопрос о том, что первично и вторично: установка или деятельность. В свете приведенных выше соображений дело представляется таким образом, что в том и другом случаях речь идет об одном и том же процессе мотивирования деятельности, рассматриваемом с разных сторон: или со стороны теории установки, или со стороны теории деятельности.

Главное внимание в исследованиях Д. Н. Узнадзе и его последователей было уделено не первичной, а фиксированной установке. Это объясняется, тем, что именно фиксированная установка определяет стойкое и последовательное поведение, а совокупность таких установок характеризует мотивационную сферу индивида. Кроме того, в большинстве экспериментов, направленных на изучение установок, формировались и исследовались именно фиксированные установки.

Необходимо также иметь в виду следующее обстоятельство. В то время, когда впервые был открыт и описан феномен установки, сама психология представляла собой науку о психологии человека «без личности и человеческих отношений», т.е., говоря словами известного английского психолога Р. Кеттела, «Гамлета без принца Датского». В ней изучались или психические (сенсорные) процессы, или

двигательные реакции человека. Поэтому первые представления об установках касались только тех видов установок, которые проявляются в сенсорике и моторике человека. Лишь позднее, когда возникли и заявили о себе как о самостоятельных областях научных знаний психология личности и социальная психология (психология человеческих отношений), появились представления и о других видах установок, например социальных. Это и имели в виду грузинские психологи, когда говорили о последнем этапе изучения установок на родине Д. Н. Уznaдзе. Это же следует иметь в виду и в данном контексте, обсуждая феномен фиксированной установки. Вначале он был обнаружен и экспериментально изучен на примере решения испытуемыми сравнительно простых сенсорных и моторных задач.

Классическая процедура фиксации социальной установки и ее актуализации, как следует из приведенных в предыдущем параграфе примеров экспериментов, состояла в следующем. Испытуемому несколько раз подряд, как правило, 10–15 раз, предъявлялись одни и те же неравные стимулы. Вслед за этим в критическом опыте с равными стимулами определялось влияние установки на восприятие и оценку других, на этот раз равных стимулов. Как только это влияние отчетливо проявлялось — равные стимулы иллюзорно казались испытуемому неравными — делался вывод о том, что соответствующая установка сформировалась (оказалась фиксированной).

Фиксированная установка, по мнению Д. Н. Уznaдзе, представляет собой «целостную модификацию личности». Будучи активизированной, фиксированная установка, даже если она в определенный момент актуально не проявляется, сама по себе не исчезает и сохраняет потенциальную готовность к актуализации в подходящих для этого условиях.

Готовность фиксированной установки к актуализации, в свою очередь, зависит от следующих факторов:

а) от числа опытов, проведенных в процессе ее фиксации (чем больше таких опытов, тем устойчивее фиксированная установка, и, следовательно, тем легче она актуализируется;

б) от личностной значимости установки для человека (чем она значимее, тем вероятнее и легче ее актуализация);

в) от требований ситуации (чем лучше установка подходит для данной ситуации, тем скорее она будет в соответствующей ситуации актуализирована).

Между первичной и фиксированной установками имеются следующие различия. Первичная установка — это состояние субъекта, в котором отражен, говоря словами А. Г. Асмолова, «общий характер всего поведения». Такая установка достаточно динамичная и, как правило, прекращает действовать после того, как соответствующая ей потребность удовлетворена. Другими словами, первичная установка представляет собой недолговременное психическое состояние индивида. Ей, кроме того, присуща так называемая «целостная природа», т.е. она охватывает человека в целом, определяет содержание и динамику его сознания в данный момент, «никогда не вступая в пределы сознания»¹.

Фиксированная установка в отличие от первичной является более устойчивой, мало зависит от актуальной потребности и может сохраняться в течение длительного времени. Она находится в неактивном состоянии до тех пор, пока человек не попадет в условия, необходимые и достаточные для ее актуа-

¹ Асмолов А. Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. М.; Воронеж, 1996. С. 294.

лизации. В этих условиях, и только в них, на базе ранее зафиксированной установки выполняются соответствующие ей целенаправленные действия, причем зачастую независимо от потребностей субъекта, которые в данный момент актуализированы.

Первичная установка, по мнению Ш. Н. Чхартишвили и А. Г. Асмолова, которые обсуждали различия в этих двух типах установок, соответствует поведению как целому, и в ней изначально заложена вероятная, потенциальная модель ситуации, в которой может осуществиться соответствующее поведение. По-иному связаны между собой поведение и фиксированная установка. Фиксированная установка соотносится не с поведением в целом, а с каким-либо его фрагментом. Иллюзии, возникающие на базе фиксированной установки, касаются, в частности, работы отдельных органов чувств.

Кроме развернутого представления о фиксированной установке Д. Н. Узнадзе вводит понятие диффузной установки. Так он называет установку, которая еще не фиксировалась на определенном объекте, не дифференцировалась и не стала индивидуализированным психическим состоянием. Подобная установка образуется, когда на человека впервые начинает действовать некоторый новый стимул-объект. Лишь с течением времени, по мере увеличения количества установочных опытов вызываемая ими установка постепенно дифференцируется и определяется как установка, специфическая именно для данного случая, т.е. как фиксированная установка. Отсюда Д. Н. Узнадзе делает вывод о том, что установочные опыты могут быть не только фиксирующими, но и дифференцирующими.

Статической называется установка, которая практически не меняется или меняется мало под влиянием вновь приобретаемого, не вполне соответствующего ей опыта. Динамической называют установку, которая, напротив, может существенно измениться под воздействием вновь приобретаемого опыта. Статичность или динамичность установки проявляются в том, способна ли она меняться сообразно сложившейся ситуации (в опытах Д. Н. Узнадзе — перестать порождать связанную с ней иллюзию).

Сенсорной называется установка на определенный стимул (настройка на восприятие данного стимула) или на различия, существующие между воспринимаемыми сенсорными стимулами. Моторной называется установка, связанная с выполнением определенного действия или движения, с настройкой на него. Сенсорные и моторные установки постоянно и в большом количестве встречаются в практической деятельности человека. В зависимости от задачи, возникшей перед человеком в данный момент, от выполняемого им действия или операции его внимание может переключаться, соответственно, под их влиянием или на сенсорные, или на моторные установки.

Персеверативная (персеверационная) установка представляет собой установку, которая влияет на психику и деятельность человека механически, без разумных на то оснований. Под ее воздействием человек многократно, бездумно воспроизводит одни и те же умственные или практические действия, причем они не имеют приспособительного характера, а сам человек оказывается не в состоянии их полностью контролировать. Такая установка автоматически переносится с одной ситуации в другую, причем в новой ситуации она, как правило, оказывается уже не вполне адекватной.

Все установки, которые были представлены и определены выше, получили свои названия еще в трудах Д. Н. Узнадзе, его предшественников и последователей. Определенный вклад в типологию установок внес и А. Г. Асмолов,

который первым проанализировал понятие установки с позиций теории деятельности и определил действительные отношения, существующие между установками и деятельностью человека. В соответствии с теорией деятельности А. Н. Леонтьева А. Г. Асмолов дополнительно выделил следующие виды установок: **смысловую, целевую и операциональную**.

Смысловая установка — это установка на выполнение деятельности, реализующая смысл соответствующей деятельности для человека. Смысловая установка актуализируется мотивом деятельности, выполняемой в данный момент, и представляет собой, говоря словами А. Г. Асмолова, «форму выражения личностного смысла в виде готовности к совершению определенным образом направленной деятельности». Целевая установка — это установка, которая соответствует определенному действию в структуре деятельности и его цели. Такая установка ориентирована на условия выполнения деятельности, на ту или иную конкретную ситуацию, в которой задана цель регулируемого с ее помощью действия, и управляется этой целью, направлена на ее достижение. Операциональной называется установка на определенный способ выполнения действия. В ней проявляется готовность человека к выбору и реализации предпочитаемого в данном случае способа выполнения того или иного действия. Под установкой подобного рода также можно понимать гештальтпсихологический принцип организации «психических элементов», в котором утверждается, что, после того как человек воспринял некоторую структуру, она ему будет видеться (выделяться) в других схожих с ней структурах. Установки операционального типа лежат в основе привычного, стандартного поведения индивида. К ним относится большинство фиксированных установок, изученных в экспериментах, проведенных Д. Н. Узнадзе и его последователями.

Наряду со смысловой, целевой и операциональной установками А. Г. Асмолов вводит представление об **импульсивной установке**, под которой понимается сиюминутная или моментальная склонность человека совершить какое-либо действие, не связанная с текущей деятельностью так, как с ней обычно связаны смысловая, целевая или операциональная установки. Подобная установка порождает импульсивное поведение, мотивированное мгновенно возникшим желанием и не обдуманное с точки зрения его целесообразности, соответствия предмету выполняемой деятельности или поставленной задаче.

А. В. Запорожец, который в своих исследованиях также касался феномена установки, выделил еще два вида установок, которые он назвал, соответственно, **ситуационно-действенными** и **предметными**. Ситуационно-действенные установки отражают физические отношения между субъектом и объектом в сложившейся ситуации. В предметных установках отражены более существенные, устойчивые и не зависящие от ситуации особенности действий, соответствующие самому предмету выполняемой деятельности. Основным фактором возникновения ситуационно-действенной установки является частота появления определенной связи на относительно небольшом интервале времени. В предметных установках человек ориентируется не на ситуацию или частоту появления связей, а на устойчивую объективную зависимость между определенными свойствами воспринимаемых предметов или предметов, с которыми он практически действует.

В психологии изучаются не только виды установок и их динамика, но также и свойства. Свойствами установок, в свою очередь, называют особенности их проявления в момент актуализации. Эти особенности могут за-

висеть от вида установки, от ситуации в которой она проявляется и от другого. Проблеме свойств фиксированной установки большое внимание уделил в своих трудах Д. Н. Узнадзе. Рассматриваемые далее свойства установок — это свойства, которые были выделены и описаны Д. Н. Узнадзе в результате анализа и обобщения данных, полученных в ходе экспериментального изучения фиксированных сенсорных и моторных установок операционального типа (так их дополнительно определил А. Г. Асмолов).

Одно из свойств установки — ее **генерализация**. Данное свойство проявляется в том, что, будучи сформированной на одной совокупности объектов, например, на неравенстве по объему или по весу шаров, удерживаемых правой и левой рукой, установка проявляется и по отношению к другим объектам, в том числе тем, которые имеют мало общего с объектами, на которых данная установка первоначально зафиксирована (сформировалась как фиксированная установка).

Среди свойств, которыми обладают установки, можно также назвать следующие: **дифференцированность** и **обобщенность**, **возбудимость** и **невозбудимость**, **динамичность** и **статичность**, **пластичность** и **грубость**, **иррадированность** и **генерализованность**, **интрамодальность** и **интермодальность**.

Дифференцированность — это разделение установок, существующих у человека в данный момент, их независимое появление и проявление в деятельности. Обобщенность установок — это наложение одних установок на другие, их взаимное влияние друг на друга или интерференция. Возбудимость установки — это высокая скорость ее фиксации и актуализации. Возбудимой, соответственно, называется установка, которая может быть зафиксирована на небольшом числе опытов и четко проявляется в критических опытах. Невозбудимость установки проявляется в том, что для ее фиксации требуется большое число опытов, а в критических ситуациях она появляется не сразу и проявляется недостаточно четко.

Динамичность установки представляет такое ее свойство, благодаря которому установка меняется под влиянием опыта, т.е. усиливается или ослабляется, вплоть до полного исчезновения, в зависимости от того, каков этот опыт, подкрепляет или не подкрепляет он соответствующую установку. Статичность установки проявляется в том, что она практически не изменяется или же меняется мало под воздействием несоответствующего ей опыта. Пластичность установок проявляется в том, что она сразу же начинает меняться под влиянием критических опытов¹. Грубой называется установка, которая сохраняется и не изменяется под воздействием таких опытов.

Иррадированность — это способность установки, говоря словами Д. Н. Узнадзе, «распространяться по всему организму». Генерализованность установки — такое ее качество, благодаря которому она может распространяться на многие объекты, в том числе отличающиеся от тех, на которых установка первоначально была зафиксирована.

Интрамодальность установки — ее проявление только внутри одной модальности, например, лишь в пределах зрительной, слуховой или двигательной сенсорных систем. Интермодальность установки проявляется в том, что, возникнув в рамках одной модальности (в одной сенсорной системе), она может переноситься и проявляться в других модальностях (иных сенсорных системах).

¹ Критическими называются опыты, в которых экспериментально проверяется наличие или отсутствие соответствующей установки у человека.

Поводя итог краткому обсуждению видов и свойств установок, можно констатировать следующее.

1. Установка представляет собой сложное психическое состояние, включающее множество видов и свойств.
2. Существуют следующие разновидности установок, выделенные и описанные в трудах Д. Н. Узнадзе и его последователей: первичные, диффузные, фиксированные, статические, динамические, сенсорные, моторные, персеверативные.
3. Дополнительно к этим видам А. Г. Асмолов, исходя из теории деятельности, выделил и определил следующие виды установок: смысловые, целевые, операциональные, импульсивные, ситуационно-действенные и предметные. Он же уточнил различия, существующие между первичной и фиксированной установкой.
4. А. В. Запорожец дополнительно ввел представление о ситуативно-действенных и предметных установках.
5. Имеется немало факторов, от которых зависит фиксация установки (формирование фиксированной установки).
6. Установка обладает следующими основными свойствами: генерализация, дифференцированность, обобщенность, возбудимость, невозбудимость, динамичность, статичность, пластичность, грубость, иррадированность, интрамодальность и интермодальность.

9.3. Установка и деятельность

Одной из проблем общей психологии, связанной с современным пониманием установки как психического состояния, является проблема связи установки и деятельности человека или, соответственно, проблема соотношения теории установки Д. Н. Узнадзе и его последователей и теории деятельности А. Н. Леонтьева и его учеников. Эта проблема активно обсуждалась в 70-е гг. XX в. и не утратила своего научного значения в наши дни. Глубокий и разносторонний анализ данной проблемы осуществил в свое время А. Г. Асмолов, внося в связи с этим существенные дополнения в представления об установке.

Указывая на общие методологические предпосылки постановки и решения проблем деятельности и установки, соответственно Д. Н. Узнадзе и А. Н. Леонтьевым, А. Г. Асмолов отмечает, что как автор теории деятельности, так и разработчик теории установки в своих научных трудах первоначально решали общую задачу «преодоления постулата непосредственности», однако делали это различными способами. В теории установки постулат непосредственности на концептуальном уровне преодолевался за счет введения установки в качестве недостающего, опосредующего звена между психикой и действительностью (психикой и деятельностью человека), а в теории деятельности таким звеном выступала деятельность, связывающая психику человека с реальной действительностью (окружающим миром).

Даже такое простое сопоставление двух обсуждаемых концепций — теории деятельности и теории установки — наводит на мысль о том, что между установкой и деятельностью как опосредующими звеньями должно существовать нечто общее, по крайней мере — в функциональном отношении, т.е. деятельность и установка должны быть тесным образом связаны друг с другом в ре-

гуляции поведения, поскольку и установка, и деятельность опосредствуют отношения субъекта (человека) с окружающим его миром. Касаясь этого вопроса, А. Г. Асмолов пишет, что функциональное значение установки состоит в том, что она стабилизирует «движение деятельности», обеспечивая сохранение его направленности, а деятельность, в свою очередь, через мотив или предмет деятельности задает характер и содержание самой установки.

А. Г. Асмолов сформулировал и обосновал концепцию, дополняющую как теорию установки, так и теорию деятельности. В ней установка представлена как системное, многоуровневое, динамичное образование, основное назначение которого заключается в обеспечении устойчивости деятельности человека на различных уровнях ее выполнения. Согласно взглядам А. Г. Асмолова, установки и их проявления зависят от того, на каком уровне организации деятельности они образуются и функционируют. В соответствие с деятельностью в целом и ее основными составляющими — действиями, операциями и психофизиологическими механизмами их реализации — выделяются разные уровни установок: смысловые, целевые, операциональные и психофизиологические (последний — это уровень так называемых «реализаторов» установок).

Установки каждого уровня качественно отличаются друг от друга, оказывают различное влияние на психику и поведение человека иобладают рядом других особенностей. Все они в деятельности человека выполняют единую функцию, которая, однако, по-разному проявляется на разных уровнях организации деятельности и реализуется с помощью различных установок.

Связь между деятельностью и установками имеет не только функциональный, но и структурно-динамический характер. Установки, будучи соотносены с объективными факторами деятельности (условиями ее осуществления) и субъективными моментами (мотив, цель), а также со структурными составляющими деятельности (действия, операции и психофизиологические «реализаторы» деятельности), выступают как многоуровневая, динамическая система установок. Выделение установок разных уровней, в свою очередь, зависит как от объективных факторов, порождающих их, так и от содержания сознания человека (значения или личностного смысла), которое установки выражают в деятельности. «Отрыв установки от выражаемого ею в деятельности содержания приводит к полному нивелированию своеобразия установок разных уровней, закрывает дорогу к изучению их специфических функций и поэтому является недопустимым»¹.

Рассмотрение психологического строения деятельности, ее функций и динамики позволяет выяснить объективные факторы и условия возникновения различных установок, определить и объяснить их динамику. Характер и содержание установок зависят от того, какое место они занимают в структуре деятельности. Если, например, установки непосредственно порождаются мотивом деятельности, то они, как и мотив деятельности, могут выражать ее смысл. Это, соответственно, смысловые установки. Если установки порождаются теми составляющими деятельности, которые представляют собой действия и их цели, то такие установки называются целевыми. Наконец, операциональному содержанию деятельности соответствуют установки, которые обозначаются как операциональные.

Проведя сравнение структуры и динамики деятельности с установками разных уровней, А. Г. Асмолов расширяет и углубляет представление о самих установках, высказывая и обосновывая мысль о том, что, во-первых, уста-

¹ Там же. С. 342.

новки согласуются с деятельностью на всех уровнях ее осуществления (автор справедливо считает, что деятельность по отношению к установкам является первичной); во-вторых, сами установки образуют иерархическую структуру, содержание и динамика которой соответствуют содержанию и динамике деятельности, в которой установки возникают и действуют. Выделяются четыре уровня установочной регуляции деятельности человека: смысловой, целевой, операциональный и психофизиологический (последнему соответствуют психофизиологические механизмы операциональной регуляции деятельности).

Один из главных вопросов, который в 70-е гг. XX в. обсуждался учеными, представляющими школы А. Н. Леонтьева и Д. Н. Узнадзе, заключался в выяснении того, какой из двух факторов — установка или деятельность — является первичным или вторичным. Сторонники и разработчики теории установки полагали, что первичной является установка по отношению к деятельности. Их главный аргумент заключался в следующем: чтобы деятельность человека возникла, у него уже должна существовать установка, связанная с ее выполнением. Реальная динамика актов, соотносимых с установкой и деятельностью, им представлялась следующей. Вначале у человека возникает потребность. Затем она «встречается» с ситуацией, в которой может быть удовлетворена, и на базе такой «встречи» возникает определенная установка. Соответствующая установка далее инициирует саму деятельность, связанную с удовлетворением соответствующей потребности, стимулирует и направляет ее.

По-иному представлялось соотношение и динамика установки и деятельности сторонникам теории деятельности, в частности А. Г. Асмолову. Как и разработчики теории установки, он признавал, что вначале у человека возникает некоторого рода потребность, которая затем опредмечивается (приобретает свой предмет) в той или иной конкретной ситуации и после этого превращается в мотив. Мотив, в свою очередь, порождает и регулирует деятельность человека, ставшую под его влиянием целенаправленной. В ходе соответствующей деятельности и под ее влиянием у субъекта образуется определенная установка, которая затем — и только после породившей ее деятельности — может начать самостоятельно стимулировать целенаправленную активность человека. «Не деятельность должна выводиться из установки, — пишет Асмолов, — а установка из деятельности»¹.

По-видимому, каждая из сторон, участвовавших в этой дискуссии, по своему права, так как и установка может предшествовать деятельности, и деятельность может предшествовать появлению новой установки. Оптимальное решение данного вопроса содержится, на наш взгляд, в трудах самого автора психологической теории деятельности А. Н. Леонтьева. Обсуждая вопрос о том, что превращает деятельность человека в организованную и целенаправленную активность, А. Н. Леонтьев ссылается на приобретение ею мотива — предмета деятельности. Генезис мотива А. Н. Леонтьев описывает следующим образом: актуализированная потребность «находит» в конкретной ситуации свой предмет, который и становится далее ее мотивом, а именно тем, что побуждает и направляет деятельность. В этом, по А. Н. Леонтьеву, выражаются побудительная и смыслообразующая функции мотива. Почти так же представляется возникновение установки и в теории Д. Н. Узнадзе. Он пишет о том, что установка возникает под влиянием наличной потребности в момент ее «встречи» с конкретной ситуацией.

Таким образом, появление мотива деятельности и возникновение установки А. Н. Леонтьев и Д. Н. Узнадзе представляют практически одинаково,

¹ Асмолов А. Г. Там же. С. 298.

во всяком случае, относят их к одному и тому же моменту в развертке деятельности. Кроме того, оба ученых приписывают, один — мотиву, другой — установке, одни и те же стимулирующие функции: направление, поддержание и регуляция деятельности, т.е. ее мотивация. Из этого можно сделать вывод о том, что по генезису и функциям установка, по Д. Н. Узнадзе, и мотив деятельности, по А. Н. Леонтьеву, во многом совпадают.

А. Н. Леонтьев, рассуждая на тему о том, какими могут быть мотивы деятельности, указывает на существование неосознаваемых мотивов, а Д. Н. Узнадзе подчеркивает, что и установка является неосознаваемым, стимулирующим деятельность образованием. Следовательно, и в данном вопросе между этими двумя учеными нет принципиальных различий. Поэтому есть основание утверждать, что мотив деятельности по А. Н. Леонтьеву и установка по Д. Н. Узнадзе — это, с одной стороны, одинаковые, с другой стороны, разные психологические образования. Их единство проявляется в том, что как установка, так и мотив деятельности регулируют ее, делая деятельность человека динамичной, устойчивой и целенаправленной. Разница между мотивом деятельности и установкой заключается в том, что мотив деятельности — это нечто такое, что является психологическим по своей природе образованием, относящимся к *личности* человека, стоит как бы над установкой (не предшествует ей и не порождает ее), в то время как установка — это психофизиологическое состояние, а не свойство личности.

Таким образом, мотив и установка соотносятся друг с другом как личностное образование и психофизиологическое состояние человека. Личностное образование, по логике вещей, должно предшествовать возникающему на его основе в конкретной ситуации психофизиологическому состоянию готовности к осуществлению определенных действий, т.е. установке.

Установку правомерно соотносить не с деятельностью в целом, а с ее мотивацией, и вопрос о первичности или вторичности установок или деятельности ставить и решать по отношению к тому, что мотивирует и регулирует деятельность, причем с учетом сложности строения как мотивационной сферы, регулирующей деятельность, так и системы установок человека.

Идею о том, что система установок человека представляет собой нечто связанное со структурой деятельности, убедительно обосновал А. Г. Асмолов. Он правильно указал на то, что, говоря об установке, Д. Н. Узнадзе имел в виду, прежде всего, фиксированную или операциональную установку. По отношению к такой установке (а также к целевой установке) мотив деятельности, безусловно, выступает как первичный, поскольку подобные установки порождаются мотивом, регулирующим деятельность в целом. Во внутренней структуре деятельности мотив реализуется в выборе целей, определяя содержание и направленность действий, а действия, в свою очередь, реализуются с помощью операций. Мотив, таким образом, порождает смысловую установку, а затем — целевые и операциональные (фиксированные) установки.

В контексте подобных рассуждений установка никак не может предшествовать мотивационным составляющим деятельности. Мотив деятельности порождает смысловую установку, цель деятельности — целевую установку, избранный способ выполнения действия — операциональную установку. Такое соотнесение мотивационной сферы, порождающей и направляющей деятельность, и системы установок, участвующих в ее регуляции, стало возможным после того, как А. Г. Асмолов выделил и описал установки трех типов: смысловые, целевые и операциональные.

Важной представляется еще одна идея, высказанная А. Г. Асмоловым. Она представляет собой мысль о том, что система установок в управлении деятельностью человека выполняет роль механизма стабилизации (поддержания и регуляции) деятельности на разных уровнях ее осуществления. Мотивация в современной психологии также понимается как то, что побуждает, смыслообразует, направляет и регулирует деятельность. Эти функции следующим образом распределяются между мотивацией деятельности и установками: мотивы деятельности и цели включенных в ее состав действий обеспечивают, соответственно, смыслообразование и побуждение деятельности, а установки — ее поддержание и регулирование на разных уровнях: деятельности в целом, действий и операций.

Ведущим уровнем такой регуляции является уровень смысловых установок, психологически соотносимых с мотивами деятельности. Такие установки представляют собой форму выражения смысла соответствующей деятельности для человека как личности. По содержанию и роли в регуляции деятельности к такому пониманию их мотивирующих функций близки первичные установки по Д. Н. Узнадзе и Ш. Н. Чхартишвили. Понятия «общая первичная установка личности» и «личностный смысл», как считает А. Г. Асмолов, «описывают стороны какого-то одного общего механизма регуляции деятельности человека»¹. Смысловая, или первичная, установка обеспечивает сохранение общей целенаправленности и внутреннего психологического единства деятельности. Рождаясь на высших уровнях регуляции деятельности, смысловая установка управляет ее нижележащими, целевым и операциональным уровнями, объединяя их в единое целое и подчиняя мотиву деятельности. По этому поводу А. Г. Асмолов пишет, что смысловая установка обладает фильтрующей функцией по отношению к установкам нижележащих уровней, отбирая из них те, которые соответствуют цели деятельности, ее мотиву, и блокирует проявления тех установок, которые данной цели (данному мотиву) не соответствуют.

Смысловая установка, как и порождающий ее мотив, может быть **осознаваемой** и **неосознаваемой**. Осознаваемая смысловая установка позволяет человеку четко ответить на вопросы, что, как и ради чего он в данный момент делает. Неосознаваемая установка не позволяет определенно и точно ответить ни на один из этих вопросов. Изменение смысловых установок всегда связано со сменой мотивов деятельности или, говоря словами А. Н. Леонтьева, с изменением реальных жизненных отношений личности с окружающим миром. «Перемены смысловой установки и “переосмысление личностного смысла” не произойдет до тех пор, пока не изменится содержание реальных жизненных отношений, лежащих в его основе»². Изменение смысловой установки всегда опосредствовано изменением деятельности и ее мотива.

Смысловая установка стабилизирует процесс деятельности на высшем уровне ее выполнения, т.е. сохраняет общую направленность деятельности, хотя при одном и том же мотиве (одной и той же смысловой установке) содержание деятельности на ее более низких уровнях — действий и операций, соответствующих целевым и операциональным установкам — может оказаться различным. Действие смысловой установки на деятельность про-

¹ Асмолов А. Г. Там же. С. 306.

² Там же. С. 313.

является, в частности, в выборе целей и средств, соответствующих мотиву деятельности.

Следующий уровень установочной регуляции деятельности — целевой. Он определяется теми целями, через последовательность которых деятельность практически реализуется. Под целевой установкой понимается готовность человека совершить определенное действие и добиться связанной с ним, как правило, осознанной цели. Целевые установки возникают при наличии цели, заданной в конкретной ситуации. Как только цель, соответствующая такой установке, будет достигнута, актуализируется следующая целевая установка, если, конечно, выполняемая человеком деятельность не завершена. Целевая установка реализует функцию стабилизации действия, предваряется осознанным, превосходящим его результатом — целью.

Именно с целевой установкой, прежде всего, связано явление, обозначенное Д. Н. Узнадзе как **объективация**. Если действие выполняется свободно, без препятствий, то его цель не представлена в сознании человека. Однако если на пути осуществления деятельности встречается какое-либо препятствие, то имеет место акт объективации. В данном случае как сама цель, так и условия ее достижения начинают осознаваться человеком. Целевая установка, по мнению А. Г. Асмолова, играет особую роль в стабилизации деятельности, так как она объединяет в единую систему установки смыслового и операционального уровней, и в ней «сфокусированы установки других уровней»¹.

При определенных условиях деятельность может стать действием или, наоборот, действие может «повыситься в ранге» и превратиться в самостоятельную деятельность (результат действия механизма сдвига мотива на цель в теории деятельности А. Н. Леонтьева). Соответствующая динамика может проявиться и в системе установок, а именно: смысловая установка при соответствующих преобразованиях деятельности может превратиться в целевую, или же целевая установка может стать смысловой. Аналогичная динамика обнаруживается в отношении целевой и операциональной установок: при изменениях действий и операций в структуре деятельности происходят соответствующие изменения целевых и операциональных установок, их переход друг в друга.

Операциональной установкой называется готовность человека к осуществлению определенным способом какого-либо действия. Такая установка возникает на основе соотношения поставленной цели с условиями, наличной ситуацией, диктующей обращение к данному способу действий.

А. Г. Асмолов отмечает, что большинство установок, представленных и изученных в первых экспериментальных исследованиях, организованных и проведенных Д. Н. Узнадзе и его учениками, как раз и представляли собой установки операционального уровня. Это разнообразные, описанные в трудах Д. Н. Узнадзе и его последователей фиксированные установки. Они осознаются человеком лишь в том случае, когда связанная с ними целенаправленная активность по какой-то причине нарушается. Классическая схема выработки такой установки представляет собой метод фиксации установки, предложенный Д. Н. Узнадзе. Именно с такими установками было связано возникновение разного рода сенсорных, моторных и иных иллюзий, которые использовались в экспериментах Д. Н. Узнадзе в качестве «критических опытов».

Между целевой и операциональной установками существуют следующие соотношения. Целевая установка (настроенность на достижение определен-

¹ Асмолов А. Г. Там же. С. 336.

ной цели) актуализирует различные операциональные установки (способы выполнения действий, направленных на достижение соответствующих целей). Разумно предполагать, что целевая установка функционально связана с определенным набором операциональных установок. Утверждать обратное, по-видимому, не вполне правильно, так как сами операции не предполагают их направленность на достижение определенной цели. Операциональные установки не в состоянии актуализировать те или иные целевые, тем более, смысловые установки.

Если смысловой уровень установочной регуляции деятельности один, то целевых уровней может быть несколько. У человека может существовать много разных последовательно или параллельно реализуемых целей и, соответственно, несколько последовательно или параллельно действующих — в рамках одной и той же деятельности — целевых установок.

Динамика деятельности на разных уровнях ее осуществления воспроизводится в динамике разноуровневых установок. Иными словами, изменения, происходящие в мотивации деятельности на ее различных уровнях, приводят к актуализации разных установок. Так, например, смысловая установка актуализируется, когда «работает» высший, мотивационно-смысловой уровень регуляции деятельности. Ей на смену приходит целевая установка (в том случае, если регулируется отдельное действие). Операциональная установка актуализируется в том случае, если выполняются операции. Однако все эти процессы не следует рассматривать как линейные и строго последовательные, осуществляемые в строго определенном порядке один за другим: они могут протекать и параллельно. В последнем случае осуществляется одновременная динамическая регуляция деятельности на многих уровнях ее выполнения, и здесь мы имеем дело с чем-то таким, что весьма похоже на многоуровневую, динамическую регуляцию движений человека, по Н. А. Бернштейну.

Между установками различных уровней, как и между функционально связанными с ними мотивами и целями деятельности, складываются, по мнению А. Г. Асмолова, определенные взаимоотношения. Они заключаются в том, что установки одного уровня при динамических изменениях в деятельности могут переходить на другой уровень. Это происходит в том случае, если меняется место вызывающего их объективного содержания в структуре деятельности. Смысловые установки принимают участие в выборе целей действий и тем самым — в возникновении целевых установок. Они также выполняют функцию отбора по отношению к операциональным установкам. В свою очередь, цели действий и соответствующие им целевые установки «выражают» установки смыслового и операционального уровней. Таким образом, относительно возможных взаимосвязей, существующих между установками и деятельностью человека, можно утверждать следующее.

1. Установка выступает как фактор, стабилизирующий деятельность человека на различных уровнях ее выполнения.
2. Установки представляют собой многоуровневую, динамическую систему.
3. Существуют осознаваемые и неосознаваемые смысловые установки.
4. Проблема первичности или вторичности установки и деятельности правильнее всего решается в трудах А. Н. Леонтьева и А. Г. Асмолова.
5. Понятия «мотив деятельности» и «установка» определенным образом соотносятся друг с другом.

6. Имеются различные уровни установочной регуляции деятельности, которые подробно описаны в работах А. Г. Асмолова.

9.4. Влияние установок на психику и поведение

Отвергая постулат непосредственности и признавая, что между психическими процессами, свойствами личности и поведением человека действует установка как психическое состояние, которое опосредствует влияние соответствующих психологических образований на поведение, можно заключить, что от самой установки деятельность человека зависит непосредственным образом. Этот, на первый взгляд, очевидный вывод подвергается сомнению, уточняется в данном, заключительном параграфе главы. В его решение вносятся дополнения, связанные с тем, что выше было сказано об установках и обсуждалось в предыдущем параграфе главы.

Вопрос о влиянии установок на психику и поведение человека следует решать с учетом разделения мотивации деятельности на смыслообразующую, побудительную, организующую и стабилизирующую. Такое разделение показывает, что все эти функции мотивации деятельности одними установками не обеспечиваются. Кроме установок необходимо также ввести в научный оборот — и в контекст психологического объяснения поведения человека — ряд других понятий.

Побудительный и смыслообразующий аспекты регуляции деятельности человека реализуются, по А. Н. Леонтьеву, мотивом деятельности. Поэтому применительно к общей схеме психологической регуляции деятельности установка выполняет лишь организующую и стабилизирующую роль. Организующая функция установки заключается в том, что она программирует деятельность или ее отдельные составляющие — действия и операции.

Многоуровневая и динамичная система установок человека, о которой говорил А. Г. Асмолов, включает в себя программу осуществления деятельности, инициированной мотивом, на всех ее уровнях. Цель или конечный результат этой программы задаются мотивом соответствующей деятельности. Стабилизирующая функция установки проявляется в том, что она делает деятельность человека устойчивой и последовательной на всех ее уровнях, не позволяет деятельности нарушаться и отклоняться настолько, чтобы утратить конечную цель деятельности — ее мотив.

Организующую и стабилизирующую функции установок следует, кроме того, определять и обсуждать по отношению ко всей системе установок человека, включая смысловые, целевые и операциональные установки. В работах Д. Н. Узнадзе и его последователей экспериментальным путем изучались в основном операциональные и, частично, целевые установки. Смыслообразующие и целевые установки по понятным причинам (эти причины связаны со сравнительно простыми задачами, которые ставились перед испытуемыми) оказались вне сферы внимания исследователей установок и их последователей.

В связи со сказанным дальнейший анализ роли установок в регуляции психики и поведения человека будет разделен и проведен нами следующим образом. Пользуясь материалом, представленным в трудах Д. Н. Узнадзе и полученным экспериментальным путем, мы будем обсуждать только операциональные установки с точки зрения их возможного влияния на психику и поведение человека. Воздействие на деятельность человека целевых и особенно смысловых

установок будет пока что, в отсутствие достаточного количества достоверных экспериментальных данных, обсуждаться лишь в гипотетическом ключе. Начнем, соответственно, с фиксированных операциональных установок.

Характеризуя влияние таких установок на психику и поведение человека, Д. Н. Узнадзе подчеркивал два момента, которые, на первый взгляд, кажутся противоположными, не совместимыми друг с другом. С одной стороны, Узнадзе обращал внимание на то, что установка представляет собой общее состояние организма, его единый «модус». С другой стороны, он указывал на то, что практически все виды изученных им и его сотрудниками установок проявлялись индивидуально своеобразно у различных людей, т.е. на то, что существуют значительные индивидуальные различия как в динамике возникновения, так и в устойчивости и проявлении разнообразных фиксированных установок.

Эти факты можно понимать по-разному. С одной стороны, из них можно сделать вывод о том, что фиксированные установки у разных людей являются одинаковыми, если иметь в виду их связь с жизнедеятельностью человека. С другой стороны, из существования значительных индивидуальных различий между людьми в проявлениях одних и тех же установок следует вывод о том, что они у разных людей не являются одинаковыми. Данную проблему можно удовлетворительно разрешить следующим образом: при феноменологической одинаковости установки как целостного психического состояния человека, она у разных людей может проявляться по-разному в зависимости от их индивидуальных особенностей.

В своих работах Д. Н. Узнадзе также ставил и обсуждал вопрос о дифференциально-психологическом рассмотрении установок, т.е. вопрос о существовании устойчивых индивидуальных различий в установках людей — таких, которые должны рассматриваться в психологии на равных основаниях с другими известными индивидуальными различиями. Иными словами, люди отличаются друг от друга по своим установкам и, соответственно, фиксированные установки могут характеризовать индивидуальное своеобразие каждого человека как личности.

Особое значение в возникновении и изменении установок, а также их влиянии на поведение человека имеет речь. Установка может быть создана или практически моментально зафиксирована (превратиться в фиксированную установку) в результате прямого словесного воздействия одного человека на другого. В связи со способом формирования фиксированных установок Д. Н. Узнадзе отмечал, что подобная установка является слабо возбудимой, неустойчивой, чрезвычайно динамичной и дифференцированной (действует лишь в пределах значений или смыслов порождающих ее слов). Тем самым Д. Н. Узнадзе косвенно признавал приоритет смыслообразующей регуляции деятельности над ее установочной регуляцией, поскольку в слова человек может вкладывать различный смысл в зависимости от мотива, лежащего в основе соответствующей деятельности.

Слово, как полагал Д. Н. Узнадзе, представляет собой специфическую человеческую сферу деятельности, на основе которой создается «новый слой» установочных состояний человека, обуславливающих и определяющих его поведение. Благодаря слову у человека появляется возможность действовать в условиях «вторично отраженной действительности», в условиях, говоря современным языком, виртуальной (представляемой, воображаемой), а не только реальной действительности.

В соответствии с характером личностных установок людей их можно разделить на следующие группы: *динамичные, статичные, переменчиво-стабильные, переменчиво-лабильные.*

Динамичные индивиды¹ характеризуются средней возбудимостью фиксированной установки (за 10–15 предъявлений установочных стимулов), которая у них выступает как пластичная, динамичная и устойчивая. Иррадиация (распространение) установки из одной области в другую у них происходит достаточно быстро. У таких индивидов, кроме того, имеется выраженная способность к **объективации**, т.е. к переключению внимания с одной цели на другую. Статичные индивиды отличаются несколько большей возбудимостью фиксированной установки, чем предыдущая группа людей (им требуется 5–10 предъявлений установочного стимула). Установка у них является грубой и статичной. Она иррадирует в больших масштабах, чем у предыдущей группы людей.

Деятельность таких людей, по словам Узнадзе, протекает по преимуществу «под бдительным контролем сознания». Вариабельно-стабильные люди редко или почти никогда не обнаруживают признаков устойчивости своих установок. Время от времени их установки варьируют, выступая в разнообразных формах. При этом установка может достаточно долго сохранять свое содержание, а ее вариабельность (изменчивость) ограничена определенными рамками. Акты объективации у таких людей совершаются достаточно легко, однако волевые усилия, необходимые для реализации соответствующих актов, у них слабо развиты. Вариабельно-лабильные люди отличаются слабой выраженностью их потребностей. На их установки больше воздействует сложившаяся ситуация, чем собственные потребности. Установка у таких людей не распространяется на другие чувственные области, иррадирует слабо и сохраняется сравнительно недолго.

Все эти соображения, касающиеся связи психики и поведения человека как личности с его установками, были высказаны Д. Н. Узнадзе на основе анализа и обобщения экспериментальных данных, касающихся изучения фиксированных (по терминологии А. Г. Асмолова — операциональных) установок. Более существенное и другое по сути влияние на психику и поведение (деятельность) человека могут оказывать целевые и смысловые установки.

В то время, когда актуализируется определенный мотив деятельности, на его основе у человека возникает соответствующая смысловая установка, т.е. настрой на действия, направленные на удовлетворение данного мотива. Под влиянием смысловой установки каждое совершаемое человеком действие оценивается с точки зрения быстроты и точности его продвижения к конечной цели деятельности, а также с точки зрения того, каких затрат человеку будет стоить выполнение данного действия.

Сознание и мышление человека под влиянием смысловой установки настраиваются на избирательное внимание именно к тем аспектам деятельности, в которых выражается ее смысл. Человек начинает избирательно, с повышенным вниманием воспринимать и реагировать на них. Этому способствует систематическая постановка человеком и нахождение ответа на вопрос типа: «Почему мне следует в данный момент делать именно это?» Смысловая установка настраивает человека на то, чтобы все, что он делает или собирается делать, соотносилось с мотивом деятельности. Предпочитая те или иные действия, человек всякий раз для себя решает вопрос о том, в какой степени предпринимаемые им действия соответствуют или не соответствуют мотиву деятельности. Иногда этот процесс приобретает осознанную, иногда — неосо-

¹ Описывая личностные установки, свойственные разным людям, Д. Н. Узнадзе порой характеризует не столько установки как таковые, сколько людей, которые подобными установками обладают.

знанную форму, поскольку, согласно определению А. Н. Леонтьева, мотивы деятельности могут быть как осознаваемыми, так и не осознаваемыми.

Когда мы имеем дело с целевой установкой, то речь идет уже не о регуляции деятельности в целом со стороны соответствующей установки, как это происходит в случае смысловой установки, а об управлении отдельными действиями, входящими в структуру деятельности. На выполнение таких действий влияют и установка как неосознаваемое психическое явление, и цель как результат действия, представленный в сознании человека.

Таким образом, действия, входящие в состав деятельности, имеют двойную психологическую регуляцию: сознательную и бессознательную одновременно. Сознательная регуляция обеспечивается целью данного действия, а бессознательная — мотивом деятельности. Соответственно, действие одновременно может управляться как минимум двумя разными установками: смысловой и целевой, причем первая соответствует смыслу (мотиву) деятельности, а вторая — конечному результату или цели выполняемого в данный момент действия.

Подводя итог тому, что обсуждалось, можно констатировать следующее.

1. Существуют аспекты деятельности человека, регулируемые установками и мотивами, причем они представляются различными.
2. Установки по отношению к деятельности выполняют организующие и стабилизирующие функции (А. Г. Асмолов).
3. Имеются индивидуальные особенности проявления фиксированных установок у разных людей.
4. Речь человека и его установки определенным образом взаимосвязаны.
5. Динамичные, статичные, вариабельно-стабильные, вариабельно-лабильные установки можно рассматривать как свойства личности.
6. Для более глубокого понимания деятельности человека необходимо использовать не фиксированные установки (по Д. Н. Узнадзе), а смысловые и целевые установки (по А. Г. Асмолову).

Контрольные вопросы

1. Что такое установка как психическое состояние?
2. Чем установки отличаются от других психических состояний человека?
3. Как влияют установки на познавательные процессы?
4. Каким образом взаимосвязаны личность и установки человека?
5. Как воздействуют установки на деятельность человека?
6. Какие обстоятельства побудили психологов обратиться к понятию «установка»?
7. Что представляет собой история психологических исследований установки?
8. Каков вклад Д. Н. Узнадзе, его учеников и последователей в изучение установок?
9. В чем заключались классические эксперименты Д. Н. Узнадзе, демонстрирующие наличие установок и их влияние на восприятие?
10. Что представляют собой первичная, диффузная и фиксированная установки?
11. Что такое постулат непосредственности?
12. Каким образом установка соотносится с постулатом непосредственности?
13. Какие факторы влияют на процесс формирования установки и ее характер?
14. Как установки связаны с потребностями человека?
15. Как соотносятся установки и сознание человека?

16. Каким образом установки проявляются в иллюзиях восприятия?
17. В чем заключается суть дискуссии относительно судьбы теории установки Д. Н. Узнадзе, и каковы ее итоги?
18. Что представляет собой установка как сложное психологическое явление?
19. Какие существуют виды установок?
20. Что называют первичными установками?
21. Что понимают под диффузными установками?
22. Какие установки обозначаются как фиксированные?
23. От каких факторов зависит формирование фиксированной установки?
24. Что называют статическими и динамическими установками?
25. Как определяются сенсорные и моторные установки?
26. Какие установки обозначают как персеверативные?
27. Что представляют собой смысловые и целевые установки?
28. Какие установки определяют как операциональные?
29. Что понимают под импульсивными установками?
30. Какие установки обозначают как ситуационно-действенные?
31. Что такое предметные установки?
32. В чем проявляются различия между первичной и фиксированной установками?
33. Что представляют собой смысловая, операциональная и целевая установки по А. Г. Асмолову?
34. Что понимают под импульсивной установкой?
35. Что называют ситуативно-действенной и предметной установками?
36. Каковы основные свойства установок?
37. Какое свойство называют генерализацией установки?
38. Как соотносятся теория установки и теория деятельности?
39. В чем заключается вклад А. Г. Асмолова в решение проблемы связи установки и деятельности (теории установки и теории деятельности)?
40. Каким образом установка и деятельность взаимосвязаны друг с другом?
41. Какова роль установки как стабилизатора деятельности на разных уровнях ее осуществления?
42. Что представляет собой многоуровневая динамическая система установок человека?
43. Как в современной психологии решается проблема первичности и вторичности установки и деятельности?
44. Как соотносятся друг с другом понятия «мотив деятельности» и «установка»?
45. Что такое осознаваемые и неосознаваемые смысловые установки?
46. Что представляют собой основные уровни установочной регуляции деятельности?
47. В чем проявляется простота и сложность решения вопроса о влиянии установок на деятельность человека?
48. Какие аспекты деятельности регулируются установками и мотивами деятельности?
49. Что представляют собой организующая и стабилизирующая функции установок?
50. В чем заключаются индивидуальные особенности проявления фиксированных установок?
51. Каким образом связаны между собой речь и установки людей?
52. Что представляют собой динамичные, статичные, вариабельно-стабильные и вариабельно-лабильные установки как свойства личности?
53. Какова роль смысловых и целевых установок в детерминации деятельности человека?

Темы контрольных работ и рефератов

1. Понятие установки в психологии.
2. История психологических исследований установки.
3. Установки и познавательные процессы.
4. Установки и личность.
5. Установки и деятельность.
6. Феноменология и теория установки в трудах различных ученых.
7. Виды установок.
8. Факторы, от которых зависит процесс формирования установки и ее характер.
9. Потребности и установки человека.
10. Сознание, бессознательное и установки.
11. Иллюзии восприятия и установки.
12. Теория установок Д. Н. Узнадзе.
13. Установка как сложное психологическое явление.
14. Виды установок.
15. Свойства установок.
16. Вклад А. Г. Асмолова в решение проблемы связи установки и деятельности.
17. Установка и мотивация деятельности.
18. Уровни установочной регуляции деятельности.
19. Индивидуальные особенности установок.
20. Целевые и смысловые установки, их роль в регуляции деятельности.

Темы для курсовых и дипломных работ¹

1. Необходимость использования понятия установки для объяснения процессов, происходящих в психике и деятельности человека.
2. История и современное состояние психологии установки.
3. Вклад разных ученых в изучение установок и близких к ним психологических явлений.
4. Школа Д. Н. Узнадзе и ее вклад в изучение установки.
5. Общее и различное в разных видах установок людей.
6. Интерпретация психологических явлений с позиции теории установок.
7. Установки и мотивация.
8. Установка и бессознательное в психике человека.
9. Критическая оценка теории установки Д. Н. Узнадзе.
10. Виды установок и их связь с другими психологическими явлениями.
11. Проблемы, поставленные и решенные А. Г. Асмоловым в обсуждении соотношения установки и деятельности.
12. Установка и мотивация деятельности.
13. Установка и процесс регуляции деятельности человека.
14. Место установок в структуре личности.
15. Теория деятельности и теория установки как взаимно дополняющие психологические теории.

¹ Название темы дипломной работы должно иметь проблемный характер и, кроме того, предполагать необходимость проведения опытной (экспериментальной) работы по соответствующей теме. В приведенном выше списке представлены в основном только названия теоретических разделов дипломных работ. Пользуясь ими как темами дипломных работ, необходимо внести в них соответствующую корректировку, касающуюся проблемы предполагаемого опытного (экспериментального) исследования.

Словарь терминов

ВОЗБУДИМОСТЬ УСТАНОВКИ — высокая скорость фиксации и актуализации установки. Возбудимой, соответственно, называется установка, которая может быть зафиксирована (может стать фиксированной установкой) за небольшое число опытов и легко проявляется в критических опытах (порождает четко выраженную иллюзию).

ГЕНЕРАЛИЗАЦИЯ УСТАНОВКИ — свойство установки, проявляющееся в том, что, будучи сформированной (фиксированной) на одной совокупности предметов, она проявляется по отношению к другой совокупности предметов, в том числе тех, которые имеют мало общего с предметами, на которых данная установка была первоначально зафиксирована.

ДИНАМИЧНАЯ УСТАНОВКА — установка, которая легко изменяется под воздействием вновь приобретаемого опыта.

ДИНАМИЧНОСТЬ УСТАНОВКИ — свойство, благодаря которому установка изменяется под влиянием опыта, т.е. усиливается или ослабляется, вплоть до ее полного исчезновения, в зависимости от того, каков этот опыт, подкрепляет или не подкрепляет он соответствующую установку.

ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОСТЬ УСТАНОВОК — разделение различных установок, существующих у человека в настоящий момент, их относительно независимое друг от друга появление и проявление.

ДИФFUЗНАЯ УСТАНОВКА — установка, которая стала проявляться, но еще не зафиксировалась на определенном объекте и не дифференцировалась. Появление диффузной установки в процессе формирования и динамике установок предшествует возникновению фиксированной установки.

ИМПУЛЬСИВНАЯ УСТАНОВКА — сиюминутная или моментальная готовность, склонность человека сразу и немедленно совершить какое-либо действие. Импульсивная установка, как правило, не связана ни с текущей деятельностью, ни с преследуемой человеком целью.

ИНТЕРМОДАЛЬНОСТЬ УСТАНОВКИ — свойство установки, которое проявляется в том, что, возникнув в одной модальности (в одном органе чувств), она может переноситься и проявляться в других модальностях (в других органах чувств).

ИНТРАМОДАЛЬНОСТЬ УСТАНОВКИ — проявление установки только внутри одной модальности, например, лишь в пределах зрительной, слуховой или двигательной сенсорных систем.

ИРАДИИРОВАННОСТЬ УСТАНОВКИ — способность установки, говоря словами Д. Н. Узнадзе, «распространяться по всему организму», т.е. захватывать новые сенсорные и моторные области.

МОТОРНАЯ УСТАНОВКА — установка, связанная с выполнением определенного действия (движения), с настройкой на него.

НЕВОЗБУДИМОСТЬ УСТАНОВКИ — свойство установки, которое проявляется в том, что для ее фиксации требуется большое число опытов, и в критических ситуациях данная установка появляется не сразу, проявляется недостаточно четко (соответствующая ей иллюзия сразу не появляется или же проявляется слабо).

НЕДИФФЕРЕНЦИРОВАННОСТЬ (ОБОБЩЕННОСТЬ) УСТАНОВОК — наложение одних установок на другие, их взаимное влияние друг на друга (интерференция установок).

НЕПОСРЕДСТВЕННАЯ УСТАНОВКА — установка, которая напрямую влияет и непосредственно управляет актуальным поведением человека.

ОБЪЕКТИВАЦИЯ — акт обращения внимания человека на тот или иной момент выполняемой им деятельности. Объективация происходит, когда деятельность, выполняемая под воздействием какой-либо неосознаваемой установки, по какой-либо причине нарушается. Совершая акт объективации, человек обращает внимание на то, что произошло, пытается его понять и устранить возникшее препятствие. По мнению Д. Н. Узнадзе, который ввел понятие объективации в научный оборот, она связана с вниманием и с психологическим пониманием его сути.

ОБЪЕКТИВНАЯ УСТАНОВКА — внутренняя психологическая готовность, при которой человек настроен на восприятие воздействующего на него стимула как некоторого физического явления, объективно существующего в мире, без его интерпретации.

ОПЕРАЦИОНАЛЬНАЯ УСТАНОВКА — установка на выполнение какого-либо действия определенным способом. В такой установке проявляется готовность человека воспользоваться именно данным способом выполнения действия. Установки операционального типа лежат в основе привычного, стандартного поведения индивида. К ним относятся, по мнению А. Г. Асмолова, большинство фиксированных установок, созданных и исследованных в первых экспериментах Д. Н. Узнадзе.

ОПОСРЕДСТВОВАННАЯ УСТАНОВКА — установка, которая напрямую управляет процессами, происходящими в организме и психологии человека, порождается актом объективации.

ПЕРВИЧНАЯ УСТАНОВКА — динамичное психическое состояние человека, которое представляет собой преднастройку человека на то, чтобы в его психике возникли и проявились определенные явления, а в поведении реализовались те или иные, связанные с данной установкой, движения. Первичная установка, по Д. Н. Узнадзе, является бессознательной, и именно она предшествует и определяет проникновение того или иного содержания в сознание человека. Первичная установка непосредственно возникает на базе актуализированной потребности и побуждает субъекта совершить акт, направленный на ее удовлетворение. Такая установка вызывает готовность человека к действию, которая приобретает конкретный и целенаправленный характер в ситуации, способной удовлетворить соответствующую потребность.

ПЕРСЕВЕРАТИВНАЯ (ПЕРСЕВЕРАЦИОННАЯ) УСТАНОВКА — установка, которую человек механически переносит из одной ситуации в другую, причем в новой ситуации данная установка, как правило, оказывается не вполне адекватной.

ПЛАСТИЧНОСТЬ УСТАНОВКИ — свойство установки, проявляющееся в том, что она начинает меняться под влиянием критических опытов. Грубой, в отличие от пластичной, называется такая установка, которая сохраняется и практически не изменяется под воздействием критических опытов.

ПРЕДМЕТНАЯ УСТАНОВКА — установка, в которой отражены существенные, устойчивые и не зависящие от ситуации особенности действий, соответствующие предмету деятельности. В предметных установках человек начинает ориентироваться не на ситуацию или частоту появления той или иной связи, а на устойчивую, объективную зависимость между определенными свойствами воспринимаемых предметов или тех предметов, с которыми он непосредственно действует.

СИТУАЦИОННО-ДЕЙСТВЕННАЯ УСТАНОВКА — установка, которая отражает физические отношения между субъектом и объектом в сло-

жившейся ситуации. Основной причиной возникновения ситуационно-ответственной установки является частота появления определенной связи в относительно небольшом интервале времени.

СЕНСОРНАЯ УСТАНОВКА — установка на определенные стимулы (настройка на восприятие определенных раздражителей) или на различия, существующие между сенсорными стимулами.

СМЫСЛОВАЯ УСТАНОВКА — термин, введенный в научный оборот А. Г. Асмоловым для обозначения ведущего, мотивационного (по А. Н. Леонтьеву) уровня регуляции деятельности человека. Смысловая установка актуализируется мотивом выполняемой деятельности и представляет собой форму выражения личностного смысла в виде готовности к совершению данной деятельности.

СТАТИЧНАЯ УСТАНОВКА — установка, которая практически не меняется или меняется мало под влиянием вновь приобретаемого опыта. Статичность установки, соответственно, представляет собой свойство, которое проявляется в том, что она практически не меняется или же меняется незначительно под воздействием не соответствующего ей опыта.

УСТАНОВКА (от англ. *set*, нем. *einstellung*) — состояние психофизиологической преднастройки человека на совершение определенных внутренних (психических) или внешних (практических) действий в определенной ситуации. По Д. Н. Узнадзе, установка — это внутреннее состояние, связывающее внешние физические воздействия и реакции человека на эти воздействия. Перед тем как включиться в определенную деятельность или совершить то или иное действие, человек физиологически и психологически готовится к нему, хотя факт подготовки, акт преднастройки к деятельности (действию) им актуально может не осознаваться. Установка определяет устойчивость и целенаправленность поведения.

УСТАНОВКА НА РЕАКЦИЮ — готовность определенным образом отреагировать на некоторый стимул. Установка на реакцию проявляется тогда, когда на один и тот же стимул человек может реагировать по-разному, и из множества возможных реакций ему приходится выбрать одну.

УСТАНОВКА НА СТИМУЛ — психологический настрой человека на восприятие определенного сенсорного стимула. Обычно установка на стимул возникает в ситуации, где на человека воздействует несколько различных стимулов, и ему необходимо по-разному реагировать на каждый из них.

ФИКСИРОВАННАЯ УСТАНОВКА — термин Д. Н. Узнадзе, выражающий экспериментальным (искусственным) путем сформированную готовность человека к повторению определенного способа действий в условиях, в которых соответствующая установка первоначально возникла или может быть реализована (ее актуализация может привести к удовлетворению связанной с ней потребности).

ЦЕЛЕВАЯ УСТАНОВКА — готовность человека к совершению действия, преследующего определенную, осознанную цель. Она соответствует действию в структуре деятельности и его цели. Такая установка ориентирована на условия выполнения деятельности, на ту или иную конкретную ситуацию, в которой задана цель действия, и регулируется именно этой целью (направлена на ее достижение).

Литература

Асмолов, А. Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров / А. Г. Асмолов. — М. ; Воронеж, 1996. (*Деятельность и установка: 258–373*)

Зинченко, В. П. Образ и деятельность / В. П. Зинченко. — М. ; Воронеж, 1997. (*Установка и деятельность: нужна ли парадигма: 447–467*)

Прангишвили, А. С. Установка и деятельность / А. С. Прангишвили // Вопросы психологии. — 1972. — № 1.

Узнадзе, Д. Н. Психология установки / Д. Н. Узнадзе. — СПб., 2001. (*Общее учение об установке: 11–132; установка у человека: 151–210*).

Узнадзе, Д. Н. Теория установки / Д. Н. Узнадзе. — М. ; Воронеж, 1997. (*Экспериментальные основы психологии установки: 146–373*)

Чхартишвили, Ш. Н. Некоторые спорные проблемы психологии установки / Ш. Н. Чхартишвили. — Тбилиси, 1971. (*Проблема фиксации установки: 1–41; установка и сознание: 41–108; к вопросу об отражении, лежащем в основе установки: 134–148; потребность и установка: 225–240*).

Наши книги можно приобрести:

Учебным заведениям и библиотекам:
в отделе по работе с вузами
тел.: (495) 744-00-12, e-mail: vuz@urait.ru

Частным лицам:
список магазинов смотрите на сайте urait.ru
в разделе «Частным лицам»

Магазинам и корпоративным клиентам:
в отделе продаж
тел.: (495) 744-00-12, e-mail: sales@urait.ru

Отзывы об издании присылайте в редакцию
e-mail: red@urait.ru

**Новые издания и дополнительные материалы доступны
в электронной библиотечной системе «Юрайт»
biblio-online.ru**

Учебное издание

Немов Роберт Семенович

**ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ.
Том II.
Книга 4. Речь. Психические состояния**

Учебник и практикум для СПО

Формат 70×100¹/₁₆.
Гарнитура «Petersburg». Печать цифровая.
Усл. печ. л. 18,85.

ООО «Издательство Юрайт»
111123, г. Москва, ул. Плеханова, д. 4а.
Тел.: (495) 744-00-12. E-mail: izdat@urait.ru, www.urait.ru